
Ведьма
18+
Мать тьмы
Фриц Лейбер

Ведьма. Матерь Тьмы
Фриц Ройтер Лейбер

Аннотация
Фриц Лейбер. Ведьма. Матерь Тьмы
Ведьма
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19

Глава 20
Глава 21
Матерь Тьмы
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23

Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30

Аннотация

Фриц Лейбер – яркая звезда золотого века фантастики. Автор удостоен шести премий «Небьюла», четырех «Хьюго», трех «Всемирных премий фэнтези» и многих других почетных наград. Велик вклад Лейбера и в мистическую литературу, недаром он считается одним из создателей современной формы этого жанра.

В настоящее издание вошли два романа ужасов, знаменующих начало и конец творческого пути Фрица Лейбера. В романе «Ведьма», удостоенном премии «Хьюго», рассказана история профессора социологии Нормана Сейлора, который обнаруживает в комнате своей супруги загадочные предметы, свидетельствующие о занятиях колдовством.

Главный герой романа «Матерь Тьмы» (Всемирная премия фэнтези 1978 года) – писатель Франц Вестен, который снимает комнату в старом доме на одной из улочек Сан-Франциско с видом на холм Корона-Хайтс. Однажды в бинокль Франц замечает на холме загадочного обитателя и решает изучить это странно

притягательное место…

Фриц Лейбер
Ведьма. Матерь Тьмы

Fritz Leiber
CONJURE WIFE
Copyright © 1991 by Fritz Leiber. Originally published in 1943
OUR LADY OF DARKNESS
Copyright © 1978 by Fritz Leiber

Published in agreement with the author, c/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.
All rights reserved

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2026
© К. Королев, перевод на русский язык, 1996
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Ведьма

Глава 1

Не в привычках Нормана Сейлора было заглядывать в комнату жены в ее отсутствие. Быть может, отчасти именно потому он и поступил так. Он был уверен, что подобный пустяк никак не повлияет на их с Тэнси отношения.

Разумеется, он помнил, что случилось с чересчур любопытной женой Синей Бороды. Как-то он даже попробовал подойти к этой странной сказке о повешенных женщинах с психоаналитической меркой. Впрочем, Синяя Борода жил в далеком прошлом, и с тех пор много воды утекло. Неужели за дверью комнаты Тэнси его ожидает с полдюжины висящих на крючьях красоток? Норман насмешливо фыркнул. Однако женщины есть женщины, и разве не доказательство тому его собственные исследования по женской психологии и параллелизму первобытного суеверия и современного невроза, которые принесли ему известность в профессиональных кругах?

Внешне Норман Сейлор ничуть не походил на знаменитого этнолога — он прежде всего был слишком молод и выглядел вовсе не так, как подобает профессору социологии колледжа Хемп-

нелл. У него начисто отсутствовали поджатые губы, испуганный взгляд и квадратная челюсть типичного преподавателя этого маленького, но гордящегося собой и своими традициями учебного заведения.

По правде сказать, в Нормане не было того духа, какой присущ истинному хемпнеллианцу, — за что сегодня он был благодарен судьбе.

День выдался погожим и теплым; солнечные лучи, проникавшие в кабинет сквозь оконное стекло, падали на локоть Нормана. Допечатав заключительную фразу своей статьи «Социальные основы современного ведьмовства», наконец-то законченной, он откинулся в кресле и облегченно вздохнул. Он осознал вдруг, что наступило одно из тех мгновений в непрерывном чередовании успехов и неудач, когда совесть засыпает и все видится в розовом свете. Для невротика или подростка такое состояние означало бы, что приближается неминуемое падение в пучину отчаяния, однако Норман давно уже научился сохранять равновесие: он принимался за новое дело в тот самый миг, когда перед ним возникал край обрыва.

Поэтому он беззаботно наслаждался минутной передышкой, старался испить ее очарование до

дна. Он вышел из кабинета, взял было книжку с яркой обложкой, но тут же отложил ее, взглянул на две маски китайских бесов на стене и, минуя дверь спальни, перевел взгляд на бар, где, по образному хемпнелловскому выражению, «на задворках» стояла бутылка ликера, улыбнулся и направился в спальню.

В доме было очень тихо. В этот весенний полдень было что-то успокаивающее в скромных размерах, неброской, но удобной обстановке и даже в почтенном возрасте жилища Сейлоров. Оно как будто примирилось со своей участью — быть прибежищем обычной профессорской семьи с ее книгами, гравюрами и пластинками, с тем, что лепные украшения прошлого века покрыты слоем свежей краски. Признаки интеллектуальной свободы и любви к живому соседствовали и уживались с приметами тяжеловесного преподавательского достоинства.

Норман выглянул в окно спальни. Знакомый мальчишка катил по улице тележку, доверху заполненную газетами. На противоположной стороне мостовой какой-то старик подстригал кусты, осторожно ступая по молодой траве. С громыханием промчался грузовик. Норман нахмурился, но тут показалась парочка студенток в

брюках и рубашках навыпуск.

Являться в подобных нарядах на занятия строго запрещалось, тем не менее девушки, судя по всему, шли из колледжа. Норман улыбнулся. Он был в том настроении, когда человек радуется всякой мелочи и готов приветствовать даже субкультуру улицы, так непохожую на порядки колледжа, где табу — откровенность и секс, где наивысшими из талантов почитаются способность выносить унылое однообразие работы и умение следовать пыльным ритуалам, поддерживающим видимость жизни в мертвых идеях. В этом последнем современные колдуны, что скрывались за каменными стенами Хемпнелла, едва ли знали себе равных.

Странно, подумалось ему, и как только им с Тэнси удалось не поддаться губительному воздействию атмосферы маленького колледжа? Ведь поначалу Тэнси приводило в исступление буквально все: соперничество между профессорами, сплетни и пересуды, требование, которое заставило бы взбелениться любого, — чтобы жены преподавателей трудились на благо колледжа, не получая за свой труд ни гроша, утонченный этикет и надоедливое внимание студентов. Хемпнелл был одним из тех колледжей, кото-

рые предлагали обеспокоенным родителям альтернативу буйной вольнице крупных университетов, — местный политик, вспомнил Норман, назвал их «рассадниками коммунизма и свободной любви».

Если судить по первым дням их пребывания в Хемпнелле, то они с Тэнси должны были скоро сбежать в один из «рассадников» или бунтовать исподтишка, поднимая вопрос то об академической свободе, то об изменении жалованья, или уйти в себя и сделаться писателями. Но, словно питаемая силой из неведомого источника, Тэнси сумела выстоять, не поступившись своими убеждениями. Она сражалась с Хемпнеллом на его поле, она взваливала на себя гораздо больше обязанностей, чем полагалось, и тем самым как будто очертила вокруг Нормана магический круг, в пределах которого он мог заниматься своими исследованиями, которые когда-нибудь позволят им вырваться из зависимости от Хемпнелла и от того, что Хемпнелл думает и говорит. И час этот близится! Отставка Реддинга означает, что главой факультета социологии будет не кто иной, как Норман Сейлор, а через несколько месяцев наверняка поступит приглашение от какого-нибудь университета.

Нет, Тэнси нельзя не восхищаться. Черт побери, она столько сделала для него и так ненавязчиво! Она была его неизменным секретарем, и он никогда не слышал от нее ни единой жалобы, хотя в молодые годы был отнюдь не ангелом: ленивый, временами остроумный преподаватель, презирающий размеренность существования, находящий, как студент-первокурсник, удовольствие в том, чтобы шокировать степенных коллег, с самоубийственной склонностью скандалить по пустякам с деканами и президентами. Не раз и не два он балансировал на грани увольнения после очередной размолвки с властями предержащими, но всегда каким-то образом выкручивался, и, как он теперь понимал, не без помощи Тэнси. С тех самых пор, как они поженились, он не ведал поражений и неудач.

И как только у нее это получалось — у нее, мечтательной и безответственной девицы, дочери незадачливого сельского священника, избалованной, непокорной, обладавшей дерзким воображением, наличие которого в зашоренном, обывательском Хемпнелле считалось чуть ли не смертным грехом?

Так или иначе, у нее получилось, а потому — вот парадокс! — к нему относились как к «ис-

тому хемпнеллианцу», «украшению колледжа», «творцу великих свершений», «другу декана Ганнисона» — надо признать, при близком знакомстве тот оказался неплохим парнем, — о Нормане заговорили как о человеке, от которого «зависит» бесцветный президент Поллард, гиганте мысли в сравнении со вторым профессором социологии, издерганным и скудоумным Харви Соутеллом. Будучи по натуре иконоборцем, Норман постепенно превратился в икону, не пожертвовав при этом, как ни удивительно, своими воззрениями, и одновременно приобрел авторитет среди реакционеров, не став одним из них.

Он по-прежнему пребывал в благодушном, подогретом весенним солнцем настроении. Неожиданно у него мелькнула мысль, что в его успехе есть что-то необычное и пугающее. Он вдруг вообразил себя молодым индейским воином, который вместе со своей скво добрался до краев, где обитают духи предков, и убедил суровых прародителей, что погребен по обычаю и достоин разделить бремя сверхъестественной власти; он счастливо избегнул многочисленных ловушек благодаря тому, что Тэнси знала нужные защитные заклинания. Разумеется, оба они люди взрослые, умеющие обуздывать фантазию. Вся-

кий, кто не хочет потерпеть в жизни крах из-за причуд детского эго, должен уметь справляться с ним. Однако…

Солнечный свет стал чуточку ярче и золотистее, словно некий космический электрик перебросил рубильник еще на одно деление. В тот же миг девушки в рубашках навыпуск, исчезая за углом соседнего дома, звонко рассмеялись. Норман отвернулся от окна. Кот по кличке Тотем поднялся с належенного места на коврике и сладко потянулся, так что захрустели все косточки его гибкого тела. Норман не удержался и последовал примеру животного, решив, правда, не проверять свой костяк на прочность. Да, сегодня чудесный денек, из разряда тех, когда действительность оборачивается чередой таких светлых и отчетливых образов, что поневоле начинаешь опасаться, что вот-вот проткнешь сверкающую завесу и увидишь безграничный и непроглядный мрак, который она скрывает; когда все представляется верным и исполненным дружелюбия и боишься, что внезапное прозрение откроет тебе ужас, ненависть, жестокость и невежество, на которых покоится жизнь.

Потянувшись и сладко зевнув, Норман понял, что радость жизни пока не покинула его.

И тут его взгляд остановился на двери в комнату Тэнси.

Он сообразил, что ему хочется, прежде чем вернуться к работе, сделать кое-что еще, просто так, из развлечения и праздного любопытства, для того, быть может, чтобы потом чувствовать себя слегка виноватым.

Конечно, если бы Тэнси была дома… Но раз ее нет, почему бы не заглянуть в комнату, которая может так много рассказать о ней?

Приоткрытая дверь словно манила переступить порог. Из-за нее виднелся тонконогий стул, со спинки которого сползала на пол комбинация, почти полностью скрывая меховые домашние туфли. За стулом проступал из полумрака край столешницы из слоновой кости, на которой поблескивал какой-то флакон. Комната Тэнси была совсем крохотной, немногим больше чулана, и дневной свет в нее не проникал, поскольку проникать было неоткуда.

Норман никогда не следил за Тэнси, ему даже в голову такое не приходило, и Тэнси относилась к этому как к чему-то само собой разумеющемуся.

Но соблазн, который потихоньку одолевал его, никак не мог называться слежкой или подсматриванием. Скорее, то было проявлением любви,

желанием ощутить себя хотя бы на миг партнером по браку.

Кроме того, ни один человек не может считать себя совершенством и даже по-настоящему взрослым и всерьез уверять, будто совладал со всеми дурными побуждениями.

И потом, Тэнси задала ему загадку. Откуда взялись в ней та сила и уверенность, с какими она отражает нападки вечно недовольного Хемпнелла? Конечно, едва ли ответ найдется именно здесь, но все же, все же…

Он заколебался.

Тотем, черный от головы до хвоста, за исключением белых «чулочек» на лапах, пристально глядел на него.

Он вошел в комнату Тэнси.

Тотем устремился следом.

Норман включил лампу под розовым абажуром и уставился на шкаф с платьями и подставку для обуви. В комнате царил легкий беспорядок, такой милый и знакомый. Слабый аромат духов навевал приятные воспоминания.

Он бросил взгляд на фотографии вокруг настенного зеркала. Одна изображала их с Тэнси в индейских костюмах. Это было три года назад, когда он изучал племенные обряды и обычаи

юма. Вид у них несколько напыщенный, словно они изо всех сил старались выглядеть настоящими индейцами. На другом, уже поблекшем снимке они, облаченные в купальные костюмы 1928 года, стояли на старом причале, щурясь от яркого солнца. Норман припомнил Бейпорт и лето перед свадьбой. На третьем фото запечатлено было крещение негров в реке. Да, в ту пору он был членом совета колледжа Хейзелтон и собирал материалы для своих работ «Социальные структуры афроамериканцев в южных штатах» и «Женский элемент в суевериях». Помощь Тэнси в те полгода, когда он завоевывал себе репутацию, была просто неоценимой. Она сопровождала его в полевых экспедициях, записывала изобиловавшие преувеличениями рассказы стариков и старух, что помнили еще времена рабства, ибо сами были рабами. Тем летом они оставили колледж Горэма, решив перебраться в Хемпнелл, и Тэнси была тогда по-мальчишески любознательной, иногда даже чрезмерно. Впрочем, с годами она научилась сдерживать себя.

С четвертой фотографии смотрел древний чернокожий колдун с морщинистым лицом и высоким лбом, которого не могла скрыть фетровая шляпа с широкими полями. Плечи его были

расправлены, глаза горели странным огнем, всем своим видом он будто отвергал культуру белых, ибо обладал иными, куда более серьезными познаниями. Плюмаж из страусовых перьев и многочисленные шрамы на щеках, однако, не придавали ему внушительности. Норман хорошо помнил его: колдун упорно отмалчивался и разговорился лишь перед самым концом экспедиции.

Норман поглядел на туалетный столик, заставленный разнообразной косметикой. Тэнси первая из профессорских жен в Хемпнелле начала красить губы и ногти. Пошли было разговоры о «примере, который мы подаем студентам», однако она не обращала на них внимания, а потом на одной из вечеринок придирчивые наблюдатели заметили на губах Хульды Ганнисон бледный красноватый след. Большего для победы не требовалось.

Перед окруженной флаконами с кремом его собственной фотографией лежала кучка мелочи: медяков и серебра — десятицентовиков и четвертаков.

Норман мысленно обозвал себя олухом. Зачем он сюда пришел, любоваться на снимки? Он выдвинул наугад ящик, торопливо покопался в заполнявших его чулках, задвинул и взялся за

ручку другого.

И замер.

«Какие же глупости я творю», — подумалось вдруг ему. Одновременно он осознал, что радостное возбуждение улетучилось. Как и в тот миг, когда он отвернулся от окна, мир словно застыл в неподвижности, будто выхваченный из чернильного мрака вспышкой молнии. В ушах зазвенело. Норман знал это ощущение: все было слишком реально.

От двери на него внимательно взирал Тотем.

Что толку доискиваться смысла там, где его нет и быть не может?

А потому он потянул за ручку.

Ящик застрял в пазах. Норман выдернул его одним рывком.

В глубине ящика, у задней стенки, примостилась большая картонная коробка. Норман приподнял ее крышку и извлек одну из множества крохотных бутылочек со стеклянной пробкой. Это что, тоже косметика? Для пудры чересчур темная. Похоже, скорее, на геологический образец почвы. Какой-нибудь из бесчисленных кремов? Навряд ли. Может, земля из садика Тэнси?

Норман повертел бутылочку в руках. Послышался звук, напоминавший шелест песка в

песочных часах. Он заметил наклейку. На той четким почерком Тэнси было выведено: «Джулия Трок, Роузленд». Какая такая Джулия Трок? И почему слово «Роузленд» вызывает отвращение? Норман откинул крышку коробки и схватил второй флакон. Его содержимое было чуть покраснее, чем содержимое первого. Надпись гласила: «Филип Ласситер, Хилл». На третьем, чье содержимое вроде бы не отличалось по цвету от первого, было написано: «Дж. П. Торндайк, Роузленд». Далее следовали: «Эмлин Скэттердей, Роузленд», «Мортимер Поуп, Хилл», «Преп. Бафорт Эймс, Роузленд». Цвет был соответственно коричневым, красновато-бурым и снова коричневым.

Тишина в доме сделалась оглушительной, даже солнечный свет как будто потускнел. *Роузленд и Хилл, Роузленд и Хилл, мы идем на Роузленд и Хилл…* Слова эти прозвучали у него в голове, и он с трудом подавил желание разбить стеклянные флаконы, раздавить как пауков — столь отвратительными они вдруг ему показались… *а обратно дороги нет.*

Ну конечно!

Местные кладбища.

Значит, земля с могил.

Ну да, образцы почвы. Земля с могил. Основной

элемент негритянского колдовства.

Тотем вспрыгнул на столик и принялся обнюхивать флаконы. Норман запустил руку в ящик, нащупал за большой коробкой маленькие — и вывалил все добро на пол. В одной коробочке лежали ржавые и гнутые железные стержни — гвозди из конских подков. В другой находились конверты для визитных карточек с прядями волос внутри. На каждом из конвертов значилось, кому эти волосы принадлежат. Норман увидел знакомые имена: Харви Соутелл, Грейсин Поллард, Хульда Ганнисон… А в конверте с надписью «Ивлин Соутелл» были обрезки покрытых красным лаком ногтей.

В третьем ящике не оказалось ничего интересного, зато в четвертом Норман обнаружил прямо-таки клад. Пакетики сухих листьев и истолченных в порошок овощей — вот, выходит, для чего нужен Тэнси ее садик? Вербена, вьюнок, повилика, кусочки магнитного железняка с прилипшими к ним металлическими опилками, гусиные перья, с которых, когда он их потряс, закапала ртуть, лоскутки фланели того сорта, какой используют негритянские колдуны для своих «ловушек» или «ладошек», коробка со старинными серебряными монетами и серебряными

же опилками — сильнодействующее защитное волшебство; теперь понятно, что кучка монет перед его фотографией лежит там не просто так.

Но Тэнси всегда потешалась над хиромантией, астрологией, нумерологией и прочими суевериями! Она всегда оставалась типичной рассудительной американкой! Работая вместе с ним, она столько узнала о психологических основах предрассудков и первобытного колдовства, столько, что…

Он понял вдруг, что листает замусоленный экземпляр своей статьи «Параллелизм суеверий и неврозов», тот самый, что запропастился куда-то лет восемь тому назад. На полях рядом с одним из заклинаний рукой Тэнси было написано: «Не срабатывает. Заменить медные опилки на латунные. Попробовать в новолуние вместо полнолуния».

— Норман…

На пороге комнаты стояла Тэнси.

Глава 2

Люди, которых мы лучше всего знаем, кажутся нам порой существами из потустороннего мира. На мгновение знакомое лицо представляется нам случайным сочетанием цветовых поверхностей, лишенным даже той мимолетной значимости, какой мы наделяем черты встреченного на улице незнакомца.

Норману Сейлору почудилось, будто он глядит не на свою жену, а на ее портрет кисти некоего новоявленного Ренуара или Тулуз-Лотрека: лицо — четкий овал розового с едва заметным оттенком зеленого; маленький, гордо выпяченный подбородок, алое пятно губ, насмешливый взгляд серовато-зеленых глаз, выщипанные низкие брови, между которыми залегла вертикальная морщинка, иссиня-черные волосы, белая кожа шеи, бордовое платье; локоть прижимал к боку коробку с очередным нарядом, руки словно застыли на полпути к шляпке, которая была того же цвета, что и платье, а световой блик на ней переливался и сверкал этаким осколком зеркала.

Норман был уверен, что, протяни он руку, этот портрет растворится в воздухе, а потому стоял не

шевелясь. Он не произнес ни слова, однако у него почему-то возникло такое ощущение, что, если бы он заговорил, собственный голос показался бы ему голосом постороннего — какого-нибудь бестолкового профессора.

Изображение Тэнси, эта невесть откуда взявшаяся родственница портрета Дориана Грея, молча повернулось к Норману спиной. Коробка с нарядом упала на пол. Норман словно очнулся.

Он догнал Тэнси в гостиной. Увидев, что жена направляется прямиком к выходу, он попытался обнять ее, чтобы остановить. Она забилась в его объятиях, точно пойманное животное, избегая смотреть ему в глаза; однако руки ее безвольно, будто привязанные, висели вдоль тела.

— Не прикасайся ко мне! — прошептала она сквозь зубы.

Норман пошире расставил ноги, чтобы случайно не потерять равновесие. Было что-то ужасное в том, как Тэнси металась из стороны в сторону, норовя вырваться из плена его рук. Она вела себя как буйнопомешанная в смирительной рубашке.

— Не прикасайся ко мне! — твердила она яростно.

— Тэнси! — воскликнул Норман.

Внезапно она успокоилась. Норман отступил

на шаг. Глаза Тэнси были крепко зажмурены, губы плотно сжаты. К сердцу Нормана подкатила жалость.

— Милая! — проговорил он. — Мне очень стыдно. Я виноват перед тобой. Но…

— Дело не в этом!

Норман помолчал, прежде чем продолжить:

— Выходит, ты рассердилась на меня за то, что я нашел в твоем столе?

Никакого ответа.

— Тэнси, нам нужно поговорить.

Она вновь никак не откликнулась. Норман беспомощно всплеснул руками:

— Поверь мне, все будет в полном порядке. Если ты поделишься со мной… Ну пожалуйста, Тэнси…

Губы ее слегка разошлись, и она произнесла, как выплюнула:

— Почему бы тебе не привязать меня к стулу и не загнать пару иголок мне под ногти? Или ты не знаком с техникой допроса?

— Милая, я скорее умру, чем причиню тебе боль! Но мы должны поговорить откровенно.

— Не могу. Если ты скажешь еще хоть слово, я закричу.

— Милая, мы должны, понимаешь, должны.

— Я никому ничего не должна.

— Мне! — поправил Норман, сбиваясь на крик. — Мне, твоему мужу!

На миг он испугался, что Тэнси упадет в обморок, и кинулся к ней, чтобы подхватить. Но его услуги не понадобились. Тэнси, швырнув шляпу на столик, тяжело опустилась на ближайший стул.

— Ладно, — сказала она. — Давай поговорим.

* * *

18 часов 37 минут. Заходящее солнце отражалось в стеклах книжного шкафа, в его лучах левая китайская маска жутковато оскалилась. Тэнси сидела на одном конце кушетки, Норман, опираясь коленом на подушку, расположился на другом.

Тэнси тряхнула головой, словно разгоняя словесный дым, от которого уже першило в горле:

— Ну что ж, будь по-твоему. Я всерьез занималась ведьмовством. Я забыла, что являюсь образованной женщиной. Я накладывала заклятия на людей и на вещи. Я стремилась изменить будущее. Я… в общем, все, что угодно!

Норман кивнул. Такие вот кивки он раздаривал обычно на студенческих конференциях, когда после многочасового бесплодного обсуждения

какой-нибудь подающий надежды юноша начинал наконец догадываться, о чем идет речь. Он наклонился к Тэнси:

— Но зачем?

— Чтобы уберечь тебя от неприятностей, — ответила она, глядя себе под ноги.

— Зная все то, что тебе известно о суевериях, ты решилась…

В голосе Нормана послышались прокурорские нотки. Тэнси пожала плечами:

— Так вышло. Конечно, это смешно и нелепо… Но когда ты всей душой желаешь, чтобы с тем, кого ты любишь, что-то произошло или ничего не случилось… Я делала лишь то, чем занимались и занимаются миллионы женщин. И веришь ли, Норм… мои заклинания… они вроде бы срабатывали… по крайней мере, в большинстве случаев.

— Мне кажется, — возразил он, — что успехи, которых ты добивалась, всего только нечаянные совпадения. И то, что у тебя получалось не всегда, подтверждает мою догадку.

— Может быть, может быть, — проговорила она. — Но вдруг мне кто-то противодействовал? — Она порывисто повернулась к нему. — Я не знаю, чему верить. Я творила заклинания, а сама терзалась сомнениями, но, однажды начав,

уже не смела останавливаться.

— И ты занималась этим все те годы, которые мы провели в Хемпнелле?

Тэнси кивнула:

— Да, с тех пор, как мы сюда приехали.

Норман воззрился на жену, стараясь разобраться в своих ощущениях. Ему было очень трудно свыкнуться с мыслью, что в сознании той, кого он, как ему мнилось, познал до мельчайших подробностей, обнаружился укромный закуток, о котором он и не подозревал, закуток, где потихоньку копились сведения, которые он приводил в своих статьях и книгах, закуток, принадлежащий каменному веку, погруженный во мрак, питаемый предрассудками и страхами. Он попытался вообразить себе Тэнси, которая бормочет заклинания, сшивает при свете свечи лоскутки фланели, посещает в поисках необходимых ингредиентов кладбища и прочие не менее отвратительные места. Воображение отказывало. Подумать только, и все это творилось под самым его носом!

Единственным, что в поведении Тэнси вызывало подозрение, была, насколько он мог припомнить, ее склонность к прогулкам в одиночестве. Если он когда и задумывался об отношении Тэнси

к суевериям, то неизменно приходил к успокоительному заключению, что уж кто-кто, а его жена совершенно не испытывает тяги к иррациональному.

— О Норм, я совсем запуталась, мне так плохо, — перебила его размышления Тэнси. — Я не в силах сообразить, что мне говорить и с чего начинать.

У него имелся готовый ответ — ответ ученого:

— Расскажи мне обо всем по порядку.

* * *

19 часов 54 минуты. Они по-прежнему сидели на кушетке. В комнате царил полумрак. Бесовские маски на стене проступали из него двумя неправильными овалами. Лицо Тэнси казалось белесым пятном. Норман не мог разглядеть его выражения, однако голос жены выдавал ее возбуждение.

— Подожди-ка, — сказал он, — не торопись. Ты говоришь, что была страшно напугана, когда мы впервые приехали в Хемпнелл, чтобы узнать насчет вакансии?

— Да, Норм, да. Хемпнелл привел меня в ужас. Все кругом смотрели на нас с неприязнью и были такими чопорными! Мне чуть ли не в глаза

заявили, что профессорская жена из меня никудышная. Я не знаю, кто был хуже, — то ли Хульда Ганнисон, которая, когда черт меня дернул посоветоваться с ней, оглядела меня с головы до ног и буркнула: «По-моему, вы нам подходите», то ли старая миссис Карр, которая погладила меня по руке со словами: «Вы и ваш муж найдете в Хемпнелле свое счастье. Вы молоды, но в Хемпнелле любят молодежь!» Рядом с этими женщинами я чувствовала себя беззащитной, и мне почудилось, что ты тоже в опасности.

— Понятно. Значит, когда я повез тебя на юг, в этот заповедник суеверий, ты преследовала свои цели.

Тэнси невесело рассмеялась:

— Сказать по правде, да. Я схватывала все на лету. Меня не отпускала мысль, что когда-нибудь мои познания мне пригодятся. Так что, возвратившись осенью в Хемпнелл, я сумела совладать с некоторыми своими страхами.

Норман кивнул. Ну разумеется! Недаром тихий энтузиазм Тэнси, с каким она выполняла скучные секретарские обязанности, представлялся ему довольно-таки неестественным.

— Но к колдовству ты не прибегала, — с нажимом произнес он, — пока я не заболел зимой

воспалением легких?

— Ты прав. До того я словно играла в игрушки — твердила, просыпаясь по ночам, обрывки заклинаний, бессознательно избегала делать то или другое, потому что это сулило беду, например не подметала крыльцо в темноте и не клала крест-накрест ножи и вилки. Когда же ты заболел… Если любимый человек умирает, чтобы спасти его, годятся любые средства.

В голосе Нормана прозвучало сочувствие.

— Конечно, конечно. — Впрочем, он тут же спохватился и вновь заговорил наставительно, как учитель с учеником: — Но сдается мне, ты уверовала в то, что твое колдовство действует, лишь после моей стычки с Поллардом по поводу сексуального образования, которая обошлась для меня без последствий, и в особенности после того, как моя книга в тысяча девятьсот тридцать первом году получила хорошую прессу.

— Верно.

Норман откинулся на подушки.

— Господи, — пробормотал он.

— Что с тобой, милый? Надеюсь, ты не думаешь, что я пытаюсь отнять у тебя частичку твоей славы?

— Господи боже, нет. — Смешок Нормана

больше походил на всхлип. — Но… — Он запнулся. — Ладно, раз так, начинай с тысяча девятьсот тридцатого.

* * *

20 часов 58 минут. Норман протянул руку, включил свет и сощурил глаза. Тэнси наклонила голову.

Норман встал и потер тыльную часть шеи.

— Меня беспокоит то, — сказал он, — что постепенно ты стала полагаться на колдовство во всем и не предпринимала ничего, вернее, не позволяла мне что-либо предпринимать, без подходящих к случаю защитных заклинаний. Это напоминает мне…

Он собирался сказать «разновидность шизофрении», но вовремя остановился.

— Я даже поменяла все «молнии» на крючки, — хрипло прошептала Тэнси, — ведь считается, что они ловят злых духов. А зеркальные украшения на моих шляпках, сумочках, платьях — ты догадался правильно, это тибетское средство от сглаза и порчи.

Норман подошел к жене:

— Послушай, Тэнси, но почему?

— Разве я не объяснила?

— Да нет, почему ты продолжала заниматься этим год за годом, если, как ты только что призналась, сомневалась в действенности своих усилий? Я никак не ожидал от тебя такого…

Тэнси призадумалась.

— Знаю, ты назовешь меня романтичной дурочкой, но я убеждена, что женщины первобытнее мужчин, ближе, чем они, к древним верованиям, — проговорила она. — И потом, я с детства была впечатлительной. Ведал бы ты, какие диковинные фантазии порождали во мне проповеди моего отца, истории, которые рассказывали нам старые дамы…

Вот вам и сельские священники, мысленно простонал Норман. Вот вам пуританская и рассудительная глубинка!

— В общем, много было всего. Если хочешь, я исповедуюсь перед тобой, но рассказ будет недолгим.

— Хорошо, — согласился он, — только давай попутно перекусим.

* * *

21 час 17 минут. Они сидели лицом к лицу в веселой красно-белой кухне. На столе лежали нетронутые сэндвичи, чашки остывшего черного

кофе были наполовину пустыми. Супруги словно поменялись ролями. Теперь Норман отворачивался, а Тэнси пристально глядела на него.

— Так что же, Норман, — промолвила она наконец, — по-твоему, я сошла или схожу с ума?

Именно такой вопрос ему и требовался.

— Нет, — ответил он, — хотя одному лишь богу известно, что подумал бы посторонний, узнай он то, что ты выложила мне. Нет, ты не сумасшедшая, однако, как и все мы, страдаешь неврозом. И твой невроз приобрел весьма необычную форму.

Осознав вдруг, что голоден, он взял с тарелки сэндвич, с минуту обкусывал его со всех сторон, а потом решительно вгрызся в самую середину.

— Понимаешь, у всякого человека имеются собственные ритуалы и обряды, те привычные способы, какими мы едим, пьем, спим и моемся в ванной. Мы едва догадываемся о них, тогда как они, если их проанализировать, наверняка показались бы нам бессмысленными причудами. Возьми хотя бы стремление наступать или, наоборот, не наступать на трещины в асфальте тротуара. Так вот, твои ритуалы благодаря обстоятельствам, в которых ты находишься, оказались настолько тесно переплетенными с колдовством, что даже ты сама вряд ли теперь разберешься,

где что. — Он помолчал, давая Тэнси усвоить услышанное. — Важно следующее: пока об этом знаешь ты одна, твои колдовские забавы ничуть не серьезнее того пересчитывания слонов, каким убаюкивает себя при бессоннице средний человек. То есть социального конфликта не возникает.

Он вскочил и заходил по кухне, по-прежнему жуя сэндвич.

— Господи, сколько лет я посвятил изучению того, почему люди делаются суеверными и как они такими делаются! Отчего же я не заметил, что с тобой творится?! Что такое суеверие? Заплутавшая, необъективная наука! А потому удивительно ли, что в нашем загнивающем, полном ненависти и злобы, обреченном мире мужчины и женщины тянутся к суеверию? Видит бог, я бы прославлял самую черную магию, если бы она сумела покончить с атомной бомбой!

Тэнси поднялась со стула. Глаза ее ярко сверкали.

— Значит, — проговорила она с запинкой, — ты не презираешь меня и не считаешь сумасшедшей?

Он обнял ее:

— Черт побери, конечно же нет!

Она заплакала.

* * *

21 час 33 минуты. Они снова уселись на кушетку. Тэнси перестала плакать, голова ее покоилась на плече мужа.

Некоторое время они молчали. Нарушил тишину Норман. В его голосе слышались обманчиво мягкие нотки, словно он был врачом, который убеждает пациента в необходимости повторной операции.

— Разумеется, тебе придется все это прекратить.

Тэнси села прямо:

— Нет, Норм, я не могу.

— Почему? Ты только что согласилась с тем, что колдовство — сплошная чушь. Ты даже поблагодарила меня за то, что я раскрыл тебе глаза.

— Да, но все же… Пожалуйста, Норм, не заставляй меня!

— Ну будь же благоразумна, Тэнси, — увещевал он. — Ты и так столько уже натворила глупостей. Я горжусь тем, что у тебя хватило духа признать свои заблуждения. Но нельзя останавливаться на полпути! Коль ты начала пользоваться логикой, изволь довести дело до конца. Ты должна изба-

виться от всего, что хранится в твоей комнате, от всех талисманов и тому подобного!

Она покачала головой.

— Не заставляй меня, Норм, — повторила она. — По крайней мере, не требуй, чтобы я рассталась со всем сразу, иначе я буду чувствовать себя беззащитной.

— Напротив, у тебя прибавится сил, ибо ты поймешь, что тем, чего достигала, как ты думала, с помощью колдовства, обязана лишь своим собственным непознанным возможностям.

— Нет, Норм. Неужели это так важно? Ты же сам назвал колдовство чепухой, безобидной забавой.

— Теперь, когда о нем известно мне, оно перестало быть твоим личным делом. И кстати, — добавил он почти зловеще, — насчет безобидности это еще как посмотреть.

— Но почему сразу? — продолжала недоумевать Тэнси. — Почему не постепенно? Скажем, ты позволишь мне сохранить старые амулеты, если я пообещаю не заводить новых.

Он покачал головой:

— Нет, если уж отказываться, то как от спиртного — раз и навсегда.

Голос Тэнси едва не сорвался на крик.

— Норм, я не могу, понимаешь, я просто не

могу!

Внезапно она показалась ему большим ребенком.

— Тэнси, ты должна.

— Но в моем колдовстве не было ничего плохого! — Подмеченная Норманом детскость становилась прямо-таки пугающей. — Я пользовалась им не для того, чтобы причинить кому-то зло, я не желала невыполнимого, не просила, чтобы тебя сделали президентом Хемпнелла! Я всего лишь хотела защитить тебя!

— Тэнси, успокойся. С какой стати тебе взбрело в голову защищать меня таким способом?

— А, так ты думаешь, что добился всего в жизни благодаря исключительно своим собственным непознанным возможностям? Тебя не настораживают твои успехи?

Вспомнив, что совсем недавно размышлял о том же самом, Норман рассвирепел:

— Хватит, Тэнси!..

— Ты думаешь, что все тебя любят, что у тебя нет ни завистников, ни недоброжелателей? Потвоему, здешняя публика — компания домашних кошечек с подстриженными коготками? Ты не замечаешь их злобы и ненависти! Так знай же…

— Тэнси, прекрати немедленно!

— ...что в Хемпнелле много таких, кто спит и видит тебя в гробу! И ты бы давно очутился там, куда тебя столь усердно спроваживают, если бы им не мешали!

— Тэнси!

— Ты считаешь, Ивлин Соутелл поднесет тебе в подарок один из своих вишневых тортиков с шоколадом за то, что ты обошел ее тупоумного муженька в споре за кафедру социологии? Ты считаешь, Хульда Ганнисон в восторге от того, какое влияние ты приобрел на ее супруга? Ведь это в основном из-за тебя она отныне не заправляет безраздельно мужским отделением! А что до похотливой старой стервы миссис Карр, ты полагаешь, ей нравится твоя манера обращения со студентами? Ты говоришь им о свободе и честности, а она вещает о святости и уважении к мнению старших. И эта ее присказка: «Секс — отвратительное словечко, и только!» Ответь мне, чем все они помогают своим мужьям?

— Господи, Тэнси, ну зачем приплетать сюда все эти преподавательские дрязги?

— Ты думаешь, они довольствуются одной защитой? Ты полагаешь, женщины вроде них будут делать различие между белой и черной магией?

— Тэнси! Ты соображаешь, что говоришь? Если

ты имеешь в виду… Тэнси, рассуждая подобным образом, ты кажешься мне настоящей ведьмой.

— О, правда? — Кожа на ее лице натянулась так, что на какое-то мгновение словно оголился череп. — Может быть, ты и прав. Может быть, тебе повезло, что я у тебя такая.

Он схватил ее за руку:

— Послушай меня! Я терпел достаточно долго, но сейчас тебе лучше выказать хоть чуточку здравого смысла.

Ее губы искривились в усмешке.

— Понятно-понятно. На смену бархатной перчатке грядет железная рука. Если я не подчинюсь тебе, то могу собирать вещи и готовиться к поездке в сумасшедший дом. Правильно?

— Разумеется, нет! Но будь же ты благоразумна!

— Зачем?

— Тэнси!

* * *

22 *часа 13 минут.* Тэнси упала на кровать. Лицо ее покраснело от слез.

— Хорошо, — сказала она глухо. — Я поступлю так, как ты хочешь. Я сожгу все свои… приспособления.

Норман ощутил несказанное облегчение. «Подумать только, — мелькнула у него мысль, — я справился там, где сплоховал бы иной психиатр!»

— Бывали времена, когда мне хотелось все бросить, — прибавила Тэнси. — А порой меня брала досада на то, что я родилась женщиной.

Последующие события слились для Нормана в бесконечную вереницу поисков. Сперва они обшарили комнату Тэнси, выискивая различные амулеты и колдовские принадлежности. Норману невольно вспомнились старинные комедии, в которых из крошечного такси высыпала целая куча народу, — казалось невозможным, чтобы в нескольких неглубоких ящиках стола и коробках из-под обуви могло поместиться столько всякой всячины. Норман швырнул в мусорное ведро потрепанный экземпляр своей статьи о параллелизме, подобрал переплетенный в кожу дневник жены. Тэнси покачала головой. После секундного колебания Норман положил дневник обратно.

Затем они перевернули весь дом. Тэнси двигалась быстрее и быстрее, перебегала из комнаты в комнату, извлекала завернутые во фланель «ладошки» из самых невероятных мест. Норман снова и снова задавался вопросом, как он за де-

сять лет жизни в доме умудрился не заметить ни единого талисмана.

— Похоже на поиски клада, верно? — спросила у него Тэнси, печально улыбаясь.

Потом они вышли на улицу. Амулеты нашлись под парадной и черной дверями, в гараже, в автомобиле, который там стоял. Чем сильнее разгорался огонь в камине, тем легче становилось у Нормана на душе. Наконец Тэнси распорола подушки на постели и осторожно вынула оттуда две фигурки из перьев, перевязанные шелковой ниткой.

— Видишь, одна изображает сердце, а другая — якорь. Они охраняли тебя, — сказала Тэнси. — Это перьевая магия Нового Орлеана. За последние годы ты и шага не сделал без того, чтобы тебя не сопровождали мои обереги.

Фигурки полетели в пламя.

— Ну, — спросила Тэнси, — чувствуешь?

— Нет, — ответил он. — А что я должен чувствовать?

Она покачала головой:

— Да ничего особенного, просто больше талисманов не осталось. И если они все-таки удерживали на расстоянии враждебные силы, то теперь…

Норман коротко рассмеялся:

— Ты уверена, что мы сожгли все? Тэнси, подумай хорошенько, может, ты что-нибудь позабыла?

— Нет. Ни в доме, ни поблизости от него. А в городе я оберегов не раскладывала из опасения… вмешательства. Я многажды пересчитывала их в уме. Все они, — Тэнси взглянула на огонь, — сгорели дотла. Я устала, Норм, я очень устала. Пойду спать. — Внезапно она расхохоталась. — Однако сначала мне придется зашить подушки, иначе все вокруг будет в перьях!

Он обнял ее:

— Ты в порядке?

— Да, милый. Я хочу попросить тебя только об одном: пожалуйста, не заговаривай со мной об этом в ближайшие дни. Постарайся даже не упоминать. Я не знаю, смогу ли… Обещай мне, Норм.

Он прижал ее к себе:

— Конечно, милая, конечно.

Глава 3

Сидя на краешке старинного стула с кожаной обивкой, Норман ворошил медленно угасающий огонь. Над тлеющими угольками плясали едва различимые язычки голубого пламени.

От двери, положив голову на вытянутые лапы, наблюдал за огнем Тотем.

Суета прошедшего дня утомила Нормана. Он с радостью последовал бы примеру Тэнси и лег спать, но его удерживала на ногах необходимость разобраться в собственных мыслях. Он привык оценивать в уме любую ситуацию в мельчайших ее подробностях, поворачивать их то так, то этак, пока они не займут отведенные им места в его сознании. Счастливица Тэнси! Выключила рассудок, точно свет, и спокойненько заснула. Как это на нее похоже! Впрочем, тут дело, скорее всего, в женской психологии, в повышенной приспособляемости к обстоятельствам.

Во всяком случае, она поступила разумно. И это тоже вполне в духе Тэнси. Всегда откровенная, всегда готовая по большому счету мыслить здраво. А если бы вместо нее ему надо было бы убеждать другую женщину? Брр!.. Всегда — какая

еще? — рассудительная, вот только порой на нее находит.

Тут несомненная вина окружающей обстановки. В Хемпнелле трудно не заработать себе невроз, а будучи в положении профессорской жены — и подавно. Ему давно уже следовало осознать, какую тяжесть она на себя взвалила, и помочь ей, но она так ловко дурачила его! И потом, он вечно забывал, как глубоко задевают женщин неизбежные сплетни и интриги. В отличие от своих мужей они не могут укрыться в тихих, уютных мирках математики, микробиологии и тому подобного.

Норман улыбнулся. В конце разговора Тэнси обронила странную фразу. По ее словам, Ивлин Соутелл, жена Гарольда Ганнисона и старая миссис Карр тоже ведьмы, причем из разряда тех, что занимаются зловещей черной магией. По правде говоря, тому, кто достаточно близко знаком с ними, поверить в это проще простого. Кстати, вот идея, достойная пера умного писателя-сатирика! Нужно лишь немного развить ее, представить большинство женщин как сведущих во всех тонкостях колдовского ремесла ведьм, которые ведут между собой непрерывную войну, творя заклинания и расстраивая чары противника, а их

ослепленные реальностью мужья тем временем вершат свои никчемные делишки. Так, Барри написал «Что должна знать всякая женщина», чтобы показать, что мужчины никогда не догадываются, кем бы они были без поддержки женщин. При такой-то слепоте где мужчинам сообразить, что их благоверные сознательно прибегают к колдовству!

Улыбка Нормана сама собой перешла в кислую гримасу. Он словно лишь сейчас понял, что Тэнси на деле верила, по меньшей мере наполовину, во все эти бредни. Он облизал губы. Без сомнения, ему предстоит пережить множество неприятных моментов, когда его будут одолевать непрошеные воспоминания. После сегодняшних событий сие неизбежно.

Но все равно — худшее уже позади.

Он погладил Тотема, который не сводил зачарованного взгляда с огня.

— Пошли спать, старина. Время, должно быть, около двенадцати. Нет, четверть первого.

Он сунул часы обратно в карман, и тут пальцы его левой руки коснулись медальона, прикрепленного к другому концу цепочки.

Норман взвесил на ладони золотое сердечко, подаренное когда-то Тэнси. Не слишком ли оно

тяжелое для такого рода вещиц? Он подцепил ногтем крышку медальона. Пальцы были чересчур неуклюжими, чтобы извлечь наружу фотографию Тэнси; повозившись, Норман наконец додумался подсунуть под край снимка острие карандаша.

На дне медальона лежал крошечный фланелевый пакетик.

Женщина! Вот так всегда: внешне покорилась, а хоть малость, но припрятала!

Может, она запамятовала…

Он швырнул пакетик в камин. Фотография упала на уголья, вспыхнула и сгорела в мгновение ока. Норман успел только заметить, как почернело на ней лицо Тэнси.

Пакетик оказался более стойким. Сперва его поверхность приобрела желтоватый оттенок опаленного ворса, потом появился дрожащий язычок пламени.

Одновременно, несмотря на то что от огня по-прежнему исходило тепло, тело Нормана пронизал холод. В комнате как будто потемнело. Он услышал негромкое урчание, словно где-то глубоко под землей трудились могучие машины. Ему почудилось вдруг, что он стоит нагой и безоружный перед неким враждебным и чужеродным

существом.

Тотем пристально вглядывался в тени в дальнем углу. Неожиданно он зашипел и метнулся вон из комнаты.

Норман понял, что дрожит. Реакция на нервное возбуждение, сказал он себе. Должно быть, переутомился.

Пламя угасло, оставив после себя тлеющие угольки.

Оглушительно зазвонил телефон.

— Профессор Сейлор? Я полагаю, вы надеялись, что никогда обо мне не услышите? Я звоню вам потому, что имею обыкновение растолковывать людям, кем бы они ни были, свои намерения; для отдельных личностей это, впрочем, совершенно излишне.

Норман отнял трубку от уха. Слова звонившего никак не вязались с тоном, каким он их произнес. Нужно тренироваться добрых полчаса, чтобы так вопить…

— Вот что я хочу сказать тебе, Сейлор. Мне наплевать, что вы там решили. Я не собираюсь покидать Хемпнелл. Я буду требовать переэкзаменовки, и тебе известно почему!

Норман узнал голос. Он увидел мысленным взором бледное, неестественно узкое лицо с веч-

но надутыми губами и глазами навыкате под копной спутанных рыжих волос.

— Слушайте, Дженнингс, — перебил он, — если вы считаете, что с вами обошлись несправедливо, почему вы смолчали два месяца назад, когда были объявлены результаты?

— Почему? Да потому, что ты пустил пыль мне в глаза! Как же, прямодушный профессор Сейлор! Теперь-то я сообразил, что к чему. Ты всегда затирал меня, потешался надо мной на конференциях, скрыл, что я могу завалить твой предмет, выбирал для тестов вопросы из тех лекций, которые я пропустил, третировал меня, потому что расходился во взглядах на политику с моим отцом, потому что я не похож на твоего любимчика Бронштейна! Но теперь…

— Дженнингс, да будьте же благоразумны. В прошлом семестре вы завалили целых три предмета.

— Ну да, ты везде подсуетился. Ты настроил против меня остальных преподавателей, заставил их смотреть на меня как на безнадежного идиота, заставил…

— И вы утверждаете, что догадались обо всем только сейчас?

— Да! Меня как осенило. О, ты был хитер, очень

хитер. Ты задабривал меня, а иногда мог и припугнуть, ты пользовался то кнутом, то пряником. Но стоило мне заподозрить, что тут что-то неладно, как я разгадал твой план. Все, все сходится на тебе!..

— А как относительно того, что перед Хемпнеллом вас отчислили за неуспеваемость из двух других колледжей?

— Ага! Я знал, что ты был предубежден против меня с самого начала!

— Дженнингс, — проговорил Норман устало, — я достаточно послушал вас. Если у вас есть жалобы, обратитесь к декану Ганнисону.

— Иными словами, ты отказываешься помочь мне?

— Именно так.

— Ты не передумаешь?

— Нет, не передумаю.

— Хорошо, Сейлор. Но смотри в оба! Смотри в оба, Сейлор! Смотри!

В трубке послышались короткие гудки. Норман аккуратно положил ее на рычаг. Черт бы побрал родителей Теодора Дженнингса! Не потому, что они были лицемерными, тщеславными, чванливыми ничтожествами, не потому, что они принадлежали к числу махровых реакционеров,

а потому, что из-за своей непомерной гордыни всеми правдами и неправдами старались пропихнуть через колледж впечатлительного и эгоистичного сыночка, такого же скудоумного, как они сами, но не наделенного ни в малейшей степени их житейской мудростью и смекалкой. И будь неладен президент Поллард, который не устоял перед их богатством и политическим влиянием и принял этого паршивца в Хемпнелл, прекрасно зная, чем это обернется.

Норман закрыл камин ширмой, выключил в гостиной свет и вышел было в коридор.

Телефон зазвонил снова. Норман с любопытством поглядел на него, потом снял трубку:

— Алло?

Ответом ему было молчание. Он подождал, подул в микрофон.

— Алло? — повторил он.

В трубке по-прежнему молчали. Он уже хотел повесить ее, когда уловил на другом конце провода слабый звук — неровное, прерывистое дыхание.

— Кто это? — спросил он резко. — У телефона профессор Сейлор. Пожалуйста, говорите.

Звонивший упорно не желал отзываться.

И вдруг из черной трубки донеслось одно-един-

ственное слово, произнесенное медленно и с запинкой низким женским голосом, исполненным невыразимой страсти:

— Дорогой!

Норман судорожно сглотнул. Этот голос был ему незнаком. Прежде чем он сумел сказать что-либо членораздельное, женщина заговорила снова, быстрее, но все также страстно:

— О Норман, я так рада, что набралась смелости позвонить тебе! Я готова, дорогой, я готова. Приходи ко мне.

— Правда? — Норман не знал, что думать. Ему внезапно показалось, что он уже слышал раньше похожие интонации, сталкивался с похожим построением фраз.

— Приди ко мне, любимый, приди ко мне. Забери меня туда, где мы будем одни, совсем одни. Я отдамся тебе, я буду твоей рабыней. Повелевай мной, делай со мной что пожелаешь.

Норману хотелось расхохотаться, однако на сердце у него было неспокойно. Конечно, приятно выслушивать такие признания, но все-таки в звонке было что-то от розыгрыша. Может, кому-то вздумалось пошутить?

— Милый, я лежу на диване и говорю с тобой, и на мне нет никакой одежды. Рядом с моей крова-

тью стоит лампа с розовым абажуром. О, забери меня с собой на необитаемый тропический остров. Мы там будем любить друг друга. Я укушу тебя, ты укусишь меня, а потом мы бросимся в море, залитое лунным светом, а вокруг по воде будут плавать белые лепестки…

Конечно, шутка, иного просто быть не может, решил он с полуосознанным сожалением. Неожиданно он догадался, кто способен разыгрывать его таким образом.

— Приди же, Норман, приди и забери меня во тьму, — продолжал сладострастный голос.

— Ладно, приду, — ответил он. — А когда мы отзанимаемся любовью, я включу свет и спрошу: «Мона Ателл, тебе не стыдно?»

— Мона? — взвизгнул голос. — Ты сказал — «Мона»?

— Ну да, — усмехнулся Норман. — Ты единственная актриса, единственная женщина, которую я знаю, способная изобразить столь знойный темперамент. А как бы ты поступила, если бы трубку сняла Тэнси? Начала бы подражать Хамфри Богарту? Как там Нью-Йорк? Гуляете? Что пьем?

— Пьем? Норман, ты не узнал меня?

— Конечно узнал. Ты Мона Ателл. — Однако он

засомневался. Затянутые шутки были отнюдь не во вкусе Моны. К тому же голос в трубке, который он точно слышал раньше, делался все выше и выше.

— Значит, ты действительно не узнаешь меня?

— Боюсь, что нет, — ответил он довольно резко, в тон вопросу.

— В самом деле?

Норман почувствовал, что эти три слова предвещают бурю, но ему надоело сдерживать себя.

— Нет! — бросил он.

И едва не оглох от раздавшегося на том конце провода истошного вопля:

— Ах ты, дрянь! Мерзавец! После всего, что ты сделал со мной! Значит, не ты изводил меня, не ты раздевал меня взглядом?

— Послушайте…

— Знойный темперамент! Да ты… паршивый учителишка! Ступай к своей Моне! Ступай к своей задаваке-жене! Чтоб вам всем троим жариться в аду на сковородке!

Услышав короткие гудки, Тотем, с интересом внимавший разговору, отвернулся. Криво улыбаясь, Норман положил трубку. Вот тебе и безмятежная профессорская жизнь! Он попытался определить, кто из знакомых женщин может

сгорать от любви к нему, но ничего не достиг. Пожалуй, мысль насчет Моны Ателл была вполне здравой. Мона не задумалась бы позвонить из Нью-Йорка, если бы ей взбрело в голову разыграть Сейлоров. Она обожала подобные развлечения, особенно на вечеринках после представления.

Однако шутки свои она обычно заканчивала по-иному. Ей нужно было, чтобы смеялись все.

Может статься, объявился другой шутник.

А вдруг это не шутка… Норман пожал плечами. Сущий бред! Надо рассказать Тэнси, повеселить ее. Он направился в спальню.

У двери в комнату он застыл как вкопанный. Лишь сейчас к нему вернулась память о том, что случилось днем. За звонками он начисто позабыл о переполохе, который сам и устроил.

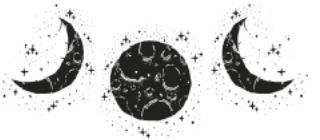
Он поглядел на телефон. В доме было очень тихо.

Внезапно у него мелькнула мысль, что, если вдуматься, эти два звонка в столь поздний час — нечто большее, чем простое совпадение.

Впрочем, ученый должен придерживаться фактов.

Тэнси крепко спала.

Он потушил свет в холле и лег в постель.



Глава 4

На следующее утро, шагая привычной дорогой к колледжу, Норман неожиданно остро почувствовал, насколько искусственна хемпнелловская готика. Эта вычурная архитектура — всего-навсего ширма, за которой бушуют страсти по поводу низкой зарплаты и слишком обременительных административных обязанностей, а истинно научная мысль задыхается под грузом житейских забот; ширма, за которой студенты с готовностью укрываются от знаний ради земных утех, пускай даже неуклюжих, суматошных и довольно-таки дешевых. Но как знать, может, именно для того и воздвигли в былые годы высокое здание с башенками неведомые святые отцы.

На улице было пусто, если не считать нескольких человек впереди, но пройдет три или четыре минуты — и из церкви вырвется на волю буйная студенческая орда, нахлынет разноцветной волной ярких свитеров и жакетов.

Едва лишь Норман собрался перейти улицу, как из-за угла вывернул грузовик. Норман с отвращением попятился. Он не имел ничего против легковых автомобилей — куда от них денешься

в нашем пропахшем бензином мире? — однако грузовики, рычащие громады, внушали ему чуть ли не суеверный страх.

Он огляделся по сторонам и заметил позади себя студентку, которая то ли опоздала на богослужение, то ли вообще пренебрегла им. Присмотревшись, он понял, что видит миссис Карр, и решил подождать ее.

Ошибка его была вполне простительной. Несмотря на свои семьдесят лет, седовласая деканша женского отделения сумела сохранить девическую стройность фигуры. Походка у нее была изящная, почти летящая. Только приглядевшись, можно было различить на ее лице многочисленные морщины. В поведении миссис Карр не было ни свойственного молодым девушкам жеманства, ни подчеркнуто сексуального внимания к мужчинам; однако мнилось, что она жадно поглощает юность и свежесть, впитывает их всеми порами своего тела.

Похоже, подумалось Норману, среди преподавателей Хемпнелла процветает культ юности, особая форма великого американского культа юности, родственное вампиризму наслаждение молодостью…

Приветствие миссис Карр прервало нить его

размышлений.

— Как поживает Тэнси? — спросила деканша.

В голосе ее слышалась такая забота, что Норман даже удивился: ему всегда казалось, что миссис Карр не сильно интересуется личной жизнью профессорского состава. Хотя на то она и деканша женского отделения, чтобы справляться о здоровье женщин.

— Нам так не хватало ее на последней встрече преподавательских жен, — продолжала между тем миссис Карр. — Сколько же в ней веселья! А оно нам сегодня просто необходимо.

Солнце отражалось в толстых стеклах ее очков над румяными, словно спелое яблоко, щеками. Она положила руку на локоть Нормана:

— Хемпнелл ценит Тэнси, профессор Сейлор.

«Еще бы вам ее не ценить!» — чуть не сорвалось у Нормана с языка.

— Мне кажется, заслуженно, — отозвался он вежливо, мысленно усмехнувшись. Десять лет назад миссис Карр была активисткой клуба «Эти Сейлоры разлагают молодежь».

Миссис Карр звонко рассмеялась.

— Мне нужно спешить на конференцию, — проговорила она. — Но помните, профессор Сейлор, что Хемпнелл ценит и вас тоже.

Он поглядел ей вслед, размышляя, не означает ли последняя фраза, что его надежды занять вакантную должность на кафедре социологии близки к осуществлению. Потом пересек улицу и направился к Мортон-холлу.

Едва Норман вошел в свой кабинет, зазвонил стоявший на столе телефон. Норман снял трубку и услышал голос Томпсона, ответственного за связи с общественностью. Это был, пожалуй, единственный административный пост, который не сочли возможным доверить кому-нибудь из профессоров.

Томпсон поздоровался в своей обычной манере — тепло, даже несколько чересчур. Норман в который уже раз поймал себя на мысли, что его коллега был бы куда счастливее, торгуя, скажем, мылом или косметикой. Потребовалась бы процедура психоанализа, чтобы выявить, что заставляет Томпсона цепляться за академический мир. Впрочем, он не одинок в своем влечении.

— У меня к вам деликатное дельце, — сказал Томпсон. Иногда у Нормана складывалось впечатление, что тот коллекционирует трудности такого рода. — Только что мне звонил один из членов опекунского совета. До него дошли весьма странные слухи — откуда именно, он не пожелал

сообщить — относительно вас и миссис Сейлор. Будто бы на рождественских каникулах вы, будучи в Нью-Йорке, побывали на вечеринке, которую устраивали знаменитые, но известные своей… гм… веселостью актеры. Знаете, по-моему, это не очень-то правдоподобно. Якобы вы кутили ночь напролет, а потом был импровизированный спектакль в ночном баре и что-то связанное с академической мантией и… э-э… некой стриптизеркой. Я пообещал разобраться. Но, разумеется, я подумал… может, вы…

— Представлю опровержение? Извините, но не получится. К сожалению, все так и было на самом деле.

— Да?.. Понятно. Ну что ж. — Томпсон вздохнул. — Тогда я вам скажу вот еще что. Опекун — Феннер — был в страшном гневе. Он так кричал, что у меня в ушах звенело. Послушать его, актеры сплошь пьяницы и развратники.

— Ну, что касается Моны и Велби Ателл, тут он прав в первом и ошибается во втором. Они по-своему верны друг другу. Вообще, любопытная пара! Я вас как-нибудь с ними познакомлю.

— О… Конечно, конечно, — проговорил Томпсон. — Всего доброго.

Прозвенел звонок, возвещавший о начале заня-

тий. Норман бросил на стол обсидиановый нож, которым пользовался, распечатывая почтовые конверты, отодвинул стул и поднялся, слегка раздраженный очередным проявлением маразматической чопорности Хемпнелла. Не то чтобы он предпринимал какие-то попытки, стремясь скрыть свое присутствие на вечеринке у Ателлов, которая, кстати говоря, вышла немного сумасброднее, чем он предполагал. Однако Норман не рассказывал о ней ни единой живой душе в колледже. И вот на тебе, пожалуйста, через столько-то месяцев!

В окно кабинета виднелся гребень крыши Эстри-холла, как бы рассекавший стекло по диагонали. На нем восседал не слишком крупный дракон — разумеется, статуя. Норману вновь пришлось убеждать себя, что события прошлого вечера ему вовсе не приснились. Рассудок отказывался мириться с ними. Но, между прочим, средневековые суеверия Тэнси ничуть не диковинней архитектуры Хемпнелла, всех этих горгулий и остальных чудовищ, которые призваны были отпугивать злых духов. Прозвенел второй звонок, и Норман вышел из кабинета.

Когда он появился в аудитории, шум мало-помалу утих. Норман попросил одного из студентов

объяснить, почему родственные связи считаются признаком племенной организации, потом потратил пять минут на приведение в порядок собственных мыслей и на то, чтобы отметить опоздавших и отсутствующих. Стоявший у доски запутался в схемах брачных групп; Бронштейн, студент-отличник, весь извертелся, показывая, что надо вызвать его. Норман пригласил высказываться и в конце концов добился того, что завязался оживленный спор.

Самоуверенный президент студенческого братства, который сидел во втором ряду, произнес:

— Всякая первобытная социальная организация, в отличие от современной, основана на невежестве, традиции и суеверии.

Норман оседлал своего конька. Он разбил защитника современного общества в пух и прах, подробно разобрав его точку зрения, сравнив студенческие братства и первобытные «дома молодых», описав принятые там и тут обряды инициации, а потом пустился рассуждать на тему, какими показались бы наши нынешние привычки и обычаи гипотетическому этнологу откуда-нибудь с Марса. Мимоходом он упомянул о сходстве между женскими землячествами в университетах и существовавшим у перво-

бытных племен правилом отделять девушек по достижении ими половой зрелости от юношей.

Время перестало существовать. Увлекшись, Норман приводил пример за примером культурного отставания во всем, от требований этикета до системы мер и весов. Он говорил такие интересные вещи, что проснулся даже вечно сонный студент в последнем ряду.

— Да, мы привнесли кое-какие нововведения, главное среди которых — систематическое применение научного метода, но примитивная основа никуда не делась, она по-прежнему влияет на нашу жизнь. Мы с вами — осовременившиеся человекообразные обезьяны, мы или воюем, или сидим в ночных клубах. Никем иным мы быть не можем.

Браку и формам ухаживания он уделил особое внимание. Подбадриваемый восторженной улыбкой Бронштейна, Норман провел параллели из современности к браку-покупке, браку-пленению и символическому бракосочетанию с божеством. Он доказал, что брак — весьма древнее установление, которое с успехом практикуют как европейцы, так и полинезийцы.

Вдруг в глаза ему бросилось багровое от ярости лицо Грейсин Поллард, дочери президента

Хемпнелла. Она кидала на него убийственные взгляды, делая вид, что ее ничуть не волнует любопытство соседей.

Ясно, подумалось Норману, она наябедничает папочке, что профессор Сейлор проповедует свободную любовь. Он пожал плечами и продолжил было объяснение, но тут раздался звонок.

Недовольный собой, Норман направился в кабинет, рассеянно прислушиваясь к рассуждениям Бронштейна и двух других студентов.

На своем столе он обнаружил записку от Гарольда Ганнисона, декана мужского отделения. Поскольку следующий час был у него не занят, Норман решил сходить в административный корпус. Бронштейн на ходу пытался изложить ему какую-то идею.

Однако Норману было не до Бронштейна. Он размышлял над тем, почему позволил себе увлечься. Надо признать, он был чересчур откровенен. Странно: он давно ведь уже приучился говорить в аудитории то, что не нарушало бы приличий, как их понимали в Хемпнелле, и одновременно не принуждало его жертвовать своими убеждениями. С чем же связан сегодняшний маленький бунт?

Мимо, не проронив ни слова, прошла миссис

Карр; на лице ее написано было неодобрение. Оглядев себя, Норман догадался о возможной причине ее холодности. Погрузившись в размышления, он закурил сигарету. Вдобавок Бронштейн, восхищенный, должно быть, его смелостью, поступил точно так же. Суровый устав Хемпнелла разрешал преподавателям курение только в общей комнате; некоторые, правда, отваживались втихомолку покуривать в кабинетах, но дальше этого дело не шло.

Норман нахмурился, но сигарету не выбросил. По всей видимости, события прошлого вечера встревожили его сильнее, чем он полагал. Он раздавил окурок каблуком на ступеньках административного корпуса.

В дверях он столкнулся с миссис Ганнисон.

— Хорошо, что я крепко держала камеру, — пробурчала та, когда Норман подал ей ее сумочку. — Терпеть не могу менять линзы. — Откинув со лба неопрятную рыжеватую челку, она прибавила: — Вы плохо выглядите. Как Тэнси?

Уверив миссис Ганнисон, что все просто отлично, Норман поторопился распрощаться с ней. Вот, подумал он, настоящая ведьма. Мешковатые, но дорогие наряды; властная, чванливая, ворчливая; под настроение добродушная, однако привык-

шая не считаться ни с чьими желаниями, кроме своих собственных, Хульда Ганнисон была единственным человеком, перед которым заискивал и лебезил ее супруг.

Увидев Нормана, Гарольд Ганнисон повесил телефонную трубку и махнул ему рукой, приглашая садиться.

— Норман, — сказал он, хмурясь, — вопрос крайне деликатный.

Норман напрягся. В отличие от Томпсона, Ганнисон, как правило, не бросался словами. Они с Норманом вместе играли в сквош и вроде бы даже приятельствовали. Нормана смущало лишь то, что Ганнисон всегда был заодно с президентом Поллардом. Они словно состояли членами клуба взаимного восхищения; торжественные ссылки на политические взгляды Полларда, на его цветистые рассказы о дружбе со знаменитыми политиками со стороны декана мужского отделения Хемпнелла сопровождались похвалами президента в адрес последнего.

Гарольд сказал: «Вопрос деликатный». Норман приготовился услышать отповедь о сумасбродном, нескромном, криминальном поведении Тэнси. Иной причины вызова к декану он уже вообразить не мог.

— Норман, у вас работает девушка из Студенческого трудового агентства по имени Маргарет Ван Найс?

Внезапно Норман понял, кто звонил ему вчера вечером, кроме Дженнингса. Оправившись от неожиданного открытия, он ответил:

— Да, тихонькая такая. Печатает на мимеографе. — Запнулся и почти против воли добавил: — Разговаривает исключительно шепотом.

— Ясно. Некоторое время назад она закатила истерику в кабинете миссис Карр и обвинила вас в том, что вы соблазнили ее. Миссис Карр, разумеется, сразу же поставила в известность меня.

Норман подавил желание рассказать Ганнисону о вечернем телефонном звонке и ограничился коротким:

— Ну и?..

Брови Ганнисона сошлись на переносице.

— Я знаю, такое бывало и прежде, — сказал Норман, — даже здесь, в Хемпнелле. Но сейчас девушка лжет.

— Я в этом не сомневался, Норман.

— Спасибо. Хотя возможность у меня была. Мы с ней несколько раз засиживались допоздна.

Ганнисон потянулся за папкой:

— По чистой случайности у меня нашелся ее

невротический показатель: комплекс на комплексе. Думаю, мы все уладим.

— Я хочу послушать ее обвинения, — сказал Норман, — и чем раньше, тем лучше.

— Конечно. Мы соберемся в кабинете миссис Карр сегодня в четыре часа. А пока с девушкой побеседует доктор Гарднер. Надеюсь, он сумеет укротить ее.

— В четыре часа, — повторил Норман, вставая. — Вы придете?

— Разумеется. Прошу прощения, что потревожил вас, Норман. По совести говоря, если бы не миссис Карр, я бы не стал отвлекать вас от дел. Но вы же ее знаете.

Норман задержался в приемной, чтобы посмотреть выставку предметов, связанных с физической химией — областью, в которой работал Гарольд Ганнисон. Нынешнюю экспозицию составляли капли принца Руперта и прочие не менее загадочные творения. Норман мрачно уставился на сверкающие темные шарики с лихо закрученными хвостами. Табличка рядом извещала, что они получены путем наливания расплавленного стекла в горячее масло. Ему подумалось вдруг, что Хемпнелл чем-то похож на каплю принца Руперта. Ударь с размаху молот-

ком — всего лишь отобьешь себе руку, а стоит подцепить ногтем тоненькую нить, которой заканчивается капля, и взрыва не миновать.

Замечательно.

Норман окинул взглядом остальные предметы, среди которых находилось крошечное зеркало, которое, как уверяла надпись на табличке, рассыплется в порошок при малейшей царапине или внезапном изменении температуры.

Замечательно ли? Любое заорганизованное, в некотором роде искусственное заведение вроде маленького колледжа имеет свои слабые, уязвимые места. То же самое можно сказать о людях и об их карьере. Найдите такое место в мозгу невротичной девушки, надавите на него, и она примется обвинять всех подряд в чудовищных преступлениях. Или взять человека душевно здорового, да хотя бы его самого. Предположим, кто-то тайно наблюдает за ним, выискивает нужную точку, а палец уже наготове…

Бред! Господи, сплошной бред! Норман поспешил в аудиторию.

Когда он выходил с лекции, на него налетел Харви Соутелл.

Коллега Нормана по кафедре напоминал злую карикатуру на профессора колледжа. Соутелл

был немногим старше Нормана, однако по характеру смахивал то ли на глубокого старца, то ли на перепуганного юнца. Он вечно куда-то торопился, мучился нервным тиком и порой ходил сразу с двумя портфелями. Норман видел в нем одну из бесчисленных жертв интеллектуального тщеславия. Скорее всего, в свои студенческие годы Харви Соутелл позволил недалеким наставникам убедить себя в том, что обязан знать все обо всем, помнить вещие афоризмы классиков, к чему бы они ни относились, будь то средневековая музыка, дифференциальные уравнения или современная поэзия; быть в состоянии ответить со знанием дела на всякое замечание, даже если оно произнесено на мертвом или иностранном языке, и ни при каких обстоятельствах не задавать вопросов. Потерпев неудачу в своих отчаянных усилиях превзойти Бэкона, Харви Соутелл в итоге усомнился в собственной интеллектуальной пригодности, однако старался скрыть от окружающих это сомнение или, по крайней мере, забыть о нем за тщательным изучением разнообразных подробностей.

На его узком, морщинистом личике с тонкими губами и высоким лбом отчетливо просматривались следы повседневных забот и житейских

треволнений.

Соутелл был донельзя взволнован.

— Норман, у меня есть для вас кое-что интересное! Я с утра рылся в библиотеке и откопал докторскую диссертацию за тысяча девятьсот тридцатый год, озаглавленную «Суеверие и невроз»! — Соутелл показал Норману объемистую, отпечатанную на машинке рукопись, которая выглядела так, словно ее ни разу не открывали. — Любопытное совпадение, правда? Ведь ваша работа называлась «Параллелизм суеверий и неврозов». Хочу проглядеть эту штуку вечерком.

Они шли быстрым шагом по направлению к столовой; студенты в коридоре с улыбками расступались перед ними. Норман искоса посматривал на Соутелла. Дурачок наверняка помнит, что его «Параллелизм» был опубликован в 1931 году; значит, волей-неволей зарождается подозрение в плагиате. Однако Соутелл как будто ничего такого пока не думал.

Нормана так и подмывало отвести Соутелла в сторону и сказать ему, что здесь вовсе не просто совпадение и что тем не менее репутация ученого остается незапятнанной. Но в то же время ему казалось неуместным сейчас откровенничать с коллегой.

Он был обеспокоен сильнее, чем можно было заключить по его виду. Сколько минуло лет с той поры, когда этот чертов Каннингем вылез со своей диссертацией! Она мирно покоилась в прошлом — позабытое уязвимое место, ожидающее лишь пальца, который на него нажмет…

Сущий бред! Ладно, он как-нибудь объяснится с Соутеллом и со всеми остальными, но не теперь.

Соутелл сменил тему:

— Норман, нам предстоит провести конференцию для выработки программы по социальным наукам на следующий год. Я предлагаю подождать… — Он замялся.

— Пока не решится вопрос с руководителем кафедры, — докончил за него Норман. — Зачем? Все равно мы с вами будем сотрудничать.

— Да, разумеется. Я не собирался…

На ступеньках здания столовой к ним присоединились другие преподаватели. Со студенческой половины доносился оглушительный грохот подносов, однако в профессорском уголке было сравнительно тихо.

Разговоры за столом велись самые обычные; некоторое оживление, впрочем, вызвало упоминание о предстоящей реорганизации Хемпнелла

и расширении штата. Кто-то прошелся насчет политических амбиций президента Полларда, и Гарольд Ганнисон сообщил, что некая мощная группировка прочит Полларда на пост губернатора. Ответом ему было удивленно-настороженное молчание. Затронута была и вакансия на кафедре социологии; кадык Соутелла судорожно задергался.

Норман ухитрился завязать беседу с психологом Холстромом. Он был рад, что до четырех часов у него не будет свободного времени. Конечно, в отношении служебного рвения ему далеко до Соутелла, но вот по части нервозности он вроде бы его догоняет…

Встреча в четыре часа принесла желаемое облегчение. Подойдя к двери в кабинет миссис Карр, Норман услышал жалобный всхлип:

— Я все наврала! Ничего не было!

Ганнисон сидел у окна, сложив руки на груди и слегка наклонив голову; он напоминал скучающего и немного встревоженного слона. На стуле посреди комнаты съежилась худенькая девушка. По щекам ее бежали слезы, плечи сотрясались от истерических рыданий. Миссис Карр старалась успокоить ее.

— Я не знаю, почему так поступила, — про-

шептала девушка. — Я была влюблена в него, а он даже не смотрел на меня. Прошлой ночью я хотела убить себя, но передумала и решила отомстить ему…

— Ну, Маргарет, возьмите себя в руки, — проворковала миссис Карр, гладя студентку по голове.

— Минутку, — вмешался Норман. — Мисс Ван Найс…

Девушка испуганно вскинулась, видимо только теперь заметив его.

Помолчав, Норман продолжил:

— Мисс Ван Найс, вспомните, пожалуйста. Ночью, после того, как вы собрались убить себя, и перед тем, как надумали отомстить мне, не сделали ли вы чего-то еще? Вы, случайно, никуда не звонили?

Девушка не ответила, однако на лице ее выступил румянец, мало-помалу переполз на шею и юркнул под воротник. Вскоре у нее покраснели даже руки.

Ганнисон проявил слабый признак интереса.

Миссис Карр сурово посмотрела на студентку. Норману на миг показалось, что ее взгляд прямо-таки исходит злобой. Но, должно быть, то был эффект очков с толстыми стеклами, которые порой придавали миссис Карр сходство с большой

рыбиной.

Черты девушки исказились, в глазах ее читались смятение и мольба.

— Все в порядке, — утешил ее Норман. — Вам не о чем волноваться.

Он сочувственно улыбнулся.

Девушка резким движением высвободилась из материнских объятий миссис Карр и вскочила со стула.

— Ненавижу вас! — бросила она Норману. — Как я вас ненавижу!

Ганнисон вышел из кабинета следом за ним. Он зевнул и покачал головой.

— Хорошо все, что хорошо кончается, — проговорил он. — Кстати, Гарднер заверил меня, что с ней все нормально.

— Веселые дела, — вздохнул Норман.

— Да, между прочим, — Ганнисон извлек из внутреннего кармана пиджака белый конверт, — вот записка для миссис Сейлор. Хульда просила меня передать ее вам, а я чуть не забыл.

— Мы с Хульдой встретились сегодня утром, — пробормотал Норман. Мысли его блуждали неведомо где.

Вернувшись к себе, Норман попытался было разобраться в этих мыслях, но они оказались

чрезвычайно ловкими и увертливыми. Его внимание приковал дракон на крыше Эстри-холла. Забавно: такие скульптуры можно не замечать годами, а потом они сразу и вдруг бросаются тебе в глаза. Сколько найдется людей, способных в точности описать архитектурные украшения зданий, в которых они трудятся? Наверное, это под силу лишь одному из десяти. Да если бы его самого только вчера спросили про того дракона, он не сумел бы и припомнить, существует такой или нет.

Опершись локтями на подоконник, Норман уставился на каменную ящерицу, обладавшую, как ни странно, подобием антропоидной формы. Дракон купался в желтых лучах заходящего солнца; закат, кажется, символизирует путь, коим души умерших проходят в подземный мир. Под статуей выступала из-под карниза лепная голова, одна из множества выстроившихся вдоль антаблемента. Норман различил выбитое в камне имя — Галилей. Рядом было написано еще что-то.

Зазвонил телефон. Он отвернулся от окна и словно погрузился в царивший в кабинете полумрак.

— Сейлор? Я просто хотел сказать, что даю тебе срок до завтра…

— Послушайте, Дженнингс, — перебил Норман, — вчера ночью я повесил трубку потому, что вы начали кричать. Поверьте мне, угрозы не принесут вам пользы.

Голос продолжал с того места, где его прервали, постепенно повышаясь в тоне:

— …чтобы ты изменил свое мнение и помог мне восстановиться в Хемпнелле.

Затем последовал поток ругательств и проклятий. Они долго отдавались в ушах Нормана.

Параноик, иначе не скажешь.

Внезапно его пробрала дрожь.

Вчера вечером в двадцать минут первого он сжег амулет, который как будто оберегал его от дурного воздействия, — последнюю из «ладошек» Тэнси.

Примерно в то же время Маргарет Ван Найс решила признаться ему в любви, а Теодор Дженнингс вознамерился доказать причастность Нормана ко всеобщему заговору против него.

На следующее утро член опекунского совета Феннер связался с Томпсоном по поводу вечеринки у Ателлов, а Харви Соутелл, роясь в библиотеке, обнаружил…

Бред собачий!

Сердито фыркнув, Норман схватил шляпу и

покинул кабинет.

Глава 5

За ужином Тэнси была весела, как никогда. Дважды, поднимая голову от тарелки, Норман видел, что она улыбается собственным мыслям.

Он отдал ей записку миссис Ганнисон.

— Миссис Карр интересовалась, как ты поживаешь. Она меня заболтала чуть ли не до смерти, но была чопорна, как королева. А потом…

Он поймал себя на том, что собирался рассказать про сигарету, про ледяное безразличие миссис Карр и про устроенный Маргарет Ван Найс переполох. Незачем беспокоить Тэнси, тем более что она вполне может счесть дневные события признаком отвернувшейся удачи. Кто знает, до чего она способна додуматься?

Проглядев записку, Тэнси протянула листочек ему.

— В лучших хемпнелловских традициях, — сказала она.

Норман стал читать:

Милая Тэнси! Чем вы так заняты? За весь этот месяц мы с вами встречались всего лишь раз или два. Если вы работаете над чем-то любопытным, почему бы вам не поделиться с нами? Приходите в субботу к чаю, и мы поговорим.

Хульда

P. S. Не забудьте, что через субботу состоится бал выпускников, на который вы должны испечь четыре десятка плюшек.

— Написано довольно путано, — сказал он, — однако я, кажется, научился понимать миссис Ганнисон. Она сегодня была на редкость неряшлива.

Тэнси рассмеялась:

— Мы слишком долго сторонились людей, Норм. Пожалуй, я приглашу их завтра вечером на бридж. Среды у них обычно свободные. Да, их и Соутеллов.

— Надо ли? Я про эту местную львицу.

Тэнси засмеялась еще громче.

— Что бы ты делал тут без меня… — Она оборвала себя. — Боюсь, тебе придется вытерпеть

присутствие Ивлин. В конце концов, Харви — профессор той же кафедры, что и ты, и считается, что вы должны поддерживать с ним дружеские отношения. А чтобы у нас получилось два стола, я приглашу Карров.

— Три вздорные бабы, — проговорил Норман. — Если большинство профессорских жен таково, то мне невиданно повезло с тобой.

— Иногда мне приходит в голову похожая мысль, только насчет мужей-профессоров, — отозвалась Тэнси.

За кофе они закурили. Тэнси произнесла с запинкой:

— Норм, прошлой ночью я сказала, что не хочу говорить об этом. Но мне нужно кое о чем тебе рассказать.

Он кивнул.

— Я не стала говорить тебе вчера, когда мы сжигали… те вещи. Я была ужасно напугана. Мне чудилось, мы пробиваем дыры в стене, которую я с таким трудом воздвигала, что теперь ничто не остановит…

Он промолчал.

— Нелегко объяснить, но с тех пор, как я начала… забавляться таким образом, я постоянно ощущала некое давление снаружи. То был смут-

ный, нервический страх, вроде того, какой ты испытываешь перед грузовиками. Что-то норовило подобраться к нам, а я отгоняла его при помощи своих… Мы словно состязались, кто кого пересилит. Знаешь, есть вид состязаний, где надо прижать руку соперника к столу. Вот и здесь было нечто подобное. Однако я отвлеклась. Я легла в постель, чувствуя себя разбитой и несчастной. Давление снаружи все нарастало, и я не могла ему сопротивляться, ибо мои подручные средства сгорели в огне. И вдруг, приблизительно час спустя, я пережила огромное облегчение. Давление исчезло; впечатление было такое, словно я вынырнула на поверхность после того, как едва не утонула. И я поняла… что безумие миновало. Вот чему я радуюсь.

Норману стоило немалых усилий не выкрикнуть в лицо Тэнси того, о чем он размышлял. Еще одно совпадение? Не чересчур ли? В тот самый миг, когда он, спалив в камине последний амулет, неожиданно испугался, Тэнси ощутила облегчение. Что ж, впредь ему наука: порой совпадениям следует доверять.

— Я была безумна, милый, — продолжала Тэнси. — И спасибо тебе. Твое спокойствие очень помогло мне.

— Ты была не безумна, — возразил он. — Безумие — лишь описательный термин, применимый к любому человеку. Тебя просто обморочила злонамеренность вещей.

— Злонамеренность?

— Да. Гвозди упрямо гнутся, когда по ним стучишь молотком, приборы отказываются работать, когда их включаешь, ну и так далее. Шуточки материи. В крупных соединениях она повинуется законам природы, но на уровне отдельных атомов или электронов выкидывает разные коленца…

Разговор приобретал нежелательное направление, а потому Норман искренне обрадовался, когда Тотему взбрело в голову вскочить на стол и потребовать внимания хозяев.

В общем, так приятно они не проводили вечер уже целый век.

Однако наутро, придя в Мортон-холл, Норман пожалел, что произнес накануне эти слова — «злонамеренность вещей». Они как застряли в мозгу. Он заметил вдруг, что его заботят сущие пустяки, вроде того каменного дракона на крыше Эстри-холла. Вчера ему казалось, что тот восседает точно посередине покатого гребня. Сегодня же дракон был намного ближе к земле; почти рядом

с архитравом, который возвышался над огромными и бесполезными готическими воротами, разделявшими Мортон и Эстри. Даже гуманитарию не помешает быть более наблюдательным!

Трель телефона и девятичасовой звонок на занятия раздались одновременно.

— Профессор Сейлор? — В голосе Томпсона слышались просительные нотки. — Извините, что снова беспокою вас, но мне только что передали запрос другого опекуна, Лидделла. Он интересуется вашим неофициальным выступлением, которое по времени примерно совпадает с той… э-э… вечеринкой. Тема была «Какие недостатки имеются в системе институтского образования».

— Ну и что? Разве в системе нет недостатков или эта тема под запретом?

— О, что вы, нет-нет! Но опекун почему-то полагает, что вы критиковали Хемпнелл.

— Я критиковал маленькие колледжи наподобие Хемпнелла, но о нем самом речи не было.

— Лидделл опасается, что ваше выступление окажет отрицательное влияние на приток к нам студентов. Он говорит, что некоторые из его друзей с детьми студенческого возраста, выслушав вас, изменили свое отношение к колледжу.

— Значит, они излишне впечатлительны.

— Кроме того, он полагает, что вы затронули… гм… политическую деятельность президента Полларда.

— Простите, но мне пора на занятия.

— Хорошо. — Томпсон повесил трубку.

Норман невесело усмехнулся. Да, злонамеренность вещей не идет ни в какое сравнение со злонамеренностью людей! Он поспешил в аудиторию.

Уже от двери он заметил, что Грейсин Поллард отсутствует, и подумал мельком, не была ли вчерашняя лекция чересчур нескромной для ее своеобразной благопристойности. Ну и пусть: даже дочери президентов должны иногда узнавать правду.

Что же касается остальных, они словно воспряли ото сна. Несколько студентов решили вдруг писать на эту тему курсовые работы; президент братства, чтобы превратить свое поражение в относительный успех, намеревался поместить в хемпнелловском «Фигляре» юмористическую статью о заимствовании студенческими землячествами отдельных элементов из первобытных обрядов инициации. Занятие вышло весьма любопытным.

Позже Норману подумалось, что редко кто по-

настоящему понимает студентов. К ним обычно относятся как к заведомым бунтарям и радикалам, не связанным никакими моральными установками. Нижние слои общества представляют их себе этакими чудовищами, извращенцами, потенциальными убийцами маленьких детей и участниками всевозможных шабашей. А на деле они привержены традициям и обычаям гораздо сильнее многих своих сверстников. В том же сексе они безнадежно отстают от тех, чье образование прекратилось с окончанием средней школы.

Вместо того чтобы потрясать устои крамольными заявлениями, они двуличничают, говорят лишь то, что наверняка придется по душе преподавателю. Опасность того, что они внезапно выйдут из повиновения, невелика. Наоборот, нужно потихоньку приучать их к правдивости, показывать всю нелепицу привычных табу. И насколько сложнее все становится, насколько настоятельнее требует твоего вмешательства в эпоху промежуточной нравственности, когда преданность отчизне и верность семье растворяются в более широких понятиях — или в жестоком, самовлюбленном, порожденном атомной бомбой хаосе, если человеческий дух изувечен, искале-

чен и изничтожен традиционным эгоизмом и страхами. Что же до преподавателей в колледжах, их образ в глазах общественности ничуть не менее искажен, чем образ студентов, тогда как в жизни они — люди крайне робкие, весьма чувствительные к мнению окружающих, и то, что порой они произносят смелые речи, — результат продолжительной внутренней борьбы.

Все это отражает устаревшее, постепенно отмирающее обыкновение взирать на преподавателей не как на тех, кто чему-то обучает, а как на своеобразных весталок, живых жертв на алтарь респектабельности, заключенных в современных темницах и осуждаемых по куда более суровому моральному кодексу, чем тот, что принят для бизнесменов и домохозяек. А потому среди них самих весталочья непорочность ценится гораздо выше, нежели хилое пламя воображения и честного интеллектуального любопытства. И то сказать, большинству людей наплевать, что огонек угаснет, лишь бы преподаватели по-прежнему сидели в своих храмах — неосквернённые, угрюмые, словно окаменевшие.

Да, подумалось Норману, от нас прямо-таки добиваются, чтобы мы сделались колдунами и ведьмами, по возможности безвредными. А я-то

заставил Тэнси бросить это дело!

Он усмехнулся.

Хорошее настроение не покидало его до встречи после занятий с Соутеллами на ступеньках Мортон-холла.

Ивлин Соутелл держалась заносчиво, в голосе ее постоянно проскальзывали снисходительные нотки. Она всячески старалась убедить всех вокруг, что ради Харви пожертвовала карьерой актрисы. Однако в действительности она не сумела даже как следует руководить студенческим театром Хемпнелла, и в итоге ей пришлось удовлетвориться скромной должностью консультанта. Впрочем, в умении одеваться с некоторым вкусом ей было не отказать; однако ее одежда в сочетании с подчеркнуто прямой осанкой, впалыми щеками, тускло-серыми глазами и такими же волосами наводила на мысль о тех театральных дамах, с которыми частенько сталкиваешься в фойе перед началом представления.

Притязая на принадлежность, но ни в коей мере не принадлежа к богеме, Ивлин Соутелл тем тщательнее надзирала за соблюдением многочисленных условностей хемпнелловской жизни. В силу своего достаточно глубокого невежества делала она это с полным отсутствием такта.

Супруг был у нее под каблуком. Она вертела им как хотела, помыкала и изводила насмешками, но ему, похоже, подобное обращение даже шло на пользу.

— Я обедала сегодня с Генриеттой… с миссис Поллард, — сообщила Ивлин Соутелл Норману с видом человека, который побывал на обеде у члена королевской семьи.

— О, Норман… — встрял было Харви, взмахивая портфелем.

— У нас получился очень интересный разговор, — перебила его жена. — И о вас, Норман, мы говорили тоже. Как будто Грейсин неверно истолковала кое-какие фразы из вашей лекции. Она такая впечатлительная!

Тупоголовая, мысленно поправил Норман. Вслух же он, чтобы не показаться невежливым, пробормотал:

— Да?

— Милая Генриетта была слегка озадачена тем, как ей быть. Я рассказываю вам потому, что, по-моему, вы желали бы это знать. В конце концов, важнее всего, чтобы ни у кого не сложилось предвзятого мнения о вашей кафедре. Ты согласен со мной, Харви?

— Что? Конечно, дорогая, конечно. Послушай-

те, Норман, насчет той диссертации, которую я отыскал в библиотеке. Просто удивительно! Ее главные доводы и заключения почти целиком совпадают с теми, которые содержатся в вашей книге. Замечательный случай истинности двух различных подходов, совсем как у Дарвина с Уоллесом или…

— И ты ничего не сказал мне, дорогой?! — воскликнула миссис Соутелл.

— Минутку, — проговорил Норман.

Скрепя сердце он приготовился дать объяснение в присутствии супруги Харви:

— Простите, что вынужден разочаровать вас, Харви. Все случилось в мой первый год пребывания здесь, в тысяча девятьсот двадцать девятом. Выпускник по имени Каннингем ухватил суть моих идей, которыми я с ним делился, и использовал их в своей докторской диссертации. В то время проблема сходства между суеверием и неврозом была побочной линией моих исследований; к тому же я два месяца проболел воспалением легких и не успел прочитать его работу до того, как он защитился.

Соутелл моргнул. Лицо его приобрело обычное обеспокоенное выражение. Судя по взгляду его жены, она предпочла бы сначала прочесть дис-

сертацию, вникая в смысл каждого параграфа, а уже потом выслушать объяснение Нормана.

— Я рассердился, — продолжал тот, — и хотел разоблачить его, но тут узнал, что он умер. Ходили какие-то слухи о самоубийстве; по правде говоря, Каннингем был неуравновешенным человеком. Как он мыслил себе свое будущее, я не имею ни малейшего понятия. В интересах его семьи шума я поднимать не стал, потому что иначе появился бы серьезный повод рассуждать о самоубийстве.

Миссис Соутелл, похоже, не верила ни единому слову.

— Но было ли это разумно, Норман? — встревоженно справился Соутелл. — Я имею в виду — замолчать случившееся? Не ставите ли вы себя под удар? Ну, то есть свою репутацию?

Миссис Соутелл внезапно переменилась.

— Отнеси диссертацию обратно в библиотеку, Харви, и забудь о ней, — повелительно сказала она и лукаво улыбнулась Норману. — Я кое-что припасла для вас, профессор Сейлор. Пойдемте со мной в лингафонный кабинет. Я не задержу вас. Идем, Харви.

Выдумать причину для отказа Норман не сумел, а потому последовал за Соутеллами, гадая по дороге, зачем понадобился кафедре ораторского

искусства, консультантом которой состояла Ивлин Соутелл, ее жеманный носовой голос. Из-за того что она жена профессора и неудавшаяся трагедийная актриса? Эка невидаль!

В лингафонном кабинете с его звуконепроницаемыми стенами и двойными окнами было сумрачно и тихо. Миссис Соутелл взяла с полки пластинку, поставила ее на один из трех проигрывателей и повернула пару рукояток. Норман дернулся. На мгновение ему померещилось, будто к кабинету мчится огромный грузовик, который вот-вот врежется в стену и разнесет ее вдребезги. Но тут отвратительный рев, исходивший из колонок, сменился прерывистыми завываниями, будто на улице вдруг подул ветер. Норман, однако, представил себе почему-то совсем иное.

Миссис Соутелл метнулась к проигрывателю.

— Я ошиблась, — сказала она. — Это какая-то модернистская музыка. Харви, будь добр, включи свет. Вот пластинка, которая мне нужна.

Она поставила диск на другой проигрыватель.

— В жизни не слышал ничего противнее, — заметил ее супруг.

Норман наконец вспомнил. Однажды кто-то показал ему австралийскую трещотку. Та хитроумно сделанная деревяшка производила в

точности такой же звук. Аборигены пользовались ею, чтобы вызвать дождь.

— …но если в наше время взаимного непонимания и напряженности мы непреднамеренно или с умыслом забудем, что всякое слово и всякая мысль относятся к чему-то, существующему в действительности, если мы позволим, чтобы нами овладела тяга к нереальному, к иррациональному…

Норман вздрогнул. С пластинки вещал его собственный голос; он испытал странное чувство, словно перенесся назад во времени.

— Удивлены? — справилась Ивлин Соутелл. — Это лекция по семантике, которую вы читали на прошлой неделе. Мы записали ее, как у нас принято говорить, «подпольно», через микрофон, установленный на кафедре лектора. Вы, должно быть, считали, что он применяется для усиления звука?

Она приблизилась к большому студийному проигрывателю и принялась подкручивать рукоятки.

— У нас не возникает трудностей, — щебетала она. — Мы можем накладывать друг на друга любые шумы, музыку и голоса. И…

— …Вам известно, что слова способны ранить и

причинять вред. Сильнее же всего, вреднее всего слова, которые относятся к несуществующим предметам. Почему…

Норман заставил себя улыбнуться. Он понимал, что уподобляется дикарю, который боится, что кто-то узнает его тайное имя, однако ему вовсе не нравилось, что Ивлин Соутелл забавляется с его голосом. Уж очень это смахивало на поиски уязвимого места.

Тут ему пришлось содрогнуться в третий раз, ибо к доносившемуся из колонки голосу примешался омерзительный рев трещотки, дьявольски схожий с рычанием надвигающегося грузовика.

— Ох, что я натворила! — Ивлин Соутелл вновь схватилась за рукоятки. — Подумать только, ваш голос — и эта дрянная музыка! — Она усмехнулась. — Впрочем, профессор Сейлор, вы же сами сказали, что звуки бессильны причинить зло.

Норман не стал поправлять ее. Она стояла перед ним, заложив руки за спину. Ее супруг, наморщив от напряжения лоб, тыкал пальцем во все еще кружащийся диск на одном из проигрывателей.

— Да, — ответил Норман медленно, — так и есть. Что ж, спасибо за доставленное удовольствие.

— Увидимся вечером! — крикнула ему вслед

Ивлин. Это прозвучало скорее как «тебе от меня не отделаться, голубчик».

«Ненавижу ее», — решил Норман, поднимаясь по темной лестнице и торопливо шагая по коридору.

Вернувшись к себе в кабинет, он сел за стол и с головой ушел в работу. Когда же встал, чтобы включить свет, то случайно посмотрел в окно.

Поначалу он застыл как вкопанный, потом бросился к шкафу, в котором лежал полевой бинокль.

Похоже, кто-то обладает весьма своеобразным чувством юмора; как иначе можно объяснить подобную шутку?

Он внимательно осмотрел в бинокль гребень крыши и каменные лапы с когтями, ища хотя бы следы трещин, но ничего не обнаружил, потому что тусклого дневного света явно недоставало для хорошей видимости, — по крайней мере, он себя в том убеждал.

Каменный дракон располагался теперь на краю водосточного желоба, словно намеревался прогуляться вдоль архитрава старинных ворот и ступить на крышу Мортон-холла.

Повинуясь внезапному побуждению, Норман перевел бинокль на голову Галилея и прочитал

надпись под ней, которую не смог разобрать раньше:

Eppur si muove.

Слова, которые будто бы произнес Галилей, выходя с судилища, на котором его заставили отречься от веры в то, что Земля вращается вокруг Солнца.

«И все-таки она вертится».

Пол за спиной скрипнул, и Норман резко обернулся.

У стола стоял юноша с бледным лицом под копной рыжих волос. Глаза его сверкали. В руке он судорожно сжимал пистолет 22-го калибра.

Норман сделал шаг вперед и чуть вправо.

Дуло пистолета поползло вверх.

— Привет, Дженнингс, — сказал Норман. — Вас восстановили. Вы получили «отлично» по всем предметам.

Движение дула на миг замедлилось.

Норман кинулся на молодого человека.

Прогремел выстрел. Пуля угодила в окно.

Пистолет упал на пол. Дженнингс обмяк. Когда Норман усадил его в кресло, он зарыдал.

Взяв пистолет за ствол, Норман подобрал оружие с пола и сунул в ящик стола, потом запер его,

а ключ положил в карман. Затем он снял трубку и набрал внутренний номер.

— Ганнисон? — спросил он.

— Вы поймали меня на выходе, Норман.

— Если я не ошибаюсь, родители Теодора Дженнингса живут поблизости от колледжа? Помните, тот паренек, которого отчислили в прошлом семестре.

— Помню. Да, вы правы. Что-нибудь случилось?

— Лучше, чтобы они приехали сюда, и поскорее. И пускай захватят с собой его врача. Он только что пытался убить меня. Да, его врача. Нет, никто из нас не пострадал. Но поспешите.

Норман опустил трубку. Дженнингс продолжал рыдать, сотрясаясь всем телом. Норман с отвращением поглядел на него — и похлопал по плечу.

Около часа спустя в то же самое кресло, испустив облегченный вздох, уселся Ганнисон.

— Я искренне рад, что они согласились определить его в психиатрическую лечебницу, — сказал он. — А вам, Норман, я чрезвычайно признателен за то, что вы не настаивали на вызове полиции. Происшествия такого рода создают колледжу дурную славу.

Норман устало улыбнулся:

— Послушать вас, так против колледжа ополчился чуть ли не весь мир. Но что касается этого мальчика, он явно был не в себе. И потом, я прекрасно понимаю, что значат Дженнингсы с их связями и политическим влиянием для президента Полларда.

Ганнисон кивнул. Они молча закурили. Норман думал о том, насколько отличается подлинная жизнь от детективного романа, где попытка убийства обычно представляется событием исключительной важности, вызывает всеобщий переполох, множество телефонных звонков и собирает целую армию полицейских и частных сыщиков. А в жизни, да еще в такой, где правит респектабельность, о ней предпочитают не распространяться и как можно скорее забыть. Ганнисон посмотрел на часы:

— Пора собираться. Почти семь часов, а мы приглашены к вам к восьми.

Но вместо того чтобы уйти, Норман подошел к окну, в котором красовалась дырка от пули.

— Я попросил бы вас ничего не говорить Тэнси, — произнес Норман. — Не нужно ее волновать.

Ганнисон снова кивнул:

— Сохраним все в тайне. — Он показал на окно. — Вот один из любимчиков моей жены.

Норман увидел, что палец Ганнисона направлен на каменного дракона, выхваченного из вечернего сумрака холодным сиянием уличных фонарей.

— Я хотел сказать, — пояснил Ганнисон, — что у нее наберется с добрый десяток фотографий этой статуи. Хемпнелл — ее слабость. По-моему, у нее имеются снимки всех здешних архитектурных излишеств. Однако дракона она выделяет особо. — Он хмыкнул. — В обычных семьях в темной комнате прячется муж, а у нас — наоборот, несмотря на то что я химик.

Мысли Нормана вдруг перескочили на трещотку. Внезапно он осознал, чем связаны между собой запись звуков, издаваемых трещоткой, и фотография дракона.

Впрочем, он сумел не задать Ганнисону ни одного вопроса из тех, что вертелись у него на языке.

— Пошли, — сказал он, — не то опоздаем.

Ганнисон вздрогнул, услышав его сдавленный голос.

— Вы подкинете меня? — спросил Норман уже спокойнее. — Я сегодня без машины.

— Разумеется, — отозвался Ганнисон.

Выключив свет, Норман на мгновение задержался в кабинете, чтобы выглянуть в окно. На память ему пришли знаменитые слова:

Eppur si muove.

Глава 6

Тэнси едва успела убрать со стола остатки торопливого ужина, как зазвонил дверной звонок. К великому облегчению Нормана, Тэнси не стала придираться к его довольно-таки неуклюжему объяснению, почему он явился домой так поздно. И вообще, в ее безмятежности в эти последние два дня было что-то необычное. Раньше она была куда въедливей и любопытней. Впрочем, разве не он сам держал ее в неведении? Значит, надо только радоваться, что ее нервы потихоньку приходят в порядок.

— Милая! Мы не виделись с вами целую вечность! — воскликнула, обнимая Тэнси, миссис Карр. — Как вы тут? Как?

Вопрос ее прозвучал излишне настойчиво; Норман отнес это на счет хваленой хемпнелловской доброжелательности.

— Знаете, милочка, на улице я испугалась, что мне в глаз попала соринка, — продолжала миссис Карр. — Там такой ветер!

— Ураганный, — сообщил профессор Карр с кафедры математики, выказывая невинное удовольствие оттого, что нашел подходящее слово.

Невысокого роста, с румяными щеками и седой бородкой клинышком, он был рассеян и простодушен, как и полагается профессору колледжа. Он производил впечатление человека, который постоянно пребывает в мире трансцендентных и бесконечных чисел и иероглифов символической логики, умение обращаться с которыми завоевало ему известность в национальных математических кругах. Пускай честь изобретения этих иероглифов принадлежит Расселу и Уайтхеду[1]; когда наступает пора разбираться в их головоломных сочетаниях, профессор Карр не знает себе равных!

— Как будто все, — проговорила миссис Карр, отнимая от глаза носовой платок Тэнси и несколько раз моргнув. Без очков лицо ее приобрело совершенно непривычное выражение. — А вот, должно быть, и остальные, — прибавила она, услышав звонок. — Ну не прелесть ли, что в Хемпнелле так ценят пунктуальность?!

Направляясь к двери, Норман на миг подумал, что снаружи кто-то вращает трещотку, но потом сообразил: это всего-навсего ветер, который

---

[1] Примечания: 1

Бертран Рассел и *Альфред Уайтхед* — английские философы, создатели труда «Основания математики» (1910–1913), во многом определившего современное состояние математической логики.

стремится соответствовать описанию, данному профессором Карром.

На пороге возвышалась Ивлин Соутелл. Полы черного пальто нещадно хлестали ее по ногам. Она пристально поглядела на Нормана.

— Впустите нас, не то мы влетим сами, — проговорила она, желая, видимо, пошутить, однако угрюмость, с какой была произнесена фраза, лишила шутку всякого веселья.

Войдя, миссис Соутелл устремилась к Тэнси. Харви следовал за ней по пятам.

— Моя дорогая, как поживаете? Где вы пропадали столько времени?

И снова Нормана поразила настойчивость расспросов. Уж не прослышала ли Ивлин Соутелл о тех, как он именовал их про себя, причудах Тэнси и о недавнем кризисе? Впрочем, она всегда так заботилась о звучании своего голоса, что постоянно выделяла им вовсе не то, чего требовали обстоятельства.

Усмотрев в холле толпу людей, Тотем испуганно мяукнул и шарахнулся в сторону. Раздался звонкий голос миссис Карр:

— О, профессор Соутелл, нам очень понравилась ваша лекция о городском планировании. Вы такой молодец!

Соутелл от смущения зашаркал ногами.

«Ну-ну, — мелькнула у Нормана мысль, — похоже, на должность заведующего кафедрой появился новый кандидат».

Профессор Карр, едва поздоровавшись, направился к столикам для бриджа и теперь разглядывал карты.

— Я давно пытаюсь выразить процесс тасования математически, — сообщил он Норману, как только тот приблизился. — Считается, что в нем заправляет случай, но это не так. — Он взял новую колоду и разложил столик. — Изготовители разбивают карты по мастям — тринадцать пик, тринадцать червей и так далее. Предположим, я достигаю при тасовании совершенства, то есть разделяю колоду на равные части и сдаю карты одну за другой.

Он попробовал подкрепить слова делом, но у него ничего не вышло.

— Немного практики, и все исправится, — уверил он добродушно. — Некоторые игроки добиваются тут потрясающих результатов. Но я веду речь об ином. Допустим, такое случится два раза подряд. Тогда, вне зависимости от того, как сняты карты, каждый игрок получит одну масть целиком — что, если исходить из законов

вероятности, может произойти лишь однажды примерно за сто пятьдесят восемь миллиардов сдач, причем это цифры для единственной руки, а никак не для четырех.

Норман кивнул. Карр восторженно улыбнулся:

— Других примеров приводить не буду. Все сводится к следующему: то, что мы неопределенно именуем «случайностью», есть итог взаимодействия ряда вполне конкретных факторов — в основном расклада карт и привычных способов тасовать колоду. — Вид у Карра был столь торжественный, словно он только что вывел базовое уравнение теории относительности. — Порой в сдачах нет ничего особенного, а порой они принимаются безумствовать — длинные масти, пропуски и тому подобное. Иногда карты упорно ложатся на север и на юг, а иногда — на запад и на восток. Везение? Случайность? Тысячу раз нет! Это действие различных известных причин. Опытные игроки таким образом могут определить, у кого на руках ключевые карты. Они помнят, как сбрасывались карты при прошлой сдаче, как собирались вместе, они замечают, как перемешал их тасующий. И при следующем заходе они играют уже не вслепую! Все очень просто, просто до нелепости. Любой мало-мальски при-

личный игрок в бридж…

Мысли Нормана перескочили вдруг на предмет, имевший отдаленное отношение к рассуждениям Карра. А если распространить принцип профессора за пределы бриджа? А если предположить, что совпадения и прочие случайности отнюдь не случайны? Если допустить, что существуют люди, способные устраивать их по своему желанию? И это вполне естественно — так почему же его тогда бросает в дрожь?

— Интересно, что могло задержать Ганнисонов? — проговорил профессор Карр. — Не сесть ли нам за стол? Быть может, мы успеем сыграть один роббер, — прибавил он с надеждой.

Дверной звонок положил конец его упованиям.

Ганнисон выглядел так, будто не успел проглотить за ужином последний кусок, а Хульда держалась неприветливее обычного.

— Мы торопились изо всех сил, — бросила она Норману, который распахнул перед ними дверь.

Подобно обеим ранее пришедшим женщинам, она тут же отвернулась от него и подступила с приветствиями и расспросами к Тэнси. Норман испытал неприятное ощущение, похожее на то, которое ему пришлось пережить, когда они, толь-

ко-только обосновавшись в Хемпнелле, впервые принимали у себя коллег. Тэнси казалась ему беззащитной рядом с тремя другими профессорскими женами.

«Ну и что? — спросил он себя. — По хемпнелловским меркам, агрессивность — первая женская добродетель. Здешние дамы, похоже, не спят ночами, размышляя, как им устранить тех, кто преграждает их мужьям дорогу к президентскому креслу.

А Тэнси… Но ведь Тэнси занималась именно этим; вернее, она говорила, что те занимаются именно этим. Она ни к чему не причастна. Она лишь…» Мысли Нормана перепутались, и он отогнал их подальше.

Игроки разбились на четверки.

Карты словно сговорились сегодня подтвердить теорию Карра. Сдачи были ничем не примечательными, неестественно рядовыми. Никаких длинных мастей; расклад исключительно 4-4-3-2 или 4-3-3-3. «Объявляю одну, беру две; объявляю две, сбрасываю одну».

После второго круга Норман вспомнил о своем проверенном лекарстве от скуки — игре в «Угадай дикаря». Он играл в нее тайно, упражняя наблюдательность. Нужно было представить, что тебя

окружают дикари, и попытаться определить, кем бы они были в иной жизни.

Зоркости орла ему не потребовалось.

С мужчинами он разобрался в два счета. Ганнисон, несомненно, был бы вождем племени, наделенным, при всей его власти, ревнивой и мстительной женой. Карр вполне годился на роль корзинщика — бойкий старик с обезьяньей ухмылкой, что сплетает прутья в сложные математические матрицы. Соутелл, разумеется, был бы козлом отпущения, на которого валили бы все вольные и невольные прегрешения.

Зато женщины!

Взять хотя бы его партнершу миссис Ганнисон. Кожа не белая, а смуглая, волосы по-прежнему рыжие, в них сверкают медные украшения, взгляд сохранил жесткость, однако нижняя губа выдается вперед более отчетливо. Не женщина, а гора, превосходящая силой большинство мужчин племени, умеющая обращаться с копьем и дубиной. Нетрудно вообразить, как она поступает с теми несчастными девушками, на которых заглядывается ее муж. Или как она вколачивает в его голову меры по укреплению авторитета вождя, когда супруги удаляются к себе в хижину. Или как присоединяет она свой зычный голос к

песням, что должны помочь ушедшим на войну мужчинам.

Теперь миссис Соутелл и миссис Карр — обе они сидели за одним столом с ним и миссис Ганнисон. Сперва миссис Соутелл. Она похудела, шрамы на щеках складываются в прихотливые узоры, на спине видна татуировка. Колдунья. Горечь сочится из нее, как из коры хинного дерева, потому что в мужья ей достался никчемный человечек. Вот она скачет перед грубым идолом, вот выкрикивает заклинания и сворачивает голову цыпленку…

— Норман, сейчас не ваша очередь, — сказала миссис Ганнисон.

— Прошу прощения.

Наконец, миссис Карр. Ссохшаяся, сгорбленная, редкие клочья седых волос, беззубый оскал рта; никаких очков, глаза без них кажутся припухшими. Она моргает, сучит ручонками — этакая старая скво, которая собирает вокруг себя ребятишек (о, вечная жажда молодости!) и рассказывает им предания и легенды. Однако челюсти ее все еще могут сомкнуться, точно стальной капкан; ее руки мажут ядом наконечники стрел; глаза ей, в общем-то, не нужны, ибо она видит иначе, нежели обыкновенные люди. Даже самому смелому воину становится не по себе, когда она долго

глядит в его сторону.

— Что-то наши эксперты за первым столом притихли, — засмеялся Ганнисон. — Должно быть, увлеклись всерьез.

Колдуньи, все три, продвигающие своих мужей к вершинам племенной иерархии.

Из темного дверного проема в дальнем конце комнаты на людей внимательно, словно угадывая мысли Нормана, смотрел Тотем.

Но с Тэнси Норман попал впросак. Изменения в ее внешности вообразить было легко: курчавые волосы, кольца в ушах, раскрашенное красками лицо. Однако она упрямо отказывалась быть соплеменницей своих товарок. Она представлялась ему чужой, пленницей, что вызывает всеобщее подозрение и ненависть. Или, быть может, она была из их числа, но совершила проступок. Жрица, нарушившая табу. Колдунья, которая отвергла колдовство.

Неожиданно поле его зрения сузилось до пределов листочка, на котором записывали счет. Миссис Карр погрузилась в раздумья над своим ходом, а Ивлин Соутелл что-то рисовала на бумаге. Сначала Норман увидел фигуру человека с воздетыми к небу руками, над головой которого были изображены три или четыре шара.

Затем шла, судя по короне и пышному платью, королева, за ней — башенка с бойницами, следом — Г-образное сооружение, с короткого конца которого свисала человеческая фигура, должно быть виселица. Последний рисунок изображал грузовик — прямоугольник на двух колесах, — который накатывался на человека, заломившего в отчаянии руки.

Пять рисунков. Норман чувствовал, что четыре из них каким-то образом связаны с неким весьма любопытным ритуалом. Случайный взгляд на колоду помог ему догадаться.

Карты.

Вернее, далекое прошлое карт, когда их еще использовали для ворожбы, когда между валетом и дамой был рыцарь, когда масти назывались «мечи», «жезлы», «кубки» и «монеты», когда существовали двадцать две карты Таро для предсказания судьбы, из которых к сегодняшнему дню уцелел один джокер.

Но откуда Ивлин Соутелл знает о чем-либо столь древнем и темном, как карты Таро? Откуда они известны ей так хорошо, что она походя рисует их за игровым столом? Немыслимо! Глупая, жеманная, поверхностная Ивлин Соутелл? Нет! Но как же быть с четырьмя картами Таро — Жон-

глером, Императрицей, Башней и Повешенным?

Из общей схемы выпадал лишь пятый рисунок: человек под грузовиком. Джаггернаут? Фанатичная и все-таки затрепетавшая жертва умирает под колесницей торжествующего идола? Уже ближе… Однако глубоко же проникла в тайны эзотерического знания бестолковая Ивлин Соутелл!

Внезапно его осенило. Он сам и есть грузовик! Огромный грузовик. Вот что означает пятый рисунок.

Но откуда Ивлин Соутелл знает о его фобии?

Он изумленно воззрился на нее. Она бросила рисовать и ответила ему сумрачным взглядом.

Миссис Ганнисон подалась вперед, губы ее шевелились, словно она пересчитывала козыри.

Миссис Карр улыбнулась и сделала ход. Ветер за окном взревел так же громко, как в начале вечера.

Норман вдруг хмыкнул. Женщины недоуменно уставились на него. Господи, ну какой же он глупец! Думает о колдовстве, а Ивлин Соутелл просто-напросто изобразила ребенка, играющего в мяч, — ребенка, которого у нее никогда не будет; себя саму — в виде королевы; башню — кабинет своего мужа, ставшего заведующим

кафедрой социологии; под повешенным подразумевается импотенция Харви (вот это мысль!), а под испуганным человеком и грузовиком — ее собственная сексуальная энергия, которая страшит и сокрушает Харви.

Норман хмыкнул во второй раз; женщины вопросительно приподняли брови. Он загадочно усмехнулся.

И все же, спросил он себя, продолжая прерванное рассуждение, почему нет?

Три колдуньи используют, как и Тэнси, ворожбу, чтобы помогать мужьям, а заодно и себе.

Они используют знания мужей, чтобы осовременить колдовство. Они беспокоятся из-за того, что Тэнси перестала колдовать, они полны подозрений и боятся, что ей удалось найти нечто более могущественное и что она намерена пустить находку в дело.

А Тэнси — беззащитная и беспомощная — не догадывается, быть может, о том, что их отношение к ней изменилось, ибо, порвав с чародейством, она утратила свое чутье на сверхъестественное, свою «женскую интуицию».

Не додумать ли до конца? Возможно, все женщины одинаковы, все они хранительницы древних обрядов и обычаев человечества, включая и

колдовство. Они сражаются в битве своих мужей, но исподтишка, заклинаниями, и не признаются в этом; а когда их ловят с поличным, объясняют свое поведение женской восприимчивостью к суевериям.

Значит, добрая половина человечества до сих пор занимается колдовством?

Почему бы нет?

— Ваш ход, Норман, — промолвила миссис Соутелл.

— Вы как будто чем-то озабочены, — заметила миссис Ганнисон.

— Как вы там справляетесь, Норм? — крикнул ее муж. — Они вас еще не обмишулили?

Обмишулили? Норман рывком вернулся к действительности. Надо признать, они едва не заманили его в ловушку. А все потому, что человеческое воображение — весьма ненадежный инструмент вроде резиновой линейки. Посмотрим, посмотрим. Если он зайдет с короля, а у миссис Ганнисон окажется дама, то, быть может, им удастся выкрутиться.

Миссис Карр побила короля тузом, и на ее губах заиграла, как показалось Норману, лукавая усмешка.

Когда партия кончилась, Тэнси отправилась на

кухню за закусками. Норман последовал за ней.

— Ты заметил, как она на тебя поглядывает? — прошептала Тэнси весело. — Порой мне чудится, что эта стерва влюблена в тебя.

Он фыркнул:

— Ты про Ивлин?

— Разумеется, нет! Про миссис Карр. Внутри она молоденькая девчонка. По взглядам, какими она окидывает студентов, можно догадаться, что ей хочется быть такой и снаружи.

Норман припомнил, что утром сам подумал о том же.

— Она и на меня иногда смотрит так, — продолжала Тэнси, — но польщенной я себя не чувствую; скорее, мне становится страшно.

Норман кивнул.

— Она напоминает мне Злую… — Он запнулся.

— …Колдунью в «Белоснежке»? Верно, милый. Ступай лучше к гостям, не то они прибегут сюда, чтобы сообщить, что профессору Хемпнелла на кухне не место.

В гостиной завязался обычный разговор о трудностях преподавательской жизни и ее радостях.

— Я виделся сегодня с Поллардом, — заявил Ганнисон, нацеливаясь на кусок шоколадного торта. — Он завтра утром будет совещаться с

опекунами, в том числе и по поводу кафедры социологии.

Харви Соутелл подавился пирожным и чуть не опрокинул чашку с какао.

Норман уловил злобный взгляд, который метнула на него миссис Соутелл; впрочем, она быстро овладела собой.

— Как интересно, — пробормотала она.

Норман улыбнулся. Такую ненависть он понимал. И приписывать ее колдовству не было ни малейшей необходимости.

Пойдя на кухню, чтобы принести миссис Карр стакан воды, он столкнулся с миссис Ганнисон, которая выходила из спальни. Она засовывала в свою объемистую сумку какую-то книжку в кожаном переплете. Почему-то Норман подумал о дневнике Тэнси. Наверно, миссис Ганнисон захватила с собой адресную книгу; при чем здесь дневник?

Между ног миссис Ганнисон с шипением проскользнул Тотем.

— Ненавижу кошек, — процедила супруга декана и удалилась в гостиную.

Профессор Карр предложил сыграть последний роббер так: мужчины за одним столом, женщины за другим.

— В вас говорит варвар, — поддела его Тэнси. — По-вашему, мы совсем не умеем играть в бридж.

— Наоборот, дорогая, я считаю, что вы играете великолепно, — возразил Карр. — Но буду откровенен: порой я предпочитаю играть с мужчинами. Мне легче читать на их лицах, тогда как женщины сбивают меня с толку.

— Так и должно быть, милый, — со смехом проговорила миссис Карр.

Карты неожиданно начали ложиться в поистине невозможных сочетаниях мастей, и игра приняла азартный характер. Однако Норман не в силах был сосредоточиться, а потому Соутелл, бывший его партнером, допускал промах за промахом.

Норман прислушивался к беседе женщин за соседним столиком. Его неугомонное воображение настырно выискивало скрытый смысл в самых невинных замечаниях.

— Обычно вам везет, Тэнси, а сегодня у вас словно что-то разладилось, — произнесла миссис Карр. Что она имела в виду?

— Не везет в картах… ну, вы знаете.

Как миссис Соутелл собиралась закончить фразу? Повезет в любви? Повезет в ворожбе? Полнейший бред!

— Тэнси, вы дважды подряд пропустили взятку. Будьте внимательнее, не то мы догоним вас.

Какое значение может иметь слово «взятка» в лексиконе миссис Ганнисон? На что она намекает? На отказ от колдовства?

— Милочка, — пробормотала миссис Карр, — мне бы очень хотелось знать, какие у вас козыри и что вы замышляете.

Резиновая линейка, черт ее побери! Вот в чем беда воображения. Если мерить резиновой линейкой, слон будет не больше мыши, ломаная и кривая будут одинаково прямыми. Норман попытался обратиться мыслями к шлему, который разыгрывался на мужском столе.

— Наши дамы рассуждают о бридже как знатоки, — проговорил вполголоса Ганнисон.

Наконец все поднялись. Ганнисон с Карром, оживленно обсуждая подробности роббера, вышли в холл последними. Норман вспомнил, о чем хотел спросить миссис Ганнисон.

— Гарольд говорил мне, что вы много снимали того каменного дракона, или кто он там, на крыше Эстри. Знаете, он располагается прямо напротив окна моего кабинета.

Миссис Ганнисон как-то странно взглянула на него, потом кивнула:

— По-моему, одна фотография у меня с собой. Да, она была сделана около года назад.

Порывшись в сумочке, она протянула Норману помятый снимок.

Норман невольно вздрогнул. Бессмыслица какая-то! Вместо того чтобы помещаться посередине гребня или внизу его, дракон на снимке восседал чуть ли не на самом верху. Что же все это значит? Шутка, растянувшаяся на несколько недель? Или… Его рассудок взбрыкнул, словно норовистая лошадь. Однако… *Eppur si muove.*

Норман перевернул снимок. На обороте его красным карандашом было нацарапано что-то неразборчивое. Миссис Ганнисон забрала фотографию, чтобы показать ее остальным.

— Ветер воет, как заблудшая душа, — сказала миссис Карр, запахивая пальто, когда Норман открыл перед нею дверь.

— Судя по разговорчивости, женская, — прибавил со смешком ее супруг.

Гости удалились. Обняв мужа, Тэнси проговорила:

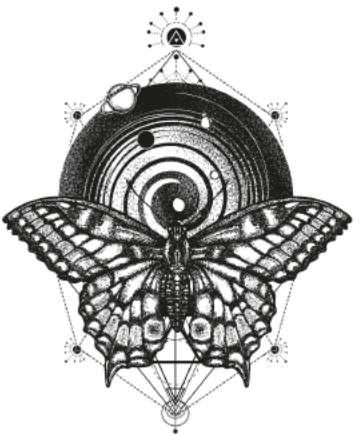
— Я, должно быть, старею, Норм. Сегодняшний вечер не был испытанием, и даже вампирские замашки миссис Карр не задевали меня. Они все вдруг показались мне вполне приличными

людьми.

Норман пристально посмотрел на жену. Она улыбалась. Тотем выбрался из своего укрытия и терся о ее ноги.

Пересилив себя, Норман кивнул:

— У меня тоже сложилось такое впечатление. Но какао!.. Давай чего-нибудь выпьем.



Глава 7

Со всех сторон наседали тени, земля под ногами Нормана дрожала и проваливалась. Отвратительный рев, который, чудилось, возник заодно с миром, сотрясал его тело, однако не мог заглушить монотонного голоса, что приказывал Норману сделать что-то — что именно, он не в состоянии был понять, сознавал только, что исполнение приказа грозит ему бедой. Голос слышался так отчетливо, будто принадлежал кому-то, сидящему в голове Нормана. Он попытался остановиться, свернуть с дороги, на которую направлял его голос, но чьи-то крепкие руки всякий раз возвращали его обратно. Он хотел оглянуться через плечо на того высокого, кто стоял за спиной, но не нашел в себе достаточно смелости. Наседавшие тени на мгновение принимали вид чудовищных лиц; бездонные колодцы глаз, мясистые губы, густые гривы волос.

Ему никак нельзя подчиниться голосу. Но — он должен подчиниться. Норман отчаянно забился. Рев разрывал ему барабанные перепонки, тучи заволокли небо от края до края.

Внезапно из-за них проступили знакомые очер-

тания спальни, и Норман проснулся.

Он потер лоб, безуспешно пробуя припомнить, чего же добивался от него голос. В ушах все еще гремели громовые раскаты.

Сквозь занавески в комнату проникал неяркий уличный свет. Часы показывали без пятнадцати восемь.

Тэнси сладко спала, свернувшись калачиком и выпростав руку из-под одеяла. В уголках ее рта притаилась улыбка. Норман осторожно приподнялся — и наступил босой ногой на валявшийся у кровати гвоздь. Выругавшись про себя, он проковылял в ванную.

Впервые за несколько месяцев он порезался при бритье. Дважды новое лезвие скользнуло по щеке, отделяя крохотные кусочки кожи. Свирепо поглядев на вымазанное белым кремом и украшенное алыми разводами лицо в зеркале, Норман очень медленно провел бритвой по подбородку, но надавил слишком сильно и порезался в третий раз.

Когда он появился на кухне, вода, которую он поставил греться, закипела. Он стал наливать ее в кофейник; ручка кастрюли оторвалась, и кипяток выплеснулся ему на ноги. Тотем проворно отпрыгнул, потом бочком подобрался к

своему блюдцу с молоком. Норман выбранился, затем усмехнулся. Что он говорил Тэнси насчет злонамеренности вещей? Словно в качестве последнего доказательства собственной правоты, он, расправляясь с пирожным, прикусил язык. Злонамеренность вещей? Скорее уж злонамеренность человеческой психики! Где-то на грани сознания ощущалось присутствие некоего беспокойного, неопределенного чувства, как будто он нырнул в море и вдруг различил в толще воды громадную хищную рыбу. Остаток сна, что ли?

Похоже, это чувство состояло в родстве со смутной яростью, ибо, торопливо шагая на занятия, Норман неожиданно понял, что его больше не устраивает заведенный порядок, особенно в том, что касается образования. Былое студенческое недовольство лицемерием и соглашательством так называемого цивилизованного общества прорвало плотины, возведенные трезвой зрелостью, и хлынуло на волю. Нечего сказать, достойная у него жизнь для мужчины — втемяшивать знания в тупые головы многочисленных недорослей, среди которых хорошо если найдется хоть один более-менее толковый студент; играть в бридж со всякими сомнительными личностями; покорно внимать рассуждениям разных болванов вроде

Харви Соутелла; исполнять все, что предписывается правилами какого-то второразрядного колледжа. Ради чего?!

На небе, предвещая дождь, клубились тучи. Они напомнили Норману о его сне. Если бы не боязнь показаться смешным, он бы наверняка крикнул им что-нибудь обидное.

Мимо, негромко пофыркивая, прокатил грузовик, наведя Нормана на воспоминания о рисунках Ивлин Соутелл. Он проводил машину взглядом и, повернувшись, столкнулся с миссис Карр.

— Вы порезались, — сказала та, щуря глаза за толстыми стеклами очков.

— Да.

— Какое несчастье!

Он промолчал. Вместе они прошли под аркой ворот, разделявших Мортон и Эстри. Норман разглядел рыло каменного дракона, торчащее из-за водосточного желоба.

— Знаете, профессор Сейлор, я вчера хотела вам сказать, как я расстроена этим случаем с Маргарет Ван Найс, но не смогла выбрать подходящий момент. Мне очень жаль, что пришлось потревожить вас. Такое ужасное обвинение! Представляю, что вы чувствовали! — Она, должно

быть, неверно истолковала его гримасу. — Разумеется, я никогда не считала вас способным на что-либо подобное, однако мне подумалось, что рассказ девушки не может быть лживым от начала до конца. Она описывала все так подробно!

Глаза миссис Карр за стеклами очков были большими, как у совы.

— Должна вам признаться, профессор Сейлор, что некоторые девушки приезжают в Хемпнелл ужасно испорченными. Я прямо теряюсь в догадках, откуда они всего набираются.

— Хотите узнать?

Миссис Карр недоуменно воззрилась на него — сова при свете дня.

— Их портит, — проговорил Норман, — то самое общество, которое стремится одновременно поощрить и подавить одно из важнейших человеческих побуждений. Другими словами, их портят безнравственные взрослые.

— О, профессор Сейлор! Неужели…

— В Хемпнелле немало девушек, которые стали бы куда здоровее душой и телом, если бы пережили взамен придуманной любви настоящую. Кое-кто из них, надо отдать им должное, уже сообразил, что к чему.

Норман резко свернул к Мортону, оставив мис-

сис Карр судорожно хватать ртом воздух. Сердце его билось учащенно, губы были плотно сжаты. Войдя в кабинет, он снял телефонную трубку и набрал внутренний номер.

— Томпсон? Это Сейлор. У меня для вас есть новости.

— Отлично. Какие же? — ответил Томпсон голосом человека, который сжимает в руке карандаш.

— Во-первых, тема моего выступления перед родителями студентов звучит так: «Досвадебные отношения и обучение в колледже». Во-вторых, мои друзья-актеры, Ателлы, будут примерно в то же время, то есть на следующей неделе, выступать в городе, и я приглашу их посетить колледж.

— Но... — Карандаш, по-видимому, выпал из разжавшихся пальцев.

— Все, Томпсон. Быть может, позже у меня найдется, чем еще порадовать вас, а пока до свидания.

Что-то укололо Нормана в руку. Оказывается, разговаривая по телефону, он забавлялся с обсидиановым ножом и порезал палец. Кровь затуманила поверхность прозрачного вулканического стекла, на которой когда-то оставались

следы жертвоприношений и прочих жестоких обрядов. В столе должен быть бинт… Норман безуспешно подергал запертый ящик, потом достал из кармана ключ и вставил его в замок. Когда он выдвинул ящик, глазам его предстал револьвер, который он отобрал у Теодора Дженнингса. Прозвенел звонок. Норман снова запер ящик, оторвал лоскут от носового платка, замотал им кровоточащий порез и вышел в коридор.

Там его поджидал Бронштейн.

— Мы с утра болели за вас, профессор Сейлор, — пробормотал он.

— Что вы имеете в виду?

Бронштейн позволил себе усмехнуться:

— Одна девушка, которая работает у президента, рассказала нам, что совет принял решение по кафедре социологии. Я надеюсь, у них достало здравого смысла выбрать вас.

— В любом случае я не собираюсь оспаривать их решения, — ответил Норман сдержанно.

Бронштейн понял, что его осаживают.

— Я вовсе не…

— Конечно нет.

Норман пожалел о своей суровости. С чего вдруг он осуждает студента, переставшего взирать на опекунов как на исполнителей воли неведомого

божества? Зачем притворяться, будто ему все равно? Зачем скрывать свое презрение к большинству преподавателей? Гнев, который он, как ему мнилось, подавил, вспыхнул с новой силой. Поднявшись в аудитории на кафедру, Норман отшвырнул конспект лекции и принялся излагать студентам свои мысли относительно Хемпнелла и белого света вообще. Пускай просвещаются!

Пятнадцать минут спустя он спохватился и запнулся на середине предложения, в котором упоминались «безнравственные старухи, чье стремление к власти в различных формах превратилось в навязчивую идею». Он не помнил и половины того, что наговорил. На лицах студентов читались восторг и удивление; некоторые, правда, выглядели шокированными. Грейсин Поллард буквально исходила злобой. Вот оно! Норман смутно припомнил, что мимоходом, но едко высмеял политические амбиции некоего президента некоего колледжа, в котором трудно было не узнать Рэндолфа Полларда. А еще он затронул вопрос о добрачных отношениях и был довольно откровенен, если не сказать больше. Вдобавок…

Короче, он взорвался. Как капля принца Руперта.

Норман закончил лекцию двумя-тремя общими фразами. Похоже, они лишь пуще озадачили аудиторию.

Ну и ладно, и наплевать. По позвоночнику, от шеи вниз, бежали мурашки, вызванные словами, которые внезапно вспыхнули в его сознании.

Слова были такие: «Ноготь подцепил нитку».

Он тряхнул головой, прогоняя наваждение. Слова исчезли.

До конца занятий оставалось около получаса. Норману необходимо было побыть одному. Он объявил, что сейчас будет контрольная, написал на доске два вопроса и ушел. Очутившись в кабинете, он заметил, что порезанный палец снова кровоточит, несмотря на повязку. Да и на меле была кровь.

На меле — и на обсидиановом ноже. Рука его потянулась было взять нож, однако тут же отдернулась. Норман сел в кресло и уставился невидящим взором на стол.

Все началось с Тэнси, сказал он себе, с ее липового колдовства. Значит, он был потрясен сильнее, чем осмеливался признаться. Зря он так торопился забыть об этом. А Тэнси? Она ведь забыла, и как быстро! Нет, от одержимости избавляются месяцами, если не годами. Следовательно,

нужно вновь поговорить с Тэнси, иначе бред не прекратится никогда.

О чем он думает! Как можно! В последние три дня Тэнси была такой веселой, такой беззаботной…

Но как ей удалось так скоро справиться с одержимостью? В этом есть что-то неестественное. Однако она улыбалась во сне. Но при чем здесь Тэнси? Не кто иной, как Норман Сейлор, ведет себя самым диковинным образом. Словно заколдованный… Тьфу ты! Вот до чего могут довести человека всякие болтливые старухи, всякие драконы…

Его так и подмывало взглянуть в окно, и он уже поддавался побуждению, когда зазвонил телефон.

— Профессор Сейлор? Я по поручению президента Полларда. Он приглашает вас к себе. Когда вы сможете подойти? В четыре часа? Хорошо, спасибо.

Усмехнувшись, Норман откинулся в кресле. Что ж, по крайней мере, кафедру он получил.

На улице потемнело. Рваные тучи спускались все ниже.

По тротуарам, спеша укрыться от приближающегося дождя, бежали студенты. А дождь, как

нарочно, дотянул почти до четырех.

Когда Норман поднимался по ступенькам административного корпуса, на землю упали первые капли. Громыхнул гром; звук был такой, словно ударились друг о друга огромные металлические листы. Норман остановился полюбоваться зрелищем. Вспышка молнии залила холодным светом готические шпили и крыши. Снова раздался грохот. Только сейчас Норман вспомнил, что не закрыл окно в кабинете. Впрочем, там нет ничего такого, что испортилось бы от сырости.

По крыльцу, завывая, носился ветер. Отнюдь не мелодичный голос, прозвучавший над ухом Нормана, чем-то смахивал на отдельный раскат грома:

— Ну как вам гроза?

Ивлин Соутелл улыбалась. Черты ее лица утратили привычную жесткость, и она выглядела точь-в-точь как лошадь, которую зачем-то научили смеяться.

— Вы, разумеется, слышали? — спросила она. — Про Харви?

Соутелл вынырнул из-за спины супруги; он тоже улыбался, но как-то встревоженно. Пробормотав что-то неразборчивое, он протянул руку.

Ивлин не сводила с Нормана глаз.

— Разве не замечательно? — сказала она. — Мы, конечно, рассчитывали, однако…

Норман сообразил, в чем дело. Он заставил себя пожать руку Харви. Тот зарделся от смущения.

— Поздравляю, старина.

— Я горжусь Харви, — сообщила Ивлин таким тоном, словно говорила о маленьком мальчике, которого наградили за примерное поведение.

Тут она заметила перевязанный палец.

— О, вы поранились. — Ухмылка точно приклеилась к ее лицу. Ветер взвыл особенно громко. — Пошли, Харви!

Она спустилась со ступенек под дождь так величественно, будто никакого дождя и не было.

Харви изумленно воззрился на нее, потом впопыхах извинился перед Норманом, махнул рукой и устремился вслед жене.

Норман проводил их взглядом. Было что-то впечатляющее в том, как шагала сквозь пелену дождя Ивлин Соутелл, решив, по-видимому, промокнуть сама и промочить до нитки мужа. Он увидел, как Харви тщетно торопил ее. Сверкнула молния, но Ивлин не обратила на нее ни малейшего внимания. Норман вновь ощутил глубоко внутри себя непривычное, щемящее душу чувство.

«Значит, теперь этот олух будет главным на кафедре? Тогда какого черта нужно от меня Полларду? — подумал Норман. — Хочет выразить соболезнования?»

Приблизительно через час он вылетел из кабинета Полларда, кипя от гнева и не понимая, почему не написал прямо там заявление об увольнении. Оправдываться, как какой-нибудь школьник, опровергать наветы разных мерзавцев вроде Томпсона, миссис Карр и Грейсин Поллард, выслушивать скучные нравоучения и бестолковые рассуждения по поводу его «отношения к делу» и «моральных устоев», а также «хемпнелловского духа»!

Впрочем, зато и он доказал, что не является бессловесной пешкой. Он сумел вывести президента из себя; недаром в голосе того зазвучали нотки раздражения, а кустистые брови так и ходили вверх-вниз!

Коридор привел Нормана к кабинету декана мужского отделения, у двери которого стояла миссис Ганнисон. «Она похожа на большого слизняка», — подумал он, замечая перекрученные чулки, набитую, словно мусорный пакет, сумку, неизменную камеру на плече. Его озлобление нашло себе выход.

— Да, я порезался! — бросил он, уловив ее взгляд. Голос его был хриплым от крика, на который он не раз срывался в разговоре с Поллардом.

Поймав промелькнувшее воспоминание, он произнес, не отдавая себе отчета в том, что говорит:

— Миссис Ганнисон, вчера вечером вы… по ошибке… забрали дневник моей жены. Будьте любезны, верните его.

— Вы ошибаетесь, — ответила она.

— Я видел его у вас в руках, когда вы выходили из спальни.

Ее глаза сузились.

— Тогда вам следовало упомянуть об этом накануне. Вы переутомились, Норман. Я понимаю. — Она кивнула в направлении кабинета Полларда. — Разочаровываться всегда тяжко.

— Я прошу вас вернуть дневник!

— …И перевяжите получше палец, — продолжала она, будто не слыша. — Ранка кровоточит, и в нее может попасть инфекция.

Он повернулся и пошел прочь. Отражение миссис Ганнисон в стекле входной двери ласково улыбнулось ему.

Оказавшись на улице, Норман посмотрел на свою руку. Должно быть, ранка открылась, когда

он стукнул кулаком по столу Полларда. Сейлор туже затянул повязку.

Гроза миновала. Небо на западе приобрело под низкими тучами оттенок расплавленного золота. Мокрые крыши и верхние ряды окон сверкали в лучах заходящего солнца. С веток деревьев падали на землю серебристые капли. Из женского общежития донесся взрыв смеха, который ничуть не нарушил установившейся тишины. Норман пожал плечами и огляделся, впитывая всеми порами красоту освеженной природы.

Он гордился своей способностью наслаждаться мгновением. Она представлялась ему одним из главных признаков зрелости.

Он попытался думать как художник — определять тона и полутона, распознавая в тенях намеки на бледно-розовое или зеленоватое свечение. Все-таки в готической архитектуре есть своя прелесть. Она лишена функциональности, зато глаз отдыхает на ее замысловатых образчиках. Взять хотя бы флероны, что венчают крышу Эстри… И тут ему почудилось, будто обагренные закатным солнцем здания Хемпнелла превратились в подобия адских котлов, а звонкий девичий смех обернулся вдруг бесовским улюлюканьем. Не сознавая, что делает, он свернул в сторону,

сошел с асфальта и ступил на траву.

Зачем возвращаться в кабинет? Заметки он успеет набросать и завтра. И почему бы не пойти домой другой дорогой? Разве обязательно проходить через ворота между Эстри и Мортоном, под их мрачной аркой? Почему…

Он заставил себя поднять взгляд на раскрытое окно кабинета. Конечно же, там никого не было. Видимо, зрение его на какой-то миг затуманилось, а разыгравшаяся фантазия не замедлила этим воспользоваться.

Воображение — шутка ненадежная, оно часто вынуждает пугаться простой тени.

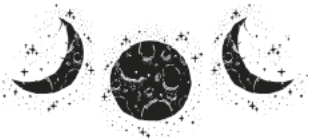
Однако вряд ли тень поползла бы по карнизу вдоль окна. Вряд ли она передвигалась бы так медленно, вряд ли имела бы столь четкие очертания.

А как она ждала, всматриваясь в глубину кабинета, прежде чем проникнуть внутрь! Словно… словно…

Да нет, ерунда все это. Короче, заметки вполне можно оставить до завтра и окно — тоже. Никуда они не убегут.

Вдали глухо прогремел гром.

…словно огромная ящерица цвета каменной статуи.



Глава 8

«А потому считалось, что его душа перетекла в камень. Если камень треснет, дикарь увидит в том недобрый знак; в таких случаях обычно говорят, что камень раскололся от грома и что тот, кто владеет им, скоро умрет…»

Бесполезно. Буквы расплывались перед глазами! Норман отложил «Золотую ветвь»[2] и откинулся в кресле. Где-то на востоке все еще погромыхивала гроза. Домашнее кресло с его потертой кожаной обивкой и удобными подлокотниками внушало чувство безопасности.

Из чисто интеллектуального любопытства Норман попробовал истолковать события трех последних дней с точки зрения колдуна.

Каменный дракон явно связан с симпатической магией. Миссис Ганнисон оживила его посредством своих фотографий — старинный способ воздействия на предмет через его образ, вроде втыкания иголок в восковую куклу. Быть может, она соединила несколько снимков в еди-

---

[2] Примечания: 2

«Золотая ветвь» — книга известного английского этнографа Джеймса Д. Фрэзера о происхождении религии.

ное целое, чтобы создать картину движения. Или ухитрилась сфотографировать обстановку его кабинета, а потом наложила на снимок изображение дракона. Разумеется, бормоча подходящие заклинания. Или же, что вероятнее всего, сунула фотографию дракона ему в карман. Норман зашарил было по карманам, но вовремя вспомнил, что на деле он только лишь развлекает псевдонаучными домыслами свой утомленный мозг.

Однако продолжим. С миссис Ганнисон разобрались, теперь очередь Ивлин Соутелл. Запись звуков, издаваемых трещоткой, первобытным средством вызывания дождя, вчерашний ветер, сегодняшняя гроза — для всего можно подыскать магическое объяснение. А рев, который он слышал во сне?.. Норман поморщился.

Тэнси на заднем крыльце звала Тотема, стуча ложкой по оловянной миске.

То, что случилось сегодня, — обсидиановый нож, бритва, гвоздь на полу, отломившаяся ручка кастрюли, спичка, которая обожгла ему пальцы пару минут назад, — относится к иной разновидности магии.

Бритву, наверное, заколдовали: в древности такое бывало с мечами и топорами, которые оборачивались против тех, чьи руки их вздымали.

Обсидиановый нож с пятнами крови на лезвии кто-то, по-видимому, выкрал и опустил в воду, чтобы кровь из ранки не переставала течь. Кстати говоря, вполне обоснованное суеверие.

По улице бежала собака, звучно плюхая по многочисленным лужам.

Тэнси никак не могла дозваться Тотема.

Быть может, некий чародей повелел ему уничтожить себя по кусочкам — по миллиметрам, принимая во внимание толщину бритвенного лезвия? Не этого ли добивался голос, который что-то требовал от него во сне?

Собака свернула за угол, ее когти царапнули по асфальту. Норман поежился.

Карты Таро, нарисованные миссис Соутелл, являются, судя по всему, своего рода управляющим механизмом. Фигура человека под грузовиком наводит на малоприятные мысли, если вспомнить о его иррациональном страхе перед рычащими махинами.

Нет, на собаку не очень-то похоже. Вероятно, соседский мальчишка тащит домой какую-нибудь дрянь. Он просто обожает всякий мусор.

— Тотем! Тотем! Ну ладно, будь по-твоему! — Задняя дверь захлопнулась.

Наконец, ощущение того, что за спиной сто-

ит некто — высокий, готовый схватить. Как бы резко Норман ни оборачивался, ему ни разу не удалось разглядеть неведомое существо. Не оно ли вещало во сне тем повелительным голосом? Если так, то…

Норман не выдержал. Хорошенькое занятие для ученого, нечего сказать! Он затушил сигарету.

— Мое дело было позвать, а там — как хочет. — Тэнси присела на подлокотник кресла и положила руку на плечо Норману. — Как успехи?

— Не слишком, — отозвался он.

— Кафедра?

Он кивнул:

— Назначили Соутелла.

Тэнси негромко выругалась.

— Что, снова захотелось поколдовать? — неожиданно сорвалось у него с языка.

Она внимательно взглянула на него:

— Ты о чем?

— Да так, пошутил.

— Правда? Я знаю, все эти дни ты беспокоился за меня. Боялся, что я закачу истерику, и все высматривал первые признаки. Не надо, милый, не оправдывайся. Твое недоверие было вполне справедливым. С твоими познаниями в психиатрии ты не в силах был поверить, что одержимость

прошла так быстро и легко. Но я была по-настоящему счастлива, и твоя подозрительность не задевала меня. Я была уверена, что она скоро исчезнет.

— Милая, признаюсь честно, я и не думал тебя подозревать, — проговорил он. — Даже и не помышлял.

Серо-зеленые глаза Тэнси были загадочными, как взгляд сфинкса.

— Что же тогда тебя тревожит?

— Ничего. — Вот здесь следует быть как можно осмотрительнее.

Она покачала головой:

— Не обманывай. Ты волнуешься. Если из-за того, о чем ты мне до сих пор не рассказал, то не изводи себя. Мне давно все известно.

Норман вздрогнул.

Тэнси кивнула:

— Да. И про кафедру, и про студента, который стрелял в тебя, и про ту девушку, Ван Найс. Неужели ты думал, что в Хемпнелле не найдется доброхотов, чтобы поведать мне о столь значительных событиях? — Она усмехнулась. — Не пугайся, я знаю, что не в твоих привычках обольщать любвеобильных секретарш — по крайней мере, невротички не в твоем вкусе. — Она снова

посерьезнела. — Все это мелочи, на которые наплевать и забыть. Ты не рассказывал мне о них потому, что опасался, как бы я не кинулась вновь защищать тебя. Правильно?

— Да.

— Однако мне кажется, что твое беспокойство имеет более глубокие корни. Я чувствовала вчера и чувствую сегодня, что ты хочешь, но никак не решишься обратиться ко мне за помощью.

Он помолчал, прежде чем ответить, посмотрел жене в лицо, словно стремясь угадать, что таится под внешней невозмутимостью Тэнси. Хотя она и уверяет его в обратном, ее рассудок, скорее всего, держится где-то на грани безумия. Одно неосторожное движение, одна необдуманная фраза, и… Как только он умудрился так запутаться в пустяковых трудностях, созданных большей частью его собственным взбудораженным воображением? Лишь несколько дюймов отделяют его от единственной в мире женщины, которая для него что-то значит, женщины с гладким лбом и чистыми серо-зелеными глазами. Он должен отвлечь ее от тех нелепых, смехотворных мыслей, которые осаждают ее столько дней подряд.

— Если говорить откровенно, — произнес он, — я тревожился за тебя, опасался за твое здоровье.

Наверно, это было неразумно — ты ведь все равно ощутила мою тревогу. Но тем не менее я выбрал именно такой путь.

До чего же легко, подумалось вдруг ему, убедительно лгать тем, кого любишь.

Тэнси как будто сомневалась.

— Правда? — спросила она. — Сдается мне, ты что-то скрываешь от меня.

Он крепко обнял ее, и она улыбнулась.

— Должно быть, во мне проснулись Макнайты, мои шотландские предки, — сказала она со смехом. — Они были упрямы как бараны. У нас в родне все такие: мы безоглядно увлекаемся, но если излечиваемся, то сразу и полностью. Помнишь моего дядюшку Питера, который в свои семьдесят два года, будучи священником пресвитерианской церкви, сложил с себя сан и порвал с христианством в тот самый день, когда взял да и решил, что Бога не существует.

Вдалеке басовито прогремел гром.

Гроза возвращалась.

— Я рада, что ты беспокоился за меня, — продолжала Тэнси, — что ты обо мне заботишься.

Она улыбалась, но взгляд ее по-прежнему оставался загадочным, словно хранил какую-то тайну. Поздравляя себя с тем, что довольно

успешно выпутался из сложного положения, Норман внезапно сообразил, что в игру, которую он затеял, можно играть и вдвоем. Чтобы ободрить его, Тэнси не задумается умолчать о собственных треволнениях. Выходит, она перехитрила его? С чего он взял?..

— Не выпить ли нам? — предложила Тэнси. — А потом давай обсудим, стоит тебе в этом году покидать Хемпнелл или нет.

Он кивнул. Тэнси направилась на кухню.

Можно прожить с человеком в любви и согласии пятнадцать лет, и все-таки порой он будет приводить тебя в смущение.

Зазвенели стаканы, послышалось умиротворяющее бульканье.

Неожиданно, в унисон с раскатом грома, раздался пронзительный вопль. Кричало животное. Норман не успел еще вскочить, как вопль затих.

Из кухни до задней двери было ближе, поэтому Тэнси чуть опередила мужа.

В желтом свете из окон дома напротив Норман увидел распростертого на земле Тотема. Голова кота была расплющена чем-то тяжелым.

Из горла Тэнси вырвалось то ли рыдание, то ли рычание.

Впрочем, свет выхватил из мрака не только

кошачий труп. Норман встал так, чтобы закрыть от Тэнси две глубокие вмятины в асфальте.

Их проделал, вероятно, тот же камень, который оборвал жизнь Тотема; однако в расположении вмятин было нечто, наталкивавшее на странные мысли, поэтому Норман и загородил их от Тэнси.

Она огромными от ужаса глазами посмотрела на мужа. В лице ее не было ни кровинки.

— Ступай в дом, — проговорил он.

— Ты…

— Да, — кивнул он.

Поднявшись по ступенькам, она остановилась:

— Мерзавцы, какие мерзавцы!

— Да.

Тэнси оставила дверь открытой. Мгновение спустя она вынесла на крыльцо подстилку, повернулась и захлопнула за собой дверь.

Норман закатал тельце кота в подстилку и пошел в гараж за лопатой. Он не стал тратить время на поиски камня, кирпича или иного орудия убийства и предпочел не рассматривать вблизи примятую траву за оградой.

Когда он принялся копать яму, в небе засверкали молнии. Накинув на мысли узду, чтобы не мешали, Норман работал споро, но без излишней спешки. Вспышки молний становились все ярче,

а мрак в промежутках между ними делался все гуще. Ветер закружил в воздухе листву.

Норман не торопился. Какая ему разница, если молния высветила крупную собаку у парадной двери его дома? По соседству живет немало крупных собак, но все они отличаются добродушием, да и Тотем погиб явно не от собачьих клыков.

Молния полыхнула ослепительно-ярко. Норман мельком увидел, как пес скрылся за углом дома. Пес цвета каменной статуи, ковылявший на негнущихся ногах. Норман быстро задвинул засов.

Тут он вспомнил, что окна в его домашнем кабинете распахнуты настежь. Скорее! Оно может проникнуть внутрь.

Глава 9

Когда Норман вошел в гостиную, на лице его не было и следа того смятения, которое переполняло душу. Тэнси сидела на стуле с прямой спинкой и, слегка подавшись вперед, глядела в пространство. Пальцы ее перебирали бечевку.

Норман закурил.

— Тебе чего-нибудь налить? — спросил он, стараясь, чтобы его голос прозвучал ровно.

— Спасибо, не надо. Налей себе, — отозвалась она, заплетая и снова расплетая узлы на бечевке.

Норман опустился в кресло и подобрал брошенную книгу. Со своего места он мог без помех наблюдать за женой.

Теперь, когда не нужно было ни копать могилу, ни заниматься какой-либо другой механической работой, мысли все настоятельнее требовали к себе внимания. Ему удалось, однако, заключить их в герметичную сферу в глубине своего черепа, где они и вращались, бессильные изменить выражение его лица или воздействовать на те раздумья, которые касались Тэнси.

Колдовство существует, голосили мысли, заключенные в сфере. Повинуясь ему, нечто

соскользнуло с крыши. Женщины — ведьмы, что сражаются за своих мужчин. Тэнси была ведьмой. Она оберегала тебя, а ты принудил ее прекратить.

Но тогда, отозвалась вторая половина его мозга, почему она словно не замечает происходящего вокруг? Ведь нельзя же отрицать, что она до недавних пор была весела и счастлива.

Ты уверен, что она не замечает? Вполне возможно, что, расставшись с колдовскими принадлежностями, она утратила свое ведьминское чутье. Ученый без инструментов — все равно что дикарь: без микроскопа ему не различить бактерий брюшного тифа, без телескопа не увидеть спутников Марса. Его собственные органы чувств могут быть развиты куда хуже, чем у дикаря.

Запертые в голове мысли жужжали, словно пчелы, которые ищут выход из закупоренного улья.

— Норман, — произнесла Тэнси, не глядя на мужа, — ты сжег тот амулет в медальоне, правда?

— Правда, — ответил он после непродолжительного молчания.

— Я совсем забыла про него. Их было так много.

Норман перелистнул страницу. Прогремел

гром, по крыше дома застучал дождь.

— Норман, а дневник ты тоже сжег? Ты поступил правильно. Я хотела сохранить его, потому что в нем не было записано заклинаний — одни формулы. Я пыталась убедить себя, что это как бы не считается. Но ты молодец. Ты ведь сжег его, да?

Норман чувствовал себя так, будто они играли в «холодно — горячо» и Тэнси подбиралась все ближе к «горячему». Мысли в сфере торжествующе загудели: миссис Ганнисон взяла-таки дневник. Ей известны защитные чары Тэнси.

Однако вслух он солгал:

— Да, сжег. Извини, но мне…

— Ты был прав, — перебила Тэнси, — от начала и до конца.

Пальцы ее двигались с потрясающей быстротой, хотя она вовсе не смотрела на бечевку.

В окне при вспышках молний возникала улица с черными рядами деревьев. Дождь перешел в ливень. Норману почудилось, будто кто-то скребется под дверью. Наверняка послышалось; дождь и ветер производили столько шума, что впору было затыкать уши. Немудрено вообразить себе невесть что.

Его взгляд задержался на узлах, которые вы-

вязывали неутомимые пальцы Тэнси. То были хитроумные, замысловатые на вид узлы; тем не менее они распадались при одном-единственном рывке. Рассматривая их, Норман вспомнил, с каким прилежанием изучала Тэнси «кошачью колыбельку» индейцев. А еще память услужливо подсказала ему, что при помощи различных узелков первобытные люди поднимали и успокаивали ветер, крепили любовные узы, приканчивали на расстоянии врагов — словом, широко и повсеместно пользовались ими. А парки[3] плели нити судьбы. Чередование узлов на бечевке, ритмические движения рук Тэнси унимали тревогу и как будто обещали безопасность. Если бы узлы не распадались!

— Норман, — пробормотала Тэнси, не отрываясь от работы, — на какую фотографию Хульды Ганнисон ты хотел взглянуть вчера вечером?

На мгновение ему стало страшно. Она близко, очень близко. В игре в таких случаях уже кричат: «Горячо!»

В этот миг отчаянно заскрипели доски парадного крыльца: что-то массивное перемещалось вдоль фасада. Сфера, где томились возбужденные

---

[3] Примечания: 3

Парки — богини судьбы в греческой мифологии.

мысли, начала поддаваться их напору. Здравомыслие оказалось словно между молотом и наковальней. Норман легонько стукнул сигаретой по краю пепельницы.

— На снимок крыши Эстри-холла, — ответил он небрежно. — Ганнисон сказал мне, что у Хульды много подобных фотографий, вот я и попросил ее показать, если можно так выразиться, образец.

— На нем присутствует какое-то существо?

Узлы появлялись и пропадали в долю секунды. Внезапно Норману почудилось, будто пальцы Тэнси крутят не только бечевку; у него возникло странное ощущение: словно узлы непонятным образом создают своего рода индукцию; так электрический ток, двигаясь по искривленному проводу, порождает многослойное магнитное поле.

— Нет, — сказал он, заставляя себя улыбнуться, — если не считать парочки каменных драконов.

Норман не сводил взгляда с бечевки. Порой она как будто сверкала, словно в ней имелась металлическая нить. Раз обычные узлы на обычных веревках могут служить колдовским целям, повелевать, например, ветрами, то на что способна бечевка с металлом внутри? Притягивать

молнии?

Оглушительно прогрохотал гром. Должно быть, молния ударила где-то по соседству. Тэнси не пошевелилась.

— Прямо ураган, — буркнул Норман.

Неожиданно к замирающим вдали раскатам грома добавился новый звук: чавкнула сырая земля под окном, которое находилось за спиной Нормана.

Он встал и, хотя ноги его не слушались, сделал несколько шагов по направлению к окну, словно для того, чтобы выглянуть наружу. Проходя мимо Тэнси, он заметил, что ее пальцы плетут узел, похожий на диковинный цветок, с семью петлями вместо лепестков. Глаза Тэнси были пусты, как у сомнамбулы. Норман загородил собой окно.

Следующая вспышка молнии высветила то, что он и рассчитывал увидеть. Тупорылая морда прильнула к стеклу, задние лапы наполовину согнулись перед прыжком.

Заключенные в сфере мысли вырвались на волю и мгновенно заполонили весь мозг, поглотив остатки здравого смысла.

Норман оглянулся. Руки Тэнси замерли. Между ними повис причудливый семилепестковый узел.

Отворачиваясь, он краешком глаза уловил движение: лепестки дрогнули, но узел сохранил форму.

На улице сделалось светло как днем. Ослепительная молния вонзилась в росший напротив дома вяз и разделилась на три или четыре серебристые стрелы, которые перелетели через улицу и воткнулись в поднявшегося на дыбы перед окном каменного дракона.

Норману показалось, что он угодил под оголенный провод.

В мозгу его, словно выжженная там, запечатлелась невероятная картина: стрелы молнии поражают дракона, как будто влекомые к нему неведомой силой.

Мысли, которые лишь недавно обрели свободу, исчезли неизвестно куда.

Норман судорожно сглотнул. Хриплый смех, которым он разразился, заглушил отзвуки громового раската. Он распахнул окно, схватил настольную лампу, сорвал с нее абажур и высунулся на улицу.

— Погляди, Тэнси! — крикнул он, давясь от смеха. — Погляди, что натворили эти чокнутые студенты! Наверно, я здорово разозлил их, если они приволокли сюда эту штуку! Ну и ну! При-

дется утром звонить в строительное управление, чтобы ее увезли.

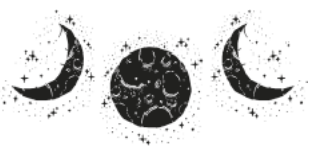
Дождь хлестал ему в лицо, в ноздри ударил запах разогретого металла. Он ощутил на своем плече руку Тэнси.

Дракон стоял у стены, массивный и неподвижный, как и положено неорганическому образованию. Каменное тело в некоторых местах почернело и сплавилось.

— Снова совпадение? — выдохнул Норман. — Молния попала именно в него!

Подчиняясь внезапному побуждению, он протянул руку и коснулся дракона. Пальцы его ощутили грубую поверхность, и он будто поперхнулся собственным смехом.

– *Eppur si muove,* — пробормотал он так тихо, что даже Тэнси рядом не услышала. — *Eppur si muove.*



Глава 10

Вид, в котором Норман на следующий день появился на занятиях, подходил скорее солдату, утомленному вереницей непрерывных боев, нежели профессору Хемпнелла. Спал он долго и без сновидений, однако выглядел так, словно валится с ног от усталости и нервного истощения. Впрочем, так оно и было на самом деле. Даже Гарольд Ганнисон поинтересовался, что случилось.

— Ничего, — ответил Норман. — Просто лень обуяла.

Ганнисон скептически усмехнулся:

— Вы слишком много работаете, Норм, и гробите себя. Советую пересмотреть режим. Ваша работа отнюдь не проголодается, если вы будете кормить ее восемь часов в день. Опекуны — странные люди, — продолжил он с напускным безразличием. — А Поллард в известном смысле больше политик, чем педагог. Однако он добывает деньги, а иначе кому понадобились бы президенты колледжей?

Норман был благодарен Ганнисону за столь тактичное соболезнование по поводу уплывшей от него кафедры социологии, поскольку пони-

мал, каких усилий стоило Гарольду хоть в чем-то покритиковать Полларда. Но его будто отделяла от Ганнисона и от многочисленных студентов в ярких одеждах высокая стеклянная стена.

Единственное, что ему хотелось, да и то довольно смутно, — продлить состояние отупелости, в котором он пребывал со вчерашнего вечера, и ни о чем не думать.

Думать опасно, твердил он себе, опаснее, чем сидеть на атомной бомбе. Он чувствовал, как роятся в мозгу мысли — безвредные, пока к ним не прислушиваешься, но чреватые угрозой душевному здоровью.

Одна из них осталась в сознании с прошлой ночи. Норман был рад, что ему удается не подпускать ее.

Другая относилась к Тэнси: чем вызвано ее бурное веселье за завтраком?

Третья была запрятана так глубоко, что он видел мысленным взором лишь часть ее округлой поверхности. Он знал, что она связана с тем яростным, разрушительным чувством, какое он неоднократно ощущал вчера, и догадывался, что ее ни в коем случае нельзя трогать. Она размеренно подрагивала, словно омерзительное чудище, что дремлет в болотной жиже.

Четвертая касалась «ладошек» — «ладошек» во фланелевых перчатках.

Пятая — крохотная, но очень важная, — содержала какие-то сведения насчет карт.

Всего же мыслей было неисчислимое множество.

Норман попал в положение героя древней легенды, которому предстоит пройти длинным и узким коридором, избегая прикосновения к ядовитым стенам.

Он понимал, что не сможет бесконечно увиливать от мыслей, но мало ли что произойдет за то время, пока он в силах избегать встречи с ними?

День выдался под стать его сверхъестественно мрачному настроению. Вместо холодов, которые, казалось, предвещала гроза, в воздухе запахло летом. Резко возросло число прогулов. Те же студенты, которые добирались-таки до аудиторий, витали в облаках и демонстрировали все прочие признаки весенней лихорадки.

Один лишь Бронштейн сумел устоять и не разомлеть. Он то и дело отводил в сторонку, по двое или по трое, других студентов и о чем-то оживленно шептался с ними. Норман вскоре выяснил, что он подбивает сокурсников обратиться к президенту с ходатайством о переизбрании Соутелла.

Подозвав Бронштейна, Норман выговорил ему и предложил прекратить свою деятельность, но тот отказался. Похоже было, впрочем, что никто не откликнулся на его призыв.

Лекция Нормана была вялой и монотонной. Он удовлетворился тем, что преобразовал свои заметки в полновесные предложения, затратив на это минимум умственных усилий. Одни студенты записывали его слова, другие, судя по движениям их ручек, лениво чертили некие абстрактные фигуры. Две девушки тщились изобразить чеканный профиль президента студенческого братства, который сидел во втором ряду. Норман заметил, как наморщились их лобики, когда они уловили обрывок лекции; однако морщины тут же разгладились, и девушки вернулись к прерванному занятию.

Норман загонял неотвязные мысли в самые темные уголки своего сознания. Откровенно говоря, мыслями их назвать было трудно; скорее это были отдельные слова, вызывавшие к жизни смутные образы точь-в-точь как в ассоциативном тесте.

Он вспомнил расхожую шутку: мол, лекцией именуется процесс переноса содержимого профессорской записной книжки в тетради сту-

дентов, который одинаково бесполезен для обеих сторон. Отсюда было рукой подать до мысли о мимеографии.

Мимеография. Маргарет Ван Найс. Теодор Дженнингс. Пистолет. Подоконник. Галилей. Надпись (ну-ка, прочь отсюда! Запретная территория).

Один сон наяву сменился другим. Дженнингс. Ганнисон. Поллард. Президент. Император. Императрица. Жонглер. Башня. Повешенный… Стой! Ни шагу дальше!

День продолжался. Сны наяву постепенно приобретали однообразную расцветку.

Пистолет. Нож. Серебро. Разбитое стекло. Гвоздь. Столбняк.

После лекции Норман засел в кабинете и сознательно завалил себя всякими мелкими делами, да так, что временами забывал, чем вообще занимается. Однако сны наяву не отпускали его.

Война. Искалеченные тела. Увечья. Убийства. Веревка.

Повешенный (опять не туда!). Газ. Пистолет. Яд.

Они были цвета крови и смерти.

Норман все отчетливее ощущал ритмичное дыхание чудовища в глубинах своего мозга — чудовища, что грезило о кровавой бане и прохлад-

ной болотной жиже. Он был бессилен одолеть эту тварь. Ему чудилось, будто он неосторожно ступил ногой в топь и та потихоньку, незаметно засасывает его и вскоре поглотит без следа.

По дороге домой Норман столкнулся с мистером Карром.

— Добрый вечер, Норман, — поздоровался тот, приподнимая панаму и заодно вытирая ею лоб, который почти сливался со значительных размеров лысиной.

— Добрый вечер, Линтикум, — отозвался Норман, размышляя, какой нужно отрастить ноготь, чтобы, как следует заточив его, человек мог взрезать им себе вены.

Мистер Карр провел платком по шее ниже бородки.

— Я в восторге от бриджа, — сказал он. — Может быть, нам четверым собраться вместе, когда наши дамы в следующий четверг отправятся на встречу преподавательских жен? Мы с вами сядем друг против друга и будем разыгрывать партии прямо по Калбертсону. Мне надоело все время играть по Блэквуду[4].

Норман кивнул, однако думал он о том, что

---

[4] Примечания: 4

Калбертсон и *Блэквуд* — авторы популярных учебников по бриджу.

люди научились в крайних обстоятельствах проглатывать языки, обрекая себя тем самым на смерть от удушья. Он попытался приструнить расшалившийся рассудок. Подобные мысли годились разве что для палача из концентрационного лагеря. Но у него ничего не вышло. Дыхание чудовища сделалось оглушительно громким. Мистер Карр вежливо кивнул на прощание и свернул в сторону. Норман пошел быстрее, как будто ядовитые стены прохода, которым двигался легендарный герой, вдруг начали сжиматься; если он хочет выбраться, ему нужно поспешить.

Знакомая студентка изумленно воззрилась на Нормана — или на что-то у него за спиной. Он миновал ее чуть ли не бегом.

На светофоре загорелся красный. Что ж, придется подождать. К перекрестку на приличной скорости приближался большой красный грузовик.

И тут Норман догадался, что должно произойти. Он понял, что не сумеет остановить себя.

Он собирался дождаться, пока грузовик не окажется совсем рядом, а потом прыгнуть под колеса. Конец прохода.

Вот что означал пятый рисунок, карта Таро, которой не было в традиционной колоде.

Императрица — Жонглер… Грузовик надвигался. Башня… Свет переключился на желтый, но грузовик не снижал скорости. Повешенный…

Он подался вперед, переминаясь с ноги на ногу, — и услышал голос, ровный и в то же время насмешливый, голос из своего сна:

— Еще две недели. Еще две недели.

Норман выпрямился. Грузовик скрылся за поворотом. Он огляделся. Никого, если не считать мальчишки-негра и оборванного старика с хозяйственной сумкой. Оба они достаточно далеко. Его прошиб холодный пот.

Галлюцинация, сказал он себе. Голос шел изнутри его головы. Однако, пересекая улицу и подходя к дому, он продолжал настороженно осматриваться. Едва войдя в дом, он налил себе изрядную дозу виски, бутылку с которым Тэнси почему-то оставила на шкафу, и разбавил ее содовой. Осушив стакан одним глотком, Норман сделал еще один коктейль, пригубил и с сомнением поглядел на жидкость за стеклом.

Снаружи послышался визг тормозов, а в следующий миг в гостиную, держа в руке пакет, вбежала Тэнси. Она улыбалась, лицо ее раскраснелось. Облегченно вздохнув, она положила пакет на стол и откинула челку со лба.

— Ну и гадкий день! Я так и думала, что ты захочешь выпить. Если не возражаешь, я присоединюсь.

Когда она поставила стакан обратно, в нем не было ничего, кроме льда.

— Теперь мы с тобой братья по крови — или по виски. Налей себе еще.

— Ты допила мой второй.

— А я-то думала ублажить тебя! — Тэнси присела на край стола и погрозила Норману пальцем. — Слушайте, мистер, вам надо отдохнуть. Или развлечься. Вероятнее всего, и то и другое. Предлагаю вот что: я приготовлю сэндвичи, а когда стемнеет, мы возьмем машину и поедем на Хилл. Мы не были там уже сотню лет. Ну так как, мистер?

Норман заколебался. Подстегнутые алкоголем, мысли его разбегались и путались. Какая-то часть его мозга напряженно размышляла над пережитой галлюцинацией и столь неожиданно проявившимся стремлением к самоубийству. Но другая, бóльшая, постепенно заражалась весельем Тэнси.

— Ну? — Тэнси ущипнула его за нос.

— Идет, — сказал он.

— Прояви же хоть капельку интереса! — Она

спрыгнула со стола и устремилась на кухню, загадочно бросив через плечо: — Впрочем, всему своя пора.

Тэнси выглядела очень соблазнительно. Норман смотрел на нее так, словно их свадьба состоялась лишь вчера, а не пятнадцать лет назад; он видел ее в сто первый раз.

Испытывая наконец некое подобие облегчения, он опустился в кресло. Что-то твердое и угловатое уперлось ему в бедро. Он вскочил, сунул руку в карман брюк и извлек оттуда револьвер Теодора Дженнингса.

Норман испуганно уставился на оружие, будучи не в состоянии вспомнить, когда он достал его из стола в своем рабочем кабинете. Потом, бросив взгляд в сторону кухни, он подкрался к серванту, открыл нижний ящик и запихнул пистолет под лежащее в нем белье.

Когда Тэнси вернулась в гостиную с готовыми сэндвичами, Норман читал газету и как раз дошел до интересного места внизу пятой полосы.

> Хорошая шутка стоит потраченных на нее трудов. Должно быть, именно так рассуждали пока неустановленные шутники из числа студентов колледжа Хемпнелл.

Однако нас интересует, каковы были чувства профессора Нормана Сейлора, когда, выглянув этим утром из окна, он обнаружил, что посреди его лужайки сидит каменная горгулья весом в добрых триста фунтов? Ее сняли с крыши одного из принадлежащих колледжу зданий. Как студенты ухитрились отбить статую, спустить с крыши и переправить к дому профессора Сейлора, по-прежнему остается загадкой.

Нам захотелось узнать мнение президента Рэндолфа Полларда. Он рассмеялся и сказал следующее: «По-видимому, наша программа физического воспитания способствует развитию в молодых телах здорового духа».

Наша беседа с президентом Поллардом получилась недолгой, ибо он торопился в «Лайонз-клаб», где ему предстояло произнести речь на тему «Большой Хемпнелл: город и колледж» (см. первую страницу, где приводится отчет о его выступлении).

Чего и следовало ожидать. Обычные неточно-

сти. Какая там могла быть горгулья, если горгулья — это слив водосточной трубы в виде головы чудовища с разверстой пастью? Кстати, ни единого упоминания о молнии. Наверное, репортер решил обойтись без нее, поскольку она никак не соответствовала стилю заметки. Газеты обожают всякие совпадения, но вот от таинственных шарахаются как черт от ладана.

Ну и, разумеется, последний штрих, благодаря которому заметка превращается в рекламу кафедры физического воспитания. Надо отдать должное рекламному бюро Хемпнелла: работает грубо, но эффективно.

Тэнси выдернула газету у него из рук.

— Мир подождет, — сказала она. — Попробуйка сэндвич.

Глава 11

Когда они сели в машину, на улице было уже совсем темно. Норман ехал медленно, послушно подчиняясь всем сигналам светофоров. Веселье, которое передалось ему от Тэнси, всего лишь помогало справляться с накатывавшими то и дело волнами беспокойства.

Тэнси загадочно улыбалась. Она переоделась в спортивное белое платье и сделалась похожей на студентку.

— Чем я не ведьма? — спросила она. — Везу тебя на шабаш, на наш личный шабаш.

Норман вздрогнул, но быстро напомнил себе, что, говоря так, она пытается высмеять свое прежнее поведение. Он должен постараться, чтобы она не догадалась о его мрачных мыслях.

Хватит того, что он сам не находит себе места. Зачем волновать еще и ее?

Городские огни остались позади. Проехав примерно с полмили, он круто вывернул руль, и машина съехала на дорогу, которая уводила вверх, в темноту. Норману показалось, что десять лет назад дорога была накатанной. Да и деревья разрослись: ветки так и стучат по лобовому

стеклу.

Когда они добрались до вершины холма, над ним вставала красноватая убывающая луна.

Тэнси показала на нее.

— Как точно я рассчитала! — похвалилась она. — Но где же остальные? Обычно здесь уже стоят две-три машины, тем более в такую ночь.

Норман затормозил.

— Мода изменчива во всем, — сказал он. — Наш обычай относится к отмирающим.

— Опять ты со своей социологией!

— Угу. Быть может, виной безлюдью происки миссис Карр. Впрочем, мне сдается, что студенты нынче предпочитают уезжать подальше от города.

Тэнси положила голову ему на плечо. Он выключил фары. Залитые лунным светом деревья отбрасывали причудливые тени.

— Помнишь Горэм? — пробормотала Тэнси. — Я училась в твоей группе, а ты был серьезным молодым преподавателем. Правда, вскоре выяснилось, что ты ничуть не лучше студентов. Помнишь?

Он кивнул и взял жену за руку. У подножия холма раскинулся город. Норман различил территорию колледжа; сделать это было вовсе не трудно, ибо ее освещали мощные прожекторы, с

помощью которых администрация выгоняла из укромных уголков уединившиеся парочки. Готические здания корпусов на миг представились ему символом мира бесплодного интеллектуального соперничества и ревнивого традиционализма, мира, который был ему бесконечно чужд.

— Интересно, за что же они нас так ненавидят? — спросил он.

— Ты о чем? — не поняла Тэнси.

— Я имею в виду наших коллег, по крайней мере большинство их. Потому что мы поступаем, как нам хочется.

Тэнси засмеялась:

— Похоже, ты потихоньку становишься самим собой. К сожалению, нам в последнее время редко хочется чего-нибудь этакого.

— Мы живем в мире, где все построено на зависти и соперничестве, — развивал свою мысль Норман. — А соперничество внутри колледжа вроде Хемпнелла в силу того, что тут ты у всех на виду, хуже любого другого. Ты согласна?

— Я думаю об этом много лет, — отозвалась Тэнси.

— Разумеется, никто не действует в открытую; однако исподволь можно добиться куда большего, чем напрямик. Подобная манера поведения

вообще присуща человечеству как таковому.

Глядя на Хемпнелл, Норман попытался вообразить в материальном воплощении тот заряд недоброжелательства и злобы против него, который мало-помалу накапливался в стенах колледжа. По спине его поползли мурашки; он осознал вдруг, к чему неизбежно приведут такие мысли. Походило на то, что темная сторона его мозга вот-вот восторжествует над светлой.

— Эй, философ, — окликнула его Тэнси, — не желаешь?

Она протянула ему маленькую серебристую фляжку. Норман узнал ее.

— Не ожидал, что ты сохранишь ее.

— Да? Помнишь, как я предложила ее тебе в первый раз? По-моему, ты был слегка шокирован.

— Но выпил.

— Выпил, выпил. Бери.

Норману показалось, будто он проглотил жидкий огонь. Внезапно нахлынули воспоминания: о годах дурацкого «сухого закона», о Горэме и Новой Англии.

— Бренди?

— Не совсем. Оставь мне.

Воспоминания затопили темную половину мозга, она скрылась под ними, как суша под по-

верхностью воды. Норман взглянул на Тэнси. В ее зрачках отражалась луна. Конечно, она ведьма, самая настоящая. Она Лилит. Иштар[5]. Надо сказать ей об этом.

— А ты помнишь, — проговорил он, — как мы скатились по откосу, прячась от ночного сторожа? В Горэме разразился бы грандиозный скандал, если бы нас поймали.

— Да, а потом…

Когда они отправились обратно, луна взобралась еще выше. Норман ехал медленно, не желая повторять тех глупостей, которые творил в былые годы. Их обогнал грузовик. «Две недели». Черт побери! Кто он такой, чтобы слышать голоса? Жанна д'Арк?

Ему вдруг стало весело. Он подумал мельком, а не рассказать ли Тэнси обо всем, что он навоображал себе в эти дни, чтобы она посмеялась вместе с ним. Если поднапрячься, выйдет шикарная история о призраках. Существовала, правда, причина, по которой он не должен был ни о чем рассказывать Тэнси, однако сейчас она выглядела просто вздорной, ибо была частичкой, принадлежностью того мирка, откуда им

[5] Примечания: 5

Лилит — злой дух женского пола в иудейской демонологии. *Иштар* — богиня плодородия и плотской любви в аккадской мифологии.

почаще нужно вырываться. Разве жить — значит постоянно следить за собой, чтобы, не дай бог, не произнести чего-то такого, что оскорбит нежные чувства имярека?

Поэтому, когда они приехали домой, вошли в гостиную и сели на диван, Норман взял быка за рога.

— Знаешь, Тэнси, насчет всяких колдовских штучек. Я хотел…

Удар застал его врасплох. На мгновение он словно потерял сознание, а очнулся уже в кресле; веселье исчезло без следа, мысли метались и путались, будущее представлялось мрачным коридором длиной в две недели.

Впечатление было такое, как будто одна огромная когтистая лапа зажала ему рот, а другая схватила за плечо, встряхнула и швырнула в кресло.

Как будто?

Он смятенно огляделся.

Может быть, именно это и произошло?

Судя по всему, Тэнси ничего не заметила. Лицо ее белело в полумраке. Она что-то напевала себе под нос.

Норман поднялся, подошел к серванту и налил себе виски, попутно включив в комнате свет.

Выходит, он не в состоянии поведать о происходящем с ним ни Тэнси, ни кому другому? Вот истинная подоплека того, почему жертвы колдовства всегда столь упорно отмалчиваются. Вот почему они не могут сбежать, даже имея под рукой все необходимой для побега. Дело не в слабоволии. За ними наблюдают, как за гангстером, который вышел из доверия у босса. Он сидит в роскошном ночном клубе, болтает с приятелями, подмигивает девушкам, а за его спиной маячат громилы в темных рубашках и светлых галстуках; они не вынимают рук из карманов своих пальто с бархатными отворотами, сопровождая его от клуба до виллы босса, и он не пытается удрать, потому что намерен еще пожить на этом свете, если ему представится возможность.

Но такое случается только в фильмах.

И когтистые лапы — тоже оттуда.

Он кивнул своему отражению в зеркале над сервантом.

— Познакомьтесь с профессором Сейлором, — проговорил он, — известным этнологом, искренне верящим в колдовство.

Лицо в зеркале выглядело не столько озадаченным, сколько испуганным.

Норман смешал себе второй коктейль, не забыв

позаботиться о Тэнси, и вернулся в гостиную.

— За порок! — провозгласила Тэнси. — Кстати говоря, последний раз я видела тебя подвыпившим на Рождество.

Он усмехнулся. Гангстеры в фильмах всегда напиваются пьяными, чтобы отвлечься от раздумий о своей плачевной участи. Надо признать, неплохое средство.

Понемногу начало возвращаться настроение, которое они пережили, стоя на холме. Они разговаривали, слушали старые пластинки, рассказывали друг другу анекдоты, достаточно «бородатые» для того, чтобы считаться свежими. Потом Тэнси села за пианино. Чего они только не пели, сперва с запинкой, а затем во весь голос — народные, рабочие и революционные песни, псалмы и государственные гимны, блюзы, Брамса и Шуберта.

Они вспоминали. И продолжали пить.

Но в голове Нормана по-прежнему вращалась кристаллическая сфера, внутри которой бились беспокойные мысли. Алкоголь помог ему справиться с возникшим было страхом, и он принялся со скрупулезностью пьяницы размышлять о проявлениях колдовства в заселенном людьми мире.

К примеру, разве не логично предположить, что все саморазрушительные стремления проистекают из магического воздействия? Иначе откуда берутся эти всеобщие порывы, идущие вразрез с законами самосохранения и выживания? Чтобы хоть как-то объяснить их, Эдгар По сочинил своего «Беса противоречия», а психоаналитики выдвинули гипотезу «влечения к смерти». Однако гораздо проще приписать их влиянию неких злодейских сил, которые пока не установлены, а потому называются «сверхъестественными».

События прошедших дней можно разделить на две группы. В первую попадут те, от которых его прежде защищало колдовство Тэнси.

Возможно, сюда относится и покушение Теодора Дженнингса на его жизнь. Дженнингс — явный психопат. Он наверняка долго вынашивал свой замысел, но магия Тэнси не подпускала его к Норману. Едва лишь колдовской «защитный экран» был снят, едва Норман сжег последний амулет, Дженнингс преисполнился решимости осуществить задуманное. Как он выразился? «Меня как осенило…»

Итак, Теодор Дженнингс с его пистолетом, обвинение Маргарет Ван Найс, неожиданный интерес Томпсона к внеслужебному времяпрепровожде-

нию Нормана, находка Соутеллом диссертации Каннингема. Одна группа.

Другая — признаки направленного против него колдовства, цель которого — погубить его.

— Пенни за твои мысли, — предложила Тэнси, глядя на него поверх ободка стакана.

— Я думал о рождественской вечеринке, — отозвался он ровным, немного глуховатым голосом, — вспоминал, как Уэлби изображал сенбернара и ползал по комнате в медвежьей шкуре с бутылкой виски на шее. Не могу понять, почему по прошествии некоторого времени обязательно кажется, что смеяться было вовсе не над чем, что шутки были донельзя избитыми. Впрочем, шутки, какими бы они ни были, лучше напыщенных рассуждений.

Он был горд, как ребенок, тем, что сумел ускользнуть из расставленной ловушки. Он сейчас воспринимал Тэнси как бы в двух ипостасях: она была ведьмой — и нервнобольной, которую следовало всячески оберегать. Под действием алкоголя его мозг словно разделился на части, никак не связанные между собой.

Обстановка комнаты то пропадала куда-то, то возникала вновь. Норман как будто проваливался в бездонные колодцы. Мысли его в

промежутках между падениями текли с торжественной, достойной профессорского звания неторопливостью.

Тэнси играла «Лазарет Святого Иакова».

«Почему женщины не могут быть ведьмами? — думал Норман. — Они обладают интуицией, привержены традициям, склонны к иррациональному. Они прежде всего суеверны. Подобно Тэнси, большинство из них не уверены до конца, срабатывают их заклинания или нет».

Тэнси потащила его танцевать. Она каким-то образом успела переодеться в розовое платье.

Ко второй группе, думал Норман, относится дракон с крыши Эстри. Миссис Ганнисон вселила в него человеческую или нечеловеческую душу, оживила и направляла по фотографиям. Сюда же следует причислить обсидиановый нож, послушный ветер и чертов грузовик.

Из колонок зазвучало «Болеро» Равеля. Норман в такт музыке постукивал пальцами по столу.

Бизнесмены покупают акции по советам гадалок, думал он, кинозвезды уповают на нумерологов, добрая половина населения земного шара доверчиво внимает астрологам, рекламы настойчиво твердят о волшебстве и чудесах, а сюрреалистическое искусство не что иное, как

колдовство: его формы заимствованы из первобытных магических узоров, а содержание — у современной теософии.

Тэнси запела «Сент-Луис блюз». Да, Уэлби был прав, она неплохая актриса. Как удачно она воспроизводит армстронговскую хрипотцу!

Тэнси остановила дракона при помощи узлов на бечевке, думал Норман. Однако она оказалась в затруднительном положении, потому что ее дневник с формулами заклинаний попал к миссис Ганнисон, а та уж постарается найти обходной путь.

Они по-братски разделили коктейль, который обжег бы Норману горло, если бы оно уже не потеряло чувствительности. Ему показалось, что он выпил больше половины содержимого стакана.

Рисунок человека под грузовиком — ключ к колдовству, которое направлено на то, чтобы погубить меня, думал Норман. Карты, как и искусство, были первоначально важнейшим магическим средством. Трещотка используется в качестве усилителя. Невидимая тварь у меня за спиной наблюдает за тем, чтобы я не сходил с назначенной мне дороги. Узкий коридор. Две недели.

Как ни странно, он находил в этих мыслях нечто

приятное. В них была какая-то дикая, черная, ядовитая красота, какая-то отравляющая, смертоносная прелесть. Они обладали очарованием невероятного, невозможного. Они содержали в себе намек на невообразимое. Они пугали, ужасали, внушали благоговейный трепет, но холодная красота оставалась при них. Они напоминали видения, порожденные запрещенным наркотиком. Они обольщали предвестием неведомого греха и омерзительной скверны. Теперь Норман догадывался, какая сила подталкивала чернокнижников к их злодействам.

Опьянение внушило ему чувство безопасности. Оно раскололо его мозг на мельчайшие кусочки, которые не испытывали страха, ибо их нельзя было уничтожить. Ведь пуля, которая убивает человека, не в состоянии убить атомы, составляющие его тело.

Кусочки сознания бешено кружились. Все плыло у Нормана перед глазами.

Они с Тэнси держали друг друга в объятиях.

— Все, что у меня, твое? — спрашивала Тэнси. — Все, что у тебя, мое?

Вопрос показался Норману подозрительным, но в чем именно — он никак не мог сообразить. Что-то подсказывало ему, что в словах таится

ловушка. Но какая? Он окончательно запутался.

Тэнси словно читала из Библии:

— Ты отпил из моего кубка, а я отпила из твоего…

Затуманенному винными парами взгляду Нормана ее лицо представлялось размытым овалом, на котором сверкали бриллиантами серо-зеленые глаза.

— Все, что у тебя, мое? Ты отдаешь его мне добровольно, не сопротивляясь?

Ловушка, ловушка!

Какой у нее вкрадчивый голос! Он обволакивает, увлекает, манит…

— Все, что у тебя, мое? Скажи «да». Норм, пожалуйста. Ради меня.

Конечно, он любит ее. Сильнее, чем все остальное на белом свете. Он привлек Тэнси к себе, ткнулся губами в ее лицо, норовя поцеловать сверкающие глаза.

— Да… да… все… — услышал он собственный ответ. И тут его измученный рассудок обрушился в бездонную тьму, где были тишина и покой.

Глава 12

Солнечный свет начертил на задернутой занавеске замысловатый узор, лучи, которые ухитрились проникнуть в спальню, словно наполнили ее зеленоватой мерцающей жидкостью. За окном щебетали птицы. Норман зажмурил глаза и потянулся.

Так, пожалуй, пора приниматься за статью для «Американского антрополога». Кроме того, не мешает внести кое-какие изменения в текст его «Пособия по этнологии». Это, конечно, займет много времени, но деваться некуда. Кстати, надо бы всерьез поговорить с Бронштейном насчет его дипломной работы. Он паренек сообразительный, но иногда его заносит. Да, еще речь для родительского дня. Что ж, у него найдется, что им сказать…

Лежа с закрытыми глазами, Норман наслаждался самым приятным из всех ощущений — зовом дела, которое человек умеет и любит делать, но которое не требует от него слишком многого.

Ведь в такой день, как сегодня, просто грешно не сыграть в гольф. Нужно будет узнать, чем занимается Ганнисон. И потом, они с Тэнси всю

весну безвылазно просидели в городе. Может, поехать куда-нибудь? Решено, он посоветуется с ней за завтраком. Субботний завтрак в их доме всегда был событием. Наверно, Тэнси как раз его готовит. Норман чувствовал себя так, словно побывал под душем и вода раздразнила его аппетит. Интересно, который час?

Он приоткрыл один глаз и взглянул на часы на стене. Двенадцать тридцать пять! А во сколько он лег спать? И что делал накануне?

Память о нескольких последних днях развернулась подобно пружине — так быстро, что сердце Нормана отчаянно забилось. Однако в его воспоминаниях появилось нечто новое. Они казались ему нагромождением бессмысленных, бредовых подробностей. Он будто читал историю болезни постороннего человека, которого осаждали весьма своеобразные идеи по поводу колдовства, самоубийства, преследования и тому подобного. Словом, его воспоминания никак не вязались с тем чувством благополучия, которое он сейчас испытывал. Особенно странно было то, что они не нарушили этого чувства благополучия.

Норман порылся в памяти, разыскивая следы сверхъестественного страха, порыва к самоуничтожению, ощущения того, что за ним

наблюдают. Пусто. Ни малейшего признака. Чем бы они ни были, прошлое поглотило их, увлекло за пределы досягаемости. «Сфера чужеродных мыслей!» И как только могла прийти ему в голову такая чушь? Тем не менее все случилось на деле. А что случилось?

Он машинально прошел в ванную и встал под душ. Намыливаясь и подставляя бока под струю теплой воды, он размышлял над тем, не поговорить ли ему с Холстромом с кафедры психологии или с каким-нибудь хорошим практикующим психиатром. Галлюцинации, которые его донимали, будут отличным материалом для исследования. Впрочем, с чего он взял, будто страдает психическим расстройством? Ему всего лишь довелось пережить один из тех необъяснимых пароксизмов иррационального, какие терзают порой даже совершенно здоровых людей, именно из-за того, что они здоровы, — своего рода разрядку после длительного напряжения. Жаль, конечно, что он не выдержал и поделился своими тревогами с Тэнси, пускай ее собственный, теперь безоговорочно капитулировавший комплекс и привел к нынешнему положению вещей. Бедняжка, она вчера так старалась развеселить его, хотя все должно было быть наоборот.

Ну ладно, он исправит свой промах.

Норман с удовольствием побрился. Бритва вела себя безупречно.

Кончив одеваться, он вдруг зажмурил глаза, словно человек, который прислушивается к едва различимому звуку.

Ничего. Никаких следов нездорового, противоестественного страха.

Насвистывая бодрый мотивчик, он вошел в кухню.

Завтрака там не было и в помине. Рядом с мойкой стояли немытые стаканы, несколько пустых бутылок и ведерко из-под льда, полное талой воды.

— Тэнси! — позвал Норман. — Тэнси!

Он прошелся по комнатам, думая, что она, может быть, не смогла добраться до постели. Они вчера позволили себе лишнее. Заглянув в гараж, он убедился, что машина на месте. Наверно, она отправилась в магазин купить чего-нибудь к завтраку. Успокаивая себя таким образом, он вбежал в дом, словно за ним гнались.

Очутившись в кабинете, он заметил то, что проглядел в первый раз: опрокинутую чернильницу и листок бумаги рядом с ней, в подсыхающей черной лужице. Чернила не залили его только

каким-то чудом.

Записку, видно, набрасывали второпях. Ручка дважды прорвала бумагу. Написанный, без сомнения, рукой Тэнси, текст обрывался на середине предложения:

> *На мгновение ОНО отвлеклось. Я не ожидала, что все произойдет так скоро. Два дня вместо двух недель. Не пытайся разыскивать меня! Исполни в точности то, что прочтешь. Возьми четыре белые четырехдюймовые…*

Взгляд Нормана привлекла клякса, которая начиналась от лужицы чернил и тянулась до бледного отпечатка пальца. Воображение тут же нарисовало тягостную картину: Тэнси пишет свое послание, то и дело оглядываясь через плечо; ОНО подмечает, чем она занята, вырывает у нее ручку и бесцеремонно встряхивает. Вспомнив хватку огромных когтистых лап, Норман вздрогнул. А потом… потом Тэнси собирается, тихо, чтобы не разбудить его, хотя вряд ли он проснется, выходит из дома и идет по улице. Встречая знакомых, она весело здоровается с ними и улыбается, потому что за ней ковыляет ОНО, готовое ко всему.

Значит, она ушла.

Норман рванулся было к двери, но остановился.

Лужица чернил почти высохла. Следовательно, чернильницу опрокинули не час и не два назад.

Куда она ушла среди ночи?

Куда угодно. Куда ведет ее узкий коридор длиной уже не в две недели, а в два дня?

В его мозгу как будто вспыхнул яркий свет. Ах, если бы он не был пьян прошлым вечером!..

Один из древнейших колдовских приемов. Передача зла. Подобно шаману, который излечивает болезнь, переводя ее на камень, на врага или на себя самого, ибо он в силах справиться с ней, Тэнси избавила его от нависавшего над головой проклятия. Она разделила его еду, разделила с ним питье! Используя тысячу уловок, она подменила его собой. Ну разумеется! Он напряг память, припоминая, что она говорила: «Все, что у тебя, мое? Все, что у тебя, мое?»

Она подразумевала рок, который ему грозил.

А он ответил «да».

Минутку! О чем, черт побери, он думает? Норман поглядел на полки, заставленные плотными рядами книг. Что же получается? Он снова впадает в тот маразм, с которым боролся последние несколько дней, тогда как ему надлежит дей-

ствовать! Нет, никакого сверхъестественного не существует, и нет никакого ОНО! Все это штучки расшалившихся нервов. Не она заразила его своим безумием, а он — ее. Должно быть, находясь в подпитии, он наболтал Тэнси всяких глупостей, а она всегда была впечатлительной. Тем более она верит — или верила — в колдовство. Неудивительно, что она вообразила невесть что. Будто приняла на себя его беды — и сбежала неизвестно куда.

Ну и ну!

Он понял, что все еще держит в руках записку. Какие такие «белые четырехдюймовые», невольно подумалось ему.

В дверь позвонили. Норман достал из почтового ящика конверт и вскрыл его. Адрес был написан мягким карандашом, а потому слегка смазался.

Хорошо знакомый почерк был таким корявым, что Норман не сразу разобрал его. Как и предыдущая, эта записка обрывалась на середине фразы:

…бечевки, отрезок лесы, кусочек платины или иридия, осколок магнетита, иглу проигрывателя, на котором только что отзвучала Девятая соната Скрябина. Потом свяжи…

«Бечевки»! Ну конечно же!

Продолжение первой записки, вернее, ее диковинной формулы. Неужели Тэнси действительно убедила себя, что за ней следят и что у нее не осталось возможности дать о себе знать каким-либо иным способом? Ответ на этот вопрос был известен Норману заранее. Когда ты одержим, здравый смысл стушевывается, а воображение способно уверить рассудок в чем угодно.

Он посмотрел на штемпель. Судя по нему, письмо бросили в городке, расположенном в нескольких милях к востоку от Хемпнелла. Приятелей у них там вроде нет, да и вообще они там никогда не были. Его так и подмывало прыгнуть в машину и помчаться туда. Но что он там будет делать?

Раздался телефонный звонок. Норман снял трубку. Звонила Ивлин Соутелл:

— Это вы, Норман? Будьте добры, попросите Тэнси. Мне надо поговорить с ней.

— Сожалею, но ее нет дома.

Ивлин Соутелл, похоже, ничуть не удивилась; во всяком случае, она ничем не выразила удивления.

— Где же она? Мне она очень нужна!

Норман призадумался.

— Она поехала навестить наших друзей за городом, — ответил он наконец. — Может, ей что-нибудь передать?

— Нет, спасибо. А какой номер у ваших друзей?

— У них нет телефона! — огрызнулся Норман.

— Да? Ну что ж, — в голосе миссис Соутелл слышалось удовлетворение, как будто раздражение Нормана доставило ей радость, — я перезвоню попозже. Побегу помогать Харви, он теперь так занят! Всего доброго.

Норман положил трубку. Что за черт… Внезапно он натолкнулся на возможное объяснение. Наверно, кто-то видел, как Тэнси уезжала; Ивлин Соутелл учуяла, что пахнет скандалом, и решила проверить. Вероятно, Тэнси прихватила с собой саквояж.

Он заглянул в комнату жены. Да, маленький саквояж исчез. Ящики стола торчат наружу, словно ей некогда было их задвинуть. А деньги? Что у нас в бумажнике? Пусто? А было сорок с лишним долларов.

На сорок долларов можно уехать на край света. Корявость почерка во второй записке свидетельствовала о том, что ее писали в автобусе или в поезде.

Норман принялся действовать. Покопавшись в расписаниях, он выяснил, что через городок, из которого было отправлено письмо Тэнси, проходит довольно много автобусов и поездов. Он съездил на железнодорожный и автовокзал, но не сумел узнать ничего определенного.

Хотя у него была мысль обратиться в полицию, по зрелом размышлении он отказался от нее. Что он скажет? «Моя жена сбежала из дому. Она страдает навязчивой идеей, будто...» А если, найдя, ее начнут расспрашивать в присутствии врача, прежде чем он успеет забрать ее?

Нет, ему придется обойтись собственными силами. Однако, если в ближайшее время ему не станет известно ее местонахождение, у него просто не будет выбора. Он заявит в полицию, сочинив для отвода глаз какую-нибудь правдоподобную историю.

Она написала: «Два дня». Если она уверена, что умрет через два дня, не убьет ли ее, как это бывает с дикарями, сама по себе вера?

Ближе к вечеру он возвратился домой, лелея слабую надежду, что Тэнси вернулась в его отсутствие. У парадного крыльца стоял автомобиль для развозки почты. Норман затормозил рядом.

— Что-нибудь для Сейлора?

— Да, сэр. Лежит в ящике.

Послание было более длинным, но столь же неудобочитаемым.

> *Наконец ОНО оставило меня в покое. Если я сохраняю невозмутимость, ОНО перестает следить за каждым моим движением. Но со вторым письмом я едва не попалась. Норман, ты должен исполнить все, что я тебе говорю. Два дня заканчиваются в полночь с субботы на воскресенье. В бухте. Выполняй мои указания. Свяжи бечевки так, чтобы получились «бабий» узел, «риф», «кошачьи лапки» и «плоский штык». Заплети лесу в «беседочный» узел. Потом…*

Норман посмотрел на штемпель. Город в двухстах милях к востоку. Насколько он мог припомнить, железная дорога обходит его стороной. Ну что ж, направление поисков сужается.

Одно слово из записки звучало у него в мозгу, точно музыкальная нота, которую берут снова и снова, пока не лопнет терпение.

Бухта. Бухта. Бухта. Бухта.

Откуда-то пришло воспоминание о жарком полдне перед самой свадьбой. Они сидели на

краю полуразвалившегося причала. Серые от старости доски пахли солью и рыбой.

— Забавно, — сказала тогда Тэнси, глядя на зеленую воду. — Мне почему-то кажется, что я в конце концов буду там. Я не боюсь, нет, я умею плавать. Но еще в детстве, глядя на бухту — порой зеленую, порой синюю, порой серую, с белыми гребешками волн, залитую лунным светом или затянутую туманом, — я говорила себе: «Тэнси, бухта рано или поздно заполучит тебя». Забавно, правда?

А он рассмеялся и крепко обнял ее, а зеленая вода билась о сваи, увитые до самого верха водорослями.

Он гостил в доме ее отца, который тогда был еще жив; этот дом находился поблизости от Бейпорта, на южном берегу нью-йоркской бухты.

Значит, для нее узкий коридор заканчивается в бухте завтра в полночь.

Значит, она направляется туда.

Он позвонил в несколько мест — узнал сначала относительно билета на автобус, потом на поезд и на самолет. С самолетом ему не повезло, однако имелся поезд, который доставит его в Джерси-Сити за час до прибытия того автобуса, на каком, скорее всего, приедет Тэнси, если он правильно

все рассчитал.

Времени на сборы у него вполне достаточно, хватит даже на то, чтобы по дороге на вокзал обменять чек на наличные.

Норман разложил на столе все три записки — первая была написана ручкой, а две другие карандашом — и перечел их.

Он нахмурился. Достойно ли ученого пренебречь крохотной возможностью? Отвергнет ли командующий план прорыва из окружения лишь потому, что он отсутствует в учебниках? Но ведь бред, сущий бред! Вчера он что-то для него значил — эмоционально, а сегодня превратился в полнейшую ерунду. Однако завтра он может оказаться последней надеждой на спасение.

Но примириться с магией?

«Норман, ты должен исполнить все, что я тебе говорю». Эти слова внезапно бросились ему в глаза.

Между прочим, если он найдет Тэнси в полубезумном состоянии, рассказ о том, как точно он следовал ее наставлениям, поможет ему успокоить ее.

Пройдя на кухню, Норман взял моток белой бечевки.

Отыскав в шкафу свою ракетку для сквоша, он

вырвал из сетки две струны. Они сойдут за лесу.

Камин не чистили с тех самых пор, как в нем пылали колдовские принадлежности Тэнси. Норман потыкал золу кочергой и извлек черный камешек с прилипшей к нему иголкой. Магнетит.

Поставив на проигрыватель пластинку с Девятой сонатой Скрябина, он заменил иглу, взглянул на часы и принялся расхаживать по комнате. Постепенно музыка захватила его. Ее нельзя было назвать приятной для слуха, в ней было нечто дразнящее и мучительное: тягучая мелодия, наплывающие басовые трезвучия, трели в дисканте, затейливые хроматические гаммы. Слушая ее, невольно хотелось заткнуть уши.

Норману вспомнилась любопытная вещь. Кажется, Тэнси говорила ему, что Скрябин дал своей сонате название «Черная месса» и отказывался играть ее на концертах. Надо же! Скрябин, тот самый, кто придумал цветовой орган, пытался передать музыкальными средствами сущность мистицизма и умер от какого-то редкого заболевания; русский с лицом невинного младенца и пышными усами. Он припомнил отзывы критиков, слышанные им из уст Тэнси: «Омерзительная Девятая соната… музыка, пропитанная

скверной...» Смешно! Что такое музыка, как не абстрактное сочетание тонов!

Однако звуки сонаты заставляли думать иначе.

Темп убыстрялся, прелестная вторая тема словно заразилась общим настроением и сделалась пронзительной и неблагозвучной — марш проклятых, танец грешников, — достигла немыслимой вышины и оборвалась. Затем последовало повторение тягучей первой темы, которое завершилось негромким, но резким звуком в нижнем регистре.

Норман вынул иглу из головки, положил ее в конверт и сунул тот в карман вместе со всем остальным. Лишь сейчас он задумался над тем, почему, если собирался всего лишь успокоить Тэнси, проиграл Девятую сонату. Наверняка неиспользованная игла подошла бы не хуже, если не лучше. Он пожал плечами.

Потом вырвал из большого словаря страницу, на которой были изображены различные узлы.

Телефонный звонок застиг его на пороге.

— О, профессор Сейлор, позовите, пожалуйста, Тэнси, — проговорила миссис Карр.

Норман повторил то, что сказал миссис Соутелл.

— Я рада, что она решила отдохнуть за городом, — сообщила миссис Карр. — Простите, что я вмешиваюсь, профессор Сейлор, но, по-моему, Тэнси в последнее время выглядела не слишком хорошо. Я волновалась за нее. Вы уверены, что с ней все в порядке?

В этот миг безо всякого предупреждения в разговор вклинился посторонний голос:

— Зачем вы проверяете меня? Или я, по-вашему, ребенок? Я знаю, что делаю!

— Тихо! — прикрикнула миссис Карр. — Наверное, кто-то случайно подсоединился к нам. До свидания, профессор Сейлор.

В трубке раздались короткие гудки. Норман нахмурился.

Он готов был поклясться, что второй голос принадлежал Ивлин Соутелл.

Подобрав саквояж, он вышел из дома.

Глава 13

Водитель автобуса, которого показали Норману в Джерси-Сити, отличался широкими плечами и заспанным, но внушающим доверие видом. Он стоял у стены и покуривал сигаретку.

— Точно, была такая, — сказал он Норману, поразмыслив. — Симпатичная женщина в сером платье с серебряной брошкой и сумкой. Все, как вы говорите. Я подумал, что она, верно, едет навестить больного родственника.

Норман подавил раздражение. Если бы не полуторачасовая задержка, он прибыл бы в Джерси-Сити намного раньше автобуса, а не на двадцать минут позже.

— Я хотел бы знать, на какой рейс она пересела, — произнес он. — В справочной мне помочь не смогли.

Водитель поглядел на Нормана, однако не изрек ничего вроде «А че тебе надо-то?», за что Норман был ему искренне благодарен. Похоже, беглый осмотр убедил его, что дурных намерений у собеседника не имеется.

— Может, я ошибаюсь, мистер, — сказал он, — но, сдается мне, она села на местный автобус,

который ходит до побережья.

— Он останавливается в Бейпорте?

Водитель кивнул.

— А давно он ушел?

— Минут двадцать.

— Я могу попасть в Бейпорт раньше? Если возьму такси?

— Только-только. Если вы оплатите дорогу в оба конца и накинете кое-что сверху, я думаю, Алек подбросит вас.

Водитель небрежно махнул рукой человеку, который сидел в машине, что стояла сразу за зданием автовокзала.

— Учтите, мистер, я не уверен, что она в том автобусе.

— Конечно-конечно. Большое спасибо.

В свете фонарей было видно, как лисьи глазки Алека засверкали от любопытства, однако он не стал ни о чем спрашивать.

— Идет, — сказал он весело, — но времени у нас раз-два и обчелся, так что влезайте.

Прибрежное шоссе пересекало по пути многочисленные болота и пустоши. Иногда Норман улавливал в шуме двигателя шелест высокого тростника; порой в нос ему ударял неприятный запах, исходивший от заливчиков с черной во-

дой, которые они переезжали по длинным и низким мосткам. Запах бухты.

В окне изредка, смутно различимые в темноте, мелькали заводы, нефтеочистительные комбинаты, дома местных жителей.

Они обогнали три или четыре автобуса, но Алек молчал и не отводил взгляда от дороги.

Так продолжалось довольно долго. Наконец Алек сказал:

— Тот, должно быть, ее.

Созвездие красных и зеленых габаритных огней впереди перевалило через гребень холма.

— До Бейпорта осталось мили три, — прибавил таксист. — Что будем делать?

— Постараемся попасть в город первыми. Мне нужно на автовокзал.

— О'кей.

Такси пошло на обгон. Окна автобуса находились слишком высоко, чтобы разглядеть пассажиров; к тому же в салоне не горел свет.

Алек утвердительно мотнул головой:

— Точно, тот самый.

Автостанция в Бейпорте располагалась бок о бок с железнодорожным вокзалом. Норману вспомнилась деревянная платформа, отделенная от полотна узкой полоской гравия. Память,

однако, подвела его: вокзал оказался на деле крошечным и грязным, а не довольно просторным и светлым, хотя вычурная внутренняя отделка и вызывала воспоминания о временах, когда Бейпорт был летним курортом, на который съезжались отдохнуть богатейшие люди Нью-Йорка. Окна зала ожидания были темными, но на площади перед вокзалом Норман увидел несколько автомобилей, вокруг которых, негромко переговариваясь, бродили местные; среди них Норман разглядел двоих в солдатской форме — должно быть, из Форт-Монмута или Сэнди-Хука.

Прежде чем подкатил автобус, он успел вдоволь надышаться соленым воздухом, который имел легкий рыбный привкус.

Пассажиры сходили один за другим, высматривая тех, кто их встречал.

Тэнси спустилась по ступенькам третьей. Она держала в руках саквояж из свиной кожи и глядела прямо перед собой.

— Тэнси, — проговорил Норман.

Она словно не слышала. Он заметил на ее правой руке черное пятно, похожее на большой синяк, и вспомнил чернильную кляксу на своем письменном столе.

— Тэнси! — позвал он. — Тэнси!

Она прошла мимо, задев его рукавом.

— Тэнси, что с тобой?

Норман бросился за ней. Она направлялась к стоявшему на площади такси. Люди с любопытством посматривали на них. Норман начал раздражаться:

— Тэнси, перестань! Ну пожалуйста, Тэнси!

Он догнал ее, схватил за локоть и развернул лицом к себе, не обращая внимания на неодобрительный ропот зевак. Черты Тэнси выглядели застывшими, взор был устремлен куда-то в пространство.

Норман рассвирепел. Гнетущее напряжение, которое накапливалось с утра, выплеснулось наружу. Он потряс Тэнси. Та по-прежнему как будто не видела его; она словно изображала аристократку, терпеливо сносящую грубые приставания дикаря. Если бы она закричала или принялась отбиваться, никто бы, скорее всего, не вмешался. А так — Нормана рванули за плечо.

— Отпусти ее!

— Эй, приятель, угомонись-ка!

Тэнси не двигалась, поза ее была исполнена ледяного величия. Внезапно она выронила на мостовую клочок бумаги; в тот же миг взгляд ее скрестился со взглядом мужа, и Норману пока-

залось, что он разглядел в глазах Тэнси страх. Между ними двоими будто протянулся незримый мост понимания. Быть может, это лишь почудилось Норману, но на какое-то мгновение он словно обрел второе зрение: за спиной жены он различил нечто косматое и черное, с огромными лапами и тускло светящимися глазками.

Но тут Тэнси отвернулась, и видение исчезло. Впрочем, у Нормана сложилось впечатление, что тень ее чересчур велика и что виной тому вовсе не проказы фонаря. Кто-то сильно толкнул его, он пошатнулся — и потерял Тэнси из виду.

Обступившие Нормана люди, судя по всему, перемывали ему косточки, поминая всех его родственников, ближних и дальних. Однако он, как ни прислушивался, не мог разобрать ни слова.

— Врезать бы ему как следует!

Из ушей Нормана будто выпали затычки.

— Давайте, — проговорил он, — давайте, все разом.

— Эй, что происходит? — раздался голос Алека, настороженный, но не враждебный. Похоже, Алек размышлял так: «Пускай я ничего не знаю об этом парне, но он ехал в моей машине».

— А где женщина? — спросил один из солдат. — Куда она подевалась?

— Да, где она?

— Она села в такси Джейка, — сообщил кто-то.

— Может, у него был повод преследовать ее, — задумчиво произнес солдат.

Норман ощутил, как меняется настроение толпы.

— Никому не позволено приставать к женщинам, — буркнул державший его мужчина. Однако другой ослабил хватку.

— Ну? Зачем вы гнались за ней? — поинтересовался он.

— Потому что так было нужно.

Пронзительный женский голос воскликнул:

— Сколько шума из-за ерунды!

— Семейная ссора! — хмыкнул какой-то тип в толпе.

Нормана отпустили.

— Учти, — обратился к нему тот, который рассуждал о «позволительности», — если она пожалуется мне, я тебя таки вздую.

— Договорились, — отозвался Норман. — Никто не слышал, что за адрес она назвала?

Некоторые покачали головой, другие попросту проигнорировали вопрос. Их отношение к Норману, по-видимому, если и изменилось, то не слишком сильно. К тому же пять минут назад

они были заняты совсем иным и им было не до адреса.

Люди молча разошлись; Норман не сомневался, что, отойдя за пределы слышимости, они примутся горячо обсуждать случившееся. Машины с площади разъехались. Двое солдат уселись на скамейку перед зданием вокзала: они, вероятно, дожидались автобуса или поезда. Вскоре рядом с Норманом остался один Алек.

Норман увидел, что клочок бумаги, который выронила Тэнси, провалился в щель между досками платформы. Он осторожно извлек его и подошел к автомобилю, чтобы рассмотреть в свете фар.

— Ну, что теперь? — подозрительно справился Алек.

Норман взглянул на часы. Десять тридцать пять. До полуночи всего лишь полтора часа. За столь короткий срок он не сумеет выполнить и десятой доли из того, что задумал. Размышления доставляли Норману чуть ли не физическую боль, словно существо, которое привиделось ему за спиной Тэнси, каким-то образом повредило его мозг.

Он огляделся по сторонам. На обращенных к морю фонарях кое-где проступали следы черной

краски — остатки затемнения, уцелевшие со времен войны. Улочка, начинавшаяся от площади, сверкала огнями магазинов.

Норман посмотрел на клочок бумаги, подумал о Тэнси, сосредоточился мыслями на ее образе. Что же, речь идет о том, как помочь ей лучше всего, как поступить, чтобы спасти ее. Разумеется, надо будет обыскать побережье, двигаясь по железнодорожным путям; хотя одному богу известно, куда увезло ее то проклятое такси. Быть может, он отыщет старый причал, на котором они когда-то целовались. Ждать там? Или попробовать потолковать с водителем такси, когда он вернется? А можно заявить в полицию, что его жена хочет наложить на себя руки, и они тогда прочешут окрестности.

Но вправе ли он забывать об остальном? О том, как Тэнси призналась в колдовстве, о последнем сожженном талисмане, о неожиданных телефонных звонках Теодора Дженнингса и Маргарет Ван Найс, обо всех тех неприятностях, которые обрушились на него в колледже? Покушение Дженнингса на его жизнь, запись звуков, издаваемых трещоткой, фотография дракона, небрежно нарисованные подобия карт Таро, смерть Тотема, ветвистая молния; внезапное проявление

самоубийственных и саморазрушительных наклонностей, пьяная галлюцинация — нечто, схватившее его за плечо и заткнувшее рот, видение, посетившее его на вокзальной площади…

Норман напряженно думал, изредка поглядывая на клочок бумаги в своей руке.

Наконец он принял решение.

— На главной улице, по идее, должна быть гостиница, — сказал он Алеку. — Отвезите меня туда.

Глава 14

«Гостиница „Орел“» — гласили обведенные черным золотые буквы на вывеске из зеркального стекла. Норман рассмотрел не слишком просторный холл, всю обстановку которого составляли стойка портье и с полдюжины кресел.

Попросив Алека подождать, он снял комнату на ночь. Судя по книге записей, гостиница в последние дни отнюдь не страдала от наплыва постояльцев. Норман отнес в номер свой саквояж и снова спустился в холл.

— Я не был в вашем городе десять лет, — сообщил он портье, пожилому человеку в голубой униформе. — Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, помнится, кварталах в пяти отсюда вниз по улице находится кладбище?

Сонные глазки портье широко раскрылись.

— Бейпортское кладбище? Три квартала прямо, потом полтора налево. Но…

Вопрос, прозвучавший в его голосе, повис в воздухе.

— Благодарю вас, — сказал Норман.

После минутного раздумья он заплатил Алеку. Тот с видимым облегчением взял деньги и завел

двигатель. Норман направился вниз по главной улице, прочь от бухты.

Витрины магазинов мало-помалу остались позади. Окна мрачных домов были темными, лишь иногда мелькал робкий огонек. Норман приближался к окраине Бейпорта. Свернув налево, он расстался с освещавшими дорогу фонарями.

Ворота кладбища оказались запертыми. Норман двинулся вдоль стены, продираясь сквозь кустарник, пока не набрел на дерево, нижняя ветка которого была достаточно толстой для того, чтобы выдержать его. Уцепившись за нее, он взобрался на стену, осмотрелся и спрыгнул на землю с другой стороны.

Послышался шорох, словно он спугнул какое-нибудь маленькое животное. Действуя в основном на ощупь, Норман отыскал ближайшее надгробие. Оно было тонким, поросло внизу мхом и стояло слегка наклонно. Наверно, его поставили где-нибудь в середине прошлого века. Норман поковырял пальцами землю, набрал пригоршню и ссыпал ее в конверт, который достал из кармана.

Перелезая через стену обратно, он наделал много шума, но, похоже, не привлек ничьего внимания.

По пути в гостиницу Норман высмотрел на

небе Полярную звезду и с ее помощью определил местоположение своего номера.

Портье проводил его странным взглядом.

В номере было темно. В открытое окно вливался холодный и соленый воздух. Норман запер дверь, затворил окно, опустил штору и включил свет; слепящее сияние лампочки беспощадно подчеркивало убогость обстановки. Тихонько звякнул телефон.

Норман вынул из кармана конверт и взвесил на ладони. Губы его искривились в горькой усмешке. Он в очередной раз перечел записку, которую уронила Тэнси:

> *…немного земли с кладбища. Заверни все в лоскут фланели, обязательно против солнца. Вели ему остановить меня. Вели привести меня к тебе.*

Земля с кладбища. То, что он обнаружил в туалетном столике Тэнси. То, с чего все началось. Теперь он сам собирает ее. Норман взглянул на часы. Одиннадцать двадцать. Поставив имевшийся в номере стол посреди комнаты, он перочинным ножом процарапал на его поверхности метку, которая должна была обозначать восток. «Против солнца» — значит с запада на восток.

Разложив на столе все свое добро, он отрезал от полы купального халата полоску фланели, а затем попробовал соединить в единое целое четыре послания. Вот что у него вышло:

Возьми четыре белые четыреxдюймовые бечевки, отрезок лесы, кусочек платины или иридия, осколок магнетита, иглу проигрывателя, на котором только что отзвучала Девятая соната Скрябина. Потом свяжи бечевки так, чтобы получились «бабий» узел, «риф», «кошачьи лапки» и «плоский штык». Заплети лесу в «беседочный» узел. Добавь немного земли с кладбища. Заверни все в лоскут фланели, обязательно против солнца. Вели ему остановить меня. Вели привести меня к тебе.

Магическая формула, весьма типичная для негритянского колдовства. Игла проигрывателя, узлы и прочие «современности» явно привнесены белыми.

Но кто в нее поверит? Ребенок или невротик-взрослый, что старается наступать или, наоборот, не наступать на трещины в асфальте?

Часы в коридоре прозвонили *половину двена-*

дцатого. Норман рассматривал предметы на столе. Он не мог найти в себе сил, чтобы приступить к делу. Все было бы иначе, подумалось ему, если бы он собирался колдовать ради забавы или если бы относился к тем людям, которые без ума от сверхъестественного, которые поигрывают с магией, потому что от нее веет средневековьем и потому что древние манускрипты завораживают взгляд. Но принимать ее всерьез, допускать в рассудок суеверия — разве тем самым мы не становимся на сторону сил, толкающих мир вспять, к темным векам, разве не уничтожаем науку как таковую?

Однако он *видел* нечто за спиной Тэнси. Разумеется, это было наваждение. Но когда наваждения начинают вести себя неподобающим образом, когда ряд совпадений выстраивается в некую цепочку закономерностей, ученый обязан обращаться с ними как с реальностью. Когда же галлюцинации принимаются угрожать тебе и твоим близким физической расправой… Нет, не то… Когда приходится задумываться, веришь ли ты любимому человеку. Норман взял первую бечевку и связал «бабий узел».

Дойдя до «кошачьих лапок», он вынужден был взглянуть на иллюстрацию, которую вырвал

из словаря. После пары неудачных попыток он добился желаемого.

Но вот «плоский штык» упорно отказывался завязываться. Норман вертел бечевку в руках, завязывал ее то так, то сяк, однако упрямый узел никак не хотел походить на тот, что был изображен на картинке. Норман отер со лба пот.

— Как душно, — пробормотал он. — Задохнуться можно…

Ему казалось, что пальцы его вдруг сделались толщиной в добрый дюйм. Бечевка выскальзывала из них. Он вспомнил, какими ловкими были пальцы Тэнси.

Одиннадцать сорок одна. Игла проигрывателя покатилась к краю стола. Норман бросил бечевку, поймал иглу и придавил ее авторучкой, чтобы она не укатилась снова. Потом вновь взялся за узел.

На мгновение ему почудилось, будто он подобрал не бечевку, а лесу. Подумать только, укорил он себя мысленно, до чего расшалились нервишки. В горле у него пересохло. Он судорожно сглотнул.

Наконец, не сводя глаз с картинки и повторяя ее шаг за шагом, он ухитрился завязать «плоский штык». Ощущение того, что он пропускает меж

пальцев вовсе не бечевку, а что-то гораздо более неподатливое, не покидало его ни на секунду. Вывязав узел, он почувствовал легкий озноб, этакий предвестник лихорадки; свет лампочки словно потускнел. Должно быть, глаза устали.

Игла проигрывателя выкатилась из-под ручки и устремилась к противоположному краю стола. Норман прихлопнул ее ладонью, промахнулся, хлопнул во второй раз. Ага, есть!

Ни дать ни взять спиритический сеанс, хмыкнул он про себя. Кладешь руки на планшетку, пытаясь удержать их в неподвижности. Естественно, накапливается мышечное напряжение, которое постепенно возрастает до критической величины. Неожиданно, как бы отнюдь не по твоей воле, планшетка начинает кружиться на трех своих ножках, подпрыгивать и метаться от буквы к букве. То же самое и здесь. Причина непонятного онемения пальцев заключается в нервном и мышечном напряжении. А Норман в духе закона психического переноса приписал возникшие затруднения злонамеренности бечевки. С иглой и того проще: то надавливая на стол локтем, то упираясь в него коленкой, он наклонял его, а игла катилась по наклонной плоскости.

Игла завибрировала, словно была частичкой

некоего устройства. По пальцам Нормана как будто пробежал ток. Вдруг ему послышались лязгающие звуки Девятой сонаты. Черт! Покалывание в кончиках пальцев — верный признак повышенной нервной возбудимости. Однако в горле было сухо; попытка посмеяться над собой не удалась. Для подстраховки он завернул иглу во фланель.

Одиннадцать сорок семь. Норман потянулся за лесой. Руки его дрожали, словно он влез по длинному канату на крышу дома. Обычная на вид, леса оказалась омерзительно скользкой, словно покрытой какой-то слизью. Соленый аромат бухты куда-то улетучился, уступил место едкому металлическому запаху. Приехали, сказал себе Норман, осязательные и обонятельные галлюцинации вдобавок к зрительным и слуховым. В ушах его по-прежнему отдавалась Девятая соната.

Он знал, как заплетать лесу, в этом не было ничего сложного, тем более что она была на удивление мягкой; однако ему не переставало казаться, что его пальцы подчиняются посторонним силам: леса завязывалась в «риф», в «полуштык», в «затяжной» узел — в любой, кроме «беседочного». Пальцы болели, глаза слезились, сопротивление нарастало. Норман вспомнил

слова Тэнси в ту ночь, когда она отреклась от колдовства: «В чародействе существует правило реакции, нечто вроде отдачи в пистолете…»

Одиннадцать пятьдесят две.

Огромным усилием воли он отогнал мысли и воспоминания и сосредоточился на узле. Пальцы начали двигаться в странном ритме — ритме Девятой сонаты. Все, завязан, голубчик!

Комната погрузилась в полумрак. Истерическое помутнение зрения, поставил диагноз Норман; к тому же системы энергообеспечения в маленьких городках вечно выкидывают всякие фортели. Почему-то стало очень холодно, так холодно, что ему почудилось, будто он видит пар, который вырывается у него изо рта. И тишина, полная, мертвая тишина. В этой тишине отчетливо разносился стук сердца Нормана, которое лакейски подстраивалось под грохочущую бесовскую музыку.

И тут, в миг дьявольского, парализующего душу озарения, он понял, что это и есть истинное колдовство. Не вздорная болтовня о нелепых средневековых ухищрениях, не изящные пассы, но изнурительная борьба за то, чтобы удержать в повиновении призванную мощь, лишь символами которой были те предметы, какие

лежали перед ним на столе. Норман ощутил, как за стенами номера, снаружи его черепа, за непроницаемыми стенами рассудка собирается и разбухает нечто грозное и смертельно опасное, ожидающее одной-единственной ошибки, чтобы сокрушить его.

Он не мог поверить. Он не верил. И все же вынужден был поверить.

Но устоит ли он? Вот вопрос.

Одиннадцать пятьдесят семь. Без трех минут полночь. Норман принялся складывать принадлежности своего колдовства на лоскут фланели. Игла прильнула к магнетиту. Ну и ну! Они ведь находились в футе друг от друга! Норман посыпал предметы кладбищенской землей: песчинки шевелились под его пальцами, словно личинки насекомого. Чего-то не хватает. Он порылся в памяти, но та подвела. Он хотел перечитать текст, но порыв неизвестно откуда взявшегося ветерка разбросал кусочки бумаги по столу. Неведомые силы возликовали, Норман уставал тягаться с ними. Схватив наудачу одну бумажку, он различил слова «платины или иридия». Норман раскрутил ручку, отломил перо и добавил его в груду предметов на фланели.

Он встал напротив метки на столешнице, озна-

чавшей восток; руки его тряслись, как у пьяницы, зубы громко стучали. В комнате было совсем темно, если не считать лучика голубоватого света, который выбивался из-под шторы. Неужели фонари теперь заправляют парами ртути?

Внезапно фланелевый лоскут начал загибаться наподобие нагретого желатина и сворачиваться с востока на запад, по ходу солнца.

Норман успел, прежде чем он свернулся до конца, ухватить его за край, а потом — пальцы онемели настолько, что фланель для них словно превратилась в металл, — скатал против солнца.

Тишина сделалась оглушительной, поглотила даже стук сердца. Норман сознавал: нечто настороженно дожидается его приказа, пребывая почти в полной уверенности, что он не сможет ничего приказать.

Послышался бой часов. Или то были не часы, а звучало само время? Девять… десять… одиннадцать… *двенадцать…*

Язык Нормана как будто прилип к пересохшему нёбу. Слова толпились в горле, будучи не в силах выбраться наружу. Потолок комнаты словно слегка опустился.

— Останови Тэнси, — выдавил Норман. — Приведи ее сюда.

Впечатление было такое, будто в Нью-Джерси произошло землетрясение: комната закачалась, пол ушел из-под ног, мрак стал совершенно непроглядным. Стол — или что-то поднимавшееся со стола — ударил Нормана, и он повалился на что-то мягкое.

Затем все вдруг успокоилось. Так уж заведено: напряжение сменяется вялостью. Свет и звук возвратились. Норман лежал поперек кровати, а посреди стола валялся крошечный фланелевый сверток.

Норман чувствовал себя так, словно перепил на вечеринке или нанюхался кокаина. У него не было ни малейшего желания что-либо делать, он не испытывал никаких эмоций.

Внешне все осталось прежним. Его приученный к порядку мозг уже взвалил на себя неблагодарный труд — объяснить случившееся с научной точки зрения; он сплетал паутину из психозов, галлюцинаций и невозможных совпадений.

Однако внутри что-то изменилось — уже навсегда.

Прошло какое-то время.

В коридоре за дверью послышались шаги. Их сопровождал хлюпающий звук, как будто кто-то шел в промокшей обуви.

Шаги замерли у двери номера, который занимал Норман.

Он поднялся, пересек комнату и повернул ключ в замке.

К серебряной брошке прицепилась бурая водоросль. Серое платье было насквозь мокрым; небольшое подсохшее пятно успело покрыться корочкой соли. Сильно запахло морской водой. На лодыжке, обвив перекрученный чулок, висела еще одна водоросль.

На полу, вокруг туфель, уже образовалась маленькая лужица.

Норман бросил взгляд на цепочку следов на ковре, которая тянулась до самой лестницы, и увидел пожилого портье. Тот словно обратился в камень: нога его была занесена над верхней ступенькой, а в руках он держал саквояж из свиной кожи.

— Что происходит? — пробормотал он, заметив, что Норман смотрит на него. — Вы не сказали мне, что ждете жену. А она выглядит так, словно одетая искупалась в бухте. Мы не хотим, чтобы про нашу гостиницу пошла дурная слава…

— Все в порядке, — проговорил Норман, сознательно отдаляя тот миг, когда ему придется взглянуть в лицо Тэнси. — Извините, что забыл

предупредить вас. Давайте мне сумку.

— В прошлом году у нас случилось самоубийство. — Портье, похоже, не сознавал, что размышляет вслух. — С нас вполне хватит.

Наконец он стряхнул с себя оцепенение, попятился, спустившись на несколько ступенек, поставил саквояж, повернулся и чуть ли не бегом сбежал по лестнице.

Норман неохотно перевел взгляд на Тэнси.

Лицо ее было бледным, очень бледным и лишенным всякого выражения. Губы имели синеватый оттенок, волосы прилипли к щекам, густая прядь, ниспадая на лоб, полностью скрывала один глаз, а другой взирал тускло и безжизненно. Руки безвольно свисали вдоль тела.

С подола платья капала на пол вода.

Губы разошлись. Голос напоминал монотонное журчание воды:

— Ты опоздал. Опоздал на минуту.

Глава 15

Они возвращались к этому вопросу уже в третий раз. Норман начал раздражаться. Ему чудилось, будто он преследует робота, который движется по кругу, ступая на одни и те же стебли травы.

Уверенный, что снова ничего не добьется, он тем не менее спросил:

— Но как ты можешь потерять сознание и одновременно понимать, что ты его потеряла? Если твой мозг пуст, каким образом ты догадываешься о его пустоте?

Стрелки на его часах подползали к трем утра. В сумрачном гостиничном номере как-то по-особенному остро ощущались ночные холод и хворь. Тэнси в купальном халате Нормана и меховых тапочках сидела в кресле; голова ее обернута была полотенцем, а на коленях лежало одеяло. Раньше в подобном наряде она выглядела бы маленькой, но чрезвычайно привлекательной девочкой, но это раньше. Если размотать полотенце, под ним окажется череп с дыркой, через которую извлекли мозг, — именно такое чувство испытывал Норман, когда ему за разговором

случалось взглянуть в глаза жены.

— Я ничего не знаю, — сорвалось с бледных губ. — Я только говорю. Мою душу забрали. — Голос принадлежал не ей, а телу.

Да, подумалось Норману, и тон этого голоса нельзя назвать даже наставительным: уж слишком он бесцветен. Слова произносились размеренно, с одинаковой интонацией, походили друг на друга как две капли воды и напоминали монотонный шум какого-нибудь агрегата.

Меньше всего на свете Норману хотелось приставать с расспросами к этой карикатуре на человека, но он чувствовал, что должен любой ценой вызвать хоть какой-то отклик на застывшем, словно маска, лице, должен найти зацепку, от которой мог бы оттолкнуться в рассуждениях его собственный мозг.

— Тэнси, если ты говоришь о том, что творится вокруг, ты не можешь не воспринимать происходящего. Мы с тобой вдвоем, здесь, в этой комнате!

Запеленутая в полотенце голова качнулась из стороны в сторону, как у механической куклы.

— С тобой только тело. «Я» тут нет.

Он машинально исправил «я» на «меня», прежде чем сообразил, что во фразе нет грамма-

тической ошибки. Он вздрогнул.

— Ты хочешь сказать, — спросил он, — что ничего не видишь и не слышишь? Что тебя окружает чернота?

Механическое движение головы, которое убеждало лучше всяких возражений, повторилось.

— Мое тело все видит и все слышит. Оно не пострадало. Оно способно выполнять самые разные действия. Но внутри пусто. Там нет даже черноты.

Утомленное сознание Нормана перескочило вдруг к основному постулату бихевиористской психологии: человеческие поступки могут быть удовлетворительно объяснены без обращения к психике, как будто ее вовсе не существует. Что я, вот доказательство правоты бихевиористов. Впрочем, доказательство ли? Ведь в поведении этого… тела… начисто отсутствуют все те мелочи, которые в сумме и составляют личность. Манера Тэнси щуриться, раздумывая над головоломной задачкой. Подергивание уголков губ — признак того, что она польщена или слегка удивлена. Все, все пропало. Даже быстрое тройное покачивание головой, когда нос Тэнси шевелился, как у кролика, превратилось в тусклое «нет», произнесенное невыразительным голосом робота.

Ее органы чувств реагируют на внешние стимулы. Они посылают импульсы в мозг, а тот перерабатывает полученные сведения и передает сигналы мышцам, в том числе голосовым. Но и только. Нервная деятельность в коре головного мозга продолжается, однако она направлена теперь исключительно на физическое. То, что придавало поведению Тэнси своеобразный, присущий ей одной стиль, исчезло без следа. Остался организм, который утратил одухотворявшую его личность. Даже безумная или глупая — да! почему бы не воспользоваться устарелым термином, если он подходит к случаю? — душа не проглядывает в этих серо-зеленых глазах, которые моргают с регулярностью хорошо отлаженного механизма, но лишь для того, чтобы смазывалась роговая оболочка.

Норман ощутил угрюмое облегчение: он сумел-таки описать состояние Тэнси в точных терминах. И то ладно… Память неожиданно воспроизвела, едва ли не слово в слово, прочитанную им когда-то в газете заметку о старике, который многие годы хранил в своей спальне тело молодой женщины; он любил ее, а она умерла от неизлечимой болезни. При помощи воска и прочих ухищрений ему удалось предотвратить гниение. Он разго-

варивал с телом утром и вечером каждого дня и пребывал в полной уверенности, что однажды оживит умершую. Но полиция заинтересовалась стариком, провела у него дома обыск и забрала тело женщины, чтобы похоронить его.

Норман кисло усмехнулся. Черт подери, воскликнул он мысленно, как можно задумываться над необузданными, бредовыми фантазиями, когда вот сидит Тэнси, которая, очевидно, страдает от редкого нервного заболевания?!

Очевидно?

Необузданные фантазии?

— Тэнси, — произнес он, — почему ты не умерла, когда лишилась души?

— Обычно душа терпит до конца, будучи не в силах убежать, и погибает вместе с телом, — ответил механический голос с размеренностью метронома. — Но мою душу терзал Тот-Кто-Идет-Следом. Открыв глаза, я увидела зеленую воду и поняла, что наступила полночь и что у тебя ничего не вышло. В этот миг отчаяния он и похитил мою душу. Но тут меня обхватили и повлекли к воздуху руки твоего посланца. Моя душа была близко, но уже не могла вернуться в тело. Ее бессильная ярость — последнее, что отложилось у меня в памяти. Твой посланец и Тот-Кто-Идет-

Следом, должно быть, решили, что добились каждый своего, а потому разошлись с миром.

Картина, возникшая в сознании Нормана, была настолько яркой и правдоподобной, что казалось немыслимым, будто ее могли нарисовать слова робота. Однако лишь робот способен был повествовать о подобном событии с поистине ледяным безразличием.

— И ничто тебя не волнует? — спросил вдруг Норман, содрогаясь вновь при виде пустоты в глазах женщины. — И ничегошеньки не хочется?

— Хочется. Одного. — Это заявление сопровождалось не покачиванием головы, а утвердительным кивком. В лице Тэнси появился какой-то намек на чувство. Мертвенно-бледный язык облизал синеватые губы. — Я хочу свою душу.

У Нормана перехватило дыхание. Он пожалел о том, что его стремление вывести Тэнси из ступора увенчалось успехом. Под наружностью человека притаился зверь. Ее реакция напомнила ему любящего свет червяка, который спешит выбраться на солнце.

— Я хочу свою душу, — повторил механический голос. В его монотонности было нечто такое, из-за чего Нормана так и подмывало заткнуть уши. — Расставаясь со мной, моя душа наделила

меня этим желанием. Она знала, что ее ожидает. Ей было очень страшно.

— Где, по-твоему, она находится? — процедил Норман сквозь зубы.

— У нее. У женщины с тусклыми глазами.

Норман ошарашенно уставился на Тэнси. Он ощущал, как зарождается в сердце гнев, и ему было все равно, осмысленный это гнев или нет.

— У Ивлин Соутелл? — спросил он хрипло.

— Да. Но не стоит называть ее по имени.

Его рука метнулась к телефону. Ему надо чем-то занять себя, иначе он просто сойдет с ума.

Разбудив портье, Норман через него связался с местной телефонной станцией.

— Да, сэр? — послышался в трубке мелодичный женский голос. — Хемпнелл, тысяча двести восемьдесят четыре. Кого позвать? Ивлин Соутелл? Еще раз, сэр. И-В-Л-И-Н С-О-У-Т-Е-Л-Л. Хорошо, сэр. Повесьте, пожалуйста, трубку. Мне потребуется время, чтобы дозвониться.

— Я хочу свою душу. Я хочу отправиться к той женщине. Я хочу в Хемпнелл.

Похоже, Норман разбудил голодного зверя. Как игла проигрывателя, что застряла в канавке на заезженной пластинке, подумалось ему, или как механическая игрушка, которую куда подтолкни,

туда она и пойдет.

— Конечно, мы поедем в Хемпнелл, — сказал он с запинкой. — И вернем твою душу.

— Но тогда нужно вызвать горничную, чтобы она почистила и погладила мою одежду.

Плавно поднявшись, она шагнула к столику, на котором стоял телефон.

— Тэнси, — устало проговорил Норман, — времени четвертый час. Какая может быть горничная?

— Мне надо почистить и погладить одежду. Я скоро поеду в Хемпнелл.

Ей-богу, подумал Норман, как сварливая старуха! Вот только голос сомнамбулический.

Тэнси приближалась к нему. Он осознал вдруг, что отодвигается как можно дальше, словно стремясь вжаться в стену.

— Даже если ты ее добудишься, — сказал он, — она не придет.

Бледное лицо повернулось к нему.

— Горничная — женщина. Она придет, когда услышит меня.

Тэнси сняла трубку.

— В вашей гостинице есть горничная? — справилась она у ночного портье. — Пришлите ее в мой номер… Ну так позвоните ей… Я не могу

ждать до утра… Она нужна мне немедленно… Не важно… Спасибо.

Последовала долгая пауза, которую нарушали только гудки на том конце провода. Наконец там проснулись.

— Это горничная? Подойдите в номер тридцать семь.

Норман как будто сам услышал возмущенный ответ.

— Разве по моему голосу вы не догадываетесь, в каком я состоянии?.. Да… Приходите немедленно…

Тэнси опустила трубку на рычаг. Норман не сводил с нее глаз. Неожиданно для себя он спросил:

— Тэнси, ты способна отвечать на мои вопросы?

— Да, способна. Я отвечаю на них вот уже три часа.

Почему же, не отступалась логика, помня, что произошло в последние три часа, она… Но что такое память, как не тропинка, проложенная в нервной системе? Чтобы объяснить суть памяти, вовсе незачем обращаться к психике.

Хватит биться головой о каменную стену, глупец! Ты ведь заглядывал ей в глаза, верно? Каких еще доказательств ты ищешь?

— Тэнси, — произнес он, — что ты подразумевала, говоря, что твоя душа у Ивлин Соутелл?

— То, что сказала.

— Ты имеешь в виду, что она, миссис Карр и миссис Ганнисон обладают над тобой некой психологической властью, что они как бы эмоционально поработили тебя?

— Нет.

— Но твоя душа…

— …есть моя душа.

— Тэнси, — у него не было никакого желания заговаривать на эту тему, но он чувствовал, что должен, — ты веришь, что Ивлин Соутелл ведьма, что она занимается колдовством, как когда-то ты?

— Да.

— А миссис Карр и миссис Ганнисон?

— Они тоже.

— Ты хочешь сказать, будто веришь, что они делают то, от чего отказалась ты, — творят заклинания, наводят чары, используют познания своих мужей, чтобы обеспечить им продвижение по службе?

— Не только.

— А что еще?

— Они занимаются и белой, и черной магией.

Их не пугает то, что они причиняют боль или убивают.

— Почему?

— Ведьмы похожи на людей. Среди них есть лицемерки, склонные к самовосхвалению и самообману, которые считают, что цель оправдывает средства.

— Ты веришь, что они все трое злоумышляют против тебя?

— Да.

— Почему?

— Потому что они ненавидят меня.

— За что?

— Отчасти из-за тебя: они боятся, что ты обойдешь их мужей. Но главная причина их ненависти в том, что они чувствуют: я другая. Я пыталась это скрыть, но они чувствуют, что во мне нет уважения к респектабельности. У ведьм зачастую те же боги, что и у людей. Они опасаются меня, поскольку чувствуют мое презрение к Хемпнеллу. С миссис Карр, впрочем, все не так просто.

— Тэнси… — Норман запнулся. — Тэнси, как, по-твоему, случилось, что они стали ведьмами?

— Случилось, и все.

Установилось молчание. Чем дольше Норман размышлял, тем правильнее представлялся ему

диагноз: паранойя.

— Тэнси, — наконец проговорил он, — неужели ты не понимаешь, что из этого следует? Что все женщины — ведьмы!

— Да.

— Но как ты…

— Молчи, — перебила его Тэнси. — Она идет.

— Кто?

— Горничная. Спрячься, я кое-что тебе покажу.

— Спрятаться?

— Да. — Тэнси шагнула к нему. Он невольно отпрянул и коснулся рукой дверцы шкафа.

— Сюда? — спросил он, облизывая губы.

— Да. Спрячься там, и я докажу тебе.

В коридоре послышались шаги. Норман помедлил, нахмурился — и влез в шкаф.

— Я оставлю дверцу приоткрытой, — сказал он, — вот так.

Ответом ему был механический кивок. В дверь постучали.

— Звали, мэм? — Вопреки ожиданиям Нормана, голос был молодой. Однако создавалось впечатление, что горничная говорит через силу.

— Да. Я хочу, чтобы вы почистили и погладили мои вещи. Они побывали в соленой воде. Возьмите их на вешалке в ванной.

Горничная появилась в поле зрения Нормана. Скоро она растолстеет, подумалось ему, но сейчас ей не откажешь в миловидности, хотя лицо ее опухло от сна. Она была в форменном платье, но непричесанная и в тапочках.

— Пожалуйста, осторожнее с шерстяными вещами, — донесся до Нормана бесцветный голос Тэнси. — Я жду вас через час.

Если Норман предполагал, что горничная возразит, то просчитался.

— Хорошо, мэм, — ответила девушка. С мокрой одеждой в руках она двинулась было к двери, словно торопясь уйти, пока ее не спросили о чем-нибудь еще.

— Постой, девушка. Я хочу задать тебе вопрос. — Голос Тэнси сделался немного громче. Больше в нем не произошло никаких изменений, однако этого было достаточно, чтобы он зазвучал повелительно.

Девушка нехотя подчинилась. Норман смог как следует разглядеть ее. Тэнси он не видел, ибо щель, в которую он наблюдал, была очень узкой, однако страх, написанный на сонном лице горничной, явно был как-то связан с его женой.

— Да, мэм?

Судя по тому, что девушка съежилась и крепко

прижала к груди мокрые вещи, Тэнси, должно быть, взглянула на нее в упор.

— Тебе известен Легкий Способ Делать Дела? Ты знаешь, как Добывать и Оберегать?

Норман готов был поклясться, что девушка вздрогнула. Однако она отрицательно помотала головой:

— Нет, мэм… Я не понимаю, про что вы говорите.

— Ты разумеешь, что никогда не изучала, Как Добиваться Исполнения Желаний? Ты не колдуешь, не творишь заклинаний, не наводишь чар? Тебе неведомы тайны Ремесла?

— Нет, — прошептала горничная так тихо, что Норман едва расслышал. Она попыталась отвести взгляд, но не смогла.

— По-моему, ты лжешь.

Девушка в отчаянии стиснула руки. Она выглядела перепуганной до смерти. Норману даже захотелось вмешаться, но любопытство удержало его на месте.

— Мэм, — взмолилась девушка, — нам запрещено рассказывать об этом!

— Со мной ты можешь не бояться. Какие Обряды вы совершаете?

Горничная, похоже, несказанно удивилась:

— Обряды, мэм? Я ничего не знаю про них. Сама я колдую по мелочи. Когда мой парень был в армии, я заклинала каждый день, чтобы его не ранило и не убило и чтобы он не засматривался на других женщин. Еще я иногда пробую лечить больных. Все по мелочи, мэм. У меня часто не получается, как я ни стараюсь.

Словесный поток мало-помалу иссяк.

— Ну хорошо. Где ты всему научилась?

— В детстве меня учила мама. А заклинание от пуль сказала мне миссис Найдел, которая узнала его от своей бабушки, пережившей какую-то войну в Европе. Но так бывает редко; я имею в виду, женщины все больше молчат о таком. Кое до чего я додумалась сама. Вы не выдадите меня, мэм?

— Нет. Посмотри на меня. Что со мной случилось?

— Честно, мэм, я не знаю. Пожалуйста, не заставляйте меня говорить! — В голосе девушки слышался неподдельный ужас, и Норман даже рассердился на Тэнси, но потом вспомнил, что в своем теперешнем состоянии она не отличает доброту от жестокости.

— Я хочу, чтобы ты мне сказала.

— Я не могу, мэм… Вы… вы мертвая. — Внезапно горничная упала в ноги Тэнси. — Пожалуйста, по-

жалуйста, не забирайте мою душу! Пожалуйста!

— Я не возьму ее, хотя впоследствии ты, может, о том и пожалеешь. Ступай.

— Спасибо, мэм, огромное вам спасибо. — Девушка поспешно подобрала с пола одежду. — Я скоро все принесу, обещаю вам.

Она выбежала из номера.

Только шевельнувшись, Норман осознал, что мышцы его онемели от нескольких минут полной неподвижности. На негнущихся ногах он выбрался из шкафа. Фигура в халате и с полотенцем на голове сидела в кресле: руки сложены на коленях, взгляд устремлен туда, где мгновение назад стояла горничная.

— Если все это было тебе известно, — спросил Норман, мысли которого окончательно перепутались, — почему ты согласилась выполнить мою просьбу?

— Любая женщина состоит как бы из двух половинок, — (Норману почудилось, будто он беседует с мумией, которая излагает ему древнюю мудрость), — первая — рациональная, мужская. Вторая же половинка не ищет разумных объяснений; она знает. Мужчины — искусственно изолированные существа, подобные островкам в океане магии. Их защищают собственный рацио-

нализм и женщины, с которыми они соединили свои судьбы. Изолированность помогает им мыслить и действовать, но женщины знают. Они могли бы в открытую управлять миром, но не желают брать на себя такую ответственность. К тому же тогда мужчины могли бы превзойти их в познании тайн Ремесла. Уже сейчас встречаются колдуны, однако пока их мало.

На прошлой неделе я подозревала многое, но решила не делиться с тобой своими подозрениями. Рациональная сторона во мне довольно сильна, и потом, я хотела быть как можно ближе к тебе. Подобно большинству женщин, я сомневалась в своей правоте. Когда мы уничтожили мои талисманы и обереги, я на какое-то время словно ослепла. Я ощущала себя наркоманом, который привык к одним дозам, а ему вводят другие, гораздо более слабые. Рационализм взял верх, и несколько дней я наслаждалась чувством безопасности. Но то же здравомыслие подсказало мне, что ты стал жертвой колдовства. А по пути сюда я узнала кое-что новое, в том числе — от Того-Кто-Идет-Следом.

Помолчав, Тэнси добавила с невинной ребяческой хитрецой:

— Не пора ли нам ехать в Хемпнелл?

Зазвонил телефон. Ночной портье, возбужденный до такой степени, что его чрезвычайно трудно было понять, прокричал что-то о полиции и выселении из гостиницы. Чтобы успокоить его, Норман сказал, что немедленно спустится в холл.

Портье дожидался у подножия лестницы.

— Послушайте, мистер, — начал он, покачивая пальцем, — я хочу знать, что происходит. Сисси вышла из вашего номера бледная как полотно. Нет, она мне не жаловалась, но дрожала с ног до головы. Она моя внучка. Я устроил ее сюда, а потому отвечаю за нее. Я всю жизнь проработал в гостиницах, и мне известно, что они собой представляют. Я знаю, какой люд в них селится, какие попадаются временами мужчины и женщины и на что они подбивают молоденьких девушек.

Поймите, мистер, я на вас зла не держу. Но вы же не станете убеждать меня, будто с вашей женой все ладно. Когда она попросила прислать Сисси, я решил, что она заболела или что-нибудь в этом роде. Но если она больна, почему вы не вызвали врача? И почему вы не спите, в четыре-то утра? Миссис Томпсон из соседнего с вашим номера позвонила мне и заявила, что вы своими разговорами не даете ей заснуть. Я имею право

знать, что происходит!..

Напустив на себя профессорский вид, Норман принялся втолковывать старику, что его опасения безосновательны. Тот поворчал, но как будто удовлетворился. Он вернулся за стойку, а Норман пошел наверх.

Еще с лестницы он услышал звонок телефона.

Тэнси стояла у кровати и что-то говорила в трубку, которая, изгибаясь от уха до рта, подчеркивала своим иссиня-черным цветом бледность губ и щек и призрачную белизну полотенца.

— Это Тэнси Сейлор, — произнес механический голос. — Я хочу свою душу. — Пауза. — Вы не поняли, Ивлин? Это Тэнси Сейлор. Я хочу свою душу.

Норман совсем забыл про междугородный вызов, который сделал, поддавшись безрассудному гневу. Теперь он никак не мог сообразить, что собирался сказать миссис Соутелл.

Из трубки донесся приглушенный вой. Тэнси повысила голос:

— Это Тэнси Сейлор. Я хочу свою душу.

Норман переступил порог. Громкость звука в трубке быстро нарастала, к вою добавился пронзительный визг.

Норман протянул руку, но тут Тэнси круто развернулась, и на глазах у Нормана случилось

нечто невероятное.

Когда неодушевленные предметы начинают вести себя так, словно в них заронили крупицу жизни, неизбежно возникает мысль о наваждении или мошенничестве. Например, есть такой фокус: карандаш в пальцах вдруг как бы утрачивает твердость, гнется во все стороны, будто резиновый. Магия? Нет, ловкость рук.

Несомненно, Тэнси притронулась к телефону, однако Норману показалось, что тот внезапно ожил, превратился в жирного червяка и присосался к коже Тэнси на подбородке и чуть ниже уха. А к вою и визгу в трубке, почудилось ему, примешалось утробное урчание.

Он действовал без промедления: упал на колени и оторвал провод от розетки на стене. Посыпались голубые искры. Оборванный конец провода, извиваясь точно раненая змея, обвился вокруг его запястья, судорожно сжался — и ослаб; Норман брезгливо сбросил его на пол и встал.

Телефон валялся рядом с ножкой стола. Он выглядел совершенно обычно. Норман пнул его ногой. Он отлетел в сторону. Норман нагнулся и осторожно коснулся его. На ощупь он был таким, каким и положено быть телефонному аппарату.

Норман посмотрел на Тэнси. Та стояла на преж-

нем месте, в лице ее не было и намека на испуг. С безразличием механизма она подняла руку, погладила щеку и шею. Из уголка рта по подбородку бежала тоненькая струйка крови.

Ну да, она чересчур сильно прижала трубку и прикусила губу.

Но он видел…

Должно быть, он просто не заметил, как Тэнси встряхнула аппарат.

Какое там «встряхнула»! Он видел… невообразимое! Невозможное!

Но разве слово «невозможно» еще хоть на что-нибудь годится?

На том конце провода была Ивлин Соутелл. Он сам слышал звук трещотки. Так что ничего сверхъестественного. Вот факт, которого нужно придерживаться, в который нужно вцепиться зубами.

Норман рассвирепел. Ненависть, захлестнувшая его при мысли о женщине с тусклыми глазами, была поистине поразительной. На миг он почувствовал себя инквизитором, которому донесли, что одна поселянка была замечена в колдовстве. Перед его мысленным взором промелькнули дыба, пыточное колесо, «испанские сапоги». Потом средневековая фантасмагория

исчезла без следа, но гнев остался, — впрочем, он перерос в отвращение.

Во всех неприятностях и бедах Тэнси виноваты Ивлин Соутелл, Хульда Ганнисон и Флора Карр. Это Норман знал наверняка. Вот второй факт, который следует постоянно принимать в расчет. Они повредили мозг Тэнси — то ли внушая ей исподволь всякие несуразности, то ли каким-то иным способом.

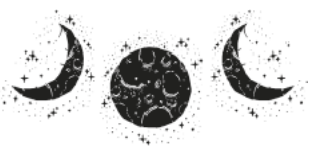
Они виноваты, однако доказать их вину на суде, если таковой состоится, нечего и думать. Он, Норман Сейлор, единственный мужчина на свете, который может спасти Тэнси. Значит, он должен в одиночку сразиться с тремя ведьмами, используя против них их собственное оружие.

Он должен убедить себя, что верит в силу магических средств и колдовских принадлежностей.

Тэнси опустила руку и облизнула губу, к которой присохла капелька крови.

— Мы можем ехать в Хемпнелл?

— Да!



Глава 16

Норман поглядывал в окно, прислушиваясь к перестуку вагонных колес, этой колыбельной машинного века. Мимо проносились залитые ярким солнечным светом зеленые поля, фермы, разморенные жарой стада. Он и сам был бы не прочь подремать, но понимал, что у него ничего не выйдет. *Она* же, по всей видимости, во сне не нуждалась.

— Я буду думать вслух, — сказал он, — а ты поправь меня, если увидишь, что я ошибаюсь.

Краем глаза он уловил утвердительный кивок фигуры, что сидела между ним и окном.

Какое, однако, у него гнусное умение приспосабливаться к обстоятельствам! Прошло всего-то полтора дня, а он уже вовсю использует Тэнси в качестве справочного автомата, обращается к ней с вопросами, требует вспомнить то-то и то-то, как будто она проигрыватель, на который можно поставить ту или иную пластинку.

В то же время он сознавал, что иначе не вынес бы ее присутствия в одном с собой купе. От нехороших мыслей он отвлекал себя маленькими хитростями — например, старался не смотреть

Тэнси в глаза. К тому же он тешил себя надеждой, что ее нынешнее состояние — временное. Если он начнет думать о том, каково это — делить стол и постель, провести жизнь в компании ледышки с черной пустотой внутри…

Норман с содроганием припомнил вчерашний вечер в Нью-Йорке. Люди расступались перед ними, чтобы только не коснуться Тэнси; их провожали взглядами, в которых поровну было любопытства и страха. А та женщина, которая вдруг завопила на всю улицу! Хорошо, что они успели затеряться в толпе.

Поэтому он искренне обрадовался, когда они сели в поезд. Пульмановское купе он воспринял как неприступную твердыню, в которую никому и никогда не ворваться.

А все-таки интересно, что замечали другие люди? Конечно, если приглядеться, толстый слой косметики лишь оттеняет неестественную бледность лица, а помада бессильна скрыть синеватый оттенок губ. Но чтобы рассмотреть все это под вуалью?.. Может, их изумляла ее походка или одежда? Надо признать, Тэнси кажется одетой… гм… слегка небрежно. Или же чувствуется то, о чем вынуждена была сказать та девушка из Бейпорта?

Норман сообразил, что намеренно оттягивает момент, которого так или иначе не избежать. Ему придется выполнить задуманное, какие бы чувства у него при этом ни возникали.

— Магия относится к числу практических наук, — заговорил он, уставившись на стену, словно диктовал. — Вот в чем заключается разница между формулой физической и магической, хотя они носят одно и то же название. Первая описывает в строгих математических символах причинно-следственные взаимоотношения различных явлений. А вторая является способом получения либо достижения чего-то. Она всегда учитывает желания и стремления того, кто ее использует, — будь то алчность, любовь, месть или что еще. Тогда как результат физического эксперимента по большому счету не зависит от личности экспериментатора. Короче говоря, «чистая наука» существует, а «чистая магия» — нет или почти нет. Но различие, которое мы проводим между физикой и магией, на деле всего лишь прихоть истории. Физика начиналась как разновидность магии, подтверждением чему могут служить алхимия и мистическая математика Пифагора. Современная физика тоже сделалась практической, однако у нее имеется теоретическая

надстройка, которая у магии отсутствует. Подобная надстройка для магии может быть создана через исследования в области «чистой магии», через изучение магических формул и сравнение их друг с другом, через вывод основополагающих формул, которые будут выражены в математических символах и получат широкое применение. Большинство же тех, кто практиковал магию, были слишком сильно заинтересованы в плодах колдовства, чтобы заботиться о теоретическом его обосновании. Однако как исследования в области «чистой науки» привели — на первый взгляд случайно — к поразительным практическим результатам, так и исследования в области «чистой магии» способны принести чародейству неоценимую пользу… Сегодня уже появились такие ученые, которые проводят опыты, как-то связанные с магией, которые собирают свидетельства о случаях ясновидения, пророческого откровения и телепатии, которые изучают возможность установления прямого контакта между сознанием двух и более людей, хотя бы они находились на разных сторонах планеты.

Помолчав, Норман продолжил:

— Магия как наука по своему материалу родственна физике, несмотря на то…

— По-моему, она больше схожа с психологией, — перебил механический голос.

— То есть? — спросил он, не поворачивая головы.

— Она исследует способы управления другими существами, призывания их и удержания их в повиновении.

— Пусть так, разница невелика. По счастью, формулы остаются осмысленными до тех пор, пока мы понимаем, к чему именно они относятся, хотя истинная природа того, что они описывают, может при этом быть неизвестной нам. Скажем, физику нет необходимости давать визуальное описание атома, даже если термин «визуальное описание» можно применить к атому, что представляется сомнительным. Подобным образом и колдуну незачем описывать наружность и внутреннюю суть того существа, которое он призывает; отсюда многочисленные «неописуемые» и «безымянные» ужасы в книгах по магии. Впрочем, ты подметила верно. Многие как будто безличные силы вроде ураганов, разбушевавшись, словно обретают личность. Поэтому не будет преувеличением сказать, что для описания одного-единственного электрона со всеми его метаниями и шараханиями понадобится

некая наука с психологическим уклоном, хотя в агрегатном состоянии электроны подчиняются относительно простым законам, как и люди, когда рассматривается поведение не отдельного человека, а какой-то группы. Вот почему отчасти магические процедуры столь ненадежны и опасны, вот почему заклинания не действуют, если намеченная жертва знает, как защищаться. Все формулы, записанные в твоем дневнике, оказались бесполезными, как только он попал в руки миссис Ганнисон…

Норман слушал себя и удивлялся, догадываясь, однако, что, если он отбросит сухую, академическую манеру рассуждать и позволит себе отвлечься, его рассудок попросту не выдержит.

— Идем дальше, — проговорил он. — Мне представляется, что магия как наука сильно зависит от окружающей среды, то есть от ситуации в мире и во Вселенной. Я поясню. Евклидова геометрия годится для земных условий, но в космосе гораздо больше пригодна неевклидова. Так и с магией. Основные магические формулы, по-видимому, изменяются с течением времени и довольно часто; заметь, я вовсе не хочу сказать, что не существует формул, которые управляли бы такими изменениями. Утверждалось, что законы физики

склонны к похожему эволюционированию; если это правда, то они развиваются куда медленнее магических формул. Ну, к примеру, считается, что скорость света изменяется в зависимости от того, как давно он идет от своего источника. Вполне естественно, что законы магии развиваются быстрее, поскольку магия основана на взаимодействии материального мира и иной плоскости бытия, а это взаимодействие — штука сложная и в высокой степени нестабильная.

Возьми хотя бы астрологию. За несколько тысячелетий благодаря предварению равноденствий Солнце в одно и то же время года побывало в различных небесных домах, как называются знаки зодиака. Про человека, который родился, скажем, двадцать второго марта, говорят, что его созвездие — Овен, хотя на деле он был рожден, когда Солнце находилось в Рыбах. Пренебрежение фактором смещения делает астрологические формулы неточными и…

— По-моему, — заявил голос, — астрология никогда не была точной наукой. Она одна из многих псевдонаук, которые смешивают с настоящей магией.

— Может быть. Во всяком случае, тогда становится понятнее, почему над магией принято

потешаться.

Предположим, что основополагающие физические формулы — три закона Ньютона — претерпели за пару тысяч лет серьезные изменения. Открытие любого физического закона всегда сопровождалось значительными трудностями. Однотипные эксперименты в разные эпохи дадут различные результаты. Вот в чем закавыка с магией, вот из-за чего рациональные умы посмеиваются над теми, кто верит в нее. Старый Карр сообщил мне интересную вещь. Он, правда, рассуждал о картах, но это ерунда. После нескольких перетасовок множества космических факторов законы магии изменяются. Зоркий глаз может различить перемену, однако требуется бесчисленное количество экспериментов, чтобы методом проб и ошибок отразить ее в практических формулах, тем более что нам неведомы базовые формулы магии.

Конкретный пример: формула, которой я воспользовался в ночь с воскресенья на понедельник. Она имеет отчетливые признаки модернизации. Что, кстати говоря, предлагалось в оригинальной формуле вместо иглы проигрывателя?

— Определенной формы свисток из ивовой

коры, в который свистели всего один раз, — ответил голос.

— А вместо платины или иридия?

— Раньше применялось серебро, но чем металл тяжелее, тем лучше. Свинец, впрочем, не годится. У меня с ним ничего не вышло. Его свойства совсем иные, нежели у серебра.

— Конечно. Метод проб и ошибок. К тому же, поскольку теоретическое описание отсутствует, мы не можем быть уверены в том, что все составляющие магической формулы одинаково необходимы для успешного исполнения заклинания. Здесь, пожалуй, могло бы помочь сравнение магических формул разных стран и народов. Оно показало бы, какие элементы наличествуют во всех формулах и, следовательно, являются неотъемлемой их частью.

В дверь постучали. Фигура рядом с Норманом опустила вуаль и отвернулась к окну, словно ее что-то вдруг там заинтересовало. Норман открыл.

Официант принес обед, хотя близилось уже время ужина. Та же самая история была и с завтраком. Официант был новый — с лицом кофейного цвета вместо черного как смоль. Должно быть, первый чересчур разнервничался, а потому

подыскал себе замену.

Норман следил за движениями официанта с нетерпеливым любопытством. Тот сначала бросил взгляд на фигуру у окна — наверное, подумалось Норману, они с Тэнси сделались достопримечательностью поезда, — потом, продолжая искоса поглядывать на нее, разложил столик. Глаза его испуганно расширились, смуглая кожа посерела. Внезапно став неуклюжим, он кое-как расставил тарелки, выдавил из себя улыбку и торопливо откланялся.

Норман также принял участие в сервировке стола: он положил ножи и вилки так, чтобы они находились под прямым углом к направлению, в котором их обычно кладут.

Обед был довольно скудным и гораздо больше подошел бы для умерщвления плоти. Норман старался не смотреть на Тэнси. В методичности, с которой она поглощала пищу, было нечто худшее, чем животный голод. Поев, он откинулся к стенке купе, достал сигарету и…

— Ты ничего не забыл? — спросила фигура без выражения.

Норман поднялся, собрал остатки обеда в маленькую картонную коробку, накрыл ее салфеткой, которой начисто вытер тарелки, и сунул

в свой саквояж, где уже лежал конверт с обрезками его ногтей. Чистые тарелки после завтрака были одной из причин нервозности первого официанта, однако Норман решил для себя, что будет строго соблюдать все табу, которые как будто имели значение для Тэнси.

Поэтому он собирал остатки пищи, следил, чтобы ножи и другие режущие инструменты не были повернуты острой стороной к нему или к его спутнице, укладывался спать головой к месту назначения и так далее. Еда в купе, а не в ресторане, помимо всего остального, тоже принадлежала к числу магических ритуалов.

Он взглянул на часы. Ба, до Хемпнелла всего полчаса! Он и не подозревал, что они так близко. Неожиданно Норману показалось, будто воздух становится плотнее, словно норовя задержать их. Что ж, пока есть время, надо попытаться выяснить кое-что еще.

Повернувшись к Тэнси спиной, он спросил:

— Как ты думаешь, где твоя душа? По мифам, ее можно заключить куда угодно — в дерево, в камень, в веревочный узел, в какое-нибудь животное.

Как он и опасался, ответом на его вопрос были все те же размеренно звучащие слова:

— Я хочу свою душу.

Норман судорожно стиснул руки. Нет, не зря он до сих пор не задавал этого вопроса. Но если возможно, ему надо узнать местонахождение души Тэнси.

— Но где нам ее искать?

— Я хочу свою душу.

— Понимаю. — Он с трудом сдерживался, чтобы не закричать. — Но куда ее могли запрятать? Скажи, если знаешь.

За коротким молчанием последовала лекция, прочитанная механическим голосом, который будто подражал манере профессора Нормана Сейлора излагать факты и свои комментарии к ним.

— Душа помещается внутри человеческого мозга. Оказавшись на свободе, она тут же начинает искать свое окружение. Можно сказать, что душа и тело — два отдельных существа, которые живут в симбиотическом единстве, таком тесном и крепком, что кажутся единым целым. Их близость друг к другу, похоже, возрастает с течением времени. В самом деле, когда тело, которое она населяет, гибнет, душа обычно бессильна покинуть его и, как правило, умирает вместе с ним. Но при помощи сверхъестественных средств душу порой можно извлечь из тела, в котором

она пребывает. Тогда, если ей не дают вернуться в прежнее тело, она проникает в другое, невзирая на то, занято оно или свободно. Таким образом, плененная душа чаще всего находится в мозгу своего похитителя и вынуждена воспринимать все то, что воспринимает его собственная душа. В этом, быть может, заключается главная пытка.

На лбу Нормана выступил пот.

Когда он задавал следующий вопрос, голос его не дрожал, а, наоборот, звучал непривычно твердо:

— Что такое Ивлин Соутелл?

Ответ Тэнси напоминал цитату из характеристики:

— Она руководствуется стремлением достичь высокого положения в обществе. Безуспешно старается показать, что принадлежит к снобам. Лелеет романтические надежды, но, поскольку они вряд ли осуществимы, чопорна и склонна к морализаторству. Считает, что обманулась в муже, и постоянно опасается, что он пустит на ветер тот капитал, который ей удалось для него накопить. Лишенная уверенности в себе, подвержена приступам жестокости и злобы. В настоящий момент напугана и держится настороже. Вот почему, разговаривая по телефону, она

пустила в ход магию.

— А миссис Ганнисон? — спросил Норман. — Что ты думаешь о ней?

— Она преисполнена энергии, хорошая жена и хозяйка. По характеру ей следовало бы быть владелицей феодального имения. Ей нравится повелевать. Она ненасытна и находит самые невероятные способы для удовлетворения своих потребностей. Служанки Ганнисонов порой рассказывают странные вещи, но всегда с оглядкой, ибо известно, что по отношению к тем, кто неверен ей или распускает про нее слухи, она не ведает жалости.

— А миссис Карр?

— Про нее мало что можно сказать. Она вертит как хочет своим мужем и наслаждается ролью местной святой. Однако она томится по молодости. Мне кажется, она стала ведьмой уже в зрелом возрасте и поэтому испытывает чувство разочарования. Что ею движет, я не знаю, поскольку не могу заглянуть в ее мозг.

Норман кивнул.

— Какие существуют формулы для возвращения похищенной души? — спросил он.

— Я много их записывала в дневник, который украла миссис Ганнисон. Мне почему-то дума-

лось, что однажды они пригодятся. Но я не помню их и сомневаюсь, чтобы они подействовали. Я к ним ни разу не прибегала, а с первой попытки у меня никогда ничего не выходило. Снова метод проб и ошибок.

— Но если окажется возможным сравнить их, выявить среди них основную, тогда…

— Может быть.

В дверь постучали. Проводник пришел за багажом.

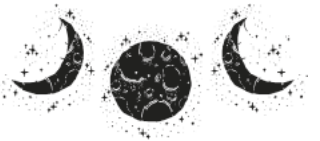
— Через пять минут прибываем в Хемпнелл, сэр. Вам помочь?

Норман сунул ему в руку банкноту, но от помощи отказался. Проводник, криво улыбнувшись, отправился дальше.

Норман встал у окна. Сначала видны были только полоса гравия у полотна да черные деревья за ней, но вскоре поезд покатил под уклон, и взгляду открылась лесистая долина. Лес подступал к самому городу, грозя поглотить его. С холма Хемпнелл выглядел совсем крошечным. Здания колледжа отчетливо выделялись в вечернем полумраке. Норману показалось, будто он различает окно своего кабинета.

Эти серые башни и темные готические крыши были частичкой иного, более древнего мира.

Сердце Нормана учащенно забилось: он словно приближался к вражеской крепости.



Глава 17

Подавив желание встать на цыпочки, Норман свернул за угол, расправил плечи и заставил себя оглядеться. Сильнее всего его поразила обыденность пейзажа. Разумеется, он не ожидал, что Хемпнелл каким-то материальным способом проявит свою злобную натуру, свой отвратительный норов. Однако мир и покой, царившие на территории колледжа, обрушились на него подобно удару грома, и его сознание на миг застыло на грани безумия. Студенты небольшими группами возвращались в общежития или брели в столовую попить содовой, девушки в белых костюмчиках и с ракетками в руках шли на занятия по теннису и громко смеялись — словом, все было как обычно.

Тебя дурачат, твердил он себе. Некоторые из этих девушек наверняка заразились. Их респектабельные мамочки потихоньку учат их, как Добиваться Исполнения Желаний и всему такому прочему. Они уже знают, что описание невроза в учебнике психиатрии является весьма неполным и что тексты по экономике даже не затрагивают сути магии денег. Наверняка не химические

формулы они затверживают наизусть, когда их взгляды приобретают отсутствующее выражение! А на поверхности — украшения, наряды и разговоры о мальчиках!

Он быстро поднялся по ступенькам Мортон-холла.

Как выяснилось, Норман отнюдь не до конца израсходовал свою способность удивляться. Очутившись на третьем этаже, он увидел, как из аудитории выходят студенты, и, взглянув на часы, сообразил, что наблюдает слушателей одного из своих собственных семинаров, которые прождали положенные десять минут после начала занятий и теперь расходятся. Что же вы, профессор Сейлор? Норман поспешил покинуть опасное место.

Постояв несколько минут перед дверью, он вошел в свой кабинет. Как будто все было в порядке, тем не менее Норман двигался со звериной осторожностью и, прежде чем к чему-нибудь прикоснуться, внимательно оглядывал предмет.

В стопке корреспонденции среди прочих находилось послание от Полларда, приглашавшее Нормана на заседание опекунского совета. Он усмехнулся. Что ж, карьера рушится прямо на глазах.

Сложив то, что ему требовалось, в портфель, Норман окинул кабинет прощальным взглядом, заметив попутно, что дракона на крышу Эстрихолла до сих пор не вернули, и вышел в коридор.

Там он столкнулся с миссис Ганнисон.

Он едва не сбил ее с ног.

— Хорошо, что я вас поймала! — воскликнула она. — Гарольд испробовал все средства, чтобы связаться с вами. Где вы пропадали?

Внезапно Норман осознал, что война, которую он ведет, внешне никак не проявляется, и испытал одновременно облегчение и разочарование. Он пустился рассказывать миссис Ганнисон о том, как они с Тэнси, проводя уик-энд с друзьями за городом, отравились несвежими продуктами; упомянул и о том, что письмо, отправленное им в колледж, должно быть, затерялось на почте. Эта ложь, придуманная недавно, прекрасно подходила для того, чтобы объяснить состояние Тэнси; к тому же ему будет на что сослаться при разбирательстве на опекунском совете.

Он не рассчитывал, что миссис Ганнисон поверит, но все же старался говорить убедительно.

Она внимательно выслушала, выразила сочувствие и сказала:

— Обязательно разыщите Гарольда. По-моему,

он хочет побеседовать с вами относительно заседания совета. Гарольд принимает в вас такое участие! До свидания.

Норман озадаченно посмотрел ей вслед. Странно, очень странно: при расставании в ее голосе прозвучали дружелюбные нотки. И вообще, она была словно сама не своя.

Впрочем, бог с ней. Норман быстрым шагом пересек территорию колледжа и добрался до боковой улочки, на которой припарковал автомобиль. Поглядев исподлобья на неподвижную фигуру на переднем сиденье, он завел двигатель и поехал к дому Соутеллов.

Они жили в огромном особняке, перед которым по всем правилам садового искусства была разбита лужайка. Трава на ней местами пожелтела, цветы, что выстроились стройными рядами, выглядели поникшими и заброшенными.

— Оставайся здесь, — сказал Норман. — Не выходи из машины, что бы ни случилось.

Харви встретил его на пороге. Под глазами заведующего кафедрой социологии виднелись синяки, суетливость его была заметней обычного.

— Я так рад вашему появлению, — проговорил он, втаскивая Нормана в дом. — Я просто не представляю, как быть. На меня столько всего

свалилось! Отменить занятия — я, найти преподавателя для замены — я, составить расписание на следующий год — тоже я! Пойдемте ко мне в кабинет.

Соутелл провел Нормана через большую, роскошно, но безвкусно обставленную гостиную в крошечную комнатку с малюсеньким окошком, вдоль стен которой от пола до потолка возвышались книжные полки.

— Я едва не спятил, честное слово! Вдобавок ко всему я боюсь выходить из дома с тех самых пор, как на Ивлин напали.

— Что?!

— Вы разве не слышали? Об этом писали в газетах. Я еще удивлялся, почему вы не звоните, пробовал застать вас дома и в колледже, но не сумел. — Даже в такой тесноте Соутелл умудрялся следовать своей привычке расхаживать взад-вперед. — Да, на нее напали ночью в субботу, и с воскресенья она не встает с постели. Стоит мне только заговорить о том, чтобы выйти на улицу, как у нее начинается истерика. Сейчас она, слава богу, спит.

Норман поспешил принести извинения, потом поведал Соутеллу историю с пищевым отравлением, однако мысли его вращались вокруг

субботнего вечера. Ему вспомнился поздний звонок из бейпортской гостиницы. Правда, тогда Ивлин нападала сама, и он вернулся в Хемпнелл, чтобы сразиться с ней. Но теперь…

— Вечная моя доля! — патетически воскликнул Соутелл, едва дослушав неуклюжие объяснения Нормана. — Кафедра разваливается в первую же неделю моего руководства ею! Разумеется, вашей вины в том нет, не подумайте. Молодой Стэкпол заболел гриппом…

— Все образуется, — утешил его Норман. — Садитесь и расскажите мне про Ивлин.

Соутелл примостился на край стола, сдвинув в сторону загромождавшие его бумаги, и испустил душераздирающий стон.

— Это случилось в воскресенье, около четырех утра, — произнес он, бесцельно перебирая документы. — Меня разбудил крик. Постель Ивлин была пуста. Я вышел в холл; там было темно, но от подножия лестницы доносились непонятные звуки, как будто кто-то возился…

Вдруг он вскинул голову.

— Что это? — воскликнул он. — Мне показалось, я слышал шаги.

Не успел Норман раскрыть рот, как Соутелл уже успокоился.

— Нервы, — сказал он. — Мерещится всякая ерунда. Ну вот, я схватил, по-моему, вазу и спустился по лестнице. Все сразу стихло. Я включил свет и прошелся по всем комнатам. В гостиной я обнаружил Ивлин: она лежала на полу без сознания, а на шее у нее проступали отвратительного вида синяки. Рядом валялся телефон. Мы держим его там потому, что Ивлин часто приходится звонить. Клянусь, я чуть было не обезумел! Я вызвал врача и полицию. Когда Ивлин пришла в себя, она объяснила нам, что произошло, хотя вся дрожала. Среди ночи внезапно зазвонил телефон. Она поторопилась подойти, а меня будить не стала. Едва она сняла трубку, на нее набросился какой-то человек. Она отбивалась — о, я прямо в ярости, честное слово! — но он скрутил ее и принялся душить, и больше она ничего не помнила.

В возбуждении Соутелл смял лист бумаги, который держал в руках, заметил, что натворил, и быстро разгладил его.

— Благодарение небесам, что я спустился вниз! Должно быть, мое появление спугнуло его. Врач сказал мне, что, если не считать синяков, Ивлин не пострадала. Но синяки привели его в замешательство. Он утверждал, что в жизни не видел ничего похожего. Полиция решила, что тот че-

ловек, проникнув в дом, вызвал центральную станцию и попросил прозвонить наш номер — мол, звонок вроде бы не в порядке. Однако они не могли понять, как он пробрался внутрь, — ведь все двери и окна были на запоре. Но тут, наверное, виноват я сам: забыл, видно, запереть на ночь парадную дверь. Проклятая небрежность!

Полиция посчитала, что к нам наведался грабитель или сексуальный маньяк, но, мне кажется, он был просто чокнутый. На полу в гостиной валялось серебряное блюдо, рядом лежали, почему-то крест-накрест, две серебряные вилки и все такое прочее. К тому же он, по-видимому, слушал проигрыватель: крышка была снята, диск вращался, а на ковре я разглядел кусочки одной из пластинок Ивлин.

Норман изумленно взирал на свое боязливое начальство, однако недоумение, написанное на его лице, было всего лишь маской. На самом деле он напряженно размышлял. Перво-наперво ему подумалось, что теперь он получил доказательство того, что слышал в телефоне звук трещотки, ибо что иное могло быть записано на разбитой пластинке? Выходит, Ивлин Соутелл все-таки занималась колдовством: подтверждение тому — серебряное блюдо с вилками и «все такое про-

чее». Кроме того, Ивлин, похоже, ожидала звонка и подготовилась к нему, иначе для чего ей понадобились все эти предметы?

Затем мысли его перескочили на синяки, о которых упомянул Соутелл: они подозрительно смахивали на те, которые наставила себе Тэнси с помощью телефонной трубки. Те же синяки, то же подручное средство — чем не свидетельство существования призрачного мира, в котором отраженный удар черной магии обрушивается на того, кто его нанес, в котором, вернее, замысел припугнуть недруга наведенными якобы чарами обернулся против того, в чьем больном мозгу зародился?

— Во всем виноват я один, — твердил Соутелл, дергая себя за галстук. Норману припомнилось, что Соутелл всегда будто нарочно предлагал себя Ивлин на роль козла отпущения. — Я должен был проснуться! Я, а вовсе не она, должен был подойти к телефону! Когда я думаю о том, как она в темноте спускалась по лестнице, не догадываясь, что… О, а еще кафедра! Говорю вам, Норман, я потихоньку схожу с ума! Мне страшно за Ивлин: она, бедняга, никак не отойдет!

Он затянул галстук так сильно, что тот сдавил ему горло; Соутелл торопливо ослабил узел.

— Знаете, с воскресного утра я не сомкнул глаз, — сообщил он, когда его дыхание восстановилось. — Если бы миссис Ганнисон по доброте душевной не вызвалась вчера посидеть пару часов с Ивлин, я не представляю, что бы я делал. Она не позволила мне даже… О господи! Ивлин!

Сверху донесся истошный вопль. Воскликнув: «Я же слышал шаги! Он вернулся!» — Соутелл вылетел из кабинета. Норман устремился за ним, испытывая страх по совершенно другому поводу. Опасения его подтвердились, когда в окно гостиной он увидел, что в автомобиле на улице никого нет. Обогнав Соутелла на лестнице, он первым достиг двери в спальню и остановился. Соутелл, бормоча на бегу что-то невразумительное, врезался в него.

Картина, открывшаяся взгляду, потрясла Нормана.

Ивлин Соутелл, завернувшись в розовое шелковое одеяло, прижималась к спинке кровати. Зубы ее стучали, на лице разливалась мертвенная бледность.

У кровати стояла Тэнси. На миг Норман ощутил надежду, но потом увидел ее глаза, и надежда исчезла без следа. Тэнси откинула вуаль. Из-за грубого макияжа, из-за этих нарумяненных щек

и ярко накрашенных губ она выглядела непристойно размалеванной статуей, особенно на фоне нелепых розовых шелковых занавесок. Однако статуя изображала хищника, и хищника голодного.

Соутелл выбрался из-за спины Нормана, приговаривая:

— Что случилось? Что случилось? — Тут он заметил Тэнси. — Я не знал, что вы тоже приехали. Когда вы вошли? Вы напугали ее!

Механический голос статуи заставил его замереть с раскрытым ртом.

— Нет, я не напугала ее. Правда, Ивлин?

Ивлин Соутелл глядела на Тэнси округлившимися от ужаса глазами, зубы ее выбивали дробь.

— Да, Тэнси не напугала меня, — выдавила она. — Мы разговаривали… и… мне показалось… я услышала шум…

— Шум? — переспросил Соутелл.

— Да… как будто шаги… в холле… — закончила Ивлин, не сводя взгляда с Тэнси. Та коротко кивнула.

По настоянию Соутелла Норман помог ему обыскать верхний этаж. Поиски, разумеется, были тщетными, но исполненными драматичности. Вернувшись в спальню, мужчины застали Ивлин

в одиночестве.

— Тэнси пошла в машину, — сказала она Норману. — Наверно, мне померещилось.

Но в глазах ее по-прежнему таился страх. Она не обращала никакого внимания на мужа, который суетился вокруг, то поправляя подушки, то накрывая ее одеялом. Норман откланялся.

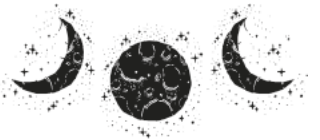
Тэнси сидела в машине, глядя прямо перед собой. Поза ее выражала все тот же животный голод. Норман с неохотой задал свой вопрос.

— Моей души у нее нет, — ответил ему механический голос. — Я долго выпытывала у нее истину, а под конец даже обняла. Тогда она закричала, потому что безумно боится мертвецов.

— Что она тебе сказала?

— Что мою душу у нее забрали. Это сделала та, которая не слишком доверяла Ивлин Соутелл, которой моя душа была нужна для собственных целей. Миссис Ганнисон.

Норман с такой силой стиснул руль, что у него на руках побелели костяшки пальцев. Он вдруг вспомнил о том загадочном взгляде, каким одарила его миссис Ганнисон.



Глава 18

Кабинет профессора Карра казался попыткой свести переполненный страстями материальный мир к девственной чистоте геометрии. Стены были украшены тремя заключенными в рамочки изображениями усеченных конусов. Книжный шкаф, заполненный трудами по математике в золоченых переплетах, венчали две модели криволинейных поверхностей, выполненные из тонкой проволоки и нейзильбера. Наполовину раскрытый зонт в углу комнаты вполне мог сойти за еще одну модель. На столе, разделявшем Карра и Нормана, не было ничего, кроме пяти листков бумаги, испещренных символами. Худой и бледный палец Карра уперся в верхний лист.

— Да, — сказал профессор, — подобные уравнения в символической логике допустимы и имеют смысл.

Откровенно говоря, Норман в этом и не сомневался, однако был рад получить подтверждение из уст математика. Накануне он проглядел классическую работу Рассела и Уайтхеда, но не был уверен, что сумел ухватить суть.

— Прописные буквы обозначают классы, а

строчные — отношения между ними, — пояснил он.

Карр потер подбородок.

— Понятно, — пробормотал он. — Но какие именно классы и отношения?

— Вы ведь можете проверить уравнения, не зная значения отдельных символов, которые их составляют? — спросил в ответ Норман.

— Конечно, конечно. Результаты ничуть не изменятся от того, скрываются ли за символами яблоки, боевые корабли, поэтические идеи или знаки зодиака. При условии, разумеется, что первичная связь между сущностью и символом установлена верно.

— Вот что меня и интересует, — сказал Норман. — На первом листе семнадцать уравнений. Они как будто сильно отличаются друг от друга. Мне хотелось бы узнать, не присутствует ли во всех них одно простенькое уравненьице, которое попросту погребено под грудой всяких красивостей. То же самое и для других листов.

— Гм… — Профессор Карр взялся за карандаш; взгляд его упорно возвращался к листку бумаги. — Должен признаться, ваши символы меня заинтриговали. Я как-то не думал, что символическая логика может получить применение в

социологии.

Ответ Нормана был заготовлен заранее.

— Я не стану лукавить с вами, Линтикум, — сказал он. — Мне в голову пришла до того невероятная мысль, что я решил ни с кем не обсуждать ее, пока сам как следует не разберусь.

Карр улыбнулся:

— Понимаю. Знаете, я до сих пор не могу забыть поистине катастрофических последствий своего заявления, будто мне удалось рассечь угол на три равные части. Ну, в то время я учился в седьмом классе… Моему учителю, — прибавил он с гордостью, — можно было посочувствовать. Тем не менее, — в его голосе снова послышалось мальчишеское любопытство, — ваши символы весьма своеобразны. Судя по всему, они могут относиться… гм… к чему угодно.

— Извините, — проговорил Норман, — мне крайне неудобно обременять вас.

— Что вы, что вы! — Крутя в руках карандаш, Карр снова посмотрел на лист, и взгляд его словно за что-то зацепился. — Гм… очень интересно. Я этого сначала не увидел.

Карандаш заскользил по листу, решительно вычеркивая целые шеренги символов и выводя новые уравнения. Вертикальная морщинка меж-

ду седыми бровями Карра сделалась резче: он с головой погрузился в работу.

Облегченно вздохнув про себя, Норман откинулся на спинку кресла. Он устал как собака, глаза болели от напряжения. Пять листков бумаги представляли собой итог непрерывного двадцатичасового труда, который занял ночь со вторника на среду, утро и половину дня среды. Впрочем, даже при таком изнурительном режиме он вряд ли справился бы в срок без помощи Тэнси, которая записывала формулы под его диктовку. Он научился полностью доверять ей в подобных рутинных занятиях.

Как загипнотизированный, он следил за тонкими старческими пальцами, что набрасывали уравнение за уравнением. Их быстрые, но упорядоченные движения лишний раз подчеркивали суровый, монастырский покой маленького кабинета.

До чего же все-таки странно, подумалось Норману, не только делать вид, будто веришь в черную магию, чтобы произвести впечатление на трех суеверных, склонных к неврозу женщин, которые каким-то образом сумели расстроить психику Тэнси, но и прибегать для подкрепления и обоснования этой веры к поддержке столь со-

временной науки, как символическая логика. Что бы сказал старый Карр, узнав, какие «сущности» скрываются за символами? Дожили: символическая логика используется для распутывания противоречий и двусмысленностей в колдовских формулах!

Однако, лишь призвав на подмогу высшую математику, он убедил Тэнси, что ему по силам сразиться с ее врагами. Кстати говоря, он действует вполне в духе традиции. Колдуны, исходя из соображений престижа, всегда старались включать в свои заклинания новейшие сведения. Что такое колдовство, как не битва за престиж в мистических сферах, и кто такой колдун, как не тот, кто сумел, прибегнув к незаконным средствам, обставить своих противников?

Утомленный мозг Нормана начинал понемногу воспринимать все, если можно так выразиться, в истерически-смешном свете. Ну и нелепое же зрелище, подумалось ему: женщина, которая наполовину верит в ведьмовство, доведена до безумия тремя другими, которые то ли искренне верят в то же самое, то ли не верят вообще; им противостоит мужчина, который ни капельки не верит, но притворяется, будто верит целиком и полностью, и намерен поступать так, как велит

ему воображаемая вера!

Нормана клонило в сон. Строгая математическая простота обстановки убаюкивала сознание, открывала мысленному взору картину абсолютного, бесконечного пространства. Почему бы, подумалось Норману, не отпихнуть подальше здравомыслие и не признать, что у Тэнси была душа, которую похитила тощая ведьма Ивлин Соутелл, а ее потом обокрала жирная ведьма Хульда Ганнисон и что сейчас он пытается найти оружие…

Сбросив с себя дремоту, он рывком вернулся в мир здравого смысла. Карр пододвинул ему листок, а сам склонился над следующим из пяти лежавших на столе.

— Уже все? — изумился Норман.

Карр, похоже, рассердился, что ему мешают работать.

— Разумеется, — отрывисто бросил он. Карандаш его вновь заскользил было по бумаге, но внезапно математик оторвался от вычислений и как-то странно посмотрел на Нормана. — Последнее уравнение, вон то, короткое. По правде сказать, я сомневался в том, что сумею чего-то добиться, но ваши символы, к чему бы они ни относились, как будто не бессмысленны.

Он снова склонился над листком.

Норман вздрогнул. Интересно, подумал он, глядя на уравнение, что оно обозначает? Память не желала помочь. Так что же, прикажете на глазах у Карра сверять символы с кодом?

— Простите, что побеспокоил вас, — пробормотал он.

Карр уделил ему мимолетный взгляд.

— Ну что вы, наоборот. Такие задачки всегда доставляют мне удовольствие.

Постепенно в комнате воцарился полумрак. Норман включил свет; Карр поблагодарил его кивком головы. Карандаш летал над бумагой. Норман получил еще три листка. Математик трудился над последним, когда дверь кабинета распахнулась.

— Линтикум! — проговорил с еле слышимой укоризной мелодичный голос. — Чем ты так занят? Я жду тебя внизу уже полчаса.

— Прости, милая, — откликнулся профессор, поглядев сначала на часы, а потом на жену, — я заработался…

Миссис Карр увидела Нормана.

— О, я не знала, что ты не один! Что подумает профессор Сейлор! Боюсь, ему показалось, что я командую тобой!

Она сопроводила свои слова столь обворожительной улыбкой, что Норман повторил вслед за Карром:

— Вовсе нет.

— Профессор Сейлор выглядит смертельно усталым, — продолжала миссис Карр, озабоченно глядя на Нормана. — Надеюсь, ты не замучил его своими выкладками, Линтикум?

— Не беспокойся, дорогая. Все расчеты я проделал сам, — сказал ее муж.

Она обошла стол и взглянула на листок.

— Что это? — спросила она, мило улыбаясь.

— Понятия не имею, — отозвался Карр, потянулся и подмигнул Норману. — По-моему, профессор Сейлор собирается устроить переворот в социологии, но пока хранит все в тайне. Я не знаю, к чему относятся его символы. Он использует меня в качестве электронного мозга.

Как бы испросив кивком разрешения у Нормана, миссис Карр взяла один листок и поднесла его к глазам за толстыми стеклами очков. Должно быть, стройные ряды символов смутили ее, и она быстро положила листок обратно.

— Математика для меня сущее наказание, — проговорила она.

— Глупости, Флора, — возразил Карр. — На

рынке я тебе и в подметки не гожусь. Сколько я ни пробовал, ты считаешь скорее моего.

— Ну, это такие мелочи, — протянула миссис Карр.

— Мне осталось совсем чуть-чуть, — сказал ее муж и вернулся к своим вычислениям.

— О, профессор Сейлор, будьте так любезны, передайте Тэнси, что я приглашаю ее на бридж завтра вечером, — полушепотом произнесла миссис Карр. — Завтра у нас четверг. Будут Хульда Ганнисон и Ивлин Соутелл. У Линтикума, к сожалению, дела.

— Конечно, — сказал Норман. — Однако я боюсь, что она не сможет прийти.

Он вновь пустился рассказывать о придуманном пищевом отравлении.

— Какой ужас! — воскликнула миссис Карр. — Могу ли я чем-нибудь помочь?

— Спасибо, — поблагодарил Норман. — Мы наняли сиделку.

— Разумно, — одобрила миссис Карр и пристально поглядела на Нормана, словно хотела дознаться, где находится источник его мудрости. Под ее взглядом, одновременно хищным и наивным, ему стало неловко. Он понял бы, если бы на него так посмотрела одна из студенток, но эта

пожилая женщина…

Карр отложил карандаш.

— Готово, — сообщил он.

Рассыпаясь в благодарностях, Норман собрал листки.

— Не стоит, — скромно ответил Карр. — Признаться, мне было очень любопытно.

— Линтикум просто обожает математику, а в особенности всякие задачи, — сообщила миссис Карр. — Однажды, — продолжила она с одобрением в голосе, — он составил таблицы для скачек!

— Да… всего лишь… э… в качестве примера вычисления вероятностей, — прибавил Карр, горделиво улыбнувшись.

Ее ладонь лежала на его плече; он положил сверху свою руку. Пожилые, но энергичные, старые телом, молодые духом, они казались безупречной парой.

— Если я произведу переворот в социологии, — сказал Норман, — то вы будете первым, кто об этом узнает, Линтикум, обещаю вам. Всего хорошего.

Придя домой, он достал код и углубился в его изучение. Первый лист был помечен буквой «W». Норман вроде бы помнил, что стоит за этой буквой, но для надежности решил проверить себя.

Итак, «W»: как похитить душу.

Да, вот оно. Обратившись к выведенным Карром формулам, он расшифровал базовое уравнение. «С — зазубренная полоска меди». Норман кивнул. «Т — повернуть по солнцу». Он нахмурился. Не годится. Как удачно все-таки он сообразил воспользоваться помощью математика, чтобы упростить семнадцать уравнений, каждое из которых представляло собой заклинание по извлечению души из тела и принадлежало тому или иному народу — арабам, зулусам, полинезийцам, американским неграм, индейцам и так далее. Самые современные формулы, причем те, которые применяются на практике!

«А — бледная поганка». Вот еще! Нет, явно не годится. Где ему, скажите на милость, искать бледную поганку? Он вполне обойдется без нее. Норман взял два других листа: с буквами «V» — «Как управлять чужой душой» и «Z» — «Как напускать сон». Через несколько минут он убедился, что составные части основных формул раздобыть будет нетрудно, хотя «Z» требовал использования Руки Славы и предписывал бросить кладбищенскую землю на крышу того дома, обитателей которого надо было погрузить в сон. Что касается руки, то нужно только пробраться в

анатомическую лабораторию. А потом…

Осознав вдруг, что устал и что его воротит от этих формул, которые выглядели не столько смехотворными, сколько омерзительными, Норман встал. Впервые с того момента, как появился дома, он посмотрел на фигуру у окна. Она сидела лицом к задернутым шторам и раскачивалась на стуле. Ритмичное движение зачаровывало.

Внезапная, как удар, на Нормана обрушилась тоска по Тэнси, по ее жестам, интонациям, причудам — всему, что делает человека настоящим, близким и любимым. Присутствие же в доме ледяной статуи, злобной карикатуры на Тэнси, лишь усиливало тоску. Что он, черт возьми, за мужчина, если морочит себе голову оккультными формулами, тогда как… «Душа уязвима, — говорила Тэнси. — Служанки Ганнисонов порой рассказывают странные вещи…» Ему следует отправиться к Ганнисонам и потребовать ответа у Хульды!

Собрав волю в кулак, Норман подавил гнев. Поступив так, он лишь окончательно все разрушит. Разве можно применять физическую силу против того, у кого в заложниках психика, то бишь самая суть любимого тобой человека? Нет, он уже прошел через это и наметил образ действий. Он

должен победить ведьм их собственным оружием. Отвратительные колдовские формулы — его единственная надежда. Тут Норман совершил привычную ошибку: посмотрел в лицо Тэнси. Поежившись, он переместился так, чтобы стоять спиной к качающемуся стулу.

Ему было не по себе, по телу распространялся какой-то зуд — словом, о продолжении работы не могло быть и речи.

Неожиданно он спросил:

— Почему, по-твоему, все вдруг так переменилось к худшему?

— Потому что было нарушено Равновесие, — откликнулся механический голос. Судя по скрипу стула, фигура все раскачивалась.

— Как? — Он начал было поворачивать голову на скрип, но вовремя одумался.

— Когда я отреклась от магии.

— Но почему они возжелали нашей смерти?

— Потому что своим отречением я нарушила Равновесие.

— Да, но как ты объяснишь столь резкий переход от пустяковых уколов и подначек к покушению на жизнь?

Скрип прекратился. Иного ответа не последовало. Впрочем, сказал себе Норман, он знает ответ.

То существо у него за спиной верило в колдовство; война же колдунов или ведьм между собой очень похожа на «окопную войну» или на осаду крепости. Железобетон и броня отражают пули и снаряды, а защитные заклинания обезвреживают все попытки врага причинить зло. Но как только железобетон и броня исчезли, ведьма, которая отреклась от своего ремесла, оказалась на «ничейной» земле…

И потом, пока существует возможность контратак, редко кто отважится на лобовой удар. Разумнее всего выжидать, нападая лишь тогда, когда противник «подставится». К тому же в колдовской битве, как и в настоящей, наверняка берут заложников, заключают тайные соглашения и, следовательно, всячески стараются избегнуть кровопролития, если таковое не неизбежно.

Теперь становится понятно, почему вроде бы малозначительный поступок Тэнси нарушил Равновесие. Что подумает воюющая сторона, если в самый разгар войны враг неожиданно пустит на дно все свои корабли и уничтожит все свои самолеты, как бы предлагая покончить с собой? Рассуждая здраво, ответ может быть только один. Это будет означать, что у врага появилось оружие куда более мощное, чем корабли и самолеты,

вместе взятые, и что он намерен завести разговор о мире, который в конечном итоге обернется ловушкой. И выход — незамедлительно ударить самим, пока противник не развернул вновь боевые порядки.

— Мне кажется… — произнес он.

То ли свист рассекаемого воздуха, то ли скрип половицы под толстым ковром, то ли некое шестое чувство — что-то заставило его обернуться.

Резко отпрянув, он увернулся от опускающейся ему на голову железяки. Та с размаху обрушилась на спинку стула. Удар по касательной задел плечо Нормана, которое тут же онемело.

Хватаясь здоровой рукой за стол, Норман поднялся с пола и огляделся. Увиденное настолько потрясло его, что он пошатнулся.

Тэнси, вернее, существо в ее обличье застыло посреди комнаты, слегка подавшись телом вперед. Ноги существа были босыми: тапочки *оно* сняло, чтобы производить меньше шума. В руке *оно* сжимало стальную кочергу, которая обычно стояла у камина.

Лицо его обрело жизнь — жизнь, которая вынудила оскалить зубы, которая раздувала ноздри и сверкала в голодных глазах. Зарычав, существо замахнулось кочергой на лампу на потолке. Ком-

ната погрузилась во мрак.

В темноте прошелестели шаги. Норман отпрыгнул, но все равно чуть было не попал под удар. Судя по раздававшимся звукам, существо взобралось на стол. Внезапно наступила тишина, в которой отчетливо слышалось учащенное дыхание — дыхание животного.

Норман скорчился на ковре, стараясь не шевелиться и напрягая слух. До чего же беспомощной, подумалось ему, становится слуховая система человека, когда нужно определить, откуда исходит звук. Сначала шорохи доносились из одного угла комнаты, потом словно переметнулись в другой, и постепенно Норман потерял ориентацию. Он попытался вспомнить, в каком именно направлении отскочил от стола. Упав на ковер, он откатился — куда? на сколько? Где стена — перед ним или позади? Чтобы поставить препоны любителям подглядывать в окна, он сам опустил шторы в гостиной и в спальне; что ж, он поработал на славу. В комнату не проникал снаружи ни единый лучик света. Норман сознавал, что лежит на ковре; это было единственное, что он знал наверняка.

Где-то во мраке пряталось *ОНО.* Может, *ОНО* способно видеть в темноте? Тогда чего *ОНО* ждет?

Норман прислушался. Все было тихо, пропало даже учащенное дыхание.

Должно быть, такая же темнота царит под пологом джунглей. Цивилизация не может существовать без света. Когда свет гаснет, цивилизация погибает. Норман попытался мыслить так, как если бы был тем существом, которое охотилось за ним. На что оно рассчитывало, разбивая лампу? Неожиданно комната словно превратилась в первобытную пещеру, а Норман как будто преобразился в дикаря, который испуганно озирается по сторонам в непроглядном мраке: колдунья вселила в тело его возлюбленной демона, жирная колдунья с отвислой губой и звериным взглядом. Должен ли он схватить топор и размозжить ту милую головку, в которую проник демон? Или лучше найти колдунью и пытать ее, пока она не отзовет своего демона? Но что станется с его женой? Соплеменники, наткнувшись на нее, убьют на месте — таков закон. А засевший в ней демон хочет смерти ему…

Голова у Нормана пошла кругом. Пробуя собраться с мыслями, он внезапно догадался, чего дожидается демон в человеческом облике.

Мышцы его уже болят. Онемение проходит, и плечо начинает подергиваться от боли. Рано или

поздно он пошевелится. И тогда демон набросится на него.

Норман осторожно вытянул руку. Медленно, очень медленно он повел ею вокруг. Пальцы его нащупали какую-то книгу. Зажав ее между большим и указательным пальцами, Норман подтащил книгу к себе. От усилия, которое потребовалось на то, чтобы сохранить тишину, рука его мелко задрожала.

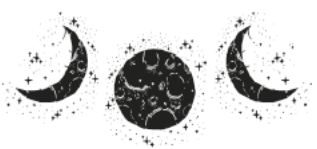
Примеривишись, он швырнул книгу прочь, так, чтобы она упала на ковер в нескольких футах от него. Послышался глухой стук, а сразу за ним — другой. Ободренный успехом своего замысла, Норман рванулся на звук, норовя схватить демона. Но тот перехитрил его. Руки Нормана вцепились в диванную подушку, которая накрыла собой книгу; только чудо спасло его от кочерги. Та врезалась в ковер совсем рядом.

Норман слепо зашарил в темноте и вдруг нащупал холодный металл. Завязалась борьба. Мгновение спустя Норман рухнул на ковер, сжимая в пальцах кочергу, а существо, судя по шарканью ног, удалилось к черному ходу.

Норман последовал за ним на кухню. Раздался грохот: из кухонного стола вывалился ящик с ножами, ложками и вилками.

Света в кухне было вполне достаточно, чтобы Норман мог разглядеть демона и успел перехватить руку с ножом. Существо прыгнуло на него, и они покатились по полу.

Тело, которое прижималось к телу Нормана, было теплым и, казалось, каждой своей клеточкой источало ненависть. Ощутив щекой холод стального лезвия, он дернулся, отбил нож и подтянул ноги к животу, чтобы обезопасить себя от коленей существа. Оно впилось в ту его руку, которой он защищался от ножа. Зубы вонзились в рукав пиджака, и ткань поползла по шву, когда Норман тряхнул рукой, стараясь высвободить ее. Ему меж пальцев попались волосы, и он судорожно вцепился в них. Демон выронил нож и замахнулся растопыренной пятерней, норовя выцарапать Норману глаза. Когда у него ничего не вышло, он зарычал и плюнул противнику в лицо. Норман заломил ему руки за спину, рывком встал на колени и распахнул дверцу нижнего отделения буфета, где хранились всякие веревки. Существо продолжало глухо порыкивать.



Глава 19

— Дело очень серьезное, Норм, — сказал Гарольд Ганнисон. — Феннер с Лидделлом рвут и мечут.

Норман подвинулся ближе вместе со стулом, как будто разговор с Ганнисоном и был той причиной, которая привела его сюда.

— Думаю, — говорил Ганнисон, — они намерены использовать случай с Маргарет Ван Найс: мол, дыма без огня не бывает. Кроме того, они могут выставить против вас Теодора Дженнингса и заявить, что его «нервный срыв» был вызван вашей несправедливостью к мальчику, и так далее. Разумеется, мы отстоим вашу невиновность, но боюсь, что даже упоминание о подобных вещах произведет неблагоприятное впечатление на остальных членов опекунского совета. Прибавьте еще ту лекцию о сексуальном образовании, которую вы собирались прочитать, и своих друзей-актеров, которых вы пригласили в колледж. Я ничего не имею против них, Норм, однако вы выбрали для приглашения крайне неудачное время.

Норман кивнул, как того требовали обстоятель-

ства. Миссис Ганнисон должна скоро подойти. Служанка сказала ему по телефону, что она только что поехала к мужу на работу.

— Конечно, по сути это все мелочи, — положительно, Ганнисон сегодня выглядел непривычно суровым, — но, как я уже сказал, они производят неблагоприятное впечатление. Реальная же опасность заключается в обсуждении вашего поведения на занятиях, тематики ваших публичных выступлений, пустяковых промашек, допущенных вами в обществе. И тогда найдется кто-нибудь, кто предложит сократить расходы колледжа. Вы понимаете, что я имею в виду. — Ганнисон помолчал. — Меня тревожит, что Поллард охладел к вам. Мы беседовали с ним о Соутелле, и я высказал ему все, что думаю об этом назначении; он ответил мне, что Соутелла навязали ему опекуны. Он неплохой человек, однако — и прежде всего — политик. — Ганнисон пожал плечами, словно поясняя Норману, что разделение на политиков и профессоров берет начало еще в ледниковом периоде.

Норман заставил себя проявить интерес:

— По-моему, на прошлой неделе я оскорбил его. Мы разговаривали на повышенных тонах, и я не выдержал.

Ганнисон покачал головой:

— Да нет, к оскорблениям ему не привыкать. Если он присоединился к вашим врагам, то потому, что счел это необходимым или, по крайней мере, полезным — ненавижу это слово! — с точки зрения общественного мнения. Вы же знаете, как он руководит колледжем. Каждые год-два он обязательно отдает кого-то на съедение волкам.

Норман слушал его краем уха. Он думал о Тэнси — такой, какой он ее оставил: связанная по рукам и ногам, оскаленные зубы, хриплое дыхание и запах виски, которое он силой влил ей в горло. Он выбрал обходной путь, но иной возможности у него не было. Ночью, утратив на миг мужество, он решил было вызвать врача и попросить, чтобы Тэнси поместили в больницу, но потом сообразил, что так навсегда потеряет ее. Какой психиатр поверит в существование заговора против его жены? По тем же соображениям он не стал обращаться за помощью ни к кому из друзей. Нет, единственный шанс состоял в том, чтобы застать миссис Ганнисон врасплох. Однако с утра Норману мерещились газетные заголовки вроде: «ПРОФЕССОРСКАЯ ЖЕНА — ЖЕРТВА ПЫТОК! ЗАПЕРТА В ШКАФУ СОБСТВЕННЫМ МУЖЕМ!»

— Дело очень серьезное, Норм, — повторил

Ганнисон. — Моя жена тоже так думает, а она в таких вещах разбирается.

Его жена! Норман послушно кивнул.

— Жаль, что все завертелось именно сейчас, — продолжал Ганнисон, — когда у вас и без того хлопот полон рот.

Норман заметил, что Ганнисон исподтишка посматривает на полоски пластыря в углу левого глаза и на верхней губе, но не стал ничего объяснять. Ганнисон беспокойно заерзал в кресле.

— Норм, — сказал он, — у меня складывается впечатление, что с вами что-то произошло. Вы один из немногих известных мне людей, которые способны стойко переносить удары судьбы. Но теперь мне кажется, что у вас не все ладно.

Норман понимал, что намек, прозвучавший в словах Ганнисона, сделан из искреннего сочувствия. На мгновение он подумал о том, чтобы открыть Ганнисону хотя бы частичку правды, — и с негодованием отверг эту мысль. Поступить так — все равно что обратиться в суд; а он мог представить — и представлял с изумительной, неправдоподобной отчетливостью, — что его ожидает в подобном случае!

Вот на свидетельское место становится Тэнси, пускай даже в ее прежнем, замороженном состо-

янии. «Вы утверждаете, миссис Сейлор, что ваша душа была похищена из вашего тела?» — «Да». — «Вы сознаете отсутствие своей души?» — «Я ничего не сознаю». — «Ничего? Надеюсь, вы не имеете в виду, что вы без сознания?» — «Да, я без сознания, я не вижу и не слышу». — «Вы хотите сказать, что не видите и не слышите меня?» — «Да». — «Но тогда...» Судья стучит молотком. «Если это безобразие немедленно не прекратится, я распоряжусь очистить помещение!» Или выходит на то же место миссис Ганнисон, а он, Норман Сейлор, начинает взывать к присяжным: «Господа, взгляните ей в глаза! Смотрите внимательнее! Душа моей жены там, в них, надо только увидеть ее!»

— Что с вами, Норм? — услышал он доброжелательный голос Ганнисона. Отгоняя неожиданно накатившую дремоту, он встряхнулся.

И тут в кабинет вошла миссис Ганнисон.

— Добрый день, — поздоровалась она. — Я рада, что вы двое наконец сошлись. Сдается мне, вы не спали как минимум две ночи подряд, — прибавила она, окинув Нормана слегка покровительственным взглядом. — Что с вашим лицом? Или его расцарапал ваш кот?

Ганнисон рассмеялся, сглаживая, как обычно,

некоторую резкость жены:

— Женщина! Любит собак и терпеть не может кошек. Но она права, Норм, вам явно не помешает выспаться.

Увидев миссис Ганнисон, услышав ее, Норман встрепенулся. Она выглядела так, словно недавно поднялась с постели после десятичасового сна. Дорогой зеленый костюм шел к ее рыжим волосам и придавал ей своеобразную величавость. Характерная небрежность ее наряда, разумеется, присутствовала, но она вдруг показалась Норману капризом властелина мира, который настолько могуществен, что может позволить себе неаккуратность в одежде. Внезапно сердце Нормана учащенно забилось: при миссис Ганнисон не было ее пухлой сумки.

Он не решился заглянуть ей в глаза, но привстал на стуле.

— Не уходите, Норм, — проговорил Ганнисон, — нам многое еще нужно обсудить.

— Да, куда вы спешите? — осведомилась миссис Ганнисон.

— Извините, — пробормотал Норман, — если не возражаете, я зайду попозже. Или в крайнем случае завтра утром.

— Хорошо, — согласился Ганнисон, — но учти-

те, что опекунский совет соберется завтра днем.

Миссис Ганнисон уселась на стул, который освободил Норман.

— Передайте привет Тэнси, — сказала она. — Мы с ней увидимся сегодня вечером, если она, конечно, поправится.

Утвердительно кивнув, Норман вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

Ему сразу бросилась в глаза сумка миссис Ганнисон: она лежала на столе в приемной, рядом со шкафчиком, где выставлены были капли принца Руперта и прочие диковинки. Он чуть не закричал от радости.

В приемной сидела секретарша-студентка. Норман подошел к ней.

— Мисс Миллер, — проговорил он, — принесите, пожалуйста, сведения об успеваемости вот этих студентов, — и перечислил несколько фамилий.

— Но они находятся в архивном отделе, профессор Сейлор, — сказала девушка.

— Знаю. Скажите там, что я послал вас. Если не подействует, сошлитесь на доктора Ганнисона.

Студентка отправилась выполнять поручение.

Норман выдвинул верхний ящик ее стола и нашел там, как и рассчитывал, ключ от шкафчика

с экспонатами.

Вскоре в дверях показалась миссис Ганнисон.

— Я думала, вы ушли! — воскликнула она, потом прибавила в своей грубоватой манере: — Вы что, ждете моего ухода, чтобы поговорить с Гарольдом наедине?

Он ничего не ответил. Взгляд его был устремлен на ее переносицу.

Она подобрала сумку.

— Вам не стоит таиться от меня, — продолжала она. — Мне о ваших неприятностях известно ничуть не меньше, чем Гарольду, — наверняка даже больше. Если быть откровенной, вы оказались в незавидном положении. — В ее голосе послышались торжествующие нотки. Она усмехнулась.

Норман по-прежнему не отрываясь глядел на ее переносицу.

— И не надо притворяться, будто вам все равно, — заявила она; похоже, ее начало раздражать его молчание. — Я знаю, что вы переживаете. Имейте в виду, завтра Поллард предложит вам уволиться. На что вы уставились?

— Так, — ответил он, отводя взгляд.

Недоверчиво фыркнув, она достала из сумки зеркальце, мельком посмотрелась в него, затем принялась внимательно изучать собственное

отражение.

Норману показалось, что секундная стрелка на стенных часах неподвижно застыла.

Миссис Ганнисон так углубилась в свое занятие, что не соизволила обернуться, когда Норман заговорил.

— Миссис Ганнисон, — произнес он, — мне известно, что вы похитили душу моей жены, и я знаю, как вы это сделали. Я изучал способы похищения душ. К примеру, среди прочих есть такой: когда вы находитесь в одном помещении с тем человеком, чью душу хотите украсть, и он смотрится в зеркало, а зеркало вдруг разбивается, причем в нем как раз отражался тот самый человек, то…

Негромко тренькнув, зеркало в руке миссис Ганнисон испарилось, превратившись в горстку радужной пыли.

В тот же миг Норману почудилось, будто мозг его стал больше и тяжелее; откуда-то извне в его мысли проник густой мрак.

У миссис Ганнисон вырвался вздох не то изумления, не то испуга. Лицо ее приобрело туповатое выражение — из-за того, что лицевые мускулы разом расслабились.

Норман взял ее за руку. Она недоуменно погля-

дела на него.

— Пойдемте, — сказал он, и ее тело подчинилось: она сделала шаг, потом другой.

Дрожа с головы до ног от переполнявших его чувств, Норман вывел миссис Ганнисон в коридор. У лестницы они столкнулись с мисс Миллер, которая возвращалась из архивного отдела с кипой карточек.

— Искренне сожалею, что мне пришлось побеспокоить вас, — обратился Норман к девушке, — но выяснилось, что карточки нам не понадобятся. Отнесите их, пожалуйста, обратно.

Студентка кивнула и вежливо, хотя и довольно криво, улыбнулась.

Выводя непривычно тихую миссис Ганнисон из административного корпуса, Норман все отчетливее ощущал, как мысли его словно наливаются мраком. Ничего подобного ему до сих пор испытывать не приходилось.

Неожиданно мрак расступился, как расходятся на закате грозовые тучи, и в щель нырнул алый лучик. Грозовые тучи накапливались в его мозгу, а алый лучик был сгустком бессильной ярости, в которой Норману чувствовалось что-то знакомое.

Ярость захлестнула мозг. Очертания зданий

колледжа расплылись у Нормана перед глазами. Если существует такая вещь, как расщепление личности, подумалось ему, и если в перегородке между двумя сознаниями появляется трещина…

Глупости! Безумие!

Он вдруг вспомнил слова, что сорвались с уст Тэнси в купе поезда: «Душа помещается внутри человеческого мозга». И еще: «…если ей не дают вернуться в прежнее тело, она проникает в другое, невзирая на то, занято оно или свободно. Таким образом, плененная душа чаще всего находится в мозгу своего похитителя…»

Внезапно из щели во мраке, поднявшись на гребне алой волны гнева, возникла внятная мысль: «Кретин, как тебе это удалось?!» Злобой своей она напомнила Норману миссис Ганнисон, и он, отрешившись от сомнений насчет собственного здравомыслия и реальности колдовства, признал как установленный факт, что мозг миссис Ганнисон оказался внутри его черепа и взывает к его собственному мозгу.

Норман искоса поглядел на женщину, которая покорно плелась за ним по территории колледжа. На мгновение ему захотелось соприкоснуться с ней сознанием. Но только на мгновение. Велев себе не валять дурака, он двинулся дальше, мыс-

ленно беседуя на ходу с миссис Ганнисон.

— Как вам это удалось? — твердила та.

Норман призадумался было, забыв, что миссис Ганнисон теперь слышит его мысли.

— Я положил в вашу сумку зеркало принца Руперта из шкафчика с экспонатами. Перекладывая, я завернул его в платок, а когда вы прикоснулись к нему пальцами, тепло, исходящее от вашей кожи, разрушило его. По древним верованиям, отражение в зеркале — это душа человека или, на худой конец, ее образ. Если зеркало разбивается, когда в нем отражается чье-либо лицо, то душа того человека выходит из тела.

Поскольку в разговоре не были задействованы органы речи, Норман «произнес» свою тираду как бы единым духом.

Сквозь щель во мраке проник другой вопрос:

— Куда вы ведете мое тело?

— К себе домой.

— Что вам нужно?

— Душа моей жены.

Наступило молчание. Щель во мраке сомкнулась, потом снова разошлась.

— Вы не можете забрать ее. Я владею ею, как вы владеете моей душой. Она спрятана и подчиняется мне.

— Пускай. Зато я могу удерживать вашу душу, пока вы не согласитесь вернуть душу моей жены в ее тело.

— А если я откажусь?

— Ваш муж реалист, он не поверит в то, что вы ему расскажете. Он обратится к лучшим психиатрам, а в итоге, хотя будет жестоко страдать, отправит ваше тело в сумасшедший дом.

Норман почувствовал в мыслях миссис Ганнисон страх и признание своего поражения. Впрочем, она еще пыталась сопротивляться:

— Вы не сумеете удержать мою душу. Она вам ненавистна, она вызывает у вас отвращение. Ваш мозг извергнет ее.

Тоненький лучик, что пробивался сквозь щель во мраке, сделался вдруг почти ослепительно-ярким. Норман мысленно чертыхнулся. Быстро же она освоилась! Он прибавил шаг; женщина, ковылявшая следом за ним, начала задыхаться.

— Первой была Энн. — (Поневоле Норман вынужден был прислушиваться к воспоминаниям миссис Ганнисон.) — Она нанялась ко мне в услужение восемь лет назад. Этакая хрупкая на вид блондиночка, справлявшаяся, однако, со всей домашней работой. Она была излишне впечатлительна и всего боялась. Вам известно, что

людьми можно управлять через страх, не прибегая к физической силе? Резкое слово, суровый взгляд — важно не то, что ты говоришь, а то, что подразумеваешь. Постепенно Энн наделила меня всей той строгостью, с которой к ней в детстве относились отец, учитель и священник. Я взглядом заставляла ее рыдать, я останавливалась у двери ее спальни, и Энн впадала от ужаса в безумие; повинуясь моим приказаниям, она брала голыми руками горячие кастрюли и сковородки и ждала, пока я не кончу разговаривать с Гарольдом.

Помимо Энн, Норман узнал про Клару и Милли, Мэри и Эрменгард. Он не мог не слушать, не мог сомкнуть щель во мраке, хотя способен был расширить ее. Подобно омерзительной медузе или некоему мясистому плотоядному растению, душа миссис Ганнисон прилепилась к его душе, как будто тюремщик и пленница неожиданно поменялись местами.

— А еще была Труди, толстая, неуклюжая и недалекая Труди, девушка с фермы. Она преклонялась передо мной, часами возилась с моей одеждой. Я поощряла ее то так, то этак и мало-помалу превратилась для Труди в святую. Она жила, чтобы добиться моей похвалы. Она готова была сделать для меня что угодно, несмотря на то что

очень часто попадала впросак и вечно чего-то стыдилась…

Наконец они добрались до дома Сейлоров. Поток гнусных мыслей иссяк. Щель во мраке сузилась до размеров крохотной точки.

Норман провел тело миссис Ганнисон в комнату Тэнси и показал на связанную фигуру на полу. Та лежала в той же позе, в какой он ее оставил: глаза закрыты, зубы оскалены, дыхание с хрипом вырывается из груди. Это зрелище кузнечным молотом обрушилось на мозг Нормана, и так уже изнемогавший под натиском сознания миссис Ганнисон.

— Заберите то, что вы вселили в нее, — услышал Норман свой собственный голос.

Черный паук спрыгнул с юбки Тэнси и резво припустил по расстеленному на полу одеялу. Норман действовал без промедления: его каблук раздавил паука, как только тот перебежал на паркет. Он различил приглушенный мысленный стон: «Мой верный Король! Ты покинул меня, ты больше не оживишь ни человеческую плоть, ни дерево, ни камень. Придется мне искать нового помощника».

— Верните то, что вы у нее забрали, — сказал Норман.

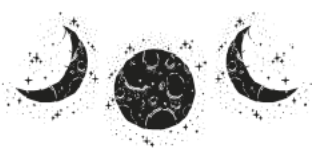
Щель во мраке исчезла.

Связанная фигура шевельнулась, словно желая изменить положение. Губы задрожали, глаза раскрылись. Не обращая внимания на черноту, что давила на его мозг, Норман наклонился, разрезал веревки и вынул из-под них прокладки, которыми предусмотрительно обмотал запястья и лодыжки Тэнси. Ему показалось, будто он слышит стук ее сердца.

Голова Тэнси качнулась из стороны в сторону. С губ слетело: «Норман...» Ресницы затрепетали, тело вздрогнуло — и внезапно в комнате словно расцвел цветок: на лице Тэнси появилось осмысленное выражение, ее руки обняли Нормана за плечи, а из широко раскрытых глаз взглянула на него живая человеческая душа.

Мгновение спустя чернота, давившая на его мозг, куда-то улетучилась.

Окинув их злобным взглядом, миссис Ганнисон отвернулась, вышла из комнаты и направилась к парадной двери. Норман прижал Тэнси к себе и прильнул губами к ее губам.



Глава 20

Входная дверь захлопнулась. Как будто это послужило для нее сигналом, Тэнси мягко оттолкнула Нормана.

— Рано радоваться, Норман, — проговорила она. — Наше счастье по-прежнему в опасности.

Она посмотрела на него так, словно видела перед собой огромную стену, которая скрывала солнце. Отвечая на его изумление, она произнесла шепотом, будто боялась, что иначе накличет беду:

— Миссис Карр…

Она крепче обняла его, словно чтобы он скорее осознал угрозу.

— Норман, мне страшно. Мне очень страшно. За себя и за тебя. Моя душа столькому научилась. Дела обстоят вовсе не так, как мне думалось. Они гораздо хуже. А миссис Карр…

Норман вдруг ощутил усталость и безразличие. Ну почему, почему все хорошее так быстро проходит? Почему обязательно нужно разрушать даже иллюзию благополучия? Он тупо воззрился на Тэнси, как будто она была видением из опиумных грез.

— Ты в безопасности, — пробормотал он. — Я сражался за тебя, я возвратил тебя и никому не отдам. Они не посмеют и прикоснуться к тебе.

— О, Норман, — Тэнси потупилась, — я знаю, каким ты был смелым и хитроумным. Мне известно, чем ты рисковал и чем пожертвовал ради меня. Ведь ты всего за неделю сумел отказаться от здравомыслия и стойко вынес гнусные мысли той женщины. Ты победил Ивлин Соутелл и миссис Ганнисон в честном бою, играя по их правилам. Но миссис Карр… — Ее руки задрожали. — О Норман, она позволила тебе победить их. Она хотела напугать их и использовала для устрашения тебя. Но теперь она сама вступает в игру.

— Нет, Тэнси, нет, — твердил Норман, силясь придумать какой-нибудь довод в поддержку своего заявления.

— Бедняжка, ты так устал, — проговорила она; в голосе ее послышались заботливые нотки. — Я приготовлю тебе коктейль.

У него сложилось впечатление, что она отсутствовала лишь какие-то секунды: он успел только потереть глаза, моргнуть и помотать головой.

— Пойду переоденусь, — сказала Тэнси, оглядывая свой помятый и кое-где порванный костюм, — а потом мы поговорим.

Норман залпом выпил коктейль, налил себе еще. Но, похоже, алкоголь бессилен был поднять его настроение. Посидев, Норман встал и, пошатываясь, побрел в спальню.

Тэнси надела белое шерстяное платье, которое ему нравилось больше других и которое она в последнее время почему-то избегала носить. Помнится, она сказала, что платье сделалось ей мало. Однако сейчас она, как видно, решила показать ему, что ее тело не утратило девичьей стройности.

— Я как будто переехала в новый дом, — с улыбкой проговорила она. — Или возвратилась в старый после долгой отлучки. Никак не привыкну.

Лишь теперь Норман заметил, что в ее движениях проскальзывает неуверенность, словно она впервые поднялась с постели после тяжелой болезни.

Она расчесала волосы, и те волной ниспадали ей на плечи; босые ноги придавали ей вид маленькой девочки. Даже в своем нынешнем, поистине кошмарном состоянии Норман нашел ее чрезвычайно привлекательной.

Он смешал ей коктейль. Она пригубила и отставила стакан.

— Нет, Норман, — сказала жена, — нам нужно поговорить. Мне многим надо с тобой поделиться, а времени у нас, быть может, в обрез.

Он огляделся. Взгляд его на миг задержался на двери комнаты Тэнси. Кивнув, он опустился на кровать. Ощущение того, что он грезит, накурившись опиума, представлялось ему единственной реальностью; странная хрипотца в голосе Тэнси казалась неотъемлемой принадлежностью нездорового сна.

— За всем стоит миссис Карр, — начала Тэнси. — Это она свела миссис Ганнисон с Ивлин Соутелл. Как будто ничего особенного, да? Но женщины предпочитают не разглашать тайн своего колдовства. Они обычно действуют поодиночке. Знания, вернее, частичка их передаются только от старых к молодым, чаще всего — от матерей к дочерям, но и то скорее по обязанности, чем от чистого сердца. Миссис Ганнисон — я кое-что узнала о ней, наблюдая за ее душой, — уверена, что ее сотрудничество с Ивлин Соутелл и миссис Карр — уникальный случай, потрясение основ, которое предвещает великие перемены в будущем. Даже теперь мне неизвестны истинные стремления миссис Карр, однако я догадываюсь, что они чудовищно велики. Она вынашивает

свои замыслы вот уже три четверти века.

Норман молча слушал, время от времени отпивая из стакана.

— Она выглядит этакой безобидной и глуповатой старушкой, которая печется о нравственности и соблюдении приличий, хотя сама молодится, — продолжала Тэнси. Норман удивленно посмотрел на нее: ему почудилось, что в ее голосе прозвучала насмешка. «Впрочем, — подумал он, — я, должно быть, ослышался». — Однако она притворяется, Норм. На деле же она великолепная актриса. Простоватая и милая на вид, она сохраняет спокойствие там, где взорвалась бы миссис Ганнисон, умеренна там, где Ивлин Соутелл обуяла бы жадность. Она преследует свои цели. Знаешь, ее идеал — пуританский Массачусетс. Порой мне кажется, что она какими-то таинственными средствами и способами хочет восстановить ту, пропитанную суевериями, так называемую теократическую общину.

Своим подручным она внушает ужас. В некотором роде они всего лишь подмастерья. Ты познакомился поближе с миссис Ганнисон, а потому поймешь, что это значит, если я скажу, что миссис Ганнисон все время боится, как бы ей не обидеть миссис Карр.

Норман допил коктейль. Его рассудок, вместо того чтобы осознать надвигающуюся угрозу, норовил увернуться от нее. Надо встряхнуться, сказал он себе. Тэнси пододвинула ему свой стакан.

— Страх миссис Ганнисон вполне оправдан, ибо миссис Карр обладает таким могуществом, перед которым заклинания большинства ведьм — детские забавы. Опаснее всего ее глаза. Она неслучайно скрывает их за толстыми стеклами очков. Она владеет тем самым сверхъестественным оружием, на защиту от которого направлено так много колдовских чар, оружием, которое настолько хорошо известно во всем мире, что сделалось любимым предметом острот для скептиков. Я говорю о дурном глазе. С его помощью она может наводить порчу и подчинять себе души людей.

До сих пор она держалась в тени, потому что желала наказать своих товарок за различные мелкие провинности и заставить их умолять о прощении. Однако она готовит удар, ибо увидела в тебе опасность для себя. — Тэнси говорила все быстрее и быстрее, и Норман с трудом разбирал ее слова. — Кроме того, во мраке, который клубится в ее мозгу, зреет еще один замысел. Иногда я

замечала, что она внимательно присматривается к моим движениям, жестам и…

Внезапно лицо Тэнси побелело.

— Я чувствую ее… она разыскивает меня… она прорывается… Нет! Нет, вы не заставите меня!.. Я не буду… Не буду!..

Она упала на колени.

— Не отдавай меня ей, Норман! — воскликнула она, словно перепуганный ребенок. — Не подпускай ее ко мне!

— Не подпущу, — проговорил он, рывком возвращаясь к действительности.

— О… у тебя не получится… Она идет сюда, сама!.. Вот до чего она боится тебя… Она заберет мою душу… Я не могу сказать тебе, что ей нужно… Это просто мерзость!..

Норман схватил жену за плечи.

— Ты должна сказать! — крикнул он. — Что?

Тэнси медленно подняла голову, взглянула Норману в глаза и прошептала:

— Ты знаешь, миссис Карр любит молодость. Она ведет себя как молоденькая девушка. Она окружает себя молодыми людьми, впитывает их чувства, невинность, восторженность. Норман, миссис Карр жаждет юности. Она долго сопротивлялась старению, дольше, чем ты думаешь. Ей не

семьдесят, а все девяносто. Но годы берут свое. Смерть не пугает ее, но она отдаст что угодно, поверь мне, Норман, что угодно за молодое тело.

Неужели ты не понимаешь? Другим нужна была моя душа, но ей необходимо мое тело. Разве ты не видел, как она на тебя смотрит? Она влюблена в тебя, Норман, эта мерзкая старуха влюблена в тебя. Вот зачем я понадобилась ей. Она хочет вселиться в мое тело, оставив мне свое. Моя душа погибнет вместе с ее гнусной плотью. Понимаешь?

Норман тупо глядел в ее испуганные, немигающие, чуть ли не гипнотические глаза.

— Ты должен остановить ее, Норман, остановить единственно возможным способом.

Не сводя с него взгляда, Тэнси встала и, пятясь, вышла из комнаты.

Наверное, в ее взоре и впрямь было нечто гипнотическое; вероятно, такое воздействие оказывал переполнявший ее страх. Норман не успел моргнуть, как Тэнси уже вернулась и вложила ему в руку холодный, угловатый на ощупь предмет.

— Не медли, — проговорила она. — Если ты замешкаешься хотя бы на единый миг, если дашь ей хотя бы малейшую возможность посмотреть

на тебя, мы пропали, пропали навсегда. Она кобра, что плюет ядом в глаза жертве. Готовься, Норман. Она приближается.

Под окном послышались шаги. Со скрипом отворилась входная дверь. Тэнси вдруг прижалась к нему, прильнула влажными губами к его губам. Он крепко поцеловал ее.

— Не медли, милый, — повторила она шепотом и скользнула в сторону.

Норман поднял пистолет. В спальне было темно — Тэнси задернула шторы. В дверном проеме обрисовалась тоненькая фигурка в сером шелковом платье. Блеснули стекла очков. Палец Нормана лег на курок.

Фигура в сером быстро качнула головой.

— Скорее, Норман, скорее! — поторопил голос сбоку.

Фигура в сером не шелохнулась. Пистолет в руке Нормана дрогнул, его дуло дернулось — и уставилось на женщину, которая притаилась в углу комнаты.

— Норман!

Глава 21

Легкий ветерок шелестел листвой дуба, что стоял угрюмым часовым у особняка Карров. Стены профессорского домика поражали своей белизной; злые языки уверяли, что старая хозяйка каждый вечер, дождавшись, пока уснут соседи, моет камни тряпкой, надетой на швабру с длинной ручкой. На всем чувствовался налет крепкой и бодрой старости. От особняка исходил неповторимый запах: так пах, должно быть, сундук, в котором капитан клипера, ходившего в Китай, привозил домой всякие пряности.

Окна домика выходили на колледж. Студентки спешили мимо него на занятия и, наверно, вспоминали, как чинно сидели там на стульях с прямой спинкой, а в очаге весело потрескивали дрова. Миссис Карр — такая душка! Конечно, она со странностями, но при случае ей безо всякого труда можно отвести глаза. К тому же она рассказывает очень интересные истории, совершенно не замечая двусмысленностей, которые в них проскальзывают. А к чаю с корицей у нее всегда имбирные пряники.

Веерообразное окно над балконной дверью

осветилось. Немного спустя на крыльце показался профессор Карр.

— Я пошел, Флора! — крикнул он. — Твои партнеры по бриджу что-то запаздывают.

— Они вот-вот появятся, — ответил ему мелодичный голос. — До вечера, Линтикум.

Профессор Карр закрыл за собой дверь. Жаль, что придется пропустить бридж. Однако доклад по теории простых чисел, который собирается прочесть молодой Рейфорд, несомненно, будет весьма интересен. Так что надо выбирать. Его шаги прошуршали по посыпанной гравием дорожке, вдоль которой, словно оторачивая ее кружевами, росли белые цветы, и затихли в отдалении.

За домом остановилась машина. Раздался такой звук, как будто поднимали что-то тяжелое, затем послышалось шарканье ног. Дверь черного хода распахнулась; на мгновение в прямоугольнике света возник черный мужской силуэт. На плече этот мужчина нес нечто, весьма напоминающее очертаниями связанную женщину. Но, разумеется, ничего подобного в доме Карров происходить не могло. Дверь закрылась, и установилась тишина, которую нарушал только шелест ветра в листве.

Взвизгнули тормоза. У парадного крыльца особ-

няка Карров застыл «студебекер» цвета воронова крыла. Из него выбралась миссис Ганнисон.

— Поспешите, Ивлин, — сказала она. — Из-за вас мы опоздаем, а она этого не любит.

— Не подгоняйте меня, — огрызнулась ее спутница.

Едва белая дверь открылась, пряный запах из глубины дома сделался более резким.

— Вы опоздали, дорогие мои, — прозвучал звонкий голос. — Но я прощаю вас, потому что у меня есть для вас сюрприз. Идемте.

Вслед за тоненькой фигуркой в шелковом платье они прошли в гостиную. За столом для игры в бридж, с его расшитой скатертью и двумя конфетницами из граненого стекла, стоял Норман Сейлор. В полумраке, который царил в комнате, выражение его лица разобрать было невозможно.

— Поскольку Тэнси не смогла прийти, — проговорила миссис Карр, — он вызвался заменить ее. Ну, как вам мой сюрприз? Не правда ли, профессор Сейлор очень любезен?

Миссис Ганнисон, похоже, набралась храбрости.

— Я не уверена, что мне это нравится, — пробормотала она.

— А давно ли, позвольте узнать, меня стало интересовать ваше мнение? — Миссис Карр выпрямилась. — Садитесь все!

Когда они расселись вокруг стола, миссис Карр принялась перебирать колоду, извлекая из нее отдельные карты и раскладывая их перед собой. Ее голос был, как всегда, сладкозвучным.

— Это вы, мои дорогие, — сообщила она, кладя рядом даму бубен и даму треф. — А это профессор Сейлор. — Она прибавила к дамам короля червей. — А вот я. — Она положила даму пик поверх трех остальных карт. — Тут, в сторонке, у нас будет дама червей, то бишь Тэнси Сейлор. Я хочу сделать следующее. — Она накрыла даму пик дамой червей. — Не понимаете? Ну что ж, ничего удивительного, поскольку умом вы никогда не блистали. Сейчас поймете. У нас с профессором Сейлором состоялся очень интересный разговор по поводу его исследований. Не правда ли, профессор Сейлор? — (Норман кивнул.) — Он открыл весьма любопытную вещь: сумел вывести законы для той деятельности, которой мы, женщины, занимаемся. По-моему, порой от мужчин бывает польза, да?

Профессор Сейлор любезно поделился своим открытием со мной. Вы и представить не можете,

насколько все становится проще, безопаснее и эффективнее! Последнее — самое важное в наши дни. Профессор Сейлор даже показал мне кое-что, и мы с ним приготовили сюрпризы для вас и для еще одного человека. Это не подарки, они останутся у меня. Так что, если кто-нибудь из вас будет плохо себя вести, мне не составит труда наказать виновную, отобрав у нее — сами знаете что.

Теперь же пришло время приступать к обряду, который сблизит нас с профессором Сейлором и объединит наши усилия. Вы нам поможете. Вот зачем я вас позвала. Откройте дверь в столовую, Норман.

Старомодная задвижная дверь скользнула в сторону.

— Ну? — спросила миссис Карр. — Как вам очередной сюрприз?

Тело было привязано к стулу. Над кляпом сверкали бессильной яростью глаза Тэнси Сейлор.

Ивлин Соутелл приподнялась со своего места. Крик застрял у нее в горле.

— Можете не закатывать истерики, Ивлин, — бросила миссис Карр. — Она обрела душу.

Ивлин Соутелл села. Губы ее дрожали.

Миссис Ганнисон побледнела, но выпятила

подбородок и оперлась локтями о стол.

— Мне это не нравится, — произнесла она. — Слишком рискованно.

— Мне представилась возможность, которой неделю назад не было в помине, — сообщила миссис Карр. — Вы с Ивлин должны помочь мне. Разумеется, вы вольны отказаться, если хотите. Но, надеюсь, вы сознаете последствия своего отказа.

Миссис Ганнисон потупилась.

— Хорошо, — проговорила она. — Но давайте поторопимся.

— Я старая женщина, — сказала миссис Карр, слегка растягивая слова, — и обожаю жизнь. Грустно было думать о том, что конец все ближе. К тому же, как вам известно, у меня имеются особые причины опасаться смерти.

Однако обстоятельства изменились, и я собираюсь вновь насладиться всем тем, на что взирают с завистью отживающие свой век старухи. События последних двух недель подсказали мне способ, а профессор Сейлор выяснил, как осуществить задуманное. Что касается вас, милочки, вы нужны мне для того, чтобы составить ту четверку людей, которая необходима для возникновения, скажем так, своего рода электрического напряжения.

И тогда, как выразился профессор Сейлор, — он очень, очень умный человек! — искра перепрыгнет через разрыв в цепи. Говоря конкретнее, она перескочит от меня туда, — миссис Карр показала на связанную фигуру. — Вернее, искр будет две. Когда все кончится, дама червей накроет даму пик, но и дама пик накроет даму червей. Сегодня, дорогие мои, мы с вами выйдем в четвертое измерение. То, чего мы не понимаем, зачастую оказывается наиболее важным, не правда ли?

— Вы не сделаете этого! — воскликнула миссис Ганнисон. — Вы не сможете скрыть истину!

— Да? К вашему сведению, я не буду и пытаться. Ну-ка, скажите мне, что произойдет, если старой миссис Карр взбредет в голову заявить во всеуслышание, что она — Тэнси Сейлор? Мне кажется, вы догадываетесь, что ожидает милую, безобидную старушку. Все-таки законы, по которым живут здравомыслящие люди, иногда на что-то годятся. Начинайте, Норман. А я объясню нашим гостьям, что от них требуется.

Норман кинул в огонь щепотку порошка. Он вспыхнул зеленым пламенем; из камина повалил едкий, удушливый дым.

Кто знает? Быть может, в тот миг что-то шевельнулось в самом сердце мира, что-то всколыхнуло

беззвучные потоки черной бездны. На ночной стороне планеты миллионы женщин беспокойно заворочались во сне, а некоторые пробудились, дрожа от страха. На дневной стороне миллионы других женщин испытали чувство тревоги: одни из них погрузились в грезы наяву, вторые совершили ошибку в работе и были вынуждены заново — кто пересчитать цифры, кто подсоединить провод, кто составить лекарство; третьи ощутили, как в их сознание проникает извне нездоровая подозрительность. Некая космическая стрелка словно замерла в раздумье, едва заметно подрагивая, и те существа, что находились рядом и все видели, кинулись врассыпную. Поведение стрелки напоминало волчок, который, кружась, подбирается к краю стола. Вот он уже на грани падения — и вдруг отворачивает от края и движется вспять, к центру стола. Пожалуй, можно сказать и так: колебание бездны прекратилось. Равновесие было восстановлено…

Норман Сейлор распахнул окна, чтобы остатки едкого дыма выветрились из комнаты, потом перерезал веревки и вынул кляп изо рта привязанной к стулу фигуры. Она встала и, сопровождаемая Норманом, направилась к двери.

Остальные молча следили за ними. Старуха в

сером шелковом платье сидела, сгорбившись и уронив голову на грудь, руки ее безвольно свисали вдоль тела.

У двери женщина, которую освободил Норман Сейлор, повернулась.

— Мне осталось сказать вам только одно. Все, что вы сегодня услышали от меня, было правдой, за одним-единственным исключением.

Миссис Ганнисон вздрогнула. Ивлин Соутелл насторожилась. Старуха не шелохнулась.

— Этим вечером душа миссис Карр не переселилась в тело Тэнси Сейлор. Все произошло гораздо раньше, когда миссис Карр украла душу Тэнси у миссис Ганнисон и проникла в опустевшее тело жены профессора Сейлора, заключив ее душу в своем собственном старческом теле, которое было обречено на смерть. Миссис Карр знала, что Тэнси Сейлор будет думать лишь о том, как ей связаться с мужем. Она — миссис Карр — надеялась, что сумеет убедить Нормана Сейлора убить то тело, которое приютило душу его жены, внушив ему, что он убивает миссис Карр. И тогда с душой Тэнси Сейлор было бы покончено.

Миссис Ганнисон, вам было известно, что миссис Карр похитила у вас душу Тэнси Сейлор, которую вы по тем же причинам отобрали у Ив-

лин Соутелл. Но вы не осмелились признаться в этом Норману Сейлору, потому что опасались за свою участь. И сегодня вы подозревали, что что-то не так, но не посмели выступить открыто.

Вы помогли нам, и душа миссис Карр возвратилась в тело миссис Карр, а душа Тэнси Сейлор — в тело Тэнси Сейлор. В мое тело. Доброй ночи, Ивлин. Доброй ночи, Хульда. Доброй ночи, милая Флора.

Белая входная дверь захлопнулась за ними. Под ногами зашуршал гравий.

— Как ты догадался? — Это было первое, о чем спросила Тэнси. — Когда я стояла там, щурясь сквозь очки и тяжело дыша, потому что бежала всю дорогу, — как ты догадался?

— Она выдала себя в конце, — задумчиво проговорил Норман. — Ты ведь помнишь ее привычку выделять в разговоре отдельные слова? Ну вот. Впрочем, только из-за этого я бы не решился. Она блестящая актриса и наверняка изучала твои манеры не год и не два. Знаешь, после сегодняшнего спектакля, когда ты изображала ее практически без всякой подготовки, я думаю, что вряд ли сумел бы распознать ее.

— Но как-то ты распознал?

— Твои шаги на дорожке — они отличались от

походки миссис Карр. И, даже находясь в ее теле, ты держалась иначе, нежели она. Однако главное — то, как ты покачала головой. Я не мог не узнать твоего движения. Тут все встало на свои места.

— Скажи мне, — проговорила Тэнси, — после всего случившегося не начнешь ли ты задумываться, кто я на самом деле?

— Пожалуй, начну, — ответил он серьезно. — Но не беспокойся: сомнения — одно, а мы с тобой — совсем другое.

Из сумрака впереди донесся дружеский оклик.

— Привет, — поздоровался мистер Ганнисон. — Уже уходите? Я решил прогуляться с Линтикумом, а потом подвезти Хульду. Кстати, Норман, после обсуждения доклада меня поймал Поллард. Он вдруг изменил свое решение относительно того, о чем мы с вами говорили. А опекунский совет отложил заседание.

— Доклад был очень интересный, — сообщил мистер Карр, — и я доволен тем, что задал докладчику вопрос с подковыркой. Поверите ли, он ответил мне; правда, пришлось кое-что ему пояснить. Жаль, что я пропустил бридж. Ну ничего, не смертельно.

— Забавно, — сказала Тэнси, когда Ганнисон с Карром ушли. — Забавно рассуждать о смерти

вот так. — И она рассмеялась звонким, озорным, заразительным смехом. — Милый мой, милый, — проговорила она, — теперь-то ты веришь или притворяешься ради меня? Ты веришь, что сегодня спас душу своей жены, вырвав ее из тела другой женщины? Или, как истинный ученый, убедил себя, что занимался прошлую неделю разными якобы колдовскими штучками лишь для того, чтобы излечить меня и трех других невротичек от галлюцинаций?

— Не знаю. — Голос Нормана был тих и серьезен. — Честное слово, не знаю.

Матерь Тьмы

А вот третья сестра, младшая из всех (тише, о ней говорят только шепотом)...

Царство ее невелико, и ни одна плоть не может существовать в нем; власть в этом царстве она не делит ни с кем. Голова ее, увенчанная короной, подобна башне, как у Кибелы, и возносится ввысь, куда с трудом проникает взгляд. Она никогда не склоняется. Глаза ее устремлены вверх и могут быть не видны издали, но, будучи тем, что они есть, они не могут быть сокрыты; сквозь тройную траурную вуаль, которую она носит, пронзительный свет обнаженного горя, не упокоевающегося ни утром, ни вечером, ни в полдень, ни в полночь, ни во время прилива, ни в час отлива, легко различим даже с земли. Она не покоряется Богу. И еще, она мать безумия и покровительница самоубийц. Глубоко проникают корни ее могущества, но малочислен народ, которым она правит, поскольку ей открыт доступ лишь к тем, чья внутренняя природа перевернута с ног на голову страшными конвульсиями, к тем, в ком сердце трепещет, а мозг колеблется под ударами внешних невзгод и внутренней бури. Матерь двигается осторожно; быстро ли, медленно ли,

но шаг ее всегда исполнен трагической грации. Матерь Вздохов подкрадывается исподтишка, по-воровски. Но ее младшая сестра движется непредсказуемо, скачками, тигриными прыжками. Она не носит ключей; нечасто являя себя людям, она, подобно урагану, вышибает двери, в которые ей позволено войти.

Имя ее – Mater Tenebrarum, Матерь Тьмы.

Томас де Куинси. Левана и Три Матери Печали Suspiria de Profundis

Глава 1

Одинокий крутой холм под названием Корона-Хайтс был черен как смоль и совершенно безмолвен, как сердце незнакомца. Он неотрывно смотрел вниз, на северо-восток, в сторону нервных, ярких огней центра Сан-Франциско, словно огромный ночной хищник, терпеливо ищущий добычу на своей территории.

Растущая луна, которой оставалось лишь немного пополнеть, чтобы превратиться в правильный диск, уже зашла, и звезды на вершине черного небосвода сохраняли бриллиантово-четкую яркость. На западе низко стелились волны тумана. На востоке же, за деловым центром города и укрытой туманом бухтой, вдоль вершин невысоких холмов за Беркли, Оклендом, Аламедой и отстоящей еще дальше горой Дьявола (Маунт-Дьябло), тянулась узкая, призрачно светящаяся лента, предвещавшая близкую зарю.

Потускневшие к исходу ночи огни улиц и домов Сан-Франциско боязливо, будто и впрямь имели дело с опасным зверем, со всех сторон окружали Корона-Хайтс. А вот на самом холме не было ни единого огонька. Снизу было бы почти

невозможно различить его зазубренный хребет и причудливые утесы, венчающие вершину (которых избегали даже чайки) и то тут, то там вырастающие из грубых бесплодных склонов, которые лишь изредка ощущали прикосновения тумана, но месяцами не видели дождя.

Однажды, когда алчность наберет еще бóльшую силу, чем сегодня, а благоговение перед первозданной природой еще больше ослабнет, холм, возможно, снесут бульдозерами, но пока что он вполне был способен порождать панический ужас.

Холм был слишком дик и бесформен для обычного парка, но все же на нем, вопреки здравому смыслу, устроили спортивную зону. Действительно, там имелось несколько теннисных кортов, травянистые лужайки скромных размеров, невысокие здания и неширокая полоса крепких сосен вдоль подножия, вокруг его основания, и над всем этим грубо и презрительно-отчужденно возвышалась обнаженная гора.

И теперь что-то вроде бы зашевелилось в густой тьме. Трудно сказать, что именно. Возможно, одна или несколько городских диких собак, способных сойти за ручных, невзирая на то, что уже не одно поколение их предков вело бездомную

жизнь. (Если вы в большом городе видите собаку, занимающуюся своими делами, никому не угрожающую, ни перед кем не заискивающую, ни к кому не пристающую — словом, ведущую себя как добропорядочная горожанка, имеющая работу и не имеющая времени на всякие глупости, — и если у этой собаки нет бирки или ошейника, то можете не сомневаться, что это не хозяин у нее нерадивый: просто она дикая и хорошо приспособленная к своему образу жизни.) Возможно, какое-то более неистовое и скрытное животное, никогда не подчинявшееся власти человека, но жившее рядом с ним почти незамеченным. Возможно, мужчина (или женщина), настолько погрязший в дикости или психозе, что ему (или ей) стал не нужен свет. Или, может быть, просто ветер.

И вот восточная полоса сделалась темно-красной, все небо, с востока на запад, посветлело, звезды померкли, и Корона-Хайтс явил миру свою скореженную, сухую, бледно-коричневую поверхность.

Однако сохранялось впечатление, что холм забеспокоился, выбрав наконец свою жертву.

Глава 2

Два часа спустя Франц Вестен посмотрел в открытое окно на раскрашенную ярко-красным и белым тысячефутовую телебашню, возвышающуюся в лучах утреннего солнца из сугроба снежно-белого тумана, который все еще полностью скрывал находящиеся в трех милях Сатро-Крест и Твин-Пикс, но уже сполз с бледно-коричневого горба Корона-Хайтс. Телебашня (ее можно было бы назвать сан-францисской Эйфелевой башней) была широкоплечей, с тонкой талией, и длинноногой, как красивая и стильная женщина (или полубогиня). В наши дни она служила связующим звеном между Францем и вселенной, точно так же, как человеку надлежит быть связующим звеном между атомами и звездами. Разглядывать ее, восхищаться ею (почти благоговеть перед нею) было его непременным утренним ритуалом приветствия вселенной, его подтверждением того, что их общение продолжается, после чего он готовил кофе и возвращался в постель с планшетом и блокнотом, чтобы приступить к ежедневной работе по написанию рассказов в жанре сверхъестественного ужаса — в частности,

его хлеб с маслом, сочинению новеллизаций телепрограммы «Странное подполье», дабы зрительская кодла могла еще и почитать, если желание появится, книжки, наполненные чем-то вроде смеси колдовства, Уотергейта и щенячьей любви, которой ее пичкали с телеэкранов. Где-то с год назад он в этот час сосредоточился бы на своих несчастьях и стал бы беспокоиться о первой за день рюмке (удастся ли выпить ее сейчас или все выпито прошлой ночью?), но это, как говорится, было давно и неправда.

Вдали слабо перекликались друг с дружкой мрачные туманные сирены. Мысли Франца ненадолго метнулись на две мили за спину, туда, где залив Сан-Франциско окутывает еще более мощное одеяло тумана, из которого торчат лишь четыре вершины пилонов первого пролета моста, ведущего в Окленд. Под этой поверхностью, от которой тянуло ледяным холодом, даже если ее не видеть, прятались потоки извергающих вонючий дым нетерпеливых автомобилей, болтливые корабли и слышный рыбакам на маленьких лодках сквозь глубины вод и грязное дно жуткий рев катящихся по трубе поездов БАРТ[6], которые пе-

[6] Примечания: 6

BART (Bay Area Rapid Transit) — «Скоростная система Зоны залива», система метрополитена в городах Сан-Франциско и Окленд.

ревозят на работу основную массу пассажиров.

В его комнату проникали танцевавшие в морском воздухе веселые, сладкие ноты менуэта Телемана, звучавшие из магнитофона Кэл двумя этажами ниже. Ведь она поставила эту запись, чтобы порадовать его, сказал себе Франц, хоть он и старше ее на двадцать лет. Он посмотрел на написанный маслом портрет своей покойной жены Дейзи, висевший над кроватью рядом с рисунком телебашни, выполненным паутинными черными линиями на большом прямоугольном флуоресцентном красном картоне, и не почувствовал укола совести. Три года пьяного горя (рекордные по продолжительности поминки!) стерли все это и закончились почти ровно год назад.

Его взгляд опустился от портрета на все еще наполовину неубранную кровать. На нетронутой половине, той, что ближе к стене, лежали длинная, пестрая куча журналов, издания научной фантастики в мягкой обложке, несколько еще не освобожденных от упаковки детективных романов в твердом переплете, парочка ярких салфеток, привезенных домой из ресторанов, с полдюжины блестящих маленьких «Золотых путеводителей» и книжки «Познание через цвет».

Все это служило ему развлекательным чтением (тогда как рабочие материалы и справочники были разложены на журнальном столике рядом с кроватью), эти книги были его главными — чуть не единственными — компаньонами на протяжении трех лет, когда он валялся, в дугу пьяный, тупо таращился на телевизор в другом конце комнаты и то и дело принимался листать их, бездумно рассматривая яркие, легкие странички. Лишь месяц назад ему вдруг пришло в голову, что их веселая случайная россыпь складывается в стройную фигуру беззаботной женщины, лежащую рядом с ним поверх одеяла, оттого-то он никогда и не клал их на пол, оттого-то он и довольствовался половиной кровати, оттого-то и сложил из них непроизвольно нечто вроде женской фигуры с длинными-длинными ногами. По аналогии с «голландской женой» — длинными тонкими валиками, которые в тропических странах кладут в изножье кровати, чтобы ноги лежали на них и не так потели, — он назвал получившееся «Любовницей Ученого», что означало тайную для окружающего мира подружку по играм, лихую, но прилежную девушку по вызову, стройную сестричку, не боящуюся развлечения в виде кровосмесительной связи, вечную спутницу

его писательского творчества.

Бросив ласковый взгляд на нарисованную маслом умершую жену и с теплым вожделением думая о Кэл, продолжавшей ради него насыщать утренний воздух нотами прекрасной музыки, он негромко, с заговорщической улыбкой, обратился к стройной кубистической фигуре, занимавшей всю внутреннюю часть кровати: «Не волнуйся, дорогая, ты всегда будешь самой дорогой моей девочкой, правда мы никому ничего об этом не скажем», и отвернулся к окну.

Именно телевизионная башня, вся такая современная, стоящая вон там, на Сатро-Крест, все еще глубоко погружающая в туман три длинные ноги, снова первой подсекла его на крючке реальности после продолжительного побега в пьяные сны. Поначалу башня с ее большими красно-белыми конечностями на фоне голубого неба (или, как сейчас, торчащими из тумана) казалась ему невероятной кричащей дешевкой, еще более чужеродной, чем небоскребы в этом некогда самом романтичном из городов, непристойным воплощением вопиющего мира продаж и рекламы, олицетворением наихудшего из возможных применений американского флага, вроде полосок барберпола и мясистых толстых казенных

звезд перед ним. Но через некоторое время она, вопреки его воле, начала впечатлять его своими мерцающими по ночам красными огнями (Ох, сколько же их! Он насчитал девятнадцать: тринадцать постоянных и шесть мигающих), затем ненавязчиво привлекла его интерес к другим далям городского пейзажа и к настоящим звездам, находящимся так далеко за его пределами, а в удачные ночи и к луне, пока он не стал, несмотря ни на что, снова страстно интересоваться всем сущим. И этот процесс не прервался и продолжался. До тех пор, пока Сол не заявил ему на днях:

— Сомневаюсь, что стоит радостно встречать каждую новую реальность. Можно ведь столкнуться и с чем-то таким, что вовсе не обрадует.

— Хорошо сказано, как и подобает служителю психиатрической больницы, — ответил Гуннар.

А Франц тут же откликнулся:

— А что? Такого полным-полно, куда ни плюнь. Концлагеря. Микробы чумы.

— Я не имел в виду такие крайности, — сказал Сол. — Я, скорее, думал о том, с чем некоторые из моих парней сталкиваются в больнице.

— Но ведь это не реальность, а галлюцинации, проекции, архетипы и так далее, не так ли? — не без удивления заметил Франц. — Если и реаль-

ность, то, конечно, *внутренняя.*

— Иногда я в этом не уверен, — медленно сказал Сол. — Да и кому знать, что к чему, если сумасшедший скажет: «Я только что видел привидение»? Внутренняя это или внешняя реальность? Кто сможет это определить? Вот ты, Гуннар, что скажешь, если один из твоих компьютеров начнет выдавать показания, которых быть не должно?

— Что он перегрелся, — убежденно ответил Гун. — Не забывай, что мои компьютеры — это нормальные люди, с которых можно начать, а не чудаки и психотики вроде твоих ребят.

— А что такое «нормальный»? — возразил Сол.

Франц улыбнулся двум своим приятелям, жившим в соседних квартирах этажом ниже его номера и выше квартиры Кэл. Кэл тоже улыбнулась, хотя и не так широко.

Он снова взглянул в окно, выходившее в узкую шестиэтажную шахту (туда же смотрело и окно Кэл) между этим зданием и следующим, плоская крыша которого находилась примерно на уровне пола его квартиры. Сразу за ней, ограничивая его поле зрения с обеих сторон, торчали белые, как кость, в пятнах, оставленных дождями, задние стены — почти без окон — двух многоэтажек, тянувшиеся далеко вверх.

Между ними оставалась довольно узкая щель, но через нее он мог видеть всю реальность, необходимую для поддержания контакта. А если ему хотелось большего, всегда можно было подняться на два этажа, на крышу, что он часто и делал в эти дни и ночи.

От этого здания, расположенного в нижней части Ноб-Хилл, море крыш опускалось и опускалось, а затем снова поднималось и поднималось, детали уменьшались с расстоянием, и все уходило в полосу тумана, скрывавшую темно-зеленый склон Сатро-Крест и нижнюю часть треножника телевышки. Но на полпути из моря крыш поднялась бледно-коричневая в утреннем солнечном свете фигура, напоминавшая присевшего зверя. На карте она называлась просто Корона-Хайтс. Уже несколько недель она дразнила любопытство Франца. Вот и сейчас он сфокусировал свой маленький семикратный бинокль «Никон» на голых землистых склонах и горбатом хребте, резко выделяющемся на фоне белого тумана. Можно было лишь недоумевать, почему холм не застроили. В больших городах определенно имеются какие-то странные включения. Это похоже на грубый обломок, вздыбившийся после землетрясения 1906 года, сказал он себе, улыбаясь

ненаучной фантазии. «Мог ли этот бугор получить название Корона-Хайтс из-за того, что на его вершине беспорядочно громоздятся громадные корявые валуны?» — спросил он себя, легонько повернув рифленое колесико, отчего камни на мгновение резко и четко вырисовались на фоне тумана.

Довольно тонкий бледно-коричневый камень отделился от остальных и помахал ему. Черт возьми, это просто бинокль в руках прыгает от сердцебиения! Никак нельзя увидеть через бинокль четкие, ясно различимые изображения. А может быть, это соринка в глаз попала, микроскопическая крошка, дрейфующая в глазной жидкости? Нет, вот, снова! Как он и подумал в первый раз, какой-то высокий человек в длинном плаще или тусклой мантии двигался, словно танцуя. С расстояния двух миль нельзя разглядеть человеческие фигуры во всех подробностях даже при семикратном увеличении — можно получить лишь общее впечатление о движениях и позе. Они казались упрощенными. Тощая фигура на Корона-Хайтс двигалась довольно быстро, может быть, танцевала, высоко размахивая руками, но это и все, что можно было о ней сказать.

Опустив бинокль, Франц широко улыбнулся

при мысли о каком-то типе вроде хиппи, приветствующем утреннее солнце ритуальными скачками на только что появившейся из тумана вершине холма в центре города. И конечно, с песнопениями того сорта, что приводят в бешенство любого, кому доведется услышать их в непосредственной близости, — противные воющие улюлюканья, похожие на визг сирены, который и сейчас доносится откуда-то издалека. Скорее всего, кто-то из Хейт-Эшбери. Чокнутый или обдолбанный жрец современного бога солнца пляшет вокруг случайно подвернувшегося Стоунхенджа на вершине холма. В первый миг это слегка ошарашило Франца, но затем показалось очень забавным.

Внезапно ворвался ветер. Закрыть окно? Нет, ветерок тут же затих. Просто случайный порыв.

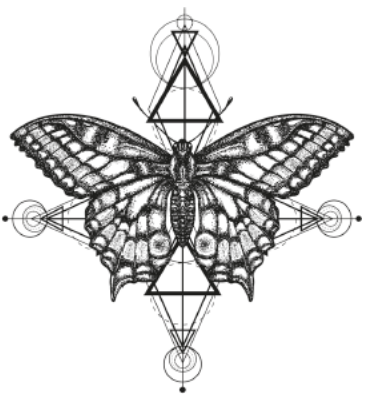
Он положил бинокль на стол рядом с двумя тонкими старыми книжками. Верхняя, в грязно-сером переплете, была открыта на титульном листе, незатейливый шрифт и примитивный макет которого извещали, что она относится к прошлому веку — неряшливая работа дурного типографа, не помышлявшего о художественности. «Мегаполисомантия: новая наука о городах», Тибо де Кастри. Вот забавное совпадение! Он

вдруг подумал: может статься, что этот (кто он там, жрец-наркоман в мантии землистого цвета или, кстати, шизанутый рокер!) и есть одно из тех самых «тайных проявлений», предсказанных чокнутым старпером Тибо в книге, написанной не более и не менее как в 1890-х годах. Франц сказал себе, что должен еще немного полистать ее, и другую книгу тоже.

Но не сейчас, резко одернул он себя, оглянувшись на журнальный столик, на котором поверх большого конверта из крафт-бумаги с подписанным адресом его нью-йоркского агента и даже наклеенными марками лежала распечатанная рукопись только что законченной повести «Странное подполье. Выпуск 7: Башни измены». Вернее, практически законченной — не хватало лишь штриха в завершающем описании, а Франц очень хотел доработать и добавить-таки в текст исправленный кусок. По его мнению, читатели должны получать за свои деньги что-то достойное, невзирая на то, что этот цикл представлял собой заурядное явление литературного эскапизма, а для автора был в лучшем случае побочным творческим продуктом.

Но на этот раз, сказал он себе, повесть все же останется без завершающего штриха, а нынеш-

ний день будет выходным, ведь у него начало слагаться представление о том, как хотелось бы этот день провести. Почувствовав чуть заметный укол совести при мысли о том, что, хоть и по мелочи, он обманывает читателей, Франц оделся, приготовил себе чашку кофе, чтобы взять ее к Кэл, и зажал под мышкой две тонкие старые книги (он хотел показать их ей), а в карман куртки положил бинокль — на тот случай, если вновь приспичит взглянуть на Корона-Хайтс и его придурковатого скального бога.



Глава 3

В холле Франц миновал выкрашенную в черный цвет запертую дверь без ручки, за которой находился заброшенный чулан для швабр, тоже запертую и тоже черную дверцу поменьше старого желоба для белья или кухонного лифта (никто не помнил, что именно скрывалось за ней) и большую позолоченную дверь лифта со странным черным окном рядом с ней и спустился по лестнице с красной ковровой дорожкой, которая изгибалась под прямым углом отрезками по шесть, три и шесть ступенек вокруг шахты прямоугольного сечения, спускавшейся от тусклого светового люка двумя этажами выше его квартиры. На следующем, пятом, этаже (тут жили Гун и Сол) он не остановился, лишь окинул взглядом обе их двери, находившиеся по диагонали друг от друга возле лестницы, и спустился на четвертый.

На каждой лестничной площадке он видел еще какие-то странные черные окна, которые невозможно было открыть, и еще несколько черных дверей без ручек в пустых холлах с красными коврами. Удивительно, но в старых зданиях имелись тайные места, которые на самом деле не

были никак скрыты — их просто не замечали, как, скажем, пять больших вентиляционных каналов, снабженных окнами, которые некогда закрасили черным, чтобы скрыть ветхость шахт, и заброшенные чуланы для тряпок и ведер, ставшие ненужными, после того как не стало дешевой прислуги, а еще в плинтусах плотно закрытые крышками круглые отверстия пылесосной системы, которая наверняка не включалась несколько десятков лет. Он сомневался, что хоть кто-то из жильцов этого дома когда-либо сознательно видел все это, кроме него самого, только что пробужденного к реальности видом башни и всего остального. Сегодня они заставили его на мгновение вспомнить старые времена, когда это здание, вероятно, было маленькой гостиницей с похожими на обезьянок мальчиками-посыльными и с горничными, которых его воображение рисовало француженками в коротких юбках, с зазывным низким смехом (скорее, неряхами без предрассудков насчет того, чтобы подзаработать случайными связями, поправил рассудок). Он постучал в дверь с номером 407.

Кэл, как это иногда бывало, выглядела серьезной семнадцатилетней школьницей, витающей в грезах, а не на свой настоящий возраст — на

десять лет старше. Длинные темные волосы, голубые глаза, спокойная улыбка. Они дважды переспали, но сейчас не стали целоваться — это могло показаться самонадеянным с его стороны, ведь она никак не намекнула, что ей хочется этого, к тому же он сам не очень понимал, насколько далеко хотел бы зайти. Она пригласила его разделить с нею завтрак, который готовила. Ее комната была точно такой же, как у него, но выглядела намного лучше — она идеально все отремонтировала с помощью Гуннара и Сола («У меня так хорошо не получится», — в очередной раз подумал Франц). Зато из ее окна вообще ничего не было видно. У окна стоял пюпитр и электронное пианино, представлявшее собой клавиатуру и черный ящик с динамиком, к которому можно было подключать наушники, чтобы заниматься, не нарушая тишины.

— Я спустился, потому что услышал, как ты крутишь Телемана, — сказал Франц.

— А что, если я решила таким образом приманить тебя? — рассеянно бросила Кэл, продолжая возиться с плитой и тостером. — Знаешь, в музыке есть магия.

— Ты имеешь в виду «Волшебную флейту»? — спросил он. — Твой магнитофон не без успеха

играет ее роль.

— Волшебство имеется во всех деревянных духовых инструментах, — заверила она. — Считается, что Моцарт уже в ходе работы изменил сюжет «Волшебной флейты», чтобы он не слишком походил на сюжет оперы его конкурента — «Зачарованный фагот».

Франц рассмеялся и продолжил:

— Музыкальные ноты обладают по крайней мере одной сверхъестественной способностью. Они могут левитировать, летать по воздуху. Конечно, слова тоже это могут, но не так хорошо.

— Откуда ты это взял? — спросила она через плечо.

— Из мультфильмов и комиксов, — ответил он. — Словам, чтобы воспарить, нужны пузыри, а вот ноты просто вылетают из фортепиано или чего-то еще.

— У них есть маленькие черные крылышки, — заявила она, — по крайней мере, у восьмушек и тех, что еще короче. Но это чистая правда. Музыка может летать… Она высвобождается сама и обладает силой высвобождать многое другое, заставлять его летать и кружиться.

Он кивнул.

— Вот если бы ты освободила ноты этого ин-

струмента и позволила им кружиться в воздухе, когда занимаешься на клавесине, — сказал он, глядя на электронный инструмент, — вместо того чтобы держать их запертыми в наушниках…

— Это не понравится никому, кроме тебя, — уверенно сказала она.

— Есть еще Гун и Сол, — ответил он.

— Их комнаты выходят в другие стороны. Да и тебе самому очень скоро надоели бы гаммы и арпеджио.

— Сомневаюсь, — сказал он. А потом поддразнил: — Но, может быть, у клавесина ноты чересчур дзинькают и не годятся для магии?..

— Отвратительное слово! — возмутилась она. — И все равно ты ошибаешься. *Дзинькающие* (тьфу!) ноты тоже могут творить чудеса. Вспомни колокольчики Папагено — во «Флейте» ведь не один вид волшебной музыки.

Они ели тосты и яйца, запивали все это соком. Франц сообщил Кэл о своем решении отправить рукопись «Башни измены» как есть, без окончательной доработки.

— В итоге мои читатели так и не узнают, какие звуки издает шредер, уничтожающий документы. Да и какая разница? Я честно посмотрел эту серию по ящику, но когда колдун-сатанист за-

пихнул туда руны, из машинки повалил дым. Глупость, правда же?

— Хорошо, что ты сам об этом сказал, — резко бросила она. — Ты и без того слишком много сил тратишь на переписывание этого дурацкого сериала. — Выражение ее лица вдруг изменилось. — И все же, не знаю… Я ведь воспринимаю тебя как профессионала, не в последнюю очередь благодаря тому, что ты, что бы ни делал, всегда пытаешься выжать все возможное. — Она улыбнулась.

Он почувствовал еще один слабый укол совести, но легко подавил его.

— Знаешь, у меня есть отличная идея, — сказал он, когда она подливала ему кофе. — Пойдем-ка сегодня на Корона-Хайтс. Я думаю, оттуда будет отличный вид на центр города и Залив. До этого места почти можно добраться на «муни»[7], да и на холме вряд ли понадобится много карабкаться.

— Ты забыл, что я должна репетировать перед завтрашним концертом и в любом случае не могу рисковать руками, — сказала она с чуть заметным упреком в голосе. И тут же добавила,

---

[7] Примечания: 7

Muni metro — название современной трамвайной системы Сан-Франциско.

виновато улыбнувшись: — Но не отказывайся от прогулки из-за меня. Почему бы тебе не пригласить Гуна или Сола? Мне кажется, они сегодня как раз выходные. Гун с удовольствием куда-нибудь вскарабкается. И где этот Корона-Хайтс?

Он объяснил, помня, что она не питает к Фриско того страстного и яркого интереса новообращенного, какой владел им.

— Наверное, это рядом с парком Буэна-Виста, — сказала она. — Ты бы лучше туда не ходил. Совсем недавно там произошло несколько убийств, связанных с наркотиками.

— Туда я и не собираюсь, — сказал он. — И сдается мне, насчет Хайтс ты слишком уж тревожишься. За последние несколько лет там стало гораздо тише. Кстати, в одной из поистине сказочных лавок старьевщиков я добыл вот эти две книги.

— Ах да, ты же собирался показать их мне, — сказала она.

Франц вручил ей ту, которая была открыта, со словами:

— Я видел много псевдонаучных книг, но эта едва ли не самая захватывающая из всех. Тут попадаются и вполне здравые идеи, но все это перемешано с настоящей чушью. Даты выпуска

нет, но я считаю, что ее издали примерно в тысяча девятисотом году.

— «Мегаполисомантия», — медленно прочитала вслух она. — Что бы это могло быть? Предсказание будущего по городам?..

— По *большим* городам, — уточнил он, кивнув.

— О да, «мега».

Он продолжал:

— Предсказание будущего, и все такое прочее. А еще, по-видимому, и сотворение магии на основе этого знания. Хотя де Кастри называет это «новой наукой», как будто он второй Галилей. Во всяком случае, этот де Кастри очень обеспокоен «огромным количеством» стали и бумаги, которые накапливаются в больших городах. А также ископаемого топлива (он почему-то особо выделяет керосин) и природного газа. И электричества, представь себе; он тщательно подсчитывает, сколько электричества протекает по стольким-то тысячам миль провода, сколько тонн светильного газа в баках, сколько стали в новых небоскребах, сколько бумаги расходуется для правительственных отчетов и желтой журналистики и так далее.

— Ой-ой-ой… — прокомментировала Кэл. — Интересно, до чего он додумался бы, если бы жил

сегодня.

— Самые мрачные его предсказания, без сомнения, оправдались. Он серьезно размышлял о растущей угрозе автомобилей и бензина, но прежде всего — электромобилей, несущих в батареях целые ведра натурального электричества. Он вплотную подошел к нашим современным страхам перед «огромными скоплениями гигантских дымящихся чанов» серной кислоты, необходимой для производства стали. Но что его больше всего беспокоило, так это психологические или духовные (он называет их «параментальными») эффекты накопления всей этой дряни в больших городах, масса нетто ее жидких и твердых составляющих.

— Прямо протохиппи какой-то, — усмехнулась Кэл. — Что это был за человек? Где жил? Чем еще занимался?

— В книге об этом не говорится ровным счетом ничего, — ответил Франц, — и я никогда не находил других упоминаний о нем. В своей книге он довольно часто упоминает Новую Англию, и Восточную Канаду, и Нью-Йорк, но только в общих чертах. Он также несколько раз упомянул Париж (в связи с Эйфелевой башней) и Францию. И Египет.

Кэл кивнула:

— А вторая книга?

— Это весьма интересно, — сказал Франц, вручив ей книжечку. — Прежде всего, это вовсе не обычная книга, а тетрадь со страницами из рисовой бумаги, тонкой, как луковая шелуха, в переплете из плотного жатого шелка цвета, пожалуй, чайной розы; вернее, такой обложка была, пока не выцвела. Писали в ней фиолетовыми чернилами тонкой перьевой авторучкой и заполнили лишь на четверть. Остальные страницы пусты. И знаешь, когда я купил эти книги, они были перевязаны вместе куском старой бечевки. Судя по всему, так они пролежали не один десяток лет — на обложках отчетливо видны следы веревок.

— Угу, — согласилась Кэл. — С того самого тысяча девятисотого года? Миленькая тетрадка. Вот бы и мне завести такую же для дневника.

— Тетрадка и впрямь хороша. Но связали их вместе не раньше тысяча девятьсот двадцать восьмого года. Пара-тройка записей датирована, и все они, кажется, сделаны на протяжении нескольких недель.

— Он был поэтом? — спросила Кэл. — Даже не читая, видно характерное расположение строчек.

И кто же все это писал? Старина де Кастри?

— Нет, определенно не де Кастри, но его автор этих записок, безусловно, читал. А вот поэтом, пожалуй, он был. Вообще-то, мне кажется, что я угадал, чей это дневник, хотя доказать это будет нелегко, поскольку он ни разу нигде не подписался. Я думаю, что это был Кларк Эштон Смит.

— Я слышала это имя, — сказала Кэл.

— Наверное, от меня, — ответил Франц. — Он тоже сочинял ужастики с уклоном в сверхъестественное. Богатейшая фантазия, роковое стечение судеб и все такое. «Тысяча и одна ночь» в китайском стиле. По духу произведения похожи на «Шуточки смерти» Беддоуса. И как раз здесь, в Сан-Франциско, в тысяча девятьсот двадцать восьмом году он и начал писать свои лучшие рассказы. Я сделал ксерокопию этого дневника и дал ее Джейми Дональдусу Байерсу, авторитетному специалисту по Смиту, который живет поблизости, на Бивер-стрит (кстати, совсем рядом с Корона-Хайтс; по карте хорошо видно), и он показал ее де Кампу (который полностью уверен, что это Смит) и Рою Сквайрсу (который так же твердо уверен, что это не Смит). Сам Байерс в полной растерянности. Говорит, что нет никаких сведений о том, что Смит в те годы на сколько-ни-

будь заметный срок приезжал в Сан-Франциско, и что, хотя почерк похож на руку Смита, он выдает куда больше нервозности, чем замечалось в каких-либо других его рукописях… Но у меня есть основания полагать, что Смит держал свою поездку в тайне и имел серьезный повод для крайнего волнения.

— Вот это да! — воскликнула Кэл. — Ну ты и накрутил тут! Но я понимаю почему. Это же *très romantique*[8], чего стоит одно только ощущение этого ребристого шелка и рисовой бумаги под пальцами.

— У меня была особая причина, — сказал Франц, сам не зная почему, понизив голос. — Видишь ли, я купил эти книжки четыре года назад, еще до того, как переехал сюда, и много раз читал и перечитывал этот дневник. Человек, любивший писать фиолетовыми чернилами (лично мне кажется, что это был Смит), раз за разом описывает, как «посещал Тиберия на Родосе, шестьсот семь». На самом деле дневник полностью — или почти полностью — представляет собой отчет о серии

[8] Примечания: 8
Очень романтично *(фр.).*

таких бесед. Это самое «Родос», или «Родс»[9], и номер шестьсот семь засели у меня в памяти, так что, когда я отправился подыскивать жилье подешевле и мне показали здешнюю комнату…

— Конечно же, это номер твоей квартиры, шестьсот семь, — перебила его Кэл.

Франц кивнул:

— Я понял, что это было предопределено или каким-то таинственным образом предрешено. Как будто я долго искал «Родос, шестьсот семь» и в конце концов нашел его. В те дни у меня было много загадочных пьяных идей, и я не всегда знаю, что делал и где был; например, я напрочь забыл, где находился тот сказочный магазин, где я купил эти книги, и его название, если оно у него было. Вообще-то, я был по большей части пьян в то время… Тот период…

— Совершенно верно, — согласилась Кэл, — но, к счастью, ты не буйствовал. Мы с Солом и Гуном решили позаботиться о тебе и уломали Доротею Луке и Бониту, — добавила она, имея в виду перуанку, управлявшую домом, и ее тринадца-

---

[9] Примечания: 9

Родс — по-английски название греческого острова Родос, где несколько лет провел в изгнании будущий император Древнего Рима Тиберий, и распространенная фамилия Родс, в честь представителей которой были даны многие названия улиц и т. п., пишутся одинаково — *«Rhodes»*.

тилетнюю дочь. — Но даже тогда тебя никто не принял бы за обыкновенного пьянчугу. Доротея сказала, что ты пишешь «выдумки, чтобы пугать, *espectros y fantasmas de los muertos y las muertas*», но она считает тебя джентльменом.

Франц рассмеялся.

— «Призраки и духи мертвых мужчин и мертвых дам». Как это по-испански! И все же, держу пари, ты и подумать не могла… — Он осекся, не договорив.

— Что я когда-нибудь лягу с тобой в постель? — закончила за него Кэл. — Не будь так категоричен. У меня всегда были эротические фантазии насчет мужчин постарше. Ты лучше скажи мне, как эта история с Родсом-Родосом уложилась в твоем странном тогдашнем мозгу?

— Она так и не уложилась, — признался Франц. — Хотя я все же думаю, что любитель фиолетовых чернил имел в виду какое-то конкретное место, помимо очевидного намека на Тиберия и его изгнание Августом на остров Родос, где будущий римский император изучал ораторское искусство, а также сексуальные извращения и немного колдовства. Кстати, любитель фиолетовых чернил не всегда называл Тиберия. Иногда у него встречается Теобальд, иногда Тибальт, а

однажды и вовсе Трасилл, который был личным гадателем и колдуном Тиберия. Зато всегда упоминается этот «Родос, шестьсот семь». И один раз Теудебальдо, один раз Дитбольд и трижды Тибо, что и убеждает меня, помимо всего прочего, что Смит почти каждый день навещал де Кастри и писал о нем.

— Франц, — перебила его Кэл, — все это очень увлекательно, но мне репетировать. Исполнять партию клавесина на миниатюрном электронном пианино и без того непросто, а завтра вечером мне играть не что-нибудь, а Пятый Бранденбургский концерт.

— Ну конечно же… Прости, совсем забыл. Я настоящая сексистская свинья мужского пола, и нет мне прощения… — начал Франц, вставая со стула.

— Давай-ка не делай из этого трагедию, — бодро сказала Кэл. — Все было очень интересно, честное слово, но теперь мне надо работать. Забери свою чашку — и, ради бога, эти книги, а то я буду все время заглядывать в них, вместо того чтобы играть… И вовсе ты не сексистская свинья: свинья не ограничилась бы только одним тостом.

— И… Франц, — позвала она, когда он уже хотел открыть дверь. Он повернулся, держа книги под

мышкой. — Будь осторожен там, наверху, когда полезешь на Бивер и Буэна-Висту. Позови с собой Гуна или Сола. И помни… — Не договорив, она поцеловала два пальца и коротко махнула ими, серьезно посмотрев ему в глаза.

Он улыбнулся, дважды кивнул и вышел, чувствуя себя счастливым и взволнованным. Но, закрыв за собой дверь, все же решил, что отправится ли он на Корона-Хайтс или нет, а просить приятелей со следующего этажа составить ему компанию не станет: это был вопрос смелости или, по крайней мере, независимости. Нет, сегодняшнее приключение будет только его собственным. К черту торпеды! Идем на таран! Полный вперед!

Глава 4

Холл за дверью Кэл был точно таким же, как и на этаже Франца: выкрашенное в черный цвет окно вентиляционной шахты, дверь без ручки в заброшенный чулан для щеток и ведер, тусклозолотистая дверь лифта и, над самым плинтусом, крышечка с защелкой отверстия пылесосной системы — пережиток тех дней, когда в подвале находился единый компрессор уборочной системы, а горничная держала в руках только длинный шланг и щетку. Но, не успев поравняться с первым из таких отверстий, Франц услышал впереди интимное, зазывное хихиканье и сразу вспомнил тот смех, который придумал для воображаемых служанок. Затем мужской голос негромко и быстро, определенно шутливым тоном, произнес несколько слов, которых Франц не смог разобрать. Сол? Похоже, голоса доносились сверху. Потом снова женский (или девичий) смех, теперь громче и резче, как будто от щекотки. И на лестнице послышались легкие шаги.

Добравшись до угла, он лишь мельком успел увидеть внизу, на другой стороне лестничной клетки, стройную фигуру, исчезающую за послед-

ним видимым углом: только намек на черные волосы и одежду, тонкие белые запястья и лодыжки — все в быстром движении. Он подошел к колодцу и посмотрел туда, изумившись тому, насколько уходящие вниз этажи были похожи на серию отражений, какие видишь, стоя между двумя зеркалами. Быстрые шаги раздавались все ниже по спирали, но бегущая, судя по всему, держалась вплотную к стене, будто ее прижимало туда центробежной силой, и Франц так больше и не увидел ее.

Пока он пялился сверху в эту длинную узкую трубу, тускло освещенную из верхнего светового люка, и продолжал думать о выглядывавших из черной одежды конечностях и смехе, в его сознании возникло смутное воспоминание, на несколько мгновений полностью овладевшее им. Оно, хоть и осталось неясным, все же сковало его той властью, какую имеет очень неприятный сон или сильное опьянение. Он стоял во весь рост в темном, до клаустрофобии узком и тесном, затхлом помещении. Сквозь ткань брюк он почувствовал, как на его гениталии легла маленькая рука, и услышал негромкий злобный смех. В воспоминании Франц опустил взгляд и увидел укороченный, призрачный овал ма-

ленького лица с неразличимыми чертами. Смех повторился, и в нем явно слышалась издевка. Почему-то померещилось, что вокруг извиваются черные щупальца. Франц ощутил тяжесть болезненного волнения, вины и чуть ли не страха.

Впрочем, зыбкое наваждение развеялось, как только он сообразил, что фигура на лестнице — Бонита Луке, в черной пижаме, халате и черных туфлях-мюлях, отороченных перьями, которые достались ей от матушки. Бонита уже выросла из них, но иногда все еще надевала, когда нужно было по утрам носиться по дому, выполняя утренние поручения матери. Он презрительно улыбнулся мысли, что чуть ли не жалеет (на самом-то деле нет!), что больше не пьянствует и потерял способность пестовать в себе различные извращенные возбуждения.

Он двинулся было вверх по лестнице, но почти сразу остановился, услышав на следующем этаже голоса Гуна и Сола. Ему совершенно не хотелось видеть сейчас никого из них, прежде всего — чтобы не делиться своим утренним настроением и планами ни с кем, кроме Кэл, ну а когда он прислушался к четким словам, побуждения стали даже несколько сложнее.

— И что это было? — спросил Гун.

— Мать послала девочку пройтись по верхним этажам и спросить, не терял ли кто-нибудь из нас кассетный плеер. У Доротеи Луке сложилось впечатление, что клептоманка со второго этажа вдруг «обзавелась» магнитофончиком.

— Необычное слово для миссис Луке, — заметил Гун.

— Думаю, она употребила какое-нибудь простое слово, вроде «э-ворюга». Я сказал девочке, что мой на месте.

— Почему же Бонита не заглянула ко мне? — произнес Гун.

— Прежде всего потому, что я сказал ей, что у тебя его вовсе нет. А в чем дело? Обиделся, что тебя забыли?

— Нет!

Во время этого короткого разговора голос Гуна приобретал все больше ворчливых интонаций, а Сол говорил все холоднее, но в его тоне ощущалась насмешка. Францу доводилось изредка слышать сплетни о том, что в дружбе Гуна и Сола имеется еще и гомосексуальный подтекст, но лишь сейчас он впервые задумался, так ли это. Нет, сейчас ему определенно не хотелось попадаться им на глаза.

— И все же, что случилось? Гун, черт возьми,

ты же знаешь, что мы с Бонни всегда возимся в шутку.

Теперь голос Гуна прозвучал почти так же язвительно.

— Сам знаю, что я североевропейский ханжа-пуританин, но хотелось бы знать, как далеко должно зайти отрицание англосаксонских запретов на телесный контакт.

— Ну, думаю, настолько, насколько оба сочтут для себя уместным. — Голос Сола прямо-таки сочился ядом.

Дверь демонстративно хлопнула. Тут же этот звук повторился. Наступила тишина. Франц облегченно перевел дух, тихонько побрел наверх, но стоило ему подняться на пятый этаж, как он оказался почти нос к носу с Гуном, который стоял перед закрытой дверью своей квартиры и испепелял взглядом уже закрытую дверь Сола. На полу рядом с ним стоял упакованный серой материей ящичек по колено высотой, с блестящей хромированной ручкой сверху.

Гуннар Нордгрен, рослый, худощавый пепельный блондин, походил на облагороженного викинга. Он перевел взгляд на Франца и смотрел на него с тем же растущим смущением, которое испытывал сам Франц. Но тут на лицо Гуна вер-

нулось обычное дружелюбие, и он сказал:

— Послушай, очень хорошо, что ты пришел. Пару дней назад ты спрашивал о том, как работает машинка для уничтожения документов. Я как раз притащил такую из офиса.

Одним движением он снял чехол, под которым оказался голубой с серебром параллелепипед. На верхней грани зияла широкая щель и краснела большая кнопка. Нижнюю часть занимала вместительная корзина; Франц, шагнув поближе, увидел, что она на четверть заполнена похожими на грязный снег бумажными многоугольничками не больше квадратного дюйма.

Ощущение неловкости развеялось. Франц поднял голову:

— Я знаю, что тебе надо работать и все такое, но не мог бы ты на минуточку дать мне послушать, как она работает?

— О чем речь? — Гун отворил дверь и пригласил Франца в опрятную скупо меблированную комнату. Вошедшему сразу же бросались в глаза цветные астрономические фотографии и лыжное снаряжение. Гун развернул электрический шнур и воткнул вилку в розетку, бодро объясняя на ходу:

— Это «Шредбаскет» от компании «Дестрой-

зит»[10]. Правда, названия в самую точку, а? И стоит всего около пятисот долларов. Модели помощнее доходят до двух тысяч. Внутри установлены два комплекта ножей. Один, дисковый, режет бумагу на полоски; второй, поперечный, превращает эти полоски в мелкие кусочки. Хочешь верь, хочешь нет, но этот аппарат всего лишь усовершенствованная машинка для изготовления конфетти. И это мне нравится, ведь получается, что человечество прежде думает о развлечениях и лишь потом обращается к серьезным делам (если, конечно, можно назвать вот это серьезным). Сначала играй, виниться будешь потом.

Слова лились из него щедрым потоком с таким явным избытком возбуждения или облегчения, что Франц даже забыл, как успел удивиться. Зачем Гуну понадобилось тащить домой такую машину, что такого ему нужно крошить? Гун между тем продолжал:

— Изобретательные итальянцы… Как там их назвал Шекспир? Хитроумнейшие венецианцы? Так вот, они лидируют в мире по части изобретения машин для еды и развлечений. Мороженицы,

---

[10] Примечания: 10

Shredbasket — можно перевести как «шинковочная корзинка»; Destroysit — как «уничтожает это».

экструдеры для пасты, эспрессо-машины, наборы фейерверков, шарманки… И конфетти. Ну, готово.

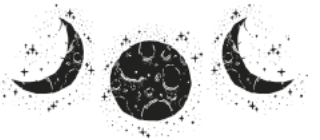
Франц вынул маленький блокнот и шариковую ручку. Как только палец Гуна неторопливо двинулся к кнопке, Франц подался вперед и насторожился, готовясь услышать какой-нибудь громкий резкий звук.

Но раздалось лишь тихое, чуть хрипловатое жужжание, как будто Время откашлялось, прочищая горло.

Франц с восторгом записал именно эти слова.

Гун сунул в щель листок бумаги для рисования пастелью. На грязно-белый сугроб посыпался бледно-голубой снежок. Звук вроде бы стал чуть заметно гуще.

Франц поблагодарил Гуна, вышел, оставив его сворачивать провод, миновал свой этаж, затем седьмой и поднялся на крышу. Он был доволен. Как раз этот малюсенький факт и оказался той самой крошкой удачи, которой ему не хватало для того, чтобы считать день прекрасно начавшимся.



Глава 5

Кубическая надстройка, в которой находился мотор лифта, сошла бы за каморку колдуна на вершине башни: световой люк, густо затянутый пылью, электродвигатель, похожий на широкоплечего карлика в засаленных зеленых доспехах, старомодные реле в виде восьми черных чугунных рычагов, которые корчились во время работы, как лапы прикованного гигантского паука (роль хелицер паука играли большие медные рубильники, которые громко лязгали, открываясь и закрываясь всякий раз, когда внизу нажимали на кнопку).

Франц вышел на залитую солнечным светом плоскую крышу, окруженную невысоким барьером. Под ногами чуть слышно поскрипывал гравий, вплавившийся в битум. Лицо приятно обвевал прохладный ветерок.

На востоке и севере громоздились, закрывая вид на залив, огромные здания центра города с какими-то тайными помещениями внутри. Какую гримасу скорчил бы старина Тибо при виде пирамиды Трансамерики и фиолетово-коричневого чудовища «Банка Америки»! Даже новых

башен отелей «Хилтон» и «Святой Франциск». В голове всплыли слова: «Древние египтяне в своих пирамидах только хоронили людей. Мы в своих живем». Где же он это вычитал? Ну, в «Мегаполисомантии», конечно. Очень кстати! А имеются ли в современных пирамидах тайные знаки, предсказывающие будущее, и склепы для колдовства?

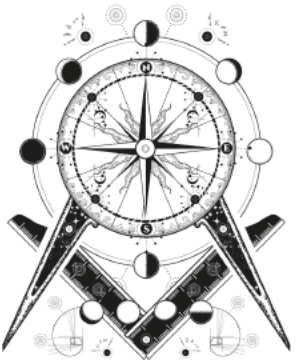
Он прошел мимо прямоугольных отверстий с низкими стенами узких воздуховодов, прикрытых серой жестью, к задней части крыши и посмотрел между ближайшими многоэтажками (скромными по сравнению с теми, что в центре) вверх, на телебашню и Корона-Хайтс. Туман рассеялся, но бледный, неправильной формы горб все еще резко выделялся в лучах утреннего солнца. Франц без особой надежды посмотрел в бинокль, но (ей-богу, да!) там оказался тот сумасшедший, одетый в грязные лохмотья молельщик или кто-то в этом роде, все еще продолжавший свой ритуал или чем это еще могло быть. Если бы только бинокль не прыгал в руках! Ну вот, парень подбежал к груде камней чуть ниже и, похоже, украдкой выглядывает из-за нее. Франц проследил предполагаемое направление взгляда вниз по склону и почти сразу наткнулся

на вероятный объект любопытства чудилы: двоих туристов, бредущих вверх. Благодаря ярким шортам и рубашкам их было легче разглядеть. И, несмотря на пестроту одежд, они почему-то показались Францу все же более респектабельными, нежели тот, что притаился на вершине. Стало интересно, что произойдет, когда они встретятся наверху. Попытается ли иерофант в мантии обратить их в свою веру? Или торжественно повелит убираться? Или остановит их, как Старый Мореход из поэмы Кольриджа, и расскажет жуткую историю, завершающуюся назиданием? Франц перевел бинокль обратно, но парня (а может, это женщина?) больше не было видно. Застенчивый тип, видимо. Франц внимательно осмотрел скалы, пытаясь разглядеть, где тот прячется, и даже наблюдал за неторопливыми туристами, пока те не достигли вершины и не скрылись на другой стороне, надеясь, что они встретятся со странным чудаком, но ничего не произошло.

Как бы там ни было, убирая бинокль в карман, он все же принял окончательное решение. Он отправится на Корона-Хайтс. День слишком хорош для того, чтобы сидеть в четырех стенах.

— «Раз ты не хочешь идти ко мне, я сам приду к тебе», — вслух процитировал он отрывок из жут-

коватого рассказа о привидениях Монтегю Родса Джеймса, шутливо адресуя это предупреждение и холму, и его загадочному обитателю. Конечно, к Мухаммеду гора подошла сама, но ведь у того был джинн.



Глава 6

Через час Франц поднимался по Бивер-стрит, размеренно дыша, чтобы не запыхаться раньше времени. Он добавил в «Странное подполье. Выпуск 7» абзац, в котором Время откашлялось, прочищая горло, запечатал рукопись в конверт и отправил по почте. Когда он вышел из дома, бинокль висел у него на шее на ремешке, как у какого-нибудь героя приключенческого рассказа, так что Доротея Луке, коротавшая время в вестибюле в обществе пары пожилых жильцов, ожидавших почтальона, весело заметила: «Ты искать э-страшное, чтобы писать э-книжки, да?» — а он ответил на языке, который, как он надеялся, сошел бы за столь же ломаный испанский: *«Si, Señora Luque. Espectros y fantasmas»*[11]. Но очень скоро, сойдя с трамвайчика «муни» на Маркет-стрит, всего в квартале от того места, где находился сейчас, он снова сунул бинокль в карман вместе с путеводителем, который взял с собой. Район казался довольно милым и всегда считался вполне безопасным, и все же не стоило

---

[11] Примечания: 11

«Да, сеньора Луке. Духи и призраки» *(исп.).*

даже здесь хвастаться своим богатством, а Франц рассудил, что бинокль будет поценнее фотоаппарата. Жаль, что большие города стали — или считается, что стали, — такими опасными местами. Совсем недавно он чуть не упрекнул Кэл за неуместную тревогу из-за грабителей и психов, а сам-то… И все равно он радовался, что пошел один. Настоящее знакомство с местами, которые он перед этим изучал из окна, было, конечно, естественным новым этапом его путешествия в реальность, но очень личным.

Вообще-то, сегодня утром на улицах было относительно мало народу. Бывало, он по несколько минут не видел вообще никого. И конечно же, он не мог не обыграть наскоро мысль о большом современном городе, который внезапно полностью опустел, словно «Мария Целеста»[12], или о роскошном курортном отеле наподобие того, в котором происходило действие гениального фильма «В прошлом году в Мариенбаде».

Он миновал жилище Джейми Дональдуса Байерса (он был именно Дональдус, а не простецкий Дональд!), деревянный домик в готическом стиле с узким фасадом, выкрашенным ныне в

[12] Примечания: 12

«Мария Целеста» — американская бригантина, обнаруженная в 1872 году в Атлантическом океане. На борту не нашли ни одного человека.

оливковый цвет с золотой отделкой — типичное старо-сан-францисское здание. Наверное, надо будет на обратном пути заглянуть и договориться об обстоятельной встрече.

Отсюда Франц вовсе не видел Корона-Хайтс. Его закрывали близлежащие строения, и телебашню тоже. Хорошо заметный издали (а Франц прекрасно видел иззубренный гребень с перекрестка Маркет-стрит и Дюбос-авеню), сейчас холм спрятался, словно палевый тигр, почуявший его приближение. Так что ему пришлось вытащить путеводитель и убедиться по карте, что он не сбился с дороги.

После того как он пересек Кастро-стрит, подъем сделался таким крутым, что пришлось дважды останавливаться и переводить дыхание.

В конце концов дорога его привела в короткий тупиковый переулок, проходивший за каким-то новым многоквартирным домом. На другом конце был припаркован седан, на передних сиденьях находились два человека, и тут же он понял, что видит не головы, а подголовники… Которые очень походили на маленькие темные надгробия!

По другую сторону переулка домов уже не было, а начинались зеленые и коричневые террасы,

которые поднимались к изломанному хребту, четко вырисовывавшемуся на фоне голубого неба. Франц понял, что наконец-то добрался до Корона-Хайтс со стороны, примерно противоположной его дому.

Неторопливо выкурив сигарету, он без спешки побрел мимо теннисных кортов и лужаек, поднялся по огороженной извилистой дорожке, тянущейся вверх поперек склона холма, и вышел на еще одну тупиковую улицу, или, скорее, дорогу. На свежем воздухе он чувствовал себя просто великолепно. Оглянувшись назад, он увидел телебашню (которая выглядела огромной и была красивее, чем когда-либо) менее чем в миле от себя, но размер этот почему-то не казался чрезмерным. Буквально в следующий миг Франц понял: дело в том, что теперь башня была точно такой, какой представала через бинокль из его комнаты.

По пути к тупику он миновал длинное одноэтажное кирпичное здание, как будто собранное из кусков разных домиков, скромно именовавшееся «Музеем для юношества Жозефины Рэндалл». На просторной площадке перед домом стоял грузовик с корявой надписью «Уличный астроном». Франц вспомнил рассказ Бониты, дочери Доротеи

Луке, о том, что в этот музей дети могут приносить домашних ручных белок, змей и пятнистых японских крыс (что, и летучих мышей тоже?), если по какой-то причине не могут больше держать их дома, и сообразил, что видел его низкую крышу из окна.

Из тупика короткая тропинка вела к подножию незастроенной части холма, а с другой стороны открывался вид на южную половину Сан-Франциско, лежащий за нею залив и оба моста, перекинутые через него.

Решительно не поддаваясь желанию рассмотреть все в подробностях, он принялся взбираться на гребень по утоптанной тропке, усыпанной щебенкой. Вскоре дорога сделалась довольно утомительной. Камешки скользили под ногами, ступать приходилось осторожно, и он не раз останавливался, чтобы перевести дух.

Уже почти добравшись до того места, где увидел в бинокль туристов, Франц вдруг поймал себя на какой-то детской настороженности. Он уже почти жалел, что не взял с собой Гуна и Сола или что на пути не попадаются хотя бы другие гуляющие с претензией на солидность и респектабельность, невзирая даже на возможную пестроту, с какой они будут одеты, и развязное шумное поведение

(в данный момент он даже не возражал бы против блеяния транзисторного приемника). Теперь он останавливался не столько для того, чтобы отдышаться, сколько для того, чтобы очень внимательно осмотреть каждую каменную глыбу, прежде чем обойти ее, ведь кто знает, какое лицо или вовсе не лицо он может увидеть, если слишком доверчиво сунется за какую-нибудь из них?

И впрямь настоящее детство, укорил он себя. Ведь сам же рвался встретиться с тем типом, что был на вершине, и узнать, что это за чудик. Судя по простой одежде, робости и любви к уединению, небось какая-нибудь нежная душа. Хотя, скорее всего, он уже ушел.

Как бы там ни было, Франц продолжал обшаривать взглядом все вокруг, пока поднимался по уже не столь крутому склону к самой вершине.

Выход горных пород, венчавший гребень (пресловутая корона?), был обширнее и выше остальных. Помедлив немного (чтобы решить, как лучше забраться туда, сказал он себе), Франц поднялся по трем уступам, на каждый из которых пришлось подтягиваться на руках, до самого верха, где наконец встал во весь рост, хотя и довольно осторожно, широко расставив ноги, потому что здесь дул сильный ветер с Тихого океана, — и вот

она, вся громада Корона-Хайтс под ним.

Франц медленно повернулся кругом, обведя взглядом горизонт. При этом он пристально всматривался во все складки каменных нагромождений и лежавшие прямо под ним зеленые и светло-коричневые склоны, стараясь охватить новые для себя виды и попутно удостовериться, что нигде на Корона-Хайтс нет ни единой живой души, кроме него самого.

Затем он спустился на пару уступов и удобно устроился на естественном каменном сиденье, совершенно защищенном от ветра, лицом на восток. В этом гнезде он чувствовал себя очень непринужденно и на удивление безопасно, чему способствовало ощущение мощи телебашни, которая возвышалась за его спиной, словно могучая богиня-покровительница. Неторопливо попыхивая очередной сигаретой, он окинул невооруженным взглядом просторы города и залива, где огромные пароходы выглядели мельче игрушек, от слегка зеленоватой прозрачной подушки смога над Сан-Хосе на юге до тусклой маленькой пирамидки горы Маунт-Дьябло далеко на востоке, за Беркли, и до красных башен моста Золотые Ворота на севере с горой Тамалпаис за ними. Занятно, что ориентиры с этой новой точки об-

зора изменились. По сравнению с тем видом, что открывался с крыши, некоторые здания в центре города взлетели вверх, в то время как другие, казалось, пытались спрятаться за своими соседями.

Выкурив еще сигарету, он достал бинокль, повесил его ремешок на шею и стал изучать разные места на выбор. Теперь они уже почти не плясали у него перед глазами, как утром. Франц, посмеиваясь, прочитал вслух тексты на нескольких больших рекламных щитах, торчавших южнее Маркет-стрит, на набережной Эмбаркадеро; в основном рекламировали сигареты, пиво и водку (о, этот незабываемый мотив «Черный бархат»!)[13], а с пары самых больших плакатов красотки топлес зазывали куда-то туристов.

Осмотрев стальные, блестящие внутренние воды и мост через залив до самого Окленда, он принялся скрупулезно изучать здания в центре города и вскоре, к своему смущению, обнаружил, что отсюда довольно трудно определить, что есть что. Расстояние и перспектива слегка изменили расположение и оттенки раскрас-

---

[13] Примечания: 13

«Черный бархат» (*англ.* Black Velvet) — песня из репертуара Алланы Майлз, в которой обыгрывается название сорта канадского виски или одноименного коктейля из шампанского и темного пива.

ки. Кроме того, современные небоскребы были совершенно безликими: ни вывесок, ни названий, ни статуй, ни шпилей, ни флюгеров, ни крестов, ни характерных фасадов и карнизов — вообще никаких архитектурных украшений; одни лишь огромные глухие плиты из безликого камня, или бетона, или стекла, блестящие на солнечном свету и темные в тени. Они и впрямь могли быть «гигантскими усыпальницами или чудовищными вертикальными гробами живого человечества», питательной средой для самых зловредных параментальных существ, о которых столько талдычил в своей книге старый де Кастри. Франц в очередной раз приник к биноклю, вроде бы опознал пару подрагивавших перед глазами небоскребов и наконец опустил бинокль, оставив его висеть на ремешке; достал из другого кармана предусмотрительно взятый из дому сэндвич с мясом. Разворачивая и медленно поедая свой припас, он думал о том, какой же он, на самом деле, счастливчик. Год назад он был сущей развалиной, а сейчас… Вдруг он услышал *шорох* щебенки, потом еще один. Огляделся, но ничего не увидел. Было совершенно непонятно, откуда доносились эти слабые звуки. Во рту сразу пересохло.

Франц с трудом сделал глоток, откусил еще и поспешил вернуться к прежним мыслям. Да, теперь у него есть друзья (например, Гун и Сол) и Кэл… Здоровье восстановилось, и, что самое главное, работа идет хорошо, есть же его замечательные повести (по крайней мере, он так считает), и даже это барахло в «Странном подполье»…

Камни снова *зашуршали,* на этот раз громче, и послышался странный, какой-то очень писклявый и короткий смешок. Франц встрепенулся и поспешно посмотрел по сторонам, сразу забыв и о еде, и о своих мыслях.

Смех повторился, за ним последовал резкий вскрик, и из-за камней прямо перед Францем выскочили по идущей снизу тропинке две маленькие девочки в темно-синих коротких костюмчиках, похожих на пижамы. Одна из них дернула вторую за руку, они радостно взвизгнули и дружно закружились, мелькая загорелыми руками и ногами и белокурыми волосами.

Франц едва успел подумать о том, что это явление полностью опровергает опасения Кэл (и его собственные) по поводу Корона-Хайтс, а также о том, что родителям в любом случае не следовало бы отпускать таких маленьких симпатичных девчушек (им было не больше семи-восьми лет)

одних играть в таком безлюдном месте, как вдруг из-за скал выскочил лохматый сенбернар, которого девочки тут же втянули в свою игру. Впрочем, они почти сразу же побежали вниз по тропинке, по которой сюда забрался Франц, а их мохнатый защитник поспешил следом. Они либо совсем не видели Франца, либо, по обыкновению многих детей, сделали вид, что не замечают его. Он улыбнулся: этот случай явно продемонстрировал, что нервы у него все еще не совсем в порядке. Сэндвич больше не казался черствым.

Вощеную бумагу он скомкал и сунул в карман. Солнце уже переползло к западу и освещало торчавшие вдали высокие стены. Поход занял больше времени, чем он рассчитывал, да и просидел он здесь дольше запланированного. Что говорилось в эпитафии, которую Дороти Сэйерс увидела на старом надгробном камне и сочла апофеозом любой тоски? О да: «Уже позже, чем ты думаешь». Незадолго до Второй мировой войны на эту тему сочинили популярную песню: «Радуйся, радуйся жизни, уже позже, чем ты думаешь». Кто-то воспринимал эти слова как язвительную иронию. Ну а у него было полно времени.

Он снова взялся за бинокль, обратившись на сей раз к отелю «Марк Хопкинс», под зеленова-

то-коричневым, в средневековом стиле, куполом которого располагался бар-ресторан «Наверху у Марка». Собор Благодати на вершине Ноб-Хилл заслоняли высокие здания, зато был хорошо виден модернистский цилиндр собора Святой Марии, возвышавшегося на другом холме, который недавно получил название Соборного. Только тут ему в голову пришла очевидная вроде бы мысль: нужно найти собственный семиэтажный дом. Он видел Корона-Хайтс из своего окна. Следовательно, с вершины холма он сможет это окно разглядеть. Искать его нужно в узкой щели между двумя высотными зданиями, напомнил он себе, и солнце уже должно бить в эту щель, так что освещения хватит.

Как ни странно, дело оказалось очень сложным. Отсюда, с высоты, крыши невысоких домов сливались, практически в буквальном смысле, в море, где нет ни примет, ни перспективы, так что было очень трудно проследить полосы улиц — как на шахматной доске, если смотришь на нее с угла. Это занятие так захватило его, что он напрочь забыл обо всем вокруг. Если б девочки сейчас вернулись и уставились на него, он бы просто не заметил их. Тем не менее эта дурацкая проблемка оказалась настолько трудной, что он

несколько раз был близок к тому, чтобы сдаться.

В самом деле, городские крыши представляли собой целый темный чуждый мир, о котором не подозревали мириады обитающих внизу; мир, без сомнения, со своими жителями, собственными призраками и «параментальными сущностями».

Но он принял вызов и с помощью пары знакомых водонапорных баков, которые, как он знал, стояли на крышах рядом с его домом, и вывески «ОТЕЛЬ БЕДФОРД», намалеванной большими черными буквами высоко на боковой стене соседнего здания, наконец опознал и свое обиталище.

Он целиком и полностью справился со своей задачей.

Да (Бог свидетель!), щель оказалась на месте, и в ней обнаружилось его собственное окно — второе сверху, совсем крохотное, но отчетливо различимое благодаря удачно падающему солнечному свету. И разглядел Франц его как раз вовремя — по стене надвигалась тень, которая вот-вот должна была его закрыть.

В следующий миг руки Франца затряслись, да так, что он выронил бинокль. Хорошо, что ремешок был накинут на шею, иначе линзы разбились бы о камень.

Бледно-коричневый абрис человеческой фи-

гуры высунулся из *его* окна и помахал, причем *ему*.

У Франца в голове почему-то всплыло несколько строчек из бессмысленной народной песенки, начинающейся словами:

Таффи был валлиец,
Таффи вором был,
Он пришел ко мне домой
И мясо утащил.

Но вспомнилось не начало, а последний куплет:

Я поперся к Таффи
И дома не нашел —
А он ко мне домой пришел
И утащил мосол.

«Ну-ка, бога ради, не горячись! — приказал он себе и, схватив болтающийся на ремешке бинокль, снова поднял его к глазам. — И не пыхти так: ты не бегал».

Ему опять потребовалось некоторое время, чтобы отыскать щель и свой дом (будь оно неладно, это темное море крыш!), но, когда удалось, в его окне снова появилась фигура. Бледно-коричне-

вая, как старые кости. «Вот теперь не свихнуться бы! Это ведь могут быть шторы!» — сказал он себе. Просто их ветерком вытащило из окна, которое он, уходя, не закрыл. Среди высоких зданий ветер сплошь и рядом вел себя самым причудливым образом. Пусть дома у него висели зеленые занавески, но их подкладка была как раз такого невзрачного оттенка. И фигура теперь не махала ему рукой (это была всего лишь шутка пляшущего в руках бинокля), а скорее задумчиво смотрела на него, как бы говоря: «Вы решили посетить мой дом, мистер Вестен, поэтому я решил воспользоваться этой возможностью, чтобы спокойно посмотреть на ваш». «Брось! — одернул он себя. — Писательское воображение сейчас нужно нам меньше всего».

Он опустил бинокль, чтобы дать сердцебиению успокоиться, и пошевелил затекшими пальцами. Внезапно его охватил гнев. В своих фантазиях он упустил из виду тот простой факт, что кто-то мог ошиваться в его комнате. Но кто? У Доротеи Луке, конечно, был универсальный ключ, но она никогда не проявляла неуместного любопытства, как и ее брат Фернандо, мрачноватый парень, который занимался уборкой и тому подобным, почти не говорил по-английски, но замечательно

играл в шахматы. Неделю назад Франц отдал Гуну дубликат своего ключа — нужно было уйти из дома, а в это время могли доставить посылку, — и так и не забрал его назад. Это означало, что сейчас в его квартире мог быть либо Гун, либо Сол. Или, если уж на то пошло, это могла быть Кэл: она иногда ходила по дому в большом старом выцветшем купальном халате…

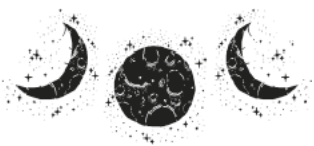
И все же — нет, подозревать кого-то из них просто смешно. Но как насчет слов Сола, которые он подслушал на лестнице? Доротея Луке беспокоилась из-за «э-воришки». Это имело больше смысла. «Смирись, — сказал он себе. — Пока ты слонялся здесь, удовлетворяя смутное эстетическое любопытство, какой-то подлый вор, вероятно под действием сильнодействующих наркотиков, пробрался в твою квартиру и обчищает ее».

Уже чуть ли не в ярости он снова вскинул бинокль и сразу нашел нужное место, но, увы, опоздал. Пока он успокаивал нервы и строил дикие догадки, солнце продвинулось по небу, щель заполнилась тенью, так что теперь он не мог разглядеть ни своего окна, ни фигуры за ним.

Его гнев угас. Он понял, что злость была в основном реакцией на легкий шок, вызванный

тем, что он видел или думал, что видел… Нет, он точно что-то видел, но кто знает, что именно?

Франц встал на своем каменном сиденье (двигался он довольно медленно, потому что отсидел ноги и спину заколодило от долгой неподвижности) и снова осторожно вышел на ветреную вершину. Ему стало тоскливо — и неудивительно, ибо на западе, из-за телебашни, и уже частично закрывая ее, распростерлись полосы тумана; повсюду протянулись тени. Корона-Хайтс утратил волшебство, окутывавшее холм совсем недавно. Франц просто хотел уйти отсюда как можно скорее и вернуться домой, чтобы проверить свою комнату. Поэтому, быстро взглянув на карту, он направился прямо вниз по дальней стороне холма, как утренние туристы. Он и впрямь сильно задержался.



Глава 7

Противоположная сторона холма, обращенная к парку Буэна-Виста, оказалась круче, чем выглядела сверху. Францу несколько раз пришлось сдерживать порыв прибавить шагу и, напротив, заставлять себя идти осторожнее. Уже на середине склона вокруг него закружились, рыча, две большие собаки; не сенбернары, а черные доберманы, при виде которых на память сразу приходит СС. Ну а хозяин, отставший от своих псов внизу, не очень-то спешил отозвать их. Франц чуть ли не бегом пересек зеленую лужайку у подножия холма и выскочил в калитку, проделанную в высоком сетчатом заборе.

Он подумал было позвонить миссис Луке (или даже Кэл) и попросить взглянуть, что делается у него в квартире, но решил не делать этого, чтобы не подвергать их возможной опасности (и не раздражать Кэл, которая наверняка все еще старательно репетирует); что касается Гуна или Сола, все равно их сейчас нет дома.

Кроме того, он так и не пришел к заключению, кого же ему подозревать, да и в любом случае лучше было бы во всем этом разобраться само-

стоятельно.

Вскоре (но, по его мнению, недостаточно скоро) он уже поспешно шагал по Буэна-Виста-драйв-ист. Совсем рядом возвышался парк, который вплотную огибала дорога, — еще один холм, но, в отличие от соседнего, покрытый лесом, темно-зеленый и полный теней. В нынешнем настроении Франц воспринимал это место как угодно, только не «хорошим видом»[14]; скорее, оно представлялось идеальным местом для делишек подлых убийц и распространителей героина. Солнце уже совсем скрылось, и вдоль дороги за ним тянулись обтрепанные рукава тумана. Он рассчитывал прибавить шагу, выйдя на Дюбус-авеню, но и там тротуары были слишком крутыми (такими же крутыми, как и на любом из гораздо более чем семи холмов Сан-Франциско), и ему снова пришлось стиснуть зубы, внимательно смотреть под ноги и не торопиться. Район казался не менее безопасным, чем и Бивер-стрит, но из-за резкого похолодания на улице было мало людей, и он опять убрал бинокль в карман.

Там, где туннель выходит из-под парка Буэна-Виста («Холмы Фриско вдоль и поперек

---

[14] Примечания: 14
Buena Vista *(исп.)* — хороший вид.

изрыты туннелями», — подумал Франц), он сел на трамвай маршрута «Н-Джудах» и поехал по Маркет-стрит в сторону муниципального центра. На 19-Полк-стрит в трамвай ломанулась целая толпа народу. Рядом с Францем оказался какой-то неуклюжий покачивающийся бледный тип, который, похоже, был всего лишь пустоглазым работягой-строителем, недавно ломавшим какое-то здание и даже не отряхнувшим с одежды густую пыль.

Франц сошел на Гири-стрит. В вестибюле дома 811 ему встретился один лишь Фернандо, трудившийся с пылесосом, унылый вой которого как нельзя лучше подходил под унылую серость, сгущавшуюся на улице. Он остановился бы поболтать, но этот коренастый и угрюмый, словно перуанский идол, коротышка говорил по-английски намного хуже, чем его сестра, да к тому же был почти глухим. Они чопорно раскланялись, обменявшись подобающими репликами:

— Сеньор Луке…

— Миста Хестон. — Фернандо лишь так удавалось произносить его фамилию Вестен.

Скрипучий лифт поднял его на шестой этаж. У него мелькнула мысль зайти сначала к Кэл или к парням, но он решил, что не делать этого

будет делом принципа (или храбрости). В холле было темно (небо уже густо затянуло облаками, и сквозь стеклянную крышу почти не поступало света), и окно вентиляционной шахты и дверь стенного шкафа без ручки рядом с его дверью казались совсем черными пятнами. Подойдя вплотную к двери, он ощутил, как отчаянно колотится сердце. Испытывая явный страх и понимая одновременно, что это глупость, Франц сунул ключ в замок, стиснув левой рукой бинокль как импровизированное оружие, резко распахнул дверь и быстрым движением щелкнул выключателем.

Освещенная двухсотваттной лампой комната была пуста, и все в ней находилось на прежних местах. Пестрая Любовница Ученого, лежавшая на своем месте у стены, как будто шутливо подмигнула ему. И все же он не чувствовал себя в безопасности, пока, стесняясь самого себя, не заглянул в ванную, кладовку и даже в высоченный платяной шкаф.

Затем он выключил верхний свет и подошел к открытому окну. Подкладка зеленых штор действительно выгорела на солнце, но если их и выносило днем наружу, то позднее переменившийся ветер аккуратно вернул на место.

Зубчатый горб Корона-Хайтс смутно различался сквозь поднимавшийся все выше туман. Телебашню уже совсем заволокло. Франц опустил глаза и увидел, что подоконник, узкий письменный стол перед окном и ковер под ногами были усеяны клочками коричневатой бумаги, живо напомнившими о шредере, который утром показывал ему Гун. Он припомнил, что накануне пролистывал старые журналы и вырывал из них страницы, которые хотел сохранить. А вот выбросил ли он обрывки тогда же? Не помнит, но, вероятно, да; во всяком случае, разодранные журналы нигде не валяются, в комнате лишь аккуратная стопка еще не просмотренных. Что ж, вор, укравший всего лишь кучку старой макулатуры, вряд ли мог представлять собой серьезную опасность. Его, скорее, следует считать старьевщиком, этаким услужливым стервятником.

Напряжение, владевшее им несколько последних часов, наконец-то отпустило. Франц осознал, что его замучила жажда. Достав из холодильника начатую бутылку имбирного эля, он опустошил ее в несколько глотков. Потом сварил себе кофе на плите, мимоходом поправил свободную половину постели и включил стоявшую в изголовье настольную лампу с абажуром. Взяв кофе, книжку

и тетрадку, которые показывал Кэл, он устроился поудобнее и принялся читать да размышлять.

Заметив, что за окном начало темнеть, налил еще одну чашку кофе и отправился с ней к Кэл. Дверь у нее оказалась нараспашку. Кэл сидела спиной ко входу, плечи у нее ритмично поднимались и опускались в такт яростным, но точным метаниям рук по клавиатуре; уши были закрыты большими наушниками с мягкой оторочкой. Франц что-то слышал, но не мог понять, были ли это отзвуки музыки или почти неуловимое пощелкивание электронных клавиш.

Сол и Гун шепотом переговаривались, сидя на диване. Рядом с Гуном стояла зеленая бутыль. Припомнив подслушанную утром перепалку, Франц попытался разглядеть признаки напряженности, но приятели вроде бы пребывали в согласии. Возможно, утром он услышал в их словах то, чего там вовсе и не было.

Сол Розенцвейг — тощий, с темными волосами до плеч и заметными синяками под глазами — коротко ухмыльнулся ему.

— Привет. Кальвина попросила составить ей компанию, пока она репетирует, однако, сдается мне, вместо нас вполне сгодилась бы пара манекенов. Но Кальвина в глубине души романтичная

пуританка. Ей, может быть и неосознанно, хотелось ввергнуть нас в бездну разочарования.

Кэл сняла наушники и встала. Не говоря ни слова, не взглянув на присутствующих и даже не дав понять, что замечает их, она взяла какую-то одежду и скрылась в ванной, где почти сразу же зашумел душ.

Гун улыбнулся Францу:

— Привет. Садись и присоединяйся к посвященным тишины. Как идет писательская жизнь?

Некоторое время они болтали о всяких пустяках. Сол тщательно сворачивал длинную тонкую самокрутку. От нее потянул приятный смолистый дым, но и Франц и Гун, улыбнувшись, отказались присоединиться. Гун взял свою зеленую бутылку и приложился к ней длинным глотком.

Кэл появилась неожиданно скоро. На ней было темно-коричневое платье, и выглядела она совсем свежо. Налив себе в высокий тонкий стакан апельсинового сока из холодильника, она тоже села.

— Сол, — негромко сказала она, — ты отлично знаешь, что мое полное имя не Кальвина, а Кальпурния. Она была у римлян кем-то вроде Кассандры, только не так знаменита; предупреждала Цезаря об опасности, угрожавшей ему в

Мартовские иды. Может быть, я и пуританка, но назвали меня не в честь Кальвина. Мои родители действительно были пресвитерианцами, оба, но отец довольно скоро перешел в унитарианство, а умер и вовсе последователем этической культуры. Он молился Эмерсону и клялся именем Роберта Ингерсолла. Ну а мать, вроде как шутки ради, объявила себя бахаисткой. К тому же у меня нет пары манекенов, не то я действительно могла бы поставить их здесь. Нет, спасибо, никакой «травы». До завтрашнего вечера я должна хранить мозги в полной ясности. Гун, спасибо, что повеселил меня. Присутствие слушателей очень помогает, даже если я в это время напрочь некоммуникабельна. Эль пахнет чудесно, но, увы, придется отказаться — по той же причине, что и от «травки». Франц, ты какой-то сам не свой. Что-то случилось на Корона-Хайтс?

Обрадованный тем, что она не только думала о нем, но и сразу же обратила внимание на его состояние, Франц выложил историю своего похода. Его задело при этом, что в рассказе все приключение выглядело довольно-таки тривиальным и совсем не страшным, а, как ни парадоксально, даже забавным — поистине, двуединое проклятие и благословение писателя.

— Получилось, что ты пошел разглядывать это привидение, или что там еще, и обнаружил, что оно перекинуло рубильник и показывает тебе нос из твоего собственного окна в двух милях от того места, где ты находился. «Таффи пришел ко мне домой…» Ну, прелесть же, правда? — радостно подытожил Гун.

— Твоя история о Таффи напомнила мне случай с моим мистером Эдвардсом, — подхватил Сол. — Ему втемяшилось в голову, что напротив больницы сидят в автомобиле двое, его враги, и посылают на него лучи из генератора боли. Я посадил его в машину, и мы объехали все окрестности, чтобы он убедился, что их там нет. Ему сразу полегчало, он стал благодарить, но стоило ему вернуться в палату, как он завопил от боли. Конечно же, он решил, что, пока его не было, враги пробрались в больницу и вмонтировали генератор в стену.

— Ах, Сол, — сказала Кэл не без язвительности, — мы все же не твои пациенты — по крайней мере, пока. Франц, а не могут ли быть тут замешаны эти две невинные на вид маленькие девочки? Ты сказал, что они бегали и танцевали, как твой бледно-коричневый тип. Я уверена, что психической энергии, если она вообще существует, у

маленьких девочек очень много.

— Я бы сказал, что у тебя хорошее творческое воображение. Мне такое даже в голову не пришло, — ответил Франц, остро сознавая, что начинается профанация всего приключения и он не в состоянии ничего с этим поделать. — Сол, возможно, я как-то связал эти две вещи, по крайней мере частично, но если и да, что в этом такого? Кроме того, фигура практически не поддавалась описанию, ты же помнишь, и не делала ничего объективно зловещего.

— Послушайте, — снова заговорил Сол, — я, вообще-то, никаких параллелей не проводил. Это вы с Кэл так решили. А мне просто вспомнился еще один странный случай.

Гун громко хохотнул:

— Сол вовсе не считает, что мы сумасшедшие. Так, тронутые слегка.

В дверь постучали. Ее открыли, не дожидаясь ответа, и в комнату вошла Доротея Луке. Первым делом она принюхалась и посмотрела на Сола. Она очень походила на брата, хоть и была значительно стройнее, — тот же чеканный инкский профиль, те же иссиня-черные волосы. В руке у нее была бандероль с книгами для Франца.

— Я подумать, что вы быть здесь внизу, а потом

услышать ваш голос, — объяснила она. — Вы нашли э-страшные вещи, о которых можно написать эти… Как вы говорить?.. — Она сложила руки биноклем, поднесла их к глазам и с вопросительным видом огляделась, когда все засмеялись.

Кэл налила ей вина в стакан, а Франц поспешил вкратце объяснить, что случилось. К его удивлению, Доротея отнеслась к рассказу о фигуре в окне очень серьезно.

— Но вы уверены, что вас не э-почистить? — встревоженно осведомилась она. — Я думать, что у нас на втором этаже жить э-воришка.

— Портативный телевизор и магнитофон на месте, — ответил Франц. — Вор обязательно унес бы их.

— А мосол ты проверил? — ввернул Сол. — Таффи не спер его?

— А фрамугу вы закрыть и запереть дверь на два оборот? — продолжала допытываться Доротея, для большей ясности выразительно покрутив рукой со сложенными щепотью пальцами. — Сейчас она закрыт на два оборот?

— Я всегда закрываю на два оборота, — заверил ее Франц. — Вообще-то, я долго думал, что только в детективных книжках воры отжимают язычок замка пластиковой карточкой, но однажды об-

наружил, что на моей двери это можно сделать даже фотографией. А вот фрамугу не закрывал. Я всегда держу ее открытой, чтобы квартира проветривалась.

— И фрамугу тоже всегда закрывать, когда уходить, — наставительно произнесла Доротея. — Вы все закрывать, слышать? Вы лучше верить, что худой мочь пролезть во фрамугу. Ну, я рада, что вас не почистить. *Gracias*[15], — добавила она, кивнув Кэл, и отхлебнула вина.

Кэл улыбнулась и повернулась к Солу и Гуну:

— Почему бы в современном городе не быть своим собственным привидениям, как некогда в замках, на кладбищах и в особняках аристократов?

— У меня есть такая миссис Уиллис, — снова включился в разговор Сол. — Так она считает, что против нее замышляют недоброе небоскребы. По ночам, дескать, они еще сильнее тощают и ползают по улицам, пытаясь разыскать ее.

— Я однажды слышал, как молния свистела над городом, — сказал Гун. — Дело было в Чикаго, чуть ли не в Лупе[16], а я в это время находился

---

[15] Примечания: 15
Спасибо *(исп.)*.

[16] Примечания: 16
Чикаго-Луп — деловой центр Чикаго.

в университете, в Саут-Сайде, совсем рядом с тем местом, где был первый атомный котел. На севере полыхнуло, а потом, через семь секунд, раздался вовсе не гром, а тоненький не то визг, не то стон. Мне тогда пришло в голову, что все эстакадные дороги вошли в звуковой резонанс с радиокомпонентом этой молнии.

— С какой стати такая масса железа будет?.. — с неожиданной горячностью заявила Кэл, но, не закончив вопрос, обратилась к Францу: — Расскажи им об этой книге.

Он повторил то, что утром рассказал ей о «Мегаполисомантии», не упустив и части сопутствующей информации.

Гун тут же вмешался:

— И он, значит, утверждает, что наши современные города — это все равно что египетские пирамиды? Красиво сказано. Вы только представьте себе, что, когда мы все вымрем от загрязнения (ядерного, химического, под завалами неразлагающегося пластика), захлебнемся красными волнами умерших микроорганизмов (этой омерзительной кульминацией нашей климактерической культуры), на космическом корабле из другой солнечной системы прилетит археологическая экспедиция и начнет исследовать нас, как

наши чертовы египтологи исследуют пирамиды! Они запустят самодвижущиеся роботы-зонды, которые станут обшаривать наши совершенно пустые города, а те все еще будут слишком радиоактивны для всего живого, столь же мертвы и смертоносны, как наши отравленные моря. Что они смогут сказать о Всемирном торговом центре в Нью-Йорке и Эмпайр-стейт-билдинге? Или Сирс-билдинге в Чикаго? Или даже о местной пирамиде Трансамерика? Или о корпусе для сборки космических кораблей в Канаверале, который настолько велик, что внутри можно летать на легких самолетах? Вероятно, они решат, что все это построено для религиозных и оккультных целей, как Стоунхендж. Им даже в голову не придет, что там жили и работали люди. Несомненно, наши города превратятся в самые жуткие руины, какие только могут быть. Знаешь, Франц, этот де Кастри был прав — города чересчур захламлены. Это тяжело, тяжело…

— Миссис Уиллис говорит, — снова вмешался Сол, — что небоскребы делаются очень тяжелыми, когда они, прошу прощения, трахают ее по ночам.

Глаза Доротеи Луке широко раскрылись, а потом она неудержимо захихикала и проговорила,

погрозив пальцем:

— Это же просто неприлично.

Сол вперил взгляд в пространство и с видом безумного поэта продолжил:

— Вы только представьте себе, как эти громадные тощие фигуры пробираются бочком по улицам, вздыбив каменные фаллосы-контрфорсы.

Миссис Луке снова рассмеялась. Гун подлил ей вина, а себе открыл вторую бутылку эля.

Глава 8

— Франц, — сказала Кэл, — я весь день, уголком разума, не занятым Бранденбургским концертом, нет-нет да и подумаю о «Родосе, шестьсот семь», из-за которого ты поселился тут. Это какое-то определенное место? И если да, то где оно находится?

— Родос, шестьсот семь? Это еще что такое? — заинтересовался Сол.

Францу пришлось рассказать о дневнике в тетради из рисовой бумаги, о любителе фиолетовых чернил, превратившихся от времени в бледно-лиловые, о человеке, который мог быть Кларком Эштоном Смитом, и о его возможных беседах с де Кастри. В завершение он сказал:

— Шестьсот семь не может быть номером дома, как, скажем, «Гири, восемьсот одиннадцать»: во Фриско нет улицы с названиями Родос или Родс, я проверил. Самая похожая по написанию улица — Род-Айленд, но она далеко в Потреро, а из записей прямо следует, что дом шестьсот семь находился здесь, в центре города, в нескольких минутах ходьбы от Юнион-сквер. И составитель дневника как-то упомянул, что смотрит в окно

на Корона-Хайтс и гору Сатро (конечно, никакой телебашни тогда не было)…

— Черт возьми, в тысяча девятьсот двадцать восьмом году не было ни Оклендского моста, ни Золотых Ворот, — вставил Гун.

— …и на Твин-Пикс, — продолжал Франц. — А в другом месте написал, что Тибо постоянно называл Твин-Пикс Грудями Клеопатры.

— Интересно, могут ли быть груди у небоскребов? — спросил Сол. — Надо будет задать вопрос миссис Уиллис.

Доротея в очередной раз закатила глаза, прикоснулась к своей груди, пробормотала «О нет!» и снова расхохоталась.

— Может быть, «Родс» было названием какого-нибудь здания или отеля? — предположила Кэл. — Что-нибудь вроде Родс-билдинг.

— Разве что название изменилось с тысяча девятьсот двадцать восьмого года, — ответил Франц. — Сейчас, насколько мне известно, в городе нет ничего подобного. А кого-нибудь из вас имя Родс в связи с Сан-Франциско наводит на какие-либо размышления?

Все промолчали.

— Интересно, а у нашей несчастной обители имелось когда-нибудь собственное имя? — задум-

чиво произнес Гун.

— Знаешь, мне тоже хотелось бы это знать, — отозвалась Кэл.

Доротея покачала головой:

— Это просто Гири, восемьсот одиннадцать. Когда-то здесь быть отель, вы знать, с ночным портье и горничными. Но я не знать.

— Домус анонимус, — сказал Сол, не поднимая глаз от косячка, который сворачивал.

— А теперь мы закрыть фрамугу, — сказала Доротея и тут же сама осуществила свое предложение. — Ладно уж, дымовой свой трава. Только… Как это сказать?.. Не говорить никто.

Остальные дружно закивали.

Вскоре все сошлись на том, что проголодались и вместе отправятся обедать к «Немецкому повару», за угол, потому что сегодня там подают зауэрбратен. Доротею уговорили пойти с ними. По пути она захватила с собой дочку Бониту и молчаливого Фернандо, который обрадовался приглашению.

Франц и Кэл двигались в хвосте компании.

— Но ведь ты воспринимаешь Таффи серьезнее, чем хочешь показать, не так ли? — спросила она.

Он был вынужден согласиться, хотя насчет некоторых из сегодняшних событий испытывал

странную неуверенность — вечерний туман, в котором он обычно не видел ничего дурного, окутывал его разум, словно призрак старого алкоголика. Высоко в небе висел перекошенный диск растущей луны, соперничавший с уличными фонарями.

— Знаешь, глядя на эту штуку в моем окне, я старался как можно туже обуздать фантазию, чтобы не допустить всяких… Э-э… Сверхъестественных объяснений. Я даже предположил, что это могла быть ты в своем старом халате.

— Ну… Это была не я, однако вполне могла бы быть, — спокойно ответила она, — ведь ключ твой у меня есть. Гун отдал его мне в тот день, когда тебе привезли большую посылку, а Доротея куда-то ушла. Я отдам его тебе после обеда.

— Можешь не торопиться.

— Интересно было бы выяснить, что это за Родс, шестьсот семь, — сказала она. — Думаю, что Родос и всю Грецию можно смело отбросить. А вот как назывался дом, в котором мы живем, если он вообще как-нибудь назывался…

— Попытаюсь как-нибудь. Кэл, а что, твой отец действительно клялся именем Роберта Ингерсолла?

— Правда-правда. «Клянусь Робертом…» — и

так далее. А также Уильямом Джемсом и еще Феликсом Адлером, выдумавшим этическую культуру. Его единоверцам (по большому счету, безбожникам) это казалось странным, но ему нравилось звучание жреческих речевых оборотов. Он и науку воспринимал как священное действо.

В ресторанчике, где их знали и относились к ним с симпатией, Гун и Сол, под одобрительным взглядом розовощекой официантки, блондинки Розы, тут же сдвинули вместе два соседних столика. Покончив с расстановкой стульев, Сол уселся между Доротеей и ее дочерью, а Гун — по другую руку от Бониты. Девочка была так же черноволоса, как и мать, но уже на полголовы превосходила ее ростом и имела вполне англосаксонскую внешность — худощавая, с удлиненным североевропейским лицом, — и в ее речи типичной американской школьницы не улавливалось никаких признаков испанского. Франц вспомнил, что Доротея вроде бы разведена и отец Бониты, имени которого никто никогда не слышал, был хоть и смуглым, но не испанцем, а ирландцем. И все же девочка, при своем приятно стройном обличье в свитере и слаксах, была несколько неуклюжа и совершенно не походила на ту призрачную торопливо двигавшуюся фигу-

ру, которая этим утром ненадолго встревожила его и пробудила неприятное воспоминание.

Он сел рядом с Гуном, Кэл — рядом с ним, а Фернандо — возле своей сестры. Роза стала принимать заказы.

Гун переключился с эля на темное пиво. Сол заказал бутылку красного вина для себя и обоих Луке. Жаркое было великолепным, картофельные оладьи с яблочным соусом — превыше всяких похвал. Немецкий повар (вообще-то, венгр) Бела, с вечно потным от кухонного жара лицом, превзошел самого себя.

— С тобой на Корона-Хайтс действительно произошло что-то очень странное, — сказал Гун Францу во время паузы в разговоре. — Ты, похоже, оказался на пороге того, что можно назвать сверхъестественным.

Сол, конечно же, услышал эти слова и встрял:

— Ого! Ты же материалист, ученый! И говоришь о сверхъестественном…

— Сол, уймись, — ответил, усмехнувшись, Гун. — Да, я изучаю материю, но что это такое? Невидимые частицы, волны и силовые поля. Совершенно ничего такого, что можно было бы пощупать. Так что не учи бабушку варить яйца.

— Ты совершенно прав, — ухмыльнулся Сол

и демонстративно срезал верхушку с поданного ему яйца. — Реальности не существует, есть только личное непосредственное ощущение. Все остальное выводится из него. Даже личность — это умозаключение.

— Я думаю, что единственная реальность — это число… И музыка, приходящая к тому же самому. И то и другое реально и обладает истинной силой, — сказала Кэл.

— Мои компьютеры согласны с тобой, согласны целиком и полностью, — ответил Гун. — Числа — это все, что они знают. Музыка… Что ж, они способны научиться музыке.

— Очень рад, что вы все рассуждаете в одном примерно ключе. Вы же знаете, что сверхъестественные ужасы — это мой хлеб, и даже с маслом, и эта дребедень «Подполье»…

— Нет! — возмутилась Бонита.

— …и более серьезные вещи, но случается, мне говорят, что никаких сверхъестественных ужасов теперь и вовсе не бывает, что наука уже разгадала (или скоро разгадает) все тайны, что религия — лишь другое название для социального обеспечения и что современные люди уже достаточно образованны и просвещенны, для того чтобы не бояться духов, даже понарошку.

— Не смеши меня, — отозвался Гун. — Науки лишь расширяют область непознанного. И если Бог все же есть, его зовут Тайна.

— Посылайте этих отважных эрудированных скептиков к моему мистеру Эдвардсу, или миссис Уиллис, или хотя бы к их собственным потаенным страхам, которые существуют, как бы кто этого ни отрицал. Или ко мне; лично я расскажу им о Незримой медсестре, которая наводит страх на острое отделение в клинике Святого Луки. А еще было… — он вдруг замялся, покосился на Кэл и закончил: — Впрочем, это слишком длинная история для застольного разговора.

Бониту его слова явно разочаровали. А ее мать воскликнула:

— Но ведь странные вещи бывать! В Лиме. И в этот город тоже. *Brujas*… Как это по-вашему?.. Ведьмы! — Она радостно поежилась.

Ее брат просветлел лицом, уловив нить разговора, и поднял ладонь, дав понять, что желает вставить одно из своих редких замечаний.

— *Hay hechiceria*[17], — горячо заявил он, всем своим видом указывая, что ему очень хочется быть понятым. — *Hechiceria ocultado en murallas.* —

---

[17] Примечания: 17
Колдовство существует *(исп.).*

Он слегка пригнулся к столу, глядя при этом вверх. — *Murallas muy altas.*

Все дружно закивали, как будто поняли его речь.

— Что такое *«hechi»*? — понизив голос, спросил Франц у Кэл.

— По-моему, это значит «колдовство». «Колдовство прячется в стенах. Очень высоких стенах». — Она зябко передернула плечами.

— Хотелось бы узнать, где именно в стенах, — пробормотал Франц. — Замуровано, как болевой излучатель мистера Эдвардса?

— Меня, знаешь ли, Франц, занимает еще одна мысль, — сказал Гун. — Не ошибся ли ты, когда искал с Короны свое окно? Сам же сказал, что крыши походили на море с берега. И тут сразу приходят на ум трудности, с которыми я сталкивался при определении мест на фотографиях звезд или на спутниковых снимках Земли. С этими проблемами, знаешь ли, сталкивается каждый астроном-любитель, да и профессионал тоже. Ведь любому наблюдателю то и дело попадаются почти неразличимые места.

— Я и сам об этом думал, — сказал Франц. — И обязательно проверю.

Сол откинулся на спинку кресла:

— Послушайте, а ведь это идея! Давайте-ка, не откладывая надолго, устроим пикник на Корона-Хайтс. Гун, мы с тобой возьмем наших дам, им это понравится. Бонни, что скажешь?

— О да! — восторженно откликнулась Бонита.

На этом обсуждение главной темы закончилось.

— Спасибо за вино, — сказала Доротея. — Но все запомнить: запирать дверь на два оборот и закрывать фрамугу, когда уходить.

— Если никто мне не помешает, я просплю двенадцать часов подряд, — объявила Кэл. — Франц, ключ я тебе отдам как-нибудь в другой раз.

Сол взглянул на нее.

Франц улыбнулся и спросил Фернандо, как тот смотрит на то, чтобы сыграть в шахматы вечером. Перуанец с улыбкой согласился.

Когда они расплачивались, Бела Славик, как всегда обливавшийся по́том, возник из кухни, чтобы выдать сдачу, а Роза крутилась вокруг и придерживала дверь перед выходившими.

Когда они собрались в кучку на тротуаре около ресторана, Сол обратился к Францу и Кэл:

— Давайте-ка заглянем ко мне, Гун, и ты, Франц, тоже, перед тем как сядешь за шахматы. Мне хотелось бы все же рассказать эту историю.

Франц кивнул, а Кэл сказала:

— Нет, это без меня. Я немедленно отправляюсь спать.

Сол понимающе кивнул.

— Вы будете рассказывать о Незримой медсестре, — обвиняющим тоном сказала Бонита. — Я тоже хочу послушать.

— Уже пора в кровать, — одернула ее мать, впрочем не очень настойчиво и энергично. — Ты сама видеть: Кэл идти спать.

— А мне-то что? — огрызнулась Бонита, придвинулась к Солу, полностью игнорируя всякие «личные пространства», и заныла: — Ну пожалуйста, пожалуйста!

Сол вдруг крепко прижал ее к себе и с громким фырканьем дунул в шею. Девочка громко и радостно взвизгнула. Франц почти непроизвольно взглянул на Гуна и увидел, что тот поморщился было, но мгновенно овладел собой и лишь стиснул зубы. Доротея улыбнулась почти так же радостно, как дочь, словно это ей фыркнули в шею. Фернандо чуть заметно нахмурился и приосанился почти по-военному.

Но тут Сол отодвинул девочку от себя и деловито сказал:

— Видишь ли, Бонни, я хочу рассказать Фран-

цу другую историю — очень скучную и вряд ли интересную кому-нибудь, кроме писателя. И она вовсе не о Незримой медсестре. Я упомянул о ней лишь потому, что к слову пришлось.

— Я вам не верю, — заявила Бонита, глядя ему прямо в глаза.

— Что ж, ты права, — резко сказал он, выпустил девочку и отступил на шаг. — Это действительно история о Незримой медсестре, терроризировавшей отделение принудительного лечения в больнице Святого Луки, и причина, по которой я не стал рассказывать ее за столом, не в том, что она слишком длинная (она как раз довольно короткая), а в том, что она слишком страшная. Но ты сама напросилась, да и все эти добрые люди тоже. Раз так, придвигайтесь поближе.

«Вот сейчас, стоя на темной улице, при свете кривобокой луны, падающем на сверкающие глаза, желтоватое лицо и длинные темные волосы, заплетенные в косички на эльфийский манер, она очень похожа на цыганку», — подумал Франц.

— Ее звали Уортли, — начал Сол, понизив голос. — Ольга Уортли, дипломированная медицинская сестра. Это не настоящее ее имя (делом, как-никак, занялась полиция, и до сих пор ее

ищет), но похоже на настоящее. Итак, Ольга Уортли возглавляла вечернюю смену (с четырех до полуночи) в «строгом» отделении больницы Святого Луки. И никаких ужасов там не водилось. Откровенно говоря, ее смена была самой тихой и, можно сказать, идиллической из всех, потому что она никогда не жалела снотворного и не сталкивалась с такими неприятностями, как бродящие по ночам пациенты, а вот дневной смене порой трудно было разбудить их к ланчу, не говоря уже о завтраке.

Угощения больным на ночь она всегда раздавала сама, не доверяя своей помощнице, имевшей, к слову, точно такой же диплом. И еще, она предпочитала делать этакие лекарственные коктейли и всегда составляла их, если предписание врача позволяло хоть чуть-чуть отойти от точной дозы или конкретного средства. Она считала, что два лекарства всегда надежнее, чем одно, — либриум с торазином (она души не чаяла в туинале, потому что туда входят два барбитурата: красный секонал и синий арнитал), хлоралгидрат с фенобарбиталом, паральдегид с желтым нембуталом. Ее приближение всегда можно было заметить издалека, потому что шествие нашей феи волшебных снов, нашей темной богини сна, всегда

предварялось парализующим смрадом паральдегида (хотя бы одного пациента ей обязательно удавалось держать на паральдегиде). Это такой суперароматный суперспирт, который щекочет верхнюю часть носовых пазух и пахнет бог знает чем — супербанановым маслом; некоторые медсестры называют его попросту бензином, дают его разбавленным фруктовым соком и обязательно в стеклянной мензурке, потому что пластиковая от этой жижи растворяется, а молекулы разлетаются во все стороны быстрее света!

«Ну, Сол полностью завладел аудиторией», — отметил про себя Франц. Доротея слушала с тем же жадным вниманием, что и дочь, Кэл и Гун старательно изображали скептические ухмылки, даже Фернандо проникся общим настроением и улыбался в ответ на каждое длинное название лекарственного препарата. На мгновение тротуар перед входом в «Немецкий повар» сделался подобием цыганского табора, озаренного луной в ночи, не хватало лишь пляшущих языков костра.

— Каждый вечер, через два часа после ужина, Ольга обходила отделение и раздавала снотворное. Иногда поднос с лекарствами несла ее помощница, случалось, кто-нибудь из санитаров,

но бывало, что она управлялась и сама.

«Ну, миссис Бинкс, пора баиньки, — говорила она. — Вот ваш билетик в страну сладких снов. Ах, какая хорошая девочка. А теперь еще вот эту желтенькую. Добрый вечер, мисс Чизли, я приготовила для вас путешествие на Гавайи: голубенькая — это глубокое синее море, а красная — живописный закат. А теперь запить водичкой, горькой, как темная соленая волна. Ну-ка, мистер Финелли, высуньте язык — я дам вам кое-что такое, что сделает вас еще умнее. Кто бы мог подумать, мистер Вонг, что в такую крошечную капсулу времени, желатиновый космический корабль, летящий к звездам, помещается целых девять, а то и десять часов здорового крепкого сна. Вы учуяли наше приближение, не так ли, мистер Ауэрбах? Сегодня мы угостим вас виноградным соком!» — и так далее и тому подобное.

И вот так Ольга Уортли, повелительница забытья, королева сновидений, держала свое отделение в счастливом состоянии, — продолжал Сол, — и получала много похвал, ведь всем нравится, когда в тяжелом отделении тихо, — до тех пор, покуда однажды вечером она не перестаралась немного и у всех пациентов до единого не случился передоз с летальным исходом (это

значит, Бонни, что все они померли), причем на лицах у них были умильные счастливые улыбки. А Ольга Уортли исчезла, и никто с тех пор ее не видел.

Дело удалось каким-то образом замять (я подозреваю, что несчастье свалили на эпидемию скоротечного гепатита или злокачественной экземы), но Ольгу Уортли ищут до сих пор.

— Вот, собственно, и все, — сказал он, пожав плечами и расслабившись, — если не считать того, — он драматическим жестом поднял палец и продолжил низким жутковатым голосом, — что, говорят, в лунные ночи вроде этой, когда пора спать и младшая медсестра уже готовится отправиться к больным со своим подносом ночных лекарств в аккуратных бумажных стаканчиках, на сестринском посту вдруг ощущается запах паральдегида (хотя в больнице давно уже не используют этот препарат), и сгусток этого запаха перемещается из палаты в палату, от кровати к кровати, не пропуская ни одной. Спутать запах паральдегида нельзя ни с чем, а значит, Незримая медсестра совершает обход!

Они еще немного постояли, поахали, как того требовал жанр, и всей компанией двинулись домой. Бонита, похоже, была вполне довольна.

— Ах, до чего же я напугалась! — игриво заявила ее мать. — Если я проснуться сегодня ночью, буду думать, что медсестра прийти ко мне и принести этот паралич-джин.

— Па-раль-де-гид, — медленно, по слогам, но, всем на удивление, совершенно правильно произнес Фернандо.

Глава 9

В комнате Сола было тесно — там находилось очень много всякой всячины. На первый взгляд, эти вещи были совершенно разнородными и неупорядоченными (в этом отношении его жилище являло собой полную противоположность комнате Гуна), и любой вошедший недоумевал, пока до него не доходило, что ничего здесь не кажется ненужным или неприкаянно валяющимся, а, напротив, выглядит любимым. Суровые и негламурные фотографии людей, в основном пожилых (все они были пациентами больницы; Сол указал среди них мистера Эдвардса и миссис Уиллис); книги — от «Руководства по клинической медицине» Мерка до Колетт, от каталога выставки «Род человеческий» до Генри Миллера, от Эдгара Райса Берроуза до Уильяма Берроуза и Джорджа Борроу («Цыгане в Испании», «Дикий Уэльс» и «Зинкали») и репринтная копия «Подсознательного оккультизма» Ностига, что действительно поразило Франца; а также многочисленные вышивки бисером хиппи, американских индейцев и индийцев, аксессуары для курения гашиша, пивная кружка с буке-

том свежих цветов, оптометрическая таблица, карта Азии и множество картин и рисунков от по-детски примитивных до геометрических и вызывающе абстрактных (в частности — поразительная абстрактная картина акрилом на черном картоне, которая изобиловала извивающимися формами, цветами драгоценных камней и насекомых и, казалось, воспроизводила в миниатюре любимый хозяином беспорядок в комнате).

Сол указал на нее:

— Я нарисовал это под кокаином. Если и есть наркотик, который что-то дает сознанию, а не только отнимает у него (в чем я сомневаюсь), то это кокаин. И если когда-нибудь я снова решу побаловаться дурью, то выберу его.

— Снова? — не скрывая иронии, повторил Гун, кивнув на бумагу и кисет.

— «Травка» — это чепуха, — возразил Сол, — игрушка, социальная смазка, которую смело можно приравнять к табаку, кофе и прочему чаю. Анслингер, убедив Конгресс включить ее (какими бы соображениями он ни руководствовался) в число сильнодействующих наркотиков, не на шутку подорвал развитие американского общества и мобильность его классов.

— Даже так? — с явным скепсисом осведомился

Гун.

— Она определенно не в той же лиге, что алкоголь, — поддержал Сола Франц, — а ведь к нему общество в основном относится благосклонно; по крайней мере, та часть общества, что занимается рекламой. *«Наше спиртное сделает вас сексуальными, здоровыми и богатыми»,* — пишут они, расхваливая, например, «Черный бархат». Знаешь, Сол, забавно, что в твоей истории фигурировал паральдегид. Когда меня в последний раз «отлучали» от алкоголя, если воспользоваться этим очень деликатным медицинским выражением, я три ночи подряд принимал понемногу паральдегид. Это было поистине чудесно: такой же эффект, как от алкоголя, когда я его впервые как следует попробовал. Я и не думал, что когда-нибудь еще раз испытаю это ощущение теплого розового сияния.

Сол кивнул:

— Он действует примерно так же, как и алкоголь, но в отличие от него не разносит так быстро химизм обмена веществ в организме. Так что человек, переутомленный обычной выпивкой, хорошо откликается на него. Но, безусловно, он тоже может вызвать привыкание; уверен, что ты это знаешь. А как вы, ребята, насчет кофейку? У

меня, правда, только растворимый.

Он быстро поставил чайник и насыпал коричневые кристаллы в разноцветные кружки.

— Думаю, ты не станешь возражать, — предположил Гун, — что алкоголь — это естественный наркотик человечества и оно тысячелетиями экспериментирует с ним — ищет пути использовать его без особого вреда.

— Да, и этого времени хватило, чтобы алкоголь истребил тех итальянцев, греков, евреев и прочих обитателей Средиземноморья, у кого имелась к нему особая генетическая слабость. Американским индейцам и эскимосам повезло меньше: как раз сейчас они проходят этот процесс. Но у конопли, пейота, мака и грибов тоже длительная история.

— Да, но одни оказывают более психоделическое, искажающее (а не расширяющее, как ты сказал) сознание действие, — возразил Гун, — тогда как алкоголь дает более прямой эффект.

— От алкоголя тоже бывают галлюцинации, — осторожно возразил Франц. — У меня самого случались, хотя, если верить тому, что мне рассказывали, не такие сильные, как от «кислоты». Но, как ни странно, только во время ломки, первые три дня. В чуланах, темных углах, под

столами (но не при очень ярком свете) я видел черные, а иногда и красные провода толщиной с телефонный шнур, вибрирующие, хлещущие по сторонам. На ум сразу приходили ноги гигантских пауков и тому подобное. Причем я знал, что это галлюцинации. С ними, слава богу, можно было справиться — их в любой момент можно было разогнать ярким светом.

— Выведение из запоя — дело забавное, а иногда и хлопотное, — заметил Сол, разливая кипяток. — Белая горячка у пьющих начинается именно в это время, а не когда они пьют; уверен, что вы это тоже знаете. Но опасности и страдания отказа от тяжелых наркотиков сильно преувеличены, это часть мифа. Я узнал об этом, еще будучи санитаром на «скорой» в великие дни Хайт-Эшбери[18], до того, как получил соответствующее образование и стал медбратом. Я бегал там и раздавал торазин хиппи, страдавшим от передозировки (или считавшим, что у них была передозировка).

— Неужели это правда? — спросил Франц, принимая чашку с кофе. — Я много раз слышал,

[18] Примечания: 18

Хайт-Эшбери — район в центральной части Сан-Франциско, известный в 60-е годы как место сборищ хиппи и центр наркокультуры. Место проведения «Лета любви» (1967) и других эпатажных акций тех лет. Название практически стало синонимом понятия «контркультура».

что при отказе от героина ломка бывает просто ужасающая.

— Часть мифа, — заверил Франца Сол, качнув длинноволосой головой, и, вручив чашку Гуну, отхлебнул кофе. — Одного из тех самых мифов, которые Анслингер так успешно распространял в тридцатые годы (тогда все чуваки, хорошо преуспевшие на сухом законе, старались заполучить еще более теплые места в сфере борьбы с наркотиками), когда отправился в Вашингтон, прихватив с собой пару ветеринаров, знавших, как действует допинг на скаковых лошадей, и пачку сенсационных вырезок из мексиканских и центральноамериканских газет об убийствах и изнасилованиях, совершенных батраками, предположительно помешавшимися от марихуаны.

— За эту идею ухватились многие писатели, — вставил Франц. — Герой всего раз затягивается странной сигаретой, и тут же у него начинаются дикие галлюцинации, в основном связанные с сексом и кровопролитием. А что, если ввести в «Странное подполье» сюжет, в котором фигурировало бы Управление по борьбе с наркотиками?.. — задумчиво добавил он, обращаясь не столько к собеседникам, сколько к себе. — Это мысль.

— И мучительная ломка в ходе абстиненции была частью этой мифологической картины, — продолжил Сол, — так что, когда битники, хиппи и им подобные начали принимать наркотики в знак протеста против порядка вещей и родительского диктата, у них и начались те самые ужасные галлюцинации и ломка синдрома отмены, которые были описаны в выдуманных полицейских мифах и убедительно обещаны им. — Он криво усмехнулся. — Знаете, я иногда думаю, что это очень похоже на долгосрочное воздействие военной пропаганды на немцев. Во время Второй мировой войны они действительно совершили все те зверства, в которых их, в основном ложно, обвиняли в Первую мировую войну, и даже превзошли их. Не люблю говорить это вслух, но люди всегда стремятся оправдать худшие ожидания.

— Сходство эпохи хиппи с нацистами СС проявилось в истории семьи Мэнсона.

— Как бы там ни было, — подытожил Сол, — все это я изучил на практике, когда глубокими ночами метался по Эшбери и ректально вводил торазин увядающим деткам цветов. Делать им нормальные инъекции шприцем я не мог, потому что у меня еще не было сестринского диплома.

— Вот так-то я и познакомился с Солом, — задумчиво сказал Гун.

— Но ректальное введение торазина я применял не к Гуну, — уточнил Сол. — Это было бы слишком романтично. Передозировка случилась у одного из его приятелей, который позвонил ему, а уже Гун позвонил нам. И да, действительно, тогда мы и познакомились.

— Моему приятелю это прекрасно помогло, — вставил Гун.

— А как вы оба познакомились с Кэл? — спросил Франц.

— Когда она поселилась здесь, — ответил Гун.

— На первых порах нам показалось, будто на нас снизошла тишина, — мечтательным тоном сообщил Сол. — Предыдущий обитатель ее квартиры был чересчур шумным даже для этого дома.

— А потом к популяции присоединилась очень тихая, но музыкальная мышка, — сказал Гун. — Довольно скоро мы заметили, что откуда-то доносятся звуки флейты (по крайней мере, так мы решили), но музыка была такая тихая, что мы никак не могли понять, не мерещится ли нам.

— Тогда же, — подхватил Сол, — мы начали замечать привлекательную, неразговорчивую,

очень вежливую девушку, которая приходила и уходила в четыре часа, всегда в одиночестве, и всегда очень осторожно открывала и закрывала дверь лифта.

— А однажды вечером мы отправились в Дом ветеранов слушать квартеты Бетховена, — перехватил инициативу Гун, — и увидели ее в зале. Мы тут же представились ей.

— И оказалось, что мы, все трое, хотели познакомиться, — добавил Сол, — а к концу концерта уже были друзьями.

— Ну а в следующий уик-энд мы помогали ей ремонтировать квартиру, — закончил Гун, — и можно было подумать, что мы знакомы уже много лет.

— Может быть, вернее будет сказать, она была с нами знакома, — уточнил Сол. — Мы еще долго и понемногу узнавали подробности ее биографии — о невероятной гиперзащищенности, в которой ее держали, о трудностях в отношениях с матерью…

— О том, как тяжело сказалась на ней смерть отца, — вставил Сол.

— И как решительно она была настроена самостоятельно управлять своей жизнью, — Сол пожал плечами, — и изучать эту самую жизнь. —

Он поднял взгляд на Франца. — Мы лишь много позже узнали, насколько она чувствительна под маской холодной уравновешенности и какими еще способностями обладает, помимо музыкальных.

Франц кивнул и посмотрел на Сола.

— Ну что, ты дозрел до того, чтобы рассказать ту историю о ней, к которой никак не решишься приступить?

— А с чего ты взял, что история будет о ней?

— С того, что ты взглянул на нее, там, за столом, и осекся на полуслове, — объяснил Франц, — а потом никак не решался прямо пригласить меня, пока не уверился, что она не придет.

— Вы, писатели, башковитые парни, — отметил Сол. — История, в общем-то, такая… Литературная. Ну а ты и впрямь вроде как писатель — сочинитель сверхъестественных ужасов. После твоего похода на Корона-Хайтс мне тоже захотелось высказаться. Тот же самый мир неведомого, только страна в нем другая.

Франца подмывало ответить: «Я именно этого и ожидал!» — но он сдержался.

Глава 10

Сол закурил сигарету и откинулся к стене. Гун устроился на другом конце кушетки. Франц сидел в кресле лицом к обоим.

— С самого начала знакомства, — начал Сол, — я понял, что Кэл очень интересуется пациентами из моей больницы. Не то чтобы она задавала вопросы, но как-то напрягалась всякий раз, когда я упоминал о них. Они для нее были еще одним элементом огромного внешнего мира, который она начала исследовать, о котором чувствовала себя обязанной узнать как можно больше, чтоб посочувствовать ему или противостоять (у нее это, кажется, неразрывно сочеталось).

В те дни я и сам очень интересовался своими подопечными. Целый год проработал в вечернюю смену и довольно успешно руководил ею пару месяцев, поэтому у меня было много идей насчет того, что и как изменить, и кое-что я менял. Во-первых, я чувствовал, что медсестра, работавшая в отделении до меня, перебирала с успокоительным. — Он ухмыльнулся. — Видите ли, та история, которую я рассказал сегодня вечером для Бонни и Доры, — не совсем выдумка.

В общем, я сократил большинству из них дозы настолько, что мог общаться и работать с ними и они не пребывали в коме во время завтрака. Конечно, обстановка в отделении от этого становится живее и случается, что с пациентами труднее иметь дело, но я был молод, энергичен и справлялся с этим.

Он усмехнулся:

— Я полагаю, что почти каждый новый руководитель начинает именно с этого (сокращает барбитураты), пока не устанет, не вымотается и не придет к выводу, что ради покоя можно и повысить дозу.

Но я-то к тому времени довольно хорошо изучил своих подопечных (или, по крайней мере, думал, что знаю, на какой стадии цикла находится каждый из них) и поэтому мог предвидеть их выходки и держать отделение под контролем. Например, у молодого мистера Слоана была эпилепсия — в форме малых припадков — на фоне глубокой депрессии. Когда он приближался к кульминации цикла расстройства, у него начинались приступы *petit mal*[19] (кратковременная потеря сознания, «отсутствие присутствия» на

---

[19] Примечания: 19
Малый эпилептический припадок.

протяжении нескольких секунд) и он начинал раскачиваться; приступы повторялись каждые двадцать минут, а потом и того чаще. Знаете, я часто думаю, что эпилепсия очень похожа на попытку мозга устроить себе электрошоковую процедуру. Как бы там ни было, кульминация у моего юного мистера Слоана выражалась в припадке, напоминавшем или имитировавшем *grand mal*[20], в ходе которого он падал на пол, корчился, издавал громкие звуки, совершал непроизвольные движения и терял контроль над всеми функциями своего тела (так называемая психическая эпилепсия). После этого приступы *petit mal* прекращались и ему становилось лучше примерно на неделю. Он как будто очень точно рассчитывал все это и вкладывал в исполнение много творческих усилий (я ведь уже сказал, что у него был художественный талант). Знаете, я часто думаю, что всякое безумие — это форма художественного выражения. Только в этом случае человек не располагает для работы ничем, кроме самого себя, — в его распоряжении нет никаких внешних материалов, которыми можно было бы манипулировать, — поэтому он вкладывает все

[20] Примечания: 20
Развернутый эпилептический припадок.

свое искусство в свое же поведение.

Так вот, как я уже сказал, я заметил, что Кэл очень заинтересовалась моими больными, она даже намекала, что хотела бы их увидеть. Поэтому однажды, выбрав подходящее время, когда все пациенты пребывали в ремиссии, я ночью привел ее туда. Конечно, это было злостным нарушением больничных правил. Ну и луны в ту ночь тоже не было — новолуние или около него. Лунный свет возбуждает людей, особенно сумасшедших; уж не знаю, каким образом, но это факт.

— Эй, ты никогда прежде этого мне не рассказывал! — вскинулся Гун. — Я имею в виду о том, что ты водил Кэл в больницу.

— Неужели? — равнодушно отозвался Сол и пожал плечами. — Значит, приехала она примерно через час после ухода дневной смены, выглядела несколько бледной и напуганной, немного возбужденной… И почти сразу все в отделении отбились от рук и посходили с ума. Миссис Уиллис начала стонать и причитать о своих ужасных несчастьях (я рассчитывал, что до этого у нее еще неделя). Это производило поистине душераздирающее впечатление и вывело из себя мисс Крейг, которая прекрасно умела орать. Мистер Шмидт,

который примерно вел себя больше месяца, успел, прежде чем мы опомнились, снять штаны и наложить кучу перед дверью мистера Бугатти, которого время от времени начинал считать «врагом» (у нас в отделении ничего подобного не случалось с минувшего года). Тем временем миссис Гутмайер опрокинула поднос с обедом, и ее вырвало. Мистер Стовацки каким-то образом ухитрился разбить тарелку и порезаться. Миссис Харпер разоралась при виде крови, хотя ее было совсем немного. Так что у нас активизировались сразу две крикуньи, пусть и недотягивавшие до уровня Фэй Рэй[21], но вполне ничего себе.

Естественно, мне пришлось бросить Кэл на произвол судьбы, пока мы разбирались со всем происходившим, хотя, конечно, мне было интересно, что она должна об этом думать. Я корил себя и за то, что вообще пригласил ее сюда, и за свое преувеличенное мнение о собственной способности прогнозировать и предотвращать бедствия.

К тому времени как я более-менее справился с ситуацией, Кэл, в обществе юного мистера Слоана и еще пары-тройки пациентов, переместилась,

---

[21] Примечания: 21

Фэй Рэй — американская актриса, считавшаяся «королевой крика» в фильмах ужасов.

а может быть, отступила, в холл отделения, обнаружила там пианино и начала тихонечко наигрывать. Вероятно, инструмент звучал очень фальшиво, по крайней мере для ее слуха.

Она выслушала мой торопливый рассказ о происходившем (вернее будет сказать — извинения за происходившее; что у нас отнюдь не всегда гадят в коридорах и тому подобное), время от времени кивала, но при этом ее пальцы безостановочно бегали по клавишам, как будто она искала наименее расстроенные из них (позже она призналась, что именно этим и занималась). Она уделяла мне подобающее внимание, продолжая при этом музицировать.

Тем временем я понял, что в помещениях отделения, которые я только что покинул, снова нарастает возбуждение, а Гарри (юный Слоан) зашагал кругами по холлу, из чего ясно следовало, что приступ *petit mal* начнется куда раньше, чем я ожидал. По моим прикидкам, это должно было случиться лишь к следующему вечеру, но он необъяснимым образом ускорил ход своего цикла, и поэтому тяжелого припадка следовало ожидать уже этой ночью, и совсем скоро.

Я начал объяснять Кэл, что должно начаться с минуты на минуту, но она вдруг выпрямилась,

скорчила гримаску, как иногда делает, начиная концерт, и заиграла что-то захватывающее из Моцарта (вскоре я узнал арию Керубино из «Свадьбы Фигаро»), но, похоже, в самой диссонирующей из всех тональностей, какие только были доступны этому старому расстроенному инструменту (позднее это тоже подтвердилось).

Она транспонировала музыку в другой тональности, которая была лишь чуть менее диссонансной, чем первая, и так далее и тому подобное. Вы не поверите, но вот так, между делом, словно дурачась, она на этом старом, никуда не годном, кроме как для психов, пианино успела разобраться со всеми клавишами, от самых расстроенных до наиболее близких к истинному звучанию, и вскоре использовала всю клавиатуру, так же переходя от наименее к наиболее гармоничному звучанию, играя моцартовскую арию Керубино, в которой, если перевести на английский, сказано примерно следующее: «Мы, несомненно, чувствуем силу любви — кто дал ей право похищать мое сердце?» И еще что-то насчет того, что «моя печаль смешалась с наслажденьем».

Между тем я чувствовал, как вокруг меня нарастает напряжение, видел, что у юного Гарри, безостановочно шаркавшего по комнате, малые

приступы происходят все чаще и чаще, знал, что буквально через минуту у него начнется большой приступ, и подумал, не стоит ли схватить Кэл за руки, остановить ее, словно она какая-то ведьма, творящая с помощью музыки черное колдовство, ведь у одной из пациенток наступило резкое обострение сразу, как только Кэл вошла в отделение, а теперь она творила нечто подобное при помощи Моцарта, и музыка звучала все громче и громче.

Но стоило мне подумать об этом, как она триумфально перешла к наименее диссонирующей из гармоний, звучавшей практически безупречно, и в тот же миг юный Гарри начал, нет, не биться в большом припадке, а *притопывать и приплясывать с какой-то устрашающей грацией,* точно попадая в такт арии Керубино, а я, не успев осознать, что делаю, вдруг схватил за талию мисс Крейг (рот у нее был открыт, но она уже не визжала) и закружился в паре с нею в вальсе рядом с юным Гарри. И я вдруг почувствовал, как надрыв, владевший отделением, стремительно сошел на нет и растаял, словно дым. Каким-то образом Кэл *растопила* это напряжение, ослабила и вовсе убрала его, точно так же, как походя справилась с депрессией юного Гарри, обеспечив ему пре-

одоление наихудшего периода в его цикле без погружения в большой приступ. По прошествии времени мне представляется, что это событие было самым близким к магии из всего, что я когда-либо видел; колдовство, конечно, но белое колдовство.

Слова «ослабила и вовсе убрала» сразу пробудили в памяти Франца утреннее рассуждение Кэл насчет того, что музыка «обладает силой высвобождать многое другое и заставлять его летать и кружиться».

— И что же случилось дальше? — спросил Гун.

— Пожалуй, что ничего, — ответил Сол. — Кэл продолжала так же бравурно играть ту самую мелодию на том же наборе клавиш, мы продолжали танцевать, и вроде бы к нам присоединилось еще несколько танцоров, но с каждым повтором она играла чуть-чуть тише, и в конце концов ее музыка звучала еле слышно, будто она играла для мышей, а потом она прекратила игру и беззвучно опустила крышку пианино, мы перестали танцевать и улыбались друг дружке, и на этом все кончилось, не считая того, что теперь все обстояло совсем не так, как было вначале. Она ушла почти сразу же после этого, не оставшись на всю смену, как будто хорошо понимала, что сделала

нечто неповторимое. Ну а потом мы с нею ни разу не вспоминали об этом случае. Я, помнится, подумал: «Волшебство — дело одноразовое».

— Знаешь ли, мне это нравится, — сказал Гун. — В смысле, идея магии, ну и чудес вроде тех, скажем, что творил Иисус. Искусство (и история, конечно) насыщено некими феноменами, которые *невозможно* повторить. Ну а наука занимается только феноменами, для повторения доступными.

Франц пробормотал:

— *Растопила* напряжение… Ослабила и вовсе убрала депрессию… Ноты взлетают, как искры… Знаешь, Гун, все это, не знаю почему, вновь приводит мне на ум тот шредер, который ты показывал мне сегодня утром.

— Шредер? — удивился Сол.

Франц в нескольких словах объяснил, в чем дело.

— Об этом ты мне не рассказывал, — обратился Сол к Гуну.

— Разве? — Гун, улыбнувшись, пожал плечами.

— Несомненно, — сказал Франц почти с сожалением, — представление о том, что музыка полезна для сумасшедших и усмиряет буйные

души, восходит к глубокой древности.

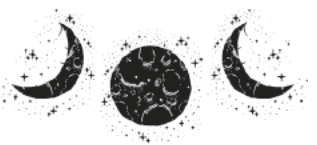
— По меньшей мере ко временам Пифагора, — согласно кивнул Гун. — Две с половиной тысячи лет назад.

Сол задумчиво покачал головой:

— То, что сделала Кэл, заходит куда дальше обычного музыкального воздействия.

Тут в дверь резко постучали. Гун открыл. Фернандо просунул голову в комнату, вежливо кивнул, широко улыбнулся Францу и произнес вопросительным тоном:

— Шахматы?



Глава 11

Фернандо был хорошим шахматистом. В Лиме он числился среди сильнейших любителей. Они уже сыграли две напряженные продолжительные партии, что отлично помогло Францу занять утомленные к вечеру мозги, а также осознать, насколько он физически вымотался во время своего восхождения на холм.

Время от времени он мимолетно возвращался мыслями к «белой магии» Кэл (если то, о чем рассказывал Сол, можно было так назвать) и к черной магии (существование которой даже менее вероятно), во владения которой он вторгся на Корона-Хайтс. Еще он жалел, что не обсудил с Солом и Гуном оба случая подробнее, но сомневался, что после его ухода они продолжили прежнюю тему. Как бы там ни было, он увидит их обоих на концерте завтра вечером — когда он уходил, они вслед попросили занять для них места, если он придет раньше.

Уходя, после того как закончилась вторая партия, Фернандо указал на доску и спросил:

— Mañana por la noche?[22]

Настолько-то Франц понимал испанский. Он улыбнулся перуанцу и кивнул. Если завтра что-то помешает сыграть в шахматы, он всегда сможет известить своего партнера через Доротею.

Он спал как убитый и не запомнил ни одного сна.

Проснувшись, Франц ощутил себя совершенно отдохнувшим, с ясным и острым разумом — в общем, обладателем всех преимуществ хорошо выспавшегося человека. Вчерашней заторможенности и неуверенности как не бывало. Все вчерашние события он помнил в мельчайших подробностях, но уже без эмоциональных обертонов возбуждения и страха.

Созвездие Ориона, облокотившегося на его окно, говорило, что приближается рассвет. Девять его ярких звезд складывались в угловатые, наклоненные песочные часы, с которыми соперничали меньшие по высоте и более тонкие часики, образованные девятнадцатью мигающими красными огнями телебашни.

Франц поспешно сделал себе маленькую чашечку кофе, воспользовавшись очень горячей

---

[22] Примечания: 22
Завтра вечером? *(исп.)*

водой из-под крана, надел тапочки и халат, взял бинокль и тихонько пошел на крышу. Все его чувства были обострены. Черные окна шахт и черные двери без ручек заброшенных кладовок выделялись так же отчетливо, как двери занятых жильцами комнат и старые, много раз перекрашенные перила, на которые он опирался, поднимаясь.

В каморке на крыше его фонарик высветил из тьмы лоснящиеся провода, горбатую глыбу электромотора и бесстрастно замершие короткие железные руки многочисленных реле, которые грубо разбудят и заставят с громкими щелчками и жужжанием перескакивать с места на место, как только кто-нибудь внизу нажмет на кнопку. Зеленый карлик и паук.

Снаружи резвился ночной ветер. Ворвавшись в шахту, он приостанавливался, сбрасывая вниз (по инерции) по горсточке мелкий гравий. Франц прикинул: тихий шорох с глухими жестяными обертонами доносился снизу почти через три секунды после каждого порыва. Да, так оно и должно быть: около восьмидесяти футов. Было также приятно думать о том, что он бодрствует и имеет совершенно ясную голову, в то время как большинство еще спит крепким сном.

Он вскинул голову и посмотрел на звезды, усеивающие темный купол ночи, словно крошечные серебряные гвозди. Для Сан-Франциско, где обычны туманы, дымка и смог, приходящий из Окленда и Сан-Хосе, ночь была просто идеальной для того, чтобы разглядывать небо. Горбатая луна зашла. Франц с любовью изучал выдуманное им сверхскопление очень ярких звезд, которому он дал название Щит: шестиугольник, охватывающий небо, вершинами которого являлись Капелла на севере, яркий Поллукс (рядом с ним Кастор, а в последние годы еще и Сатурн), маленькую собачью звезду Процион, Сириус (самый яркий из всех), голубоватый Ригель в Орионе и (снова поворачивая к северу) красно-золотой Альдебаран. Достав бинокль, он задержался взглядом на золотом рое Гиад вокруг Альдебарана и перешел к находящемуся уже снаружи Щита, у самого края, крошечному голубовато-белому ковшику Плеяд.

Вечные, неизменные звезды соответствовали утреннему строю его размышлений и укрепляли его. Он снова посмотрел на склонившийся Орион, затем перевел взгляд на вспыхивающую красным телебашню. Под ним лежал Корона-Хайтс, казавшийся черным горбом среди городских огней.

К нему пришло воспоминание (кристально ясное, как все воспоминания, приходившие в эти дни в первый час после пробуждения) о том, как, впервые увидев ночью телебашню, он вспомнил строчку из рассказа Лавкрафта «Скиталец тьмы», где герой рассматривал другой зловещий холм (Федерал-Хилл в Провиденсе) и видел, как, «придавая ночному пейзажу гротескный вид, вспыхивал красный маяк Индустриального треста». Когда он впервые увидел башню, то подумал, что она хуже, чем гротеск, но теперь (как странно) она оказывала на него почти такое же успокаивающее действие, как звездный Орион.

«Скиталец тьмы!» — произнес он про себя и беззвучно рассмеялся. Вчера он сам пережил наяву часть рассказа, который можно было бы назвать «Соглядатай с вершины». Чудеса, да и только.

Перед тем как вернуться к себе, он наскоро осмотрел темные прямоугольники и узкие пирамиды небоскребов центра города, которые так ужасали старину Тибо; на верхушках высочайших из них горели свои собственные красные огни.

В комнате Франц приготовил еще кофе, на сей раз воспользовавшись плиткой, положил туда сахара и добавил молока из пакетика. Затем он

устроился в постели, решив использовать свою утреннюю свежесть мыслей, чтобы разобраться с вопросами, которые накануне остались совсем неясными. Невзрачная книжка Тибо и потертая тетрадка-дневник цвета чайной розы уже превратились в голову пестрой Любовницы Ученого, лежащей рядом с ним у стены. К ним он добавил толстые черные прямоугольники «Изгоя» Лавкрафта и «Собрание рассказов о призраках» Монтегю Родса Джеймса, а также несколько пожелтевших старых экземпляров *«Weird Tales»* (какие-то пуритане сорвали с них аляповатые обложки), содержащих рассказы Кларка Эштона Смита, переложив на пол, чтобы освободить место, несколько ярких журналов и разноцветных салфеток.

«Ты выцветаешь, дорогая, — бодро обратился он к ней в мыслях, — выбираешь все более скромные цвета. Подбираешь погребальный убор?»

Потом он некоторое время неторопливо и вдумчиво читал «Мегаполисомантию». Видит бог, этот старикан умел «зажигать» в очень даже научном стиле. Вот хотя бы:

> Какой ни возьми конкретный период истории, всегда существовала парочка

чудовищных городов (например, Вавилон, Ур-Лхасса, Ниневия, Сиракузы, Рим, Самарканд, Теночтитлан, Пекин), но мы живем в эпоху мегаполисов (или некрополисов), когда такие злокачественные опухоли не просто сделались многочисленными, но угрожают слиться воедино и окутать мир несокрушимым городским веществом. Необходим Черный Пифагор, который уловил бы зловещие лэ наших чудовищных городов и их гнусные визгливые песнопения, подобно тому как Белый Пифагор два с половиной тысячелетия назад выследил мир небесных сфер и их хрустальные симфонии.

Или, подлив своего собственного оккультизма:

Поскольку мы, современные горожане, уже обитаем в гробницах, уже приучены, в некотором роде, к смерти, то возникает возможность бесконечного продления этой жизни-в-смерти. Тем не менее такое существование, хотя и вполне досягаемо, было бы чрезвычайно болезненным и угнетенным, лишенным жизненной силы или даже мысли, и на деле являло

> бы собой всего лишь параментацию, в которой нашими спутниками оказались бы в основном параментальные существа азоического происхождения, куда более злобные, чем пауки или хорьки.

«И что же может означать эта самая „параментация“? — задумался Франц. — Транс? Опиумные миражи? Мгла, где корчатся фантомы, порожденные сенсорной депривацией? Или что-то решительно другое?»

Или вот еще:

> Электромефитическое городское вещество, о котором я говорю, обладает потенциалом для достижения огромных эффектов в отдаленных временах и местах, даже в далеком будущем и на других сферах, но о манипуляциях, необходимых для их производства и контроля, я не собираюсь говорить на этих страницах.

Все эти мудрости можно было оценить изрядно затертым, но энергичным современным междометием «вау».

Франц поднял одну из старых книжек, края страниц которой крошились, чуть не поддался

искушению прочитать изумительную фантазию Смита «Город поющего пламени», в которой движутся и сражаются друг с другом огромные мегаполисы, но решительно отложил ее в сторону и взял в руки дневник.

На Смита (не было никакого сомнения, что дневник принадлежал ему) общение с де Кастри (который наверняка был тем самым собеседником) определенно произвело очень сильное впечатление, ощущавшееся даже через пятьдесят лет. Он явно читал «Мегаполисомантию». Францу пришло в голову, что этот экземпляр, скорее всего, принадлежал Смиту. Вот типичная выдержка из дневника:

> *Родс, 607. Сегодня три часа с разъяренным Тибальтом. Все, что удалось уловить: половину времени бранил своих беглых последователей, другую половину презрительно подкидывал мне обрывки параестественной истины. (Но какие обрывки! Кое-что о значении диагональных улиц!) Этот старый черт видит города и их невидимые болезни, словно новый Пастер, но в области мертво-живого.*
>
> *Он говорит, что опубликованная книга*

– детский сад, а вот новое (суть, причины и что делать) он держит только в уме и в Великом шифре, о котором он то и дело упоминает, но так ничего и не говорит прямо. Он иногда называет его (шифр) своим Пятидесятикнижием – конечно, если я прав и это он и есть. Но почему пятидесяти?

Об этом необходимо написать Говарду, он будет поражен и (да!) преображен: настолько это согласуется с тем декадентским и гнилостным ужасом, который он находит в Нью-Йорке, Бостоне и даже в Провиденсе (не левантийцев и средиземноморцев, а полуразумных параменталов!). Но не уверен, что он это выдержит. Если уж на то пошло, не уверен, долго ли еще я сам смогу это выносить. Но если я хотя бы намекну старому Тиберию на то, что, поделись он своим знанием о паранормальном с другими родственными душами, он превратился бы в такого же урода, каким был его тезка в свои последние дни на Капри, он вновь примется обличать тех, кто, как он считает, все провалил и предал его в созданном им

Герметическом ордене.

А мне пора сматываться – я собрал все, что можно использовать для писательства. Но могу ли я отказаться от высшего экстаза, порождаемого предвкушением того, что и на следующий день мне предстоит воспринять из уст Черного Пифагора какую-то новую сверхъестественную истину? Это как наркотик, от которого я не в силах отрешиться. Кто может отказаться от такой фантазии? Особенно когда фантазия – правда.

«Паранормальное» – это всего лишь слово, но сколько же за ним скрывается! Сверхъестественное – мечта бабушек, священников и писателей ужасов. Но паранормальное!.. И все же, сколько мне по силам? Смогу ли я выдержать полный контакт с параментальной сущностью и не сломаться?

Вернувшись сегодня, я ощутил, что мои чувства меняются, вернее, метаморфозируются. Сан-Франциско был меганекрополем, насыщенным параменталами, чуть улавливаемыми на грани видения и слуха; каждый квартал города представ-

лял собой сюрреалистический кенотаф, в котором достойно было бы упокоить Дали, а я сам, один из живых мертвецов, осознавал все с холодным восторгом. Но теперь я боюсь стен своей комнаты!

Франц, посмеиваясь, взглянул на тусклый простенок за кроватью, под паутинным изображением телебашни на флуоресцентно-красном фоне, и обратился к лежащей между ним и стеной Любовнице Ученого: «Похоже, та история совсем доконала его, не так ли, дорогая?»

Но он тут же вновь принял сосредоточенное выражение. «Говард», упомянутый в записи, не мог быть не кем иным, как Говардом Филлипсом Лавкрафтом, пуританской ипостасью По из Провиденса двадцатого века, исполненным прискорбным, но неоспоримым отвращением к роям иммигрантов, которые, по его ощущениям, угрожали традициям и памятникам его любимой Новой Англии и всего Восточного побережья. (И разве не был Лавкрафт «литературным негром» у человека по имени Кастри, или Кастер, Карсвелл?) Они со Смитом были близкими друзьями по переписке. Ну а упоминание о Черном Пифагоре само по себе являлось убедительным

доказательством того, что хозяин дневника читал книгу де Кастри. Да еще дразнили воображение эти ссылки на Герметический орден и Великий шифр (или Пятидесятикнижие). Однако Смит (кто же еще?) явно был не только очарован, но и напуган бредом своего раздражительного наставника. Еще более явно это проявилось в его поздней записи.

Просто отвратительные намеки злорадствующий Тиберий делал сегодня насчет исчезновения Бирса и смертей Стерлинга и Джека Лондона. И подразумевал он не только, что они якобы покончили с собой (что я категорически отрицаю, особенно в отношении Стерлинга!), но и что в их смертях были и другие особенности – особенности, которые принято приписывать дьяволу.

Он даже захихикал, говоря: «Можешь не сомневаться, мой дорогой мальчик, что все они пережили очень тяжелое (в параментальном смысле) время, прежде чем их прищучили, или, иными словами, уволокли в персональные серые паранормальные преисподние. Очень огорчитель-

но, но такова неминуемая участь Иуд и тех, кто слишком рьяно суется не в свое дело», – прибавил он, глядя на меня из-под взъерошенных седых бровей.

Может быть, он гипнотизирует меня?

Почему я все еще торчу здесь, хотя опасности явно перевешивают возможный выигрыш? Ведь этот полубред о методах придания запаха параментальным сущностям – явная опасность.

Франц нахмурился. Он довольно много знал о блестящей литературной группе, собравшейся в Сан-Франциско на рубеже веков, и о том, что жизнь очень уж многих из них оборвалась трагически. В частности, среди них были мрачный романтик Амброз Бирс, пропавший без вести в раздираемой революцией Мексике в 1913 году (чуть позже он скончался от уремии и отравления морфином в Лондоне), а в 1920-х годах погиб от яда поэт-фантаст Стерлинг. Франц напомнил себе, что при первой же возможности нужно будет расспросить обо всем этом Джейми Дональдуса Байерса.

И последняя, оборванная на середине фразы запись дневника была в том же духе:

Сегодня случайно застал Тиберия за записью, которую он делал черными чернилами в бухгалтерской книге вроде тех, что используются для бухгалтерского учета. Его Пятидесятикнижие? Великий шифр? Я успел мельком увидеть сплошную страницу с чем-то вроде астрономических и астрологических символов, но он поспешно захлопнул тетрадь (может ли быть пятьдесят таких тетрадей?) и заявил, что я шпионю за ним. Я пытался отвлечь его, но он отказался разговаривать на другие темы.

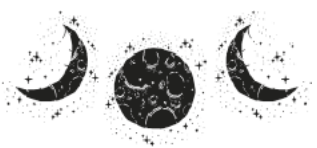
Зачем я остаюсь? Этот человек – гений (парагений?), но к тому же и параноик!

Он размахивал передо мной своим гроссбухом и кудахтал: «Что, если ты как-нибудь ночью бесшумно проберешься сюда и украдешь вот это?! Почему бы и нет? В параментальном смысле это будет просто означать, что тебе конец! Но хуже от этого не станет. Или станет?»

Видит бог, пора…

Франц пролистал несколько следующих девственно-чистых страниц, а затем поднял голову

и посмотрел поверх тетради в окно, за которым с кровати ему была видна лишь столь же пустая стена ближней из двух возносившихся к небу башенок. Ему пришло в голову, что все это складывается в жуткую фантазию, закручивающуюся вокруг *построек*: зловещие теории де Кастри, Смит, рассматривающий Сан-Франциско как… ах да, меганекрополь, ужас Лавкрафта перед сгрудившимися башнями Нью-Йорка, небоскребы центра города, которые он видит со своей крыши, море крыш, которое он сам рассматривал с вершины Корона-Хайтс, и это обветшалое старое здание, где он сейчас находится, с его темными коридорами, раззявленным вестибюлем, странными шахтами и чуланами, черными окнами и тайниками.



Глава 12

Франц сделал себе еще кофе (за окном давно уже было совсем светло), взял с полки у стола охапку книг и притащил их в постель. Чтобы освободить для них место, пришлось отправить на пол еще часть красочного развлекательного чтива. «Ты становишься все темнее и интеллектуальнее, моя дорогая, но при этом не стареешь ни на день и остаешься все такой же стройной. Как тебе это удается?» — сделал он шутливый комплимент Любовнице Ученого.

Эти книги являли собой прекрасный образчик того, что он считал своей справочной библиотекой настоящей жути. В основном ее составляли не новые оккультные штучки, созданные, как правило, руками шарлатанов и халтурщиков, пишущих исключительно ради денег, или наивных жертв самообмана, не испорченных даже образованием (муть и пена на вздымающейся волне колдовства, к которому Франц тоже относился скептически), а книги, затрагивавшие сверхъестественное по касательной, но с гораздо более твердой опоры. Он листал их быстро, сосредоточенно, даже с наслаждением, и прихлебывал

дымящийся кофе. Были в этой стопке книга профессора Д. М. Ностига «Подсознательный оккультизм» (любопытная, крайне скептическая работа, строго опровергающая все претензии ученых парапсихологов и все же указывающая тут и там на следы необъяснимого), остроумная и глубокая монография Монтегю «Белая лента» (основной тезис которой гласил, что цивилизация задыхается, окутанная, словно мумия, собственными записями, бюрократическими и прочими, и бесконечными рецессивными самонаблюдениями), драгоценные, тусклые оттиски двух редчайших тонких книжонок, которые многие критики сочли фальшивками, а именно *«Ames et Fantômes de Douleur»* маркиза де Сада и *«Knochenmädchen in Pelze mit Peitsche»* Захер-Мазоха, дальше *«De Profundis»* Оскара Уайльда и *«Suspiria de Profundis»* (с «Тремя Матерями Печали») Томаса де Куинси, старого метафизика и любителя опиума (заурядные, в общем-то, книжки, однако странным образом связанные не только названиями), «Дело Маврициуса» Якоба Вассермана, «Путешествие на край ночи» Селина, несколько номеров журнала Боневица «Гностика», «Символ паука во времени» Маурисио Сантос-Лобоса и монументальный труд «Секс, смерть и сверхъестественный страх»

мисс Фрэнсис Д. Леттланд, доктора философии.

Его по-утреннему бодрое сознание долго и весело блуждало в жутком мире чудес, вызванном и подкрепленном этими книгами, книгами де Кастри и дневником, а также четкими воспоминаниями о вчерашних довольно странных переживаниях. И впрямь современные города были величайшими тайнами мира, а небоскребы — их безбожными соборами.

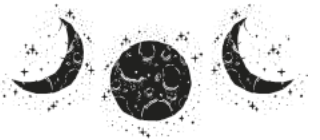
Просматривая стихотворение в прозе «Матери Печали», входящее в *«Suspiria»,* он не впервые задавался вопросом, имеет ли это творение де Куинси какое-либо отношение к христианству. Правда, в именовании старшей сестры *Mater Lachrymarum,* Матерь Слез, было определенное сходство с *Mater Dolorosa,* как католики именуют Деву Марию, то же самое относилось и ко второй сестре, *Mater Suspiriorum,* Матери Вздохов, и даже самой страшной, младшей из сестер, *Mater Tenebrarum,* Матери Тьмы (де Куинси собирался написать о ней целую книгу «Царство Тьмы», но, по-видимому, так и не написал — а ведь это было бы нечто!). Хотя, нет, их предшественниц следовало искать в античности, потому как они перекликаются с тремя мойрами и с тремя фуриями, и в лабиринтах сознания англичанина,

который искусственно расширял его настойкой опия.

Одновременно складывались и намерения Франца относительно того, как провести этот день, который уже обещал стать прекрасным. Во-первых, начать поиски неуловимого «Родс, 607» с изучения истории безымянного здания «Гири, 811», где он сейчас находился. Это была бы отличная проба сил; к тому же этим заинтересовалась Кэл, да и Гун тоже. Потом еще раз сходить на Корона-Хайтс и проверить, действительно ли он видел оттуда свое собственное окно. Где-то во второй половине дня навестить Джейми Дональдуса Байерса, предварительно позвонив по телефону. Ну а вечером, конечно, концерт Кэл.

Тут он очнулся и, моргая, посмотрел вокруг. Несмотря на открытое окно, комната была полна дыма. Сконфуженно посмеиваясь над собой, Франц аккуратно погасил сигарету о край переполненной пепельницы.

Зазвонил телефон. Это Кэл приглашала его спуститься и разделить с нею поздний завтрак. Он побрился, сполоснулся под душем, оделся и вышел.



Глава 13

Кэл встретила его в дверях. На ней было зеленое платье, волосы она собрала в длинный хвост и казалась такой милой и юной, что Франц стиснул бы ее в объятиях и поцеловал, если бы не возвышенное, медитативное выражение ее лица, говорящее: «Не тревожить во имя Баха».

— Доброе утро, милый, — сказала она. — Я действительно проспала двенадцать часов, как и грозилась в своей гордыне. Бог милостив. Не возражаешь, если сегодня снова будет яичница? Время уже не для первого, а для второго завтрака. Наливай себе кофе.

— Будешь сегодня еще репетировать? — спросил он, кинув взгляд на электронную клавиатуру.

— Буду, но не здесь. Чуть позже пойду и часа три поиграю на том самом клавесине, на котором будет концерт. Заодно поднастрою инструмент.

Франц попивал кофе со сливками и любовался гармонией движений Кэл, которая с отсутствующим видом разбивала яйца, бездумным балетом с участием белых овоидов и изящных пальцев с приплюснутыми от постоянных прикосновений

к клавиатуре кончиками. Он поймал себя на том, что сравнивает ее с Дейзи и, как ни странно, со своей Любовницей Ученого. И Кэл, и Дейзи изящны, весьма интеллектуальны, довольно молчаливы, определенно осенены благословением Белой Богини, мечтательны, но организованны. Дейзи тоже была облагодетельствована Белой Богиней — она была поэтессой, женщиной строгой и хранившей духовное целомудрие… «Для рака мозга». Он поспешно прогнал эту мысль из головы.

Но Кэл, безусловно, характеризуется прилагательным «белый»; она ни в коем случае не Матерь Тьмы, она — Мать Света и пребывает в вечной оппозиции к другой стороне… Ян и инь, Ормузд и Ариман… Да, клянусь Робертом Ингерсоллом!

А выглядела она действительно этакой школьницей, и лицо ее являло собой маску веселой невинности и благонравия. Но он тут же вспомнил, как она начала исполнять концерт. Он сидел близко и немного сбоку, так что видел ее полный профиль. Словно по какому-то быстрому волшебству, ее облик сделался таким, какого Франц никогда раньше не видел, — и на мгновение он подумал, что не хотел бы увидеть еще раз. Ее подбородок втянулся в шею, ноздри раздулись,

взгляд стал всевидящим и безжалостным, уголки сжатых в тонкую ниточку губ опустились, как у злобной школьной учительницы. Всем своим видом она как будто говорила: «А теперь, струны и мистер Шопен, слушайте меня: или вы будете вести себя самым лучшим образом, или я вам покажу, так и знайте!» Это был взгляд молодого профессионала.

— Ешь, пока не остыло, — пропела Кэл, ставя перед ним тарелку. — Вот еще тосты. Вроде бы с маслом.

— Как тебе спалось? — спросила она немного погодя.

Он рассказал ей о звездах.

— Я рада, что ты во что-то веруешь, — отозвалась она.

Францу ничего не оставалось, как признаться.

— В определенной степени так оно и есть. В святого Коперника, конечно, и Исаака Ньютона.

— Отец клялся и их именами, — ответила она. — И даже, помнится, как-то воззвал к Эйнштейну. Я тоже начала так делать, но мать мягко и решительно остановила меня. Она считала, что это неженственно и очень по-хулигански.

Франц улыбнулся. Он решил не обсуждать ни того, что читал сегодня утром, ни вчерашних со-

бытий: эти темы казались сейчас неуместными.

Наступившую паузу нарушила Кэл:

— По-моему, Сол вчера был в ударе. Мне нравится, как он флиртует с Доротеей.

— Ему нравится делать вид, будто он шокирует ее, — сказал Франц.

— А ей нравится прикидываться шокированной, — согласилась Кэл. — Я, пожалуй, подарю ей веер на Рождество; просто для того, чтобы самой любоваться, как она будет им пользоваться. Только я не очень-то доверяю его отношению к Боните.

— Ты о нашем Соле? — спросил Франц, которому, в общем-то, и не пришлось разыгрывать изумление. Он сразу же явственно и с неудовольствием припомнил смех, который услышал вчера утром на лестнице, — смех от прикосновений и щекотки.

— Люди порой открываются с неожиданных сторон, — спокойно заметила она. — Сегодня утром ты очень бодр и полон энергии. Чуть ли не надменен, но в то же время внимательно относишься к моему настроению. Ну а в глубине погружен в размышления. Какие у тебя планы на день?

Он рассказал.

— Звучит заманчиво, — сказала Кэл. — Я слышала, что дома у Байерса жутковато. Хотя, может быть, те, кто рассказывал это мне, имели в виду экзотику. И мне очень хотелось бы узнать об этом «Родс, шестьсот семь». Знаешь, вроде как заглянуть через плечо «отважного Кортеса» и увидеть то же самое, что он там видел, «безмолвный с высоты над Дарьеном»[23]. Да и просто узнать историю этого дома — она интересует не только Гуна. Это было бы очень занятно. Что ж, мне пора собираться.

— Мы увидимся до концерта? Может быть, проводить тебя туда? — спросил он, поднимаясь.

— До того, пожалуй, нет, — задумчиво сказала она. — А вот потом — да. — Она улыбнулась. — Очень приятно слышать, что ты тоже придешь. Будь осторожен, Франц.

— И ты будь осторожна, Кэл, — отозвался он.

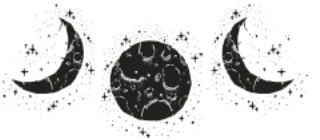
— В дни концерта я берегу себя, как гусеница, заматывающаяся в непроницаемый кокон. Постой.

Она подошла к нему и запрокинула голову, продолжая улыбаться. Он обнял ее, и они поцеловались. Ее губы были мягкими и прохладными.

---

[23] Примечания: 23

Из сонета Джона Китса «По прочтении Гомера в переводе Чэпмена».



Глава 14

Уже через час симпатичный, деловитый, серьезный молодой человек в регистратуре мэрии сообщил Францу, что дом 811 по Гири-стрит в документации обозначен как квартал 320, участок 23.

— А узнать что-нибудь об истории участка, — добавил он, — вам, может быть, удастся в аудиторском бюро. Там должны быть осведомлены, потому что занимаются налогами.

Франц пересек вздымающийся на два этажа широкий гулкий коридор с мраморным полом и попал в аудиторское бюро, расположенное по другую сторону от главного входа в мэрию. «Два великих стража и идола гражданского общества, — подумал он, — бумаги и деньги».

Суетливая дама с намечающейся сединой в рыжих волосах дала ему подробные инструкции для дальнейших действий.

— Вам нужно обратиться в Отдел разрешений на строительство — это в новом корпусе мэрии, через дорогу и налево, если смотреть от выхода, — и выяснить, когда было выдано разрешение на застройку интересующего вас участка. Когда вы

добудете эти сведения, мы сможем вам помочь. Это будет нетрудно. Вряд ли придется копать очень уж глубоко: весь тот район был разрушен землетрясением в тысяча девятьсот шестом году.

Франц послушно направился, куда велели, думая, что его похождение становится не просто экспедицией во имя фантазии, а балетом на музыку построек. Исследование истории всего лишь одного скромного здания вылилось в нечто, схожее с придворным менуэтом — с его бесчисленными перемещениями, поклонами и расшаркиваниями. Несомненно, назойливые посетители, столкнувшись с такими сложностями, должны были заскучать и сдаться, а вот ему удалось одурачить противника! Тот жизнерадостный настрой, который заприметила у него Кэл, все еще сохранялся в полной силе.

Да, национальный балет построек, больших и малых, небоскребов и лачуг; все они вздымаются над землей, какое-то время бродят по улицам, останавливаются на перекрестках, а потом в конце концов рушатся (когда от землетрясений, когда нет), и все это происходит под музыку собственности, денег и записей в прошитых тетрадях, исполняемую симфоническим оркестром из миллионов бумажных душ клерков и

бюрократов, каждый из которых внимательно читает и послушно воспроизводит свой клочок бесконечной партитуры, которая, в свою очередь, когда здания рушатся, идет в пищу шредерам, и шредеры эти выстроились рядами и колоннами, как скрипки в оркестре, только не Страдивари, а Шредмейстеры. Так все это и покрывается сугробами бумажного снега.

В новом корпусе, оказавшемся типичным офисным зданием с низкими потолками, Франц был приятно удивлен: его цинизм несколько пошатнулся, когда дородный молодой китаец, которому он должным образом изложил ритуальную формулу из номера здания и участка, через две минуты вручил ему сложенную в несколько раз старомодную печатную «простыню», заполненную чернилами, которые стали коричневыми от времени, и озаглавленную: «Заявка на получение разрешения на возведение 7-этажного кирпичного здания со стальным каркасом на южной стороне Гири-стрит в 25 футах к западу от Хайд-стрит с ориентировочной стоимостью 74 870,00 долларов США для использования в качестве отеля». Внизу было написано: «Подано 15 июля 1925 года».

Прежде всего он подумал о том, что Кэл и

остальные соседи обрадуются, узнав, что здание имеет, по-видимому, стальной каркас — эту тему не раз затрагивали, рассуждая о прошлых и возможных землетрясениях, и так и не пришли к сколько-нибудь удовлетворительному выводу. А затем возникла мысль, что дата делает здание почти удручающе молодым, относя его к эпохе Дэшила Хэммета… И Кларка Эштона Смита. Впрочем, больших мостов тогда еще не строили, а через залив переправлялись на паромах. Пятьдесят лет — почтенный возраст.

Он переписал почти все, что было написано коричневыми чернилами, вернул заявление молодому толстячку, который улыбнулся ему без всякой загадочности, и зашагал обратно в аудиторское бюро, лихо размахивая портфелем. Рыжеволосая дама суетилась где-то в другом месте, а двое древних хромых старцев с сомнением восприняли его информацию, но в конце концов соизволили обратиться к компьютеру, перешучиваясь при этом насчет того, соизволит ли он заработать, и с явным благоговением относясь к собственному юмору.

Один из них поклацал клавишами и прочел вслух с невидимого посетителям экрана:

— Да, разрешение дано девятого сентября ты-

сяча девятьсот двадцать пятого года, и работы начались сразу же. Стройка завершена в и… июне двадцать шестого года.

— Там было написано, что здание предназначалось для отеля. Нельзя ли узнать, как он назывался? — спросил Франц.

— Ну, это вам придется поискать в адресной книге за тот год. У нас тут нет такой старины. Попробуйте спросить в публичной библиотеке за сквером.

Франц добросовестно пересек обширное серое пространство, подкрашенное тут и там темно-зелеными пятнышками редко посаженных куцых деревьев, между которыми искрились фонтанчики и раскинулись два рябых от ветра прудика. Со всех четырех сторон кичливо громоздились казенные здания, в большинстве своем не желавшие замечать собственной угловатой невзрачности; выделялись лишь оставшаяся позади мэрия с зеленоватым сводом и классическим куполом да главная публичная библиотека, куда он направлялся, осененная именами великих мыслителей и американских писателей, среди которых (одно очко в нашу пользу) присутствовал и По. Ну а за квартал к северу, как бдительный старший брат, вырисовывалось воплощением со-

временности мрачно-суровое, почти полностью стеклянное здание федеральных служб.

Франц, ощущавший себя бодрым, а теперь еще и довольно-таки везучим, прибавил шагу. У него оставалось на сегодня немало дел, а успевшее высоко подняться солнце напоминало, что время идет. В распашных дверях он протиснулся сквозь толпу суровых молодых женщин в очках, детей, затянутых ремнями хиппи и явно недовольных всем окружающим стариков (все типичные читатели), сдал на абонемент две книги и, не спрашивая ни у кого разрешения, поднялся на лифте в пустой коридор третьего этажа. В тихом, довольно элегантном зале Сан-Франциско какая-то несколько манерная дама шепнула ему, что в ее фонде имеются только адресные книги до 1918 года, а более поздние (более распространенные?) находятся в главном справочном зале на втором этаже, там же, где и телефонные справочники.

Ощутив некоторую обескураженность, чувствуя, как понемногу возвращается усталость, Франц спустился в большую знакомую комнату с невероятно высоким потолком. В прошлом веке, и в первые годы этого, библиотеки строили в том же стиле, что и банки и вокзалы, — пышными и гордыми. В углу, отгороженном битком наби-

тыми высокими стеллажами, он нашел нужные ему ряды книг. Рука потянулась к 1926 году, затем переместилась на 1927-й — там отель, если, конечно, он возник сразу, наверняка должен упоминаться. Теперь придется поднапрячься — просмотреть все адреса в разделе и отыскать среди них сам отель. Это будет не так просто, ведь в книге здания могут относиться не только к почтовым адресам, но и к перекресткам. Кроме того, нужно будет проверять не только отели, но и апарт-отели.

Перед тем как сесть за стол, он взглянул на наручные часы. О боже, времени прошло больше, чем он рассчитывал. Если не удастся наверстать упущенное, он попадет на Корона-Хайтс после того, как солнечный свет уйдет из узкой щели, то есть задуманный эксперимент сорвется. А на дом такие книги не выдают.

На раздумья он потратил не более пары секунд. Внимательно, хоть и с непринужденным видом, осмотревшись по сторонам, дабы удостовериться, что никто на него не смотрит, Франц сунул справочник в свой вместительный портфель и вышел из каталожного зала, прихватил по пути пару книг в мягкой обложке с одной из нескольких вращающихся витрин и спокойным уверенным

шагом направился вниз по просторной высокой мраморной лестнице с такими широкими ступенями, что на них можно было снимать сцену триумфа для киноэпопеи из жизни Древнего Рима — чувствуя на себе все взгляды, но практически не сознавая этого. Он остановился у кафедры выдачи, зарегистрировал взятые сверху книжки, демонстративно бросил их в портфель и вышел из здания, даже не взглянув на охранника, который (как уже давно заметил Франц) никогда не заглядывал в портфели и сумки, если видел, как вы отмечаете взятые книги у стойки.

Франц редко позволял себе такие вещи, но при нынешних обстоятельствах игра, похоже, стоила свеч.

Перед библиотекой как раз остановился автобус. Он запрыгнул, подумав, не без самодовольства, что теперь может с успехом претендовать на место в числе клептоманов из отделения Сола. Хей-хо! Да здравствуют навязчивые идеи!

Глава 15

Вернувшись в дом 811, Франц просмотрел почту (ничего такого, что нужно было бы сразу распечатывать), а затем оглядел комнату. Фрамугу над дверью он оставил открытой. Доротея была права — худощавый спортивный человек мог бы пролезть. Он закрыл окошко. Тут же открыл, высунулся в него и проверил, что делается по сторонам, вверху (одно окно такой же, как у него, комнаты, а потом крыша) и внизу (через этаж от него — окно Кэл, еще три ниже и грязное дно дворика-колодца, усыпанное набравшимся за многие годы хламом). Добраться можно было только если по лестнице. Впрочем, он заметил, что до окна его ванной, при большом желании, можно дотянуться из окна соседней квартиры, и удостоверился, что оно заперто.

Франц снял со стены большой рисунок, где паутинно-тонкими черными штрихами на ярком флуоресцентно-красном фоне была изображена телебашня, и надежно закрепил его канцелярскими кнопками в открытом окне красной стороной наружу. Вот! Теперь он гарантированно распознает свое окно с Корона-Хайтс, когда сюда

придет солнце.

Затем он натянул тонкий свитер (день сегодня был несколько прохладнее, чем накануне) и куртку и сунул в карман еще одну пачку сигарет. Не стал задерживаться, чтобы приготовить сэндвич; в конце концов, утром, завтракая с Кэл, он съел два тоста. В последнюю минуту он спохватился и сунул в карманы бинокль, карту и дневник Смита, который может пригодиться во время визита к Байерсу. (Он успел между делом позвонить этому человеку и получил обычное равнодушное, несмотря на внешнюю экспансивность, приглашение зайти в любое время после полудня и остаться, если будет желание, на небольшую вечеринку, которая состоится вечером. Гости приглашались туда в костюмах, но это вовсе не обязательно.)

В качестве завершающего штриха Франц пристроил адресную книгу 1927 года на попку Любовницы Ученого и, быстро погладив ее, легкомысленно произнес вслух:

— Вот, моя дорогая, я сделал тебя соучастницей кражи. Но не тревожься: ты вернешь похищенное.

После чего без дальнейших прощаний, раздумий и оттяжек запер дверь на два оборота ключа

и вышел на улицу, к ветру и солнечному свету.

Не увидев на углу автобуса, он быстрым шагом преодолел восемь коротких кварталов до Маркет-стрит. На перекрестке с Эллис-стрит он сознательно уделил несколько секунд рассматриванию (поклонению?) своего любимого дерева в Сан-Франциско — возвышавшейся до шестого этажа сосны в форме подсвечника, стянутой тонкими прочными проволоками, размахивавшей зелеными пальцами над коричневой, с желтой каймой, деревянной стенкой, что отгораживала узенький участок между двумя рослыми зданиями, почему-то до сих пор не замеченный магнатами высотного строительства. Подонки бестолковые!

Еще через квартал Франц сел в догнавший его автобус (так он выиграет минутку-другую). Пересев на Маркет-стрит в трамвай «Н-Джудах», он хотел было присесть, но вздрогнул и поспешно отступил, когда бледный до синевы пьянчуга в бесформенном, грязном, бледно-сером костюме, но без рубашки, появился из ниоткуда и неустойчивыми, быстрыми шагами направился к тому самому месту, на которое нацелился Франц. «Без воли Его ни один волос не… И так далее», — мысленно произнес Франц и поспешно отогнал

эту мысль, как утром, во время завтрака у Кэл, отогнал воспоминания о смертельной болезни Дейзи.

Ему так хорошо удалось изгнать из головы все темное, что скрипучий вагон, казалось, плыл по Маркет, а потом по Дюбос-авеню в ярком солнечном свете, как колесница победоносного полководца, удостоенного Триумфа в Риме. (Может быть, следовало обрядиться в алое и держать за плечом раба, который то и дело полушепотом напоминал бы, что и он смертен? Очаровательная фантазия!) Он покинул трамвай возле горловины туннеля и, тяжело запыхавшись, взобрался по круто уходящему вверх заключительному отрезку Дюбос-авеню. Впрочем, сегодня подъем не казался очень уж тяжелым, или, может быть, сам он был посвежее. (К тому же знатоки альпинизма единодушно утверждали, что подниматься всегда легче, чем спускаться, — если дыхалка хорошая!) Район выглядел особенно опрятным и дружелюбным.

Наверху молодая пара (несомненно, влюбленные), взявшись за руки, входила в пестрые тени и зеленые сумерки парка Буэна-Виста. Почему вчера это место показалось ему таким зловещим? Как-нибудь, в другой день, он пойдет по той же

дорожке, что и они сейчас, к красивой лесистой вершине парка, а затем неторопливо спустится по другой стороне в праздничный парк Хайт, который так несправедливо принимал за угрозу! Возьмет Кэл и, возможно, всех остальных, и они устроят тот самый пикник, который предлагал Сол.

Но сегодня не до прогулок — у него другие дела. Неотложные, между прочим. Он взглянул на часы и торопливо зашагал вперед, лишь на мгновение приостановившись в начале Парк-Хилл-авеню, чтобы взглянуть на прекрасный вид зубчатого гребня Короны. Вскоре Франц миновал знакомую калитку в высоком проволочном заборе и направился через зеленое поле к коричневым склонам холма, увенчанного каменной короной. Справа от него две маленькие девочки вроде бы устраивали для кукол чаепитие на траве. Да ведь это те самые девочки, которые вчера пробежали ему навстречу. Прямо за ними развалился их сенбернар; рядом с ним сидела молодая женщина в выцветших голубых джинсах, умудрявшаяся одновременно расчесывать свои длинные светлые волосы и гладить пышную ухоженную шерсть собаки.

А левее, рядом с другой молодой парой, лежа-

щей почти вплотную друг к дружке, хоть и не в обнимку, растянулись, зевая, два добермана (те самые, ей-богу!). Франц улыбнулся им, мужчина улыбнулся в ответ и небрежно помахал рукой. Все это являло собой то, что принято обозначать затертым клише «идиллическая сцена». Совсем не то, что вчера. Теперь гипотеза Кэл о темных психонических способностях девочек казалась хоть и изящной, но весьма преувеличенной.

Хотелось задержаться здесь, но время поджимало. «Пора переться к Таффи», — усмехнулся он про себя. По неровному гравийному склону, который оказался не таким уж крутым, Франц вскарабкался, лишь раз остановившись, чтобы перевести дух. Над его плечом возвышалась телебашня, в своих ярких цветах казавшаяся свежей, нарядной и элегантной, как юная шлюха, только-только начавшая осваивать эту деятельность (прости меня, Богиня). Он ощущал себя человеком не от мира сего.

Добравшись до короны, Франц обратил внимание на кое-что, оставшееся незамеченным вчера. Несколько каменных лбов — по крайней мере с этой стороны — были некогда разукрашены из аэрозольных баллончиков в самые разные цвета, яркие и бледные; бóльшая часть писанины уже

сильно выцвела. Имен и дат там было не так чтобы много, все больше простые фигурки. Кривобокие пяти- и шестиконечные звезды, солнце, топырящее лучи, полумесяцы, треугольники и квадраты. А вот и довольно скромный фаллос и рядом с ним знак, похожий на две скрещенные скобки, — йони и лингам. И Франц прежде всего подумал не о чем ином, как о Великом шифре де Кастри! «Да, — заметил он с ухмылкой, — здесь есть символы, которые можно принять за астрономические и/или логические. Круги с крестами и стрелами — Венера и Марс. Ну а этот рогатый диск может быть Тельцом».

«У тебя, Таффи, определенно странные вкусы по части интерьеров, — пробурчал он себе под нос. — А теперь посмотрим, не крадешь ли ты у меня мосол».

Что ж, рисование красками из баллончиков на скальных возвышениях — высотные граффити — стало распространенным развлечением в наши прогрессивные, столь ориентированные на молодежные повадки дни. Тут он вспомнил, что в начале века черный маг Алистер Кроули провел лето, рисуя на Палисаде, грандиозном скальном обрыве над Гудзоном, огромными красными буквами надписи «ТВОРИ СВОЮ ВОЛЮ: ТАКОВ

ДА БУДЕТ ВЕСЬ ЗАКОН» и «КАЖДЫЙ МУЖЧИНА И КАЖДАЯ ЖЕНЩИНА — ЗВЕЗДА», желая шокировать и вразумить жителей Нью-Йорка, проплывающих мимо на судах. И конечно, нельзя было не задаться вопросом, как сказались бы на сюжете пестрые броские надписи, сделанные безбашенными шалопаями, появись они на жутких холмах, увенчанных скалами, в «Шепчущем во тьме», «Ужасе Данвича» или «Хребтах безумия» Лавкрафта, где холмы были равновелики Эверестам, или, если уж на то пошло, в «Крупинке Темного царства» Лейбера.

Он отыскал каменное сиденье, на котором располагался вчера, и заставил себя выкурить сигарету, чтобы чуть успокоить нервы, замедлить дыхание и расслабиться, хоть и не терпелось убедиться, что он опередил солнце. На самом деле он знал, что это ему удалось, пусть и с довольно скромным отрывом, о чем говорили стрелки часов.

Во всяком случае, сегодня было яснее и солнечнее, чем вчера. Дул сильный западный ветер, добиравшийся даже до Сан-Хосе, над которым сейчас не было видимой подушки смога. За городами Ист-Бэй и на севере округа Марин отчетливо выделялись маленькие горные вершины. Ярко

сверкали мосты.

Даже море крыш сегодня выглядело дружелюбным и спокойным. Франц поймал себя на том, что думает о невероятном количестве жизней, приютившихся под ними: живет под этими крышами около семисот тысяч человек, а работает и того больше, ведь ежедневно из пригородов по мостам, по сухопутным автострадам и поездами метро БАРТ под водами залива в Сан-Франциско приезжает еще невесть сколько народу.

Невооруженным глазом он вроде бы отыскал щель, в которой находилось его окно (во всяком случае, она была залита солнцем), а затем достал бинокль. Он не дал себе труда накинуть ремешок на шею — сегодня хватка и так была крепкой. Да, флуоресцентное красное пятно было на месте, и с первого взгляда казалось, будто оно заполняет все окно, настолько ярок был алый, но, если присмотреться, становилось ясно, что картина закрывает лишь нижнюю левую четверть. Казалось, можно было разглядеть даже рисунок… Нет, все же нельзя, слишком уж тонки черные линии.

Вот и опровергнуты сомнения Гуна (да и его собственные) насчет того, верно ли он вчера нашел окно. Забавно, однако, что человеческий разум подвергает сомнению даже самого себя,

чтобы объяснить необычные и нетрадиционные явления, которые видел ярко и безошибочно. Вот и останавливаешься на полпути — усилиями собственного разума.

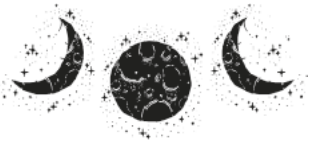
Но сегодня видимость, безусловно, была исключительной. Как отчетливо выделялась на фоне голубой бухты бледно-желтая башня Кольта на Телеграф-Хилл, бывшая некогда самым высоким сооружением Фриско, а теперь кажущаяся совсем крошечной! И бледно-голубой с позолотой шарик башни Колумба — старинная жемчужина на фоне выстроенных в идеальные ряды оконных прорезей пирамиды Трансамерики, похожих на отверстия в перфокарте. И высокие закругленные окна старого Хобарт-билдинга, не только повторяющего в своих формах корабельную корму, но и приводящего на память изображения величественных, богато изукрашенных адмиральских кают галеонов, в сопоставлении со строгими вертикальными алюминиевыми линиями нового здания Уэллс Фарго, возвышающегося над ним, как межзвездный грузовой корабль, ожидающий взлета. Франц поводил биноклем по сторонам, непринужденно подправляя фокус, чтобы лучше видеть по дробности. О, и насчет собора Благодати с наводящими на мрачные размышления, много-

цветными, с сочными красками, современными витражами он ошибался. Его тонкий шпиль, торчащий из черепичной крыши, как стилет с зазубренным зеленоватым лезвием, увенчанный на острие маленьким позолоченным крестиком, вполне можно было разглядеть рядом с безликой современной громадой Кафедрал-апартментс.

Он еще раз взглянул на все еще не закрытую тенью щель, в которой находилось его окно. Возможно, и рисунок удастся разглядеть, если получше настроить…

Не успел он мысленно проговорить эту фразу, как продолговатый кусок раскрашенного флуоресцентной краской картона исчез из виду. Из его окна высунулось бледно-коричневое существо, которое отчаянно замахало на него длинными воздетыми к небу руками. Ниже Франц вполне отчетливо видел лицо, обращенное к нему, маску, узкую, как мордочка хорька, — бледно-коричневый, совершенно пустой треугольник, две точки вверху, которые могли быть глазами или ушами, и одна пониже, переходящая в заостренный подбородок… Нет, рыло… Нет, короткий хоботок — *ищущий рот, судя по виду, предназначенный для высасывания костного мозга. И тут парамен*тальная сущность потянулась через стекла

бинокля к его глазам.



Глава 16

Очухавшись уже в следующий миг, Франц услышал, как что-то гулко стукнуло и звякнуло, и обнаружил, что вновь обшаривает темное море крыш невооруженным глазом, пытаясь обнаружить проворное бледно-коричневое существо, стремящееся к нему через это пространство и использующее по пути любое укрытие: дымовые трубы с колпаками, купола, водонапорные баки, большие и крохотные пентхаусы, водопроводные трубы, горловины ветроуловителей, колпаки вентиляционных шахт и мусоропроводов, световые люки, парапеты крыш и прочие большие и малые неровности, имеющиеся на крышах. Сердце отчаянно колотилось, и он часто хватал ртом воздух.

Безумные мысли устремились в другую сторону, и он принялся осматривать склоны под собой и рядом, отмечая заодно возможные укрытия, которыми могли послужить камни и чахлые кустики. Кто знает, с какой быстротой способны перемещаться параментальные сущности? Со скоростью гепарда? Со скоростью звука? Со скоростью света? Вполне возможно, что это нечто

уже здесь. Он увидел свой бинокль под скалой, в которую случайно отшвырнул его, когда судорожно выставил вперед руки, чтобы оттолкнуть эту тварь от глаз.

Франц вскарабкался на самую вершину. На зеленом поле внизу уже не было ни игравших девочек, ни сопровождавшей их женщины, ни взрослой пары и ни одного животного. Впрочем, едва он успел осознать все это, как большая собака (один из доберманов или какая-то еще?), двигаясь в его направлении, вприпрыжку перебежала поле и исчезла за нагромождением камней у подножия склона. Только что пришедшую ему в голову мысль убежать туда, откуда пришел, он поспешно выкинул из головы: не хватало еще наткнуться на эту собаку (А может быть, и не только эту? А может быть, и не только собаку?), выпущенную на охоту. По эту сторону Корона-Хайтс слишком много укромных мест.

Осмотревшись вокруг, Франц быстро спустился, встал на свое каменное сиденье, собрался с духом и всматривался в городской пейзаж, пока не нашел щель, где пряталось его окно. Там уже было совсем темно, так что он ничего не смог бы разглядеть даже в бинокль.

Он ссыпался на тропинку, бросая быстрые

взгляды по сторонам и без стеснения хватаясь руками за что попало, подобрал разбитый бинокль и сунул его в карман, хотя ему не понравилось, как брякало внутри выпавшее из крепления стекло. Если уж на то пошло, может быть, это не стекло брякало, а гравий скрипел под его осторожными шагами; выдать человека могут даже такие тихие звуки.

Одно мгновение осознания не может так сильно изменить человеческую жизнь, правда? Но оно смогло!

Франц попытался разобраться в своей реальности, не теряя при этом бдительности. Начать с того, что никаких парамендальных сущностей не бывает — это всего лишь элементы псевдонауки, которую де Кастри создавал, начиная с 1890-х годов. Но он собственными глазами *видел* одну из них, а ведь, как сказал Сол, не существует никакой реальности, кроме непосредственных ощущений человека (зрение, слух, боль), которые реальны. Отрицая свой разум, отрицая свои ощущения, ты отрицаешь реальность. Даже попытки рационального осмысления означают отрицание. Но, конечно, бывают и ложные ощущения — оптические и другие иллюзии… Ага, как же! Попробуй убедить себя, что прыгающий на тебя

тигр — иллюзия. Такое, безусловно, открывает простор для галлюцинаций и, собственно, безумия. Элементы внутренней реальности… И кто определит, насколько далеко зашла эта внутренняя реальность? Это ведь тоже Сол рассуждал: «Кто поверит сумасшедшему, если он скажет, что только что видел призрака? Внутренняя это или внешняя реальность? И кому тогда рассказывать?» В любом случае, сказал себе Франц, необходимо твердо помнить, что он, быть может, сошел с ума, — и ни на мгновение не забывать о такой возможности!

Обо всем этом Франц думал на ходу, осторожно, внимательно и все же довольно быстро спускаясь по склону немного в стороне от гравийной дорожки, чтобы производить меньше шума (готовился отскочить в сторону, если что-нибудь бросится на него). Он непрерывно осматривался по сторонам и оглядывался назад, отмечая места, где можно было укрыться, и расстояния до них. Создалось впечатление, что за ним следует нечто, довольно крупное и удивительно умное, быстро перемещающееся от одного укрытия к другому, нечто такое, что он видел (или думал, что видел) только краем глаза. Одна из собак? Или не одна? Возможно, подстрекаемые жизнерадостными,

быстроногими маленькими девочками. Или?.. Он поймал себя на том, что представляет собак в виде пауков, только пушистых и больших. Однажды в постели Кэл, руки, ноги и груди которой казались очень бледными в первых лучах рассвета, рассказала ему свой сон, в котором две большие борзые, следовавшие за ней, превратились в двух таких же больших и элегантных пауков с кремовым мехом.

А что, если сейчас произойдет землетрясение (надо быть готовым ко *всему*), коричневая земля разверзнется дымящимися трещинами и поглотит его преследователей? И его самого заодно?

Франц добрался до подножия холма и вскоре уже шагал по петляющей тропинке рядом с «Музеем для юношества Жозефины Рэндалл». Ощущение, будто его преследуют (или, скорее, ощущение того, что преследователи находятся совсем рядом), ослабло. Было хорошо снова оказаться рядом с человеческими жилищами, невзирая на то, что они казались пустыми, и даже на то, что постройки были как раз такими объектами, за которыми могли прятаться некие сущности. В этом месте мальчиков и девочек учили не бояться крыс, летучих мышей, гигантских тарантулов и других живых существ. И где же эти

дети? Неужели какой-то мудрый Крысолов увел их всех прочь, подальше от сгущающейся угрозы? Или они погрузились в грузовик с надписью «Уличный астроном» и отправились к другим звездам? Из-за землетрясений и массового размножения больших бледных пауков и еще менее благонравных существ Сан-Франциско теперь значительно проигрывает по части безопасности. Ох и дурак же ты! Смотри! Смотри!

К тому времени, когда он оставил позади низкое здание, спустился по наклонной площадке автостоянки, миновал теннисные корты и наконец добрался до короткой тупиковой улочки, служившей границей Корона-Хайтс, его нервы немного успокоились и сумбур в мыслях несколько улегся, хотя он и содрогнулся всем телом, услышав донесшийся откуда-то резкий визг резины по асфальту, и на мгновение подумал, что машина, припаркованная на другом конце улицы, которую он пересекал, сорвалась с места и ринулась на него, управляемая двумя маленькими надгробиями-подголовниками.

Уже когда Франц приближался к Бивер-стрит по узкой общественной лестнице между двумя домами, его посетило еще одно быстрое видение, в котором за спиной у него произошло локальное

землетрясение и К°рона-Хайтс содрогнулся, но остался невредим, а затем поднял огромные коричневые плечи и каменную голову и стряхнул с себя «Музей для юношества», открытый Жозефиной Рэндалл, готовясь спуститься в город.

На идущей все так же вниз Бивер-стрит ему наконец начали попадаться люди; хоть и немного, но все же… Он вспомнил, как будто это было в другой жизни, что намеревался навестить Байерса (и даже договорился с ним об этом по телефону), и подумал, стоит ли это делать. Франц никогда не бывал у этого человека дома и встречался с ним здесь же, в Сан-Франциско, но в квартире их общего знакомого в Хейте. Кэл сказала, что, по чьим-то рассказам, обитель Байерса — жутковатое место, хотя, глядя снаружи на этот дом, покрытый свежей оливково-зеленой краской с тонкой золотой кромкой, этого не подумаешь.

Решение оформилось само собой и практически без его участия: стоило пересечь Кастро-стрит, как за спиной пронзительно взвыла «скорая помощь», приближавшаяся к пересечению с Бивер; отвратительный нервный звук, внезапно достигший невыносимой громкости, когда машина въехала на перекресток, буквально катапультировал Франца по ступенькам к оливковой двери с

золотыми арабесками и заставил его постучать в дом бронзовым молотком, выполненным в форме античного Тритона.

Он понял, что мысль отправиться куда угодно, только не домой, кажется ему очень привлекательной. Дом был так же опасен, как Корона-Хайтс, а возможно, даже опаснее.

После невыносимо долгой паузы полированная латунная ручка повернулась, дверь начала открываться, и голос, звучный, как у Винсента Прайса в его лучшие годы, произнес:

— Вот этот стук можно по заслугам назвать стуком. О, это же Франц Вестен. Входите, входите. Но у вас, мой дорогой Франц, такой потрясенный вид, что можно заподозрить, будто вас доставила та самая «скорая помощь», которая только что провыла под окнами. Что еще умудрились сотворить эти злобные, непредсказуемые улицы?

Удостоверившись в том, что ухоженное, украшенное аккуратной бородкой лицо с подчеркнутой по-театральному мимикой действительно принадлежит Байерсу, Франц поспешно протиснулся мимо него.

— Закройте дверь. Я *действительно* потрясен, — проговорил он, одновременно рассматривая богато обставленную прихожую, большую,

роскошную комнату, примыкающую к ней, покрытую толстым ковром лестницу впереди, ведущую на площадку, залитую мягким светом сквозь витражное стекло, и темный холл за лестницей.

— Все по порядку, — говорил у него за спиной Байерс. — Ну вот, дверь заперта, я даже задвинул засов; надеюсь, вам от этого станет легче. Позвольте предложить вам вина. По-моему, оно весьма способствует успокоению нервов. Или, может быть, сразу вызвать врача, если дело серьезное?

Теперь они стояли лицом к лицу. Джейми Дональдус Байерс был примерно ровесником Франца (сорока с небольшим лет), среднего роста, с горделивой осанкой актера. На нем была бледно-зеленая куртка «неру», с неброской золотой вышивкой, такие же брюки, кожаные сандалии и длинный бледно-фиолетовый халат, не запахнутый, но перехваченный узким пояском. Тщательно расчесанные каштановые волосы ниспадали до плеч, вандейковская бородка и тонкие усы были аккуратно подстрижены. Бледно-желтоватый цвет лица, благородный лоб и большие влажные глаза наводили на мысль о елизаветинских временах и, определенно, ассо-

циировались с Эдмундом Спенсером. И он ясно осознавал все это.

— Нет-нет, Дональдус, не нужно врача, — сказал Франц, все еще сосредоточенный на совсем других вещах. — И спиртного тоже пока не надо. Но вот немного кофе, черного…

— Мой дорогой Франц, сию минуту. Только сначала пройдемте в гостиную. Все там. Но что же вас так потрясло? Что вас *терзает?*

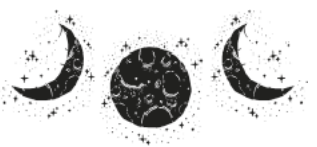
— Мне страшно, — коротко бросил Франц и поспешил добавить: — Я боюсь параментальных явлений.

— О, разве это не из тех абстракций, которые всегда существуют в том или ином виде и именуются главной опасностью наших дней? — беспечно сказал Байерс (но в первую секунду его глаза резко прищурились). — Я всегда считал, что из всего сущего такое восприятие можно применить разве что к мафии. А может, еще и к ЦРУ? Или чему-то из вашего собственного «Странного подполья», из новенького? Ах да, еще такие вещи с неизменной надежностью поставляет Россия. Я лишь изредка поглядываю на все эти события. Я *твердо* обосновался в мире искусства, где реальность и фантазия едины.

С этими словами он повернулся и направился

в гостиную, жестом пригласив Франца следовать за собой. Стоило ему шагнуть вперед, как Франц почувствовал смесь ароматов: свежесваренного кофе, вина и крепкого спиртного, сильный аромат ладана и немного резких духов. На память, конечно же, пришел рассказ Сола о Незримой медсестре, и он бросил быстрый взгляд в сторону лестницы и второго холла, уже оставшегося позади.

Байерс жестом предложил Францу сесть, а сам засуетился у массивного стола, где стояли изящные бутылки и две маленькие серебряные курильницы, из которых поднимался дымок. Франц вдруг вспомнил стихотворную строку Питера Вирека («Искусство — как бармен, никогда не пьянеет»), а следом и годы, когда бары служили для него убежищем от ужасов и мук внешнего мира. Но на этот раз страх пробрался внутрь вместе с ним.



Глава 17

Обстановка комнаты выдавала сибаритские наклонности хозяина, и хотя нельзя было сказать, что она оформлена в арабском стиле, там было гораздо больше орнаментов, чем изображений. На кремовых обоях арабески неброских золотых линий сплетались в лабиринты. Франц выбрал большой пуф, стоявший у стены, с которого ему открывался прекрасный вид на холл, заднюю арку и окна, через слабо мерцающие занавески которых проникал пожелтевший солнечный свет и виднелись размытые, тускло позолоченные виды за стеклом. На двух черных полках рядом с пуфиком поблескивало серебро, и взгляд Франца, против его воли, из страха, ненадолго задержался на коллекции маленьких статуэток одетых по моде молодых людей, с большим высокомерием производящих различные действия сексуального характера, в основном извращенные (стиль фигурок представлял собой нечто среднее между ар-деко и помпеянским). При любых других обстоятельствах они удостоились бы от него большего внимания, чем мимолетный взгляд. Они были исполнены с невероятной детально-

стью и выглядели чертовски дорогими. Байерс, как он знал, происходил из богатой семьи и каждые три-четыре года выпускал внушительный том изысканных стихотворных и прозаических набросков.

Ну а сейчас этот везунчик поставил большую тонкую белую чашку, наполовину наполненную горячим кофе, и исходящий паром серебряный кофейник рядом с Францем на прочный низкий столик, где также стояла обсидиановая пепельница. Сам он плеснул себе в бокал золотистого вина, устроился в удобном низком кресле, отхлебнул и сказал:

— По телефону вы сказали, что у вас есть несколько вопросов насчет того дневника, который вы приписываете Смиту и фотокопию которого вы присылали мне раньше.

— Совершенно верно, — ответил Франц, продолжая с рассеянной планомерностью рассматривать комнату. — У меня есть к вам несколько вопросов. Но сначала я должен рассказать, что со мной только что случилось.

— Безусловно. Я и сам жажду узнать об этом.

Франц попытался сократить свой рассказ, но вскоре обнаружил, что это невозможно, так как теряется взаимосвязь событий, поэтому ему

пришлось изложить в хронологической последовательности практически все, что происходило с ним за последние тридцать часов. В результате (конечно, тут помог и кофе, в котором он остро нуждался, и сигареты, о которых не вспоминал почти целый предыдущий час) через некоторое время он начал явственно ощущать катарсис. Нервы заметно успокоились. Он не обнаружил каких-либо изменений своего мнения ни о случившихся фактах, ни об их поистине жизненной важности, но наличие собеседника, внимавшего ему с явным сочувствием, безусловно, имело большое эмоциональное значение.

Байерс слушал очень внимательно, кивал в нужных местах, прищуривал глаза, поджимал губы, а также вставлял поощрительные междометия и краткие комментарии (вернее сказать, по большей части краткие). Правда, последние были не столько содержательными, сколько эстетичными, даже несколько фривольными, но Франца это нисколько не беспокоило, особенно поначалу, — так он был увлечен своей историей. Ну а Байерс, невзирая даже на внешнюю легкомысленность поведения, казался глубоко заинтересованным и воспринимал рассказ Франца с чувством куда более искренним, чем светское

вежливое одобрение.

Когда Франц кратко рассказал о бюрократической карусели, на которой ему довелось покружиться, Байерс сразу уловил юмор, вставив: «Танец клерков! Потрясающе!» А услышав о музыкальных достижениях Кэл, заметил: «Франц, у вас, несомненно, хороший вкус по части девушек. Клавесинистка! Что может быть совершеннее? Моя нынешняя дорогая-подруга-секретарь-товарищ-по-играм-домоправительница-любовница-луна-богиня происходит из Северного Китая; дама в высшей степени эрудированная, мастерица по работе с драгоценными металлами (она собственноручно сделала эти восхитительно мерзкие серебряные фигурки, используя тот самый метод литья по выплавляемым восковым моделям, которым пользовался Челлини). Вы получили бы кофе из ее рук, не будь сегодня один из наших личных дней, когда мы воссоздаем себя порознь. Я называю ее Фа Лосюи (так звали дочь доктора Фу Манчи; если помните, это одна из наших шуток для узкого круга), потому что она производит восхитительно зловещее впечатление человека, способного захватить мир, если когда-нибудь такое желание придет ей в голову. Вы сможете познакомиться с нею сегодня

вечером, если задержитесь после нашей беседы. Впрочем, извините, я перебил вас. Продолжайте, пожалуйста». Когда же Франц упомянул об астрологических символах, намалеванных на камнях Корона-Хайтс, он тихо присвистнул и воскликнул: «Как же это показательно!» — да еще с таким жаром, что Франц не мог не спросить:

— Почему?

На что тот ответил:

— Не берите в голову. Я имею в виду весь спектр наших неутомимых вандалов. Отсюда лишь шаг до пирамиды из пивных банок на мистической вершине знаменитой Шасты. Грушевое вино восхитительно; вам необходимо попробовать этот шедевр винодельни Сан-Мартин с залитых солнцем склонов долины Санта-Клара. Но, прошу вас, продолжайте.

Однако когда Франц в третий или четвертый раз упомянул «Мегаполисомантию» и даже процитировал фразу из нее, Байерс поднял руку, прерывая его, подошел к высокому книжному шкафу, отпер, достал из-за затемненного стекла тонкую книгу в черном кожаном переплете, красиво украшенную серебряными арабесками, и протянул ее Францу, который тут же ее открыл.

Это была безукоризненно изданная книга де

Кастри, отличавшаяся от его экземпляра, насколько он мог судить, только переплетом. Он вопросительно поднял глаза.

— До сегодняшней беседы мне и в голову не приходило, мой дорогой Франц, что у вас есть эта книга, — объяснил Байерс. — Вы, возможно, помните, что в ту встречу в Хейте показали мне только дневник, написанный лиловыми чернилами, а позже прислали мне фотокопию исписанных страниц. Но вы не упоминали о том, что вместе с этой тетрадкой купили еще и книгу. Впрочем, в тот вечер вы были… Э-э… Несколько на взводе.

— В то время я вовсе не бывал трезвым, — сухо ответил Франц.

— Понимаю… Несчастная Дейзи… Не будем об этом. Дело вот в чем: «Мегаполисомантию», вероятно, следует считать не только редкой, но и, в буквальном смысле, очень тайной книгой. В последние годы жизни де Кастри изменил свое мнение по этому вопросу и попытался отыскать все до единого экземпляры, чтобы сжечь их. И преуспел в этом! Почти преуспел. Известно, что он делал немалые гадости тем, кто отказывался изымать из своих библиотек эту книгу. Вообще-то, он был очень противным и, я бы сказал,

хоть и ненавижу расставлять моральные оценки, злым стариком. Как бы там ни было, в тот раз я не видел смысла говорить вам, что у меня имеется единственный, как я тогда считал, сохранившийся экземпляр книги.

— Слава богу! — выдохнул Франц. — Я очень надеялся, что вам что-нибудь известно о де Кастри.

— Кое-что известно, но очень немного, — ответил Байерс. — Но прежде хотелось бы дослушать вашу историю. Итак, вы сегодня поднялись на Корона-Хайтс, рассматривали оттуда в бинокль пирамиду Трансамерики и в связи с этим процитировали де Кастри насчет «наших современных пирамид»…

— Непременно, — сказал Франц и поспешно перешел к изложению самой неприятной части рассказа; в памяти во всех подробностях всплыли и треугольная бледно-коричневая морда, и поспешный спуск (почти бегство) с Корона-Хайтс; завершая повествование, он вспотел и снова принялся оглядываться по сторонам.

Байерс вздохнул и сказал с подчеркнутой укоризной:

— А после всего этого, преследуемый параментальными сущностями до самого порога, вы пришли ко мне! — И он повернулся в кресле,

чтобы с некоторым подозрением взглянуть на затененные золотыми занавесками окна позади себя.

— Дональдус! — сердито воскликнул Франц. — Всю эту чертовщину я не по дороге выдумал, чтобы позабавить вас, а рассказываю чистую быль. Я понимаю, что все крутится вокруг фигуры, которую я несколько раз видел с расстояния в две мили через семикратный бинокль, и поэтому любой вправе возразить, что это могут быть оптические иллюзии, дефекты в самом бинокле, даже самовнушение, но я более-менее разбираюсь и в психологии, и в оптике — это не было ни тем ни другим! Я вполне досконально изучал все, что связано с летающими тарелками, и ни разу не встречал ни одного свидетельства существования НЛО, которое было бы действительно убедительным, зато сам видел бликующие ореолы на самолетах, которые имели овальную форму, светились и пульсировали точно так же, как то, что видели не меньше половины наблюдателей тарелок. Однако в отношении того, что я видел сегодня и вчера, у меня нет никаких сомнений подобного рода.

Но еще произнося этот монолог и продолжая с тревогой всматриваться в окна, двери и тени в

квартире, Франц поймал себя на том, что в глубине души начал сомневаться в воспоминаниях об увиденном (возможно, человеческий разум не в состоянии удерживать в себе подобный страх более часа, если тот не подкрепляется повторением), но будь он проклят, если скажет об этом Дональдусу!

И он закончил ледяным тоном:

— Конечно, нельзя исключить той возможности, что я спятил, временно или навсегда, и у меня «видения», но, пока не будет уверенности в этом, я не собираюсь вести себя как безмозглый (или веселый) идиот.

Дональдус, выслушивавший эту речь то с протестующими, то с умоляющими минами, тут же заговорил умиротворяющим и даже немного обиженным тоном:

— Мой *дорогой* Франц, я ни на минуту не сомневался в вашей серьезности, не подозревал (и не подозреваю!) в вас психопатии. Да что там говорить: я сам склоняюсь к вере в параментальные сущности с тех самых пор, как прочитал книгу де Кастри, и особенно после того, как услышал несколько обстоятельных, очень своеобразных историй о нем. Теперь же ваш поистине потрясающий рассказ очевидца развеял мои последние

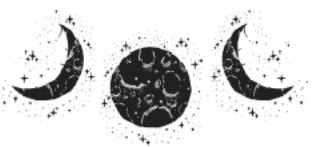
сомнения. Но сам я пока не видел ни одной. Если бы со мной такое случилось, я, без сомнения, почувствовал бы весь ужас, который сейчас испытываете вы, и даже более того, но до тех пор, а возможно, и в любом случае, и несмотря на обоснованный ужас, который они вызывают в нас, они все же совершенно *обворожительные* существа, разве нет? Теперь что касается того, считать ваш рассказ былью или вымыслом… Мой дорогой Франц, для меня высокое качество сюжета является высшим критерием правдивости чего бы то ни было. Я не делаю никакого различия между реальностью и фантазией, объективным и субъективным. Вся жизнь и все осознание в конечном счете едины, включая сильнейшую боль и саму смерть. Вовсе не обязательно вся пьеса должна доставлять удовольствие, и финалы никогда не бывают утешительными. Некоторые явления сочетаются на изумление гармонично и красиво, невзирая на душераздирающие диссонансы, это правда, а некоторые не сочетаются, и это просто плохое искусство. Неужели вы со мною не согласны?

Франц не знал, что сказать на это. Он определенно не придавал книге де Кастри как таковой ни малейшего значения, но… Он задумчиво кивнул,

хотя вряд ли это можно было считать ответом на вопрос. Жаль, что он не обладает острым умом Гуна или Сола… И Кэл.

— А теперь я расскажу вам *свою* историю, — сказал Дональдус, вполне удовлетворенный этим невнятным жестом. — Но сначала немного бренди; по-моему, будет очень кстати. А вы? Что ж, тогда немного горячего кофе. Сейчас сделаю. И бисквиты? Да.

У Франца начала побаливать голова, подступала легкая тошнота. Простое почти не сладкое марантовое печенье вроде бы помогло. Он налил себе свежесваренного кофе из кофейника и добавил немного сливок и сахара, предусмотрительно принесенные хозяином. Стало еще легче. Он не ослаблял бдительности, но теперь это состояние давалось не столь трудно — как будто осознание опасности превращалось в образ жизни.



Глава 18

Дональдус воздел палец с серебряным филигранным кольцом и заговорил:

— Не следует забывать, что де Кастри умер, когда мы с вами были младенцами. Почти все сведения, которыми я располагаю, исходят от пары не очень близких и вряд ли любимых друзей последних лет жизни де Кастри: Джорджа Рикера, который был слесарем и играл с ним в го, и Германа Клааса, который имел букинистический магазин на Терк-стрит, был своего рода романтическим анархистом и некоторое время технократом, и немного от Кларка Эштона Смита. Ах да, ведь вас именно это интересует, не так ли? От него я получил совсем мало: Кларк не любил говорить о де Кастри. Я подозреваю, что Кларк именно из-за де Кастри и его теорий держался подальше от больших городов, даже от Сан-Франциско, и предпочел отшельничество в Оберне и Пасифик-Гроув. У меня есть еще кое-какие сведения из старых писем и вырезок, но их немного. Никто не любил писать о де Кастри, и у людей были на то причины, да и человек этот полностью засекретил свою жизнь. Что странно,

поскольку взлет его карьеры начался с написания и публикации сенсационной книги. Кстати, мой экземпляр принадлежал Клаасу и достался мне, когда тот умер, ну а он, возможно, нашел его среди вещей де Кастри после смерти автора — я так и не смог этого выяснить.

— Кроме того, — продолжил Дональдус, — моя история, вероятно, прозвучит (по крайней мере, местами) в несколько поэтическом духе. Пусть это не сбивает вас с толку: мне просто легче таким образом упорядочивать свои мысли и ранжировать пункты по важности. Я ни в малейшей степени не буду отклоняться от строгой истины, какой я ее обнаружил, хоть и, полагаю, в моей истории могут быть следы параментальных явлений и, конечно же, один призрак. Я думаю, что во всех современных городах, особенно в самых неприглядных, изобилующих новостройками, должны иметься призраки. Они оказывают цивилизующее влияние.

Глава 19

Дональдус сделал добрый глоток бренди, покатал его языком во рту, смакуя вкус, и откинулся в кресле.

— В тысяча девятисотом году, на переломе веков, — драматично начал он, — в солнечный, сияющий Сан-Франциско приехал Тибо де Кастри, явившийся мрачным предтечей нашествия разраставшегося на Востоке царства холода и угольного дыма, пульсировавшего электричеством Эдисона, топорщившегося небоскребами Салливана, с их стальным каркасом. Мадам Кюри только что объявила миру о радиоактивности, а радио Маркони распространилось по морям. Мадам Блаватская привезла из Гималаев жуткую теософию и передала факел оккультизма Анни Безант. Королевский астроном Шотландии Пиацци Смит отыскал в большой галерее Великой египетской пирамиды историю мира и его зловещее будущее. Подсудимые Мэри Бейкер Эдди и ее главные помощницы в ходе судебного процесса обвиняли друг дружку в колдовстве и черной магии. Спенсер проповедовал науку. Ингерсолл громко выступил против суеверий. Фрейд и Юнг

погружались в безграничную тьму подсознания. На Всемирной выставке в Париже, для которой была построена Эйфелева башня, и на Всемирной Колумбовой выставке в Чикаго были представлены невиданные чудеса. В Нью-Йорке копали туннели подземки. В Южной Африке буры отстреливались от британских полевых орудий Круппа, отлитых из неразрываемой стали. В далеком Китае бушевали боксеры, считавшие, что магия делает их неуязвимыми для пуль. Граф фон Цеппелин запускал свой первый дирижабль, и братья Райт готовили к первому полету аэроплан.

У де Кастри с собой были только вместительный черный саквояж, набитый экземплярами плохо напечатанной книги, которая продавалась даже хуже, чем «Моби Дик» Мелвилла, собственный череп, заполненный мрачно светящимися гальванизирующими идеями, и, по утверждениям некоторых, большая черная пантера на поводке из мельхиоровой цепочки. Третьи же говорят, что его также сопровождала (или преследовала) таинственная высокая, стройная женщина, которая всегда носила черную вуаль и свободные темные платья, больше похожие на мантии, и имела обыкновение внезапно появляться и исчезать. Сам же де Кастри был жилистым, неуто-

мимым, довольно малорослым черным орлом с пронзительными глазами и сардоническим ртом; он носил свое нестандартное обаяние, как трагический герой оперы носит свой плащ.

О его происхождении и бытии ходили легенды. Кое-кто говорил, что он сочиняет их сам, еженощно импровизируя, а другие — что все они были сочинены другими исключительно под влиянием его мрачной притягательной внешности. Клаасу и Рикеру больше всего нравилась умеренно экзотическая версия, согласно которой он, во время Франко-прусской войны, тринадцатилетним мальчиком сбежал из осажденного Парижа на водородном воздушном шаре вместе со смертельно раненным в ходе побега отцом, который был исследователем Черной Африки, любовницей отца (красивой и образованной молодой полячкой) и черной пантерой (той первой, которую отец поймал во время экспедиции в Конго и которую они едва успели спасти из зоологического сада, где голодающие парижане убивали диких животных ради еды). Существовали, конечно, и другие легенды, одна из которых гласила, что в это время он был адъютантом Гарибальди на Сицилии, а его отец — самым безжалостным и опасным из карбонариев.

В стремительном движении на юго-восток в полночь, над Средиземным морем воздушный шар попал в насыщенную электричеством бурю, которая увеличила его скорость, но в то же время заставляла опускаться все ближе и ближе к волнам, щерящим белые клыки. Представьте себе сцену: хрупкая перегруженная гондола, озаряемая почти непрерывными вспышками молний. Пантера сжалась в комок, рычит, шипит, хлещет хвостом, впилась когтями в плетенное из лозы днище так, что кажется, будто прутья вот-вот разорвутся. Лица умирающего отца (старого ястреба), серьезного мальчика с горящими глазами (уже молодого орла) и гордой, умной, отчаянно преданной любимому задумчивой девушки — с выражением отчаяния и смертельной бледностью в голубоватом сиянии молний. И все это время гремят оглушительные раскаты грома, как будто разрывается черная атмосфера или огромные артиллерийские орудия ожесточенно стреляют им прямо в уши. Внезапно дождь обрел на их влажных губах соленый привкус — брызги от голодных волн.

Умирающий отец взял каждого из своих спутников за правую руку, соединил их, крепко пожал, выдохнул несколько слов (их унес яростный

ветер) и, собрав последние силы, конвульсивным движением перекинулся через борт.

Воздушный шар вырвался из шторма и помчался на юго-восток. Замерзшие, перепуганные, но несломленные молодые люди, обнявшись, прижались друг к другу. Из другого угла гондолы уставилась на них загадочными зелеными глазами успокоившаяся черная пантера. А на юго-востоке, куда лежал их путь, сквозь тучи проглянула, как ведьмовская корона Царицы Ночи, рогатая луна, наложив свою печать на эту сцену.

Как только воздушный шар приземлился в египетской пустыне близ Каира, юный де Кастри погрузился в изучение Великой пирамиды, в чем ему помогала молодая любовница его отца, ставшая теперь его любовницей. Немалое значение имело и то, что по материнской линии он происходил от Шампольона, расшифровавшего надписи на Розеттском камне. Он предварил все открытия астронома Пиацци Смита (и сделал еще несколько, которые держал в секрете) за десять лет до него и заложил основу для своей новой науки о сверхгородах (а также своего Великого шифра), после чего покинул Египет и приступил к исследованию мегаструктур, криптоглифов (так он это назвал) и параментальных явлений

по всему миру.

— Знаете, я буквально очарован этой связью с Египтом, — добавил Байерс, наливая себе еще бренди. — Мне невольно представляется, как Ньярлатхотеп Лавкрафта приехал из Египта, чтобы читать псевдонаучные лекции, предвещающие крах мира.

Имя Лавкрафта напомнило Францу об одном из его предположений, и он перебил собеседника:

— Скажите, а не было ли у Лавкрафта в его деятельности по литературной обработке какого-то клиента, чье имя можно было бы связать с Тибо де Кастри?

Байерс широко раскрыл глаза:

— Конечно был. Адольф де Кастро.

— Очень похоже, вам не кажется?..

— Что это был один и тот же человек? — Байерс улыбнулся. — Я рассматривал такую возможность, мой дорогой Франц, и у меня есть кое-какие соображения по этому поводу. Лавкрафт называл Адольфа де Кастро по-разному («любезным шарлатаном» и «елейным старым лицемером», ведь он заплатил Лавкрафту за полную переработку своих текстов менее одной десятой того, что сам получил за свои рассказы), но нет, — он вздохнул, скрывая улыбку, — нет. Де Кастро все еще был

жив, докучал Лавкрафту и навещал его в Провиденсе уже после смерти де Кастри.

Но вернемся к де Кастри. Мы не знаем, сопровождала ли его молодая полячка-любовница и была ли она той таинственной дамой в вуали, которая, по некоторым сведениям, появилась в Сан-Франциско одновременно с ним. Рикер считал, что да. Клаас был склонен сомневаться в этом. По мнению Рикера, де Кастри состоял с полячкой в романтических отношениях. Он представлял ее блестящей пианисткой (но ведь это расхожее мнение о большинстве поляков, не так ли? И сложилось это мнение благодаря Шопену), которая полностью отказалась от этого таланта, чтобы посвятить свои удивительные способности к языкам, виртуозные секретарские навыки и все утехи, на которые было способно ее молодое сильное тело, на благо еще более молодого гения, которого она обожала даже более преданно, чем его отца-авантюриста.

— И как же ее звали? — спросил Франц.

— Этого мне так и не удалось узнать, — ответил Байерс. — Либо Клаас и Рикер забыли ее имя, либо, что вероятнее, старик скрыл его от них, как и многое другое. Кроме того, в одной только фразе «молодая полячка, любовница его отца»

есть нечто пьянящее (что может быть экзотичнее или заманчивее?), приводящее на ум клавесины, пену кружев, шампанское и пистолеты! Ибо, как считал Рикер, под маской невозмутимости и учености она кипела темпераментом, была чрезвычайно вспыльчива, и ее в состоянии ярости не просто трясло, а чуть не разрывало, как начиненную порохом тряпичную куклу. Феллахи боялись ее, считали ведьмой. И вуаль она начала носить, по мнению Рикера, именно в те годы, что провела в Египте.

Однако же она бывала и невероятно соблазнительной, воплощением континентальной женственности, и посвящала де Кастри в самые сладострастные эротические практики, заодно значительно углубляя и расширяя его познания в культуре и искусстве.

Как бы там ни было, к тому времени, когда де Кастри прибыл в Город у Золотых ворот, он был наделен изрядной толикой темного, сатанинского очарования. Осмелюсь предположить, что он был немного похож на сатаниста Антона Лавея (вы слышали, что тот некоторое время держал более или менее прирученного льва?), с тем, правда, отличием, что совсем не имел обычной для подобных персон тяги к публичности. Он,

скорее, искал элиту блестящих свободных людей, наделенных самым необузданным жизнелюбием, и вовсе не будет плохо, если у них окажутся деньги.

И он их, конечно, нашел! Прометеанца (и дионисийца) Джека Лондона. Джорджа Стерлинга, поэта-фантаста, кумира романтиков, любимца богачей из Богемского клуба. Их друга, блестящего адвоката Эрла Роджерса, который позднее защищал Кларенса Дэрроу и спас его карьеру. Амброза Бирса, озлобленного, превратившегося в старого орла человека, прославившегося «Словарем сатаны» и несравненно краткими рассказами ужасов. Поэтессу Нору Мэй Френч. Горную львицу среди женщин, Шармейн Лондон. Недалеко отстоящую от нее Гертруду Атертон. И это лишь самые заметные представители этого круга.

И конечно же, они с восторгом набросились на де Кастри. Он представлял собой как раз тот тип курьезов рода человеческого, который нравился им всем (и особенно Джеку Лондону). Таинственное космополитическое прошлое, анекдоты в духе Мюнхгаузена, странные и тревожащие научные теории, сильный антииндустриальный и, мы бы сказали, антиобществоустроительный уклон,

апокалиптический настрой, нотка обреченности, намеки на темные силы — все это у него имелось! Довольно долго он был их любимцем, их почитаемым гуру на «пути левой руки», чуть ли не (я полагаю, он сам думал, что в полной мере) их новым богом. Они даже скупили часть тиража его новой книги и сидели неподвижно (и пили), пока он читал отрывки из нее. Патентованные эгоисты, такие как Бирс, терпели его, а Лондон на некоторое время уступил ему центральное место (он мог себе это позволить). И все они были вполне готовы согласиться (теоретически) с его мечтой об утопии, в которой строительство мегаполисов запрещалось, а имеющиеся были бы разрушены или каким-то образом приручены, сфера параментального приносила бы ощутимую пользу, имелась бы аристократическая элита, а он был бы главным духом превыше всех.

И конечно же, дамы, в большинстве своем, прошли через романтическое увлечение им, и некоторые, как я понимаю, желали оказаться в его постели и не стеснялись проявлять инициативу по этой части (вы же помните, это были яркие раскрепощенные женщины своего времени), и все же нет никаких доказательств того, что у него был роман с кем-либо из них. Даже наоборот. Ско-

рее всего, когда страсти начинали закипать, он говорил нечто вроде: «Моя дорогая, поистине, я больше всего на свете желал бы оказаться с вами, но я должен сказать, что у меня имеется чрезвычайно ревнивая и совершенно необузданная любовница, которая, если узнает, что у нас хотя бы намечается роман, перережет мне горло в постели или заколет меня ножом в ванной (знаете, Франц, он ведь имел некоторое внешнее сходство с Маратом, которое с годами все усиливалось) и не преминет плеснуть кислотой на ваши прелестные щеки и губы, моя дорогая, или воткнет шляпную булавку в эти очаровательные глаза. Она настоящая тигрица, к тому же сверх всякой меры освоившая жуткую сторону жизни».

Мне рассказывали, что он действительно создавал для них это (воображаемое?) существо, и порой становилось неясно, о реальной ли женщине идет речь, или о богине, или о некой метафорической сущности. Он говорил: «Она безжалостный ночной зверь, но при этом обладает мудростью, восходящей к Египту и даже глубже; и для меня она совершенно бесценна. Она, видите ли, шпионит для меня за зданиями, ведет разведку столичных мегаструктур. Она знает их секреты и тайные слабости, их тяжелые ритмы и

мрачные песни. И сама она такая же тайна, как и их тени. Она моя Царица Ночи, Мадонна Тьмы».

Стоило Байерсу продекламировать заключительные слова де Кастри, как Франц припомнил, что Мадонна Тьмы — одна из Матерей Скорби де Куинси, третья, младшая из сестер, которая всегда ходила под вуалью из черного крепа. Знал ли об этом де Кастри? И была ли его Царица Ночи такой же, как у Моцарта? Всевластной, если не считать не повиновавшихся ей волшебной флейты и колокольчиков Папагено? Но Байерс продолжал:

— Представьте себе, Франц, постоянно ходили слухи, которые некоторые пропускали мимо ушей: что де Кастри то ли посещает, то ли преследует дама, с тюрбаном либо широкополой шляпой, но обязательно с вуалью, на голове, которая одевается в струящиеся платья и притом очень быстра в движениях. Этих двоих можно было увидеть вместе на оживленной улице, или на Эмбаркадеро, или в парке, или на противоположном конце переполненного театрального фойе; обычно они быстро шли и возбужденно или сердито разговаривали, постоянно жестикулируя, но стоило к ним приблизиться, как дама исчезала. Судя по рассказам, все же бывали случаи, что она оставалась, но он никогда не

представлял ее, не заговаривал с нею при ком бы то ни было и вообще вел себя так, будто они совершенно незнакомы. Однако при этом он казался раздраженным и даже, по словам одного-двух знакомых, испуганным.

— И как же *ее* звали? — осведомился Франц.

Байерс сверкнул улыбкой:

— Я ведь уже сказал, мой дорогой Франц, что он ни разу не представил ее никому. В лучшем случае он называл ее «эта женщина», а иногда, как ни странно, «упрямая и надоедливая девчонка». Возможно, несмотря на все его темные чары, тиранический характер и ауру садомазохизма, он боялся женщин, и она каким-то образом олицетворяла или воплощала этот страх.

Реагировали на эту таинственную фигуру по-разному. Мужчины, как правило, были снисходительны, заинтригованы и строили предположения, вплоть до самых диких: в разное время предполагалось, что она Айседора Дункан, Элеонора Дузе или Сара Бернар, хотя в то время им было, соответственно, около двадцати, сорока и шестидесяти лет. Но, говорят, истинное очарование не стареет; вспомнить хотя бы Марлен Дитрих, или Арлетти, или (звезду из звезд) Клеопатру. Напомню, что ее лицо всегда было

покрыто черной вуалью, на которой иногда к тому же был узор из россыпи черных горошин, как будто множество выстроенных по неведомому порядку «мушек» или, как якобы сказала одна дама, «короста от черной оспы».

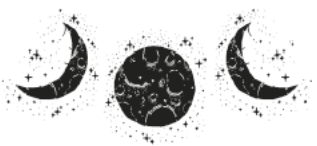
Если уж на то пошло, ее единодушно ненавидели все женщины.

Конечно, это описание, вероятно, несколько искажено преломлением через мнение Клааса и Рикера, от которых я получал эти сведения. Рикер, часто ссылавшийся на египетскую мудрость и ученость, считал, что таинственная леди была все той же полячкой-любовницей, сошедшей с ума от любви, и сдержанно не одобрял того, как обращался с нею де Кастри.

Конечно же, все это оставляло простор для бесконечных домыслов о сексуальной жизни де Кастри. Некоторые говорили, что он гомосексуалист. Даже в те дни в «сером городе любви», как выразился Стерлинг, имелись свои гомофилы — не случайно же родилась ни с чем вроде бы не связанная строчка о «городе мужской любви». Другие утверждали, что он приверженец садомазохизма с кнутами, ошейниками и самыми неприглядными издевательствами. (Знаете, ведь в ходе подобных развлечений довольно много

парней чисто случайно сами себя и задушили.) Одновременно ходили слухи даже взаимоисключающего порой содержания: что он педераст, извращенец, фетишист, совершенно асексуален, что его тиберийские похоти могли удовлетворить только стройные маленькие девочки… Извините, Франц, если я оскорбил ваш слух, но в связи с де Кастри действительно упоминались все «пути левой руки» и их типичные проводники или проводницы.

Однако на деле все это второстепенно. В этой связи по-настоящему важно то, что какое-то время самому де Кастри казалось, будто он поставил выбранную им группу именно на ту позицию, где хотел ее видеть.



Глава 20

— Наивысшим взлетом приключений Тибо де Кастри в Сан-Франциско, — продолжил Дональдус, — на мой взгляд, стало создание (в обстановке великой секретности, с отсевом кандидатур, тайными сообщениями и какими-то редко, хоть и пышно, проводившимися в узком кругу оккультными церемониями) Герметического ордена…

— Вы имеете в виду тот Герметический орден, о котором упоминает Смит, или, точнее говоря, автор дневника? — перебил его Франц. Он слушал, испытывая смешанное чувство восхищения, раздражения и странного веселья, пребывая мыслями (по крайней мере, наполовину) где-то в другом месте, но после упоминания Великого шифра стал слушать куда внимательнее.

— Совершенно верно, — кивнул Байерс. — На этом я остановлюсь несколько подробнее. В Англии в то же время существовал Герметический орден Золотой Зари, оккультное общество, куда входили такие персоны, как поэт-мистик Йейтс, который вел беседы с овощами, пчелами и озерами, а также Дион Форчун и Джордж Рассел (тот, что подписывался А. Е.) и ваш любимый Артур

Мэкен; знаете, Франц, я всегда думал, что в его «Великом боге Пане» сексуально зловещая *femme fatale* Хелен Вон имела реальный прототип — сатанистку Диану Вон, хотя мемуары *последней* (а возможно, и она сама) были мистификацией, сочиненной французским журналистом Габриэлем Жоганом…

Франц нетерпеливо кивнул, сдержав просившийся на язык возглас: «Продолжайте, Дональдус, не отвлекайтесь!»

Но собеседник понял его и без слов.

— Как бы то ни было, в тысяча восемьсот девяносто восьмом году Алистеру Кроули удалось присоединиться к «Источнику Золотистого дня» (изящно, не так ли?), и он чуть не разрушил общество своими требованиями исполнения сатанистских ритуалов, черной магии и прочих реально крутых вещей.

В подражание, но и, несомненно, с ироническим вызовом де Кастри назвал *свое* общество Герметическим орденом Ониксовых сумерек. Говорят, он носил большой черный перстень, выполненный в технике *pietra dura*[24], с отполированной до блеска мозаичной печаткой из

[24] Примечания: 24

Букв.: твердый камень *(ит.).* Уникальная техника создания картин и орнаментов, также известная как Флорентийская мозаика.

оникса, обсидиана, черного дерева и черного опала с изображением хищной черной птицы (возможно, ворона).

Именно на этой стадии успехи де Кастри закончились, и окружавшая его атмосфера постепенно сделалась очень неблагоприятной. К сожалению, об этом периоде мне труднее всего было раздобыть достоверные сведения (да и вообще какие-либо сведения) по причинам, которые являются или станут вполне очевидными.

Я попытался, в меру сил, создать реконструкцию событий. Возможно, дело обстояло так: создав тайное общество, Тибо сразу же открыл относительно немногочисленной группке избранных членов, что его утопия является отнюдь не далекой мечтой, а ближайшей перспективой и что достигнуть ее надлежит насильственной революцией, как материальной, так и духовной (то есть параментальной), а также что главным (и поначалу единственным) инструментом этой революции должен стать Герметический орден Ониксовых сумерек.

Начало этой насильственной революции он предполагал положить террористическими актами наподобие тех, какие в то время (незадолго до неудачной революции тысяча девятьсот пя-

того года) совершали нигилисты в России, но подкрепив их большим количеством нового вида черной магии, а именно — созданной им мегаполисомантии. Целью должна была быть деморализация, а не истребление, по крайней мере на первых порах. Бомбы с черным порохом должны были взрываться в общественных местах и на крышах больших зданий в безлюдные ночные часы. Другие большие здания следовало погружать во тьму, выключая главные электрорубильники (которые нужно было предварительно отыскать). Анонимные письма и телефонные звонки должны были усилить панику.

Но куда более важное значение он придавал мегаполисомантическим операциям, которые должны были «превратить дома в руины, свести людей с ума, чтобы они, вопя от ужаса, сбежали, все до единого, из Сан-Франциско, захлестнув дороги и переполнив паромы». По крайней мере, именно эти слова пересказал мне Клаас, которому де Кастри доверился много лет спустя, находясь в приступе редкой для себя общительности. Скажите, Франц, вам не доводилось слышать, что Никола Тесла, другой американский волшебник электричества, в последние годы жизни утверждал, что изобрел — или, по крайней мере,

сформулировал — принцип устройства, достаточно маленького для того, чтобы его можно было в ящике от почтовой посылки пронести в любое здание и оставить там, дабы оно в установленное время сотрясало здание симпатическими вибрациями, которые должны были разнести его на куски? Об этом мне тоже говорил Герман Клаас. Впрочем, я отвлекся.

Эти магические или псевдонаучные действия (к какой категории предпочли отнести их вы?) потребовали бы абсолютного повиновения со стороны помощников Тибо — и он, похоже, добивался слепого и точного подчинения от каждого из своих помощников в Герметическом ордене Ониксовых сумерек. Один из них (или одна) получил приказ отправиться по определенному адресу в Сан-Франциско в указанное время и просто стоять там два часа, пытаясь отключить размышления или сосредоточиться на одной мысли. Или же отнести слиток меди, маленькую коробку с углем или игрушечный воздушный шар, наполненный водородом, на определенный этаж в определенном большом здании и просто оставить его там (воздушный шар — под потолком), опять же, в указанное время. Очевидно, эти элементы должны были служить катали-

заторами. Также он приказывал двоим-троим встретиться в определенном вестибюле отеля или на определенной скамейке в парке и просто сидеть там вместе, не разговаривая, в течение получаса. И все должны были беспрекословно и без колебаний подчиняться каждому приказу в мельчайших деталях, иначе, я полагаю, последовали бы различные устрашающие наказания и репрессалии в стиле карбонариев.

Большие здания всегда были главными целями его мегаполисомантии — он утверждал, что они являются главными центрами концентрации городского вещества, отравляющего большие мегаполисы или невыносимо тяготящего их. Согласно одной из легенд, десятью годами ранее он вместе с другими парижанами выступил против возведения Эйфелевой башни. Профессор математики подсчитал, что сооружение рухнет, когда достигнет семисот футов в высоту, но Тибо просто заявил, что вся эта обнаженная сталь, взирающая на город с неба, сведет Париж с ума. (И, учитывая последующие события, Франц, я иногда думаю, что можно было бы доказать истинность этого предсказания. Первая и Вторая мировые войны, вызванные, как нашествия саранчи, чрезмерной концентрацией населения и моровым

поветрием, проявившимся сыпью высотных построек, — так ли уж это невероятно?) Но Тибо пришел к выводу, что не в состоянии противодействовать возведению таких зданий, и обратился к проблеме их контроля. В некотором смысле, знаете ли, у него был менталитет дрессировщика животных (возможно, унаследованный от отца, путешествовавшего по Африке?).

Очень может быть, что Тибо считал, будто существует своеобразная математика, посредством которой можно было бы манипулировать умами и большими зданиями (а может, и параментальными сущностями?), или предполагал, что изобрел ее. Он называл ее неопифагорейской метагеометрией. Все дело было в том, чтобы определить нужное время и место (он цитировал Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир») и доставить туда нужного человека (разум) или материальный предмет. Он также, по-видимому, верил, что в определенных *местах* мегаполисов для определенных людей существуют ограниченное ясновидение, яснослышание и предвидение. Однажды он начал было подробно описывать Клаасу некий акт мегаполисомантии — так сказать, объяснять формулу, — но не договорил, так как у него возникли подозрения.

Нельзя пропустить еще один анекдот по поводу мегаполисного колдовства. Я склонен сомневаться в его подлинности, но он очень показателен. Тибо будто бы предложил встряхнуть Хобарт-билдинг, или, может быть, еще какое-то из высоких узких зданий на Маркет-стрит; старик якобы сказал, что от добросовестности строителя будет зависеть, развалится дом или устоит. В данном случае у него имелось четверо добровольцев, или наемников, которыми были (вы не поверите!) Джек Лондон, Джордж Стерлинг, регтайм-певица, октороном[25], известная под псевдонимом Олив Черч (протеже старой королевы вуду и тому подобного, Мамми Плезант), и некий Феннер.

Вы, конечно, знаете фонтан Лотты на Маркет-стрит? Его подарила городу Лотта Крэбтри, «божество золотых приисков», которую учила танцам (и смежным искусствам?) Лола Монтес (знаменитый Паучий танец, Людвиг Баварский и тому подобное). Итак, четверо последователей Тибо должны были подойти по сходящимся к фонтану улицам, расположенным в форме свастики против часовой стрелки, мысленно сосредоточившись на четырех точках компаса,

---

[25] Примечания: 25

Октороп — человек, имеющий $^1/_8$ часть негритянской крови.

и принести с собой предметы, представляющие четыре элемента: Олив — лилию в горшке (земля), Феннер — бутылку-магнум шампанского (жидкость), Стерлинг — довольно большой детский воздушный шар, наполненный водородом (воздух), а Джек — длинную сигару (огонь).

Им следовало одновременно подойти к фонтану и представить принесенное ему, этому фонтану. Джорджу, например, следовало выпустить в воду водород из шара, а Джеку — погасить в ней сигару.

Олив и Феннер явились первыми. Феннер оказался подвыпившим; возможно, он по дороге продегустировал свое подношение. Думаю, резонно будет предположить, что все четверо решили «воодушевиться» перед важным делом. Очень вероятно, что Феннер ухаживал за Олив и она отказала ему; теперь же он захотел, чтобы она выпила с ним шампанского, она и этого не пожелала, и он попытался насильно влить его ей в рот, но в результате облил ей грудь, и лилию в горшке, и, естественно, весь перед платья.

Пока они воевали на краю фонтана, подошел Джордж. Он возмутился и попытался остановить Феннера, не выпустив при этом воздушный шар, а Олив, визжа и смеясь, любовалась дракой, при-

жимая к мокрой груди лилию в горшке.

В этот момент сзади к ним подошел Джек, оказавшийся пьянее остальных. Он испытал непреодолимое желание поднять руку с сигарой и коснуться тлеющим кончиком воздушного шара.

Прогремел взрыв, полыхнуло пламя. Всем участникам действа опалило брови. Феннер решил, что Стерлинг застрелил его, и рухнул навзничь в фонтан, выпустив бутылку, которая вдребезги разбилась на тротуаре. Олив уронила горшок с цветком и впала в истерику. Джордж был вне себя от ярости и орал на Джека, тот хохотал, как сумасшедший бог, а Тибо, несомненно, мрачно проклинал их где-то вдалеке.

На следующий день стало известно, что тем же вечером, практически одновременно с их эскападой, за Ринкон-Хилл рухнул, превратившись в груду кирпичей, небольшой склад. Причинами объявили возраст здания и ошибки строителей, но Тибо, конечно, утверждал, что это сработал его мегаполисомагический ритуал, а результат оказался столь жалким из-за легкомыслия всех участников и идиотской выходки Джека.

Не знаю, есть ли во всей этой истории хоть какая-то правда; если и есть капля, то искаженная

ради юмористического эффекта. Тем не менее она дает представление о том, как обстояли дела (по крайней мере, позволяет немного ощутить атмосферу).

Что ж, в любом случае нетрудно представить себе, как отреагировали на требования Тибо те примадонны обоего пола, которых он завербовал в свое войско. Вполне возможно, что Джек Лондон и Джордж Стерлинг могли бы для забавы заняться отключением света в многолюдных заведениях, особенно если бы Тибо предложил это, когда они были достаточно пьяны. И даже капризный старикан Бирс с удовольствием мог бы насладиться грохотом и полюбоваться дымом черного пороха, если бы кто-то другой подготовил и произвел взрыв. Но Тибо требовал, чтобы они делали *скучные* вещи, да еще и не объяснял зачем. Это оказалось чересчур для его сторонников. Легенда утверждает, что одна из первых красавиц, эксцентричная светская дама, входившая в число его «послушниц», заявила: «Если бы он попросил меня сделать что-нибудь *сложное,* например соблазнить президента Рузвельта (она, естественно, имела в виду Тедди) или раздеться догола в ротонде магазина „Сити оф Пэрис“, а потом доплыть до Тюленьих скал и приковать

себя к ним, как Андромеда… Но просто стоять час и двадцать минут перед публичной библиотекой с семью довольно большими стальными шарикоподшипниками в лифчике, думать о Южном полюсе и молчать все это время — нет уж, пусть поищет других дураков!»

Видите ли, когда дело дошло до практики, они, должно быть, просто отказались воспринимать его всерьез — либо его революцию, либо его новую черную магию. Джек Лондон смолоду был марксистом-социалистом и изложил свое видение будущего, в которое входила жестокая классовая война, в научно-фантастическом романе «Железная пята». Он не только мог отыскать зияющие пробелы в теории и практике Царства террора, задуманного Тибо, но и наверняка сделал это. И он не мог не понимать, что первый город, который возглавил представитель Лейбористской партии, вряд ли годится для того, чтобы начать отсюда контрреволюцию. Он также был материалистом-дарвинистом и хорошо ориентировался в естественных науках. Он мог бы объявить во всеуслышание и доказать, что «новая черная наука Тибо», со всеми необъяснимыми действиями на расстоянии, всего лишь псевдонаучная пародия и несколько более изящное название для магии.

Как бы то ни было, все они отказались помогать ему даже в экспериментах с мегаполисомагией. И даже если кто-то раз-другой согласился, все это кончалось чем-то вроде конфуза у фонтана Лотты и не приводило ни к каким результатам.

Я полагаю, что к тому времени он утратил контроль над собой и принялся сыпать приказами и грозить карами, а соратники просто смеялись над ним; и когда он не захотел понять, что игра окончена, и продолжил в том же духе, они просто ушли от него.

Не исключено, что они прибегали и к более активным мерам. Я вполне могу себе представить, как богатырь вроде Лондона просто поднимает разъяренного, брызжущего слюной маленького человечка за воротник пальто и штаны и вышвыривает вон.

Байерс вскинул брови:

— Знаете, Франц, это напомнило мне, что тот самый де Кастро, клиент Лавкрафта, был знаком с Амброзом Бирсом и утверждал, что сотрудничал с ним, но во время их последней встречи Бирс заставил де Кастро поторопиться с уходом и, прямо говоря, так стукнул его тростью по голове, что сломал ее. И впрямь очень похоже на те перипетии, которые, по моим предположениям,

могли случиться с де Кастри. Гипотеза о том, что это один и тот же человек, действительно очень привлекательна! Но, увы, ошибочна, потому что де Кастро заказывал Лавкрафту литературную обработку своих воспоминаний о Бирсе уже после смерти де Кастри.

Он вздохнул и поспешил вернуться к основной теме:

— Во всяком случае, какие-то подобные происшествия могли завершить превращение Тибо де Кастри из очаровательного чудака, которому все потакали, в противного старого зануду, скандалиста, попрошайку и *шантажиста,* от которого нужно было защищаться любыми доступными способами. Да, Франц, ходят упорные слухи, что он угрожал шантажом своим бывшим ученикам и, случалось, действительно прибегал к нему, грозя раскрыть скандалы, о которых узнал в те дни, когда они были накоротке друг с другом, или просто донести, что они входили в террористическую организацию (его собственную!). Дважды в это время он, похоже, полностью исчезал на несколько месяцев: скорее всего потому, что попадал в тюрьму (это некоторые из его бывших помощников, занимавших видное положение, без труда могли устроить, хотя ни одного подтвер-

ждения такому предположению я так и не смог найти — очень уж много документов погибло во время землетрясения).

И все же остатки его темного очарования, должно быть, довольно долго сохранялись в умах его бывших помощников; они так и не избавились от ощущения, что он все же обладал зловещими сверхъестественными способностями. И когда рано утром восемнадцатого апреля тысяча девятьсот шестого года землетрясение взметнуло с запада по Маркет-стрит кирпичные и бетонные волны, убивавшие людей сотнями, один из его неверных последователей — несомненно, вспомнив его уклончивые разговоры о магии, способной низвергнуть небоскребы, — якобы воскликнул: «Ай да старый черт! Оказывается, он не впустую грозился!»

Вы сами знаете о том, что Тибо пытался использовать случившееся землетрясение в своем шантаже: «Я уже раз сделал это и могу повторить». Очевидно, пытаясь напугать людей, он использовал все, что приходило ему в голову. Я слышал о нескольких случаях, когда он угрожал своей Царицей Ночи, своей Мадонной Тьмы (этой своей давней таинственной дамой или девушкой), грозил наслать на них свою Черную

Тигрицу, если они не раскошелятся.

Но в основном моя информация за этот период очень отрывочна и односторонняя. Те, кто хорошо его знал, как один старались его забыть (можно сказать, выдавить из себя), ну а два главных источника моих сведений, Клаас и Рикер, знали его только стариком в двадцатых годах и слышали лишь его версию (или версии!) истории. Рикер, бесконечно далекий от политики (в любых толкованиях этого понятия), думал о нем как о великом ученом и метафизике, которому группа легкомысленных богатых людей пообещала деньги и поддержку, но которого затем жестоко обманула и бросила. В революционную часть теории он никогда всерьез не верил. Клаас, напротив, рассматривал де Кастри как несостоявшегося великого мятежника, современного Джона Брауна, Сэма Адамса или Марата, которого богатые, прикидывавшиеся людьми искусства, жаждущие острых ощущений покровители толкнули на действия, а потом, струсив, предали. Они оба с негодованием отвергли домыслы о шантаже.

— А что насчет этой мистической дамы? — прервал его Франц. — Она так и оставалась с ним или поблизости от него? Что говорили о ней Клаас и Рикер?

Байерс покачал головой:

— К двадцатым годам она совсем исчезла — если вообще когда-либо существовала. Для Рикера и Клааса она была просто очередной историей — вернее, одной из множества бесконечно увлекательных историй, которые они время от времени вытягивали из старика. Или же, хоть это и не так увлекательно, давали ему возможность заново пережить былое в памяти. По их словам, за время их знакомства он вообще не имел дела с женщинами. Правда, Клаас однажды проговорился, что старик иногда нанимал проституток, но, когда я попытался разузнать об этом побольше, наотрез отказался рассказывать об этом и заявил, что это личное дело старика и никого больше не касается. Ну а Рикер сказал, что тот питал сентиментальный интерес («слабость в сердце») к маленьким девочкам, и настаивал, что все было абсолютно невинно — этакий современный Льюис Кэрролл. Оба категорически отрицали какие бы то ни было намеки на то, что старик мог быть пристрастен к сексуальным извращениям, а также сплетни о шантаже и появившиеся позже еще более отвратительные слухи, что де Кастри посвятил свои преклонные годы мести предателям и каким-то образом доводил их до смерти

или самоубийства с помощью черной магии.

— Я знаю о нескольких таких случаях, — сказал Франц, — и думаю, что вы собираетесь упомянуть как раз некоторые из них. Что случилось с Норой Мэй Френч?

— Она ушла первой. В тысяча девятьсот седьмом году, всего через год после землетрясения. Несомненное самоубийство. Она умерла в страшных мучениях от яда. Очень трагично.

— А когда умер Стерлинг?

— Семнадцатого ноября тысяча девятьсот двадцать шестого года.

— Похоже, вся эта компания испытывала тягу к самоубийству на протяжении добрых двух десятков лет. — Франц проговорил эту фразу очень задумчиво, хотя пока что не позволял себе глубоко погрузиться в размышления. — Взять хотя бы Бирса, отправившегося в Мексику с несомненным намерением сложить там голову. Если вся жизнь наполнена войной, почему бы не умереть такой смертью? По всей вероятности, он присоединился к повстанцам Панчо Вильи в качестве своего рода неофициального корреспондента революции. Скорее всего, они и пристрелили этого наглого старого гринго, который даже ради самого дьявола не стал бы молчать о том, что не

следует выносить на публику. А Стерлинг, как известно, годами носил пузырек с цианидом в кармане жилета, и совершенно не важно, вынул ли он его в конце концов случайно (что представляется мне надуманным) или намеренно. А потом был случай с Джеком Лондоном (об этом рассказывает дочь Роджерса в своей книге), когда он исчез на пять дней, а затем вернулся домой, где к тому времени собрались Шармейн, сама мемуаристка и еще несколько встревоженных людей, и с озорной, ледяной логикой человека, который допился до того, что хмель его больше не берет, велел Джорджу Стерлингу и Роджерсу *не сидеть с трупом.* Хотя лично я думаю, что алкоголь сам по себе достаточное зло и в этом случае не требовались ни черная магия, ни сила внушения де Кастри.

— Что мог иметь в виду Лондон, произнося эти слова? — спросил Байерс, который, прищурившись, скрупулезно отмерял себе следующую дозу бренди.

— Если чувствуешь, как жизнь теряет свою изюминку, как силы начинают иссякать, надо, не дожидаясь, пока Безносая позовет, взять его за руку и уйти, смеясь.

— Безносая?..

— Лондон просто-напросто дал Смерти напрашивающееся прозвище, на которое наводит ее общепринятый облик: череп, обтянутый кожей. Нос — это хрящи, и поэтому череп…

Глаза Байерса вдруг широко раскрылись, и он ткнул пальцем в сторону гостя.

— Франц! — взволнованно воскликнул он. — Эта параментальная сущность, которую вы видели… У нее был нос?

Франц, как будто получив постгипнотическую команду, крепко зажмурился, немного запрокинул голову и поднес ладони к лицу, словно намеревался спрятать его. Слова Байерса живо возродили перед мысленным взором бледно-коричневую, пустую треугольную морду.

— Впредь, — сказал он, тщательно подбирая слова, — никогда не говорите подобных вещей так внезапно. Да, у нее не было носа.

— Мой дорогой Франц, покорнейше прошу прощения. Такого больше не повторится. Я до сих пор не представлял себе в должной мере, как может подействовать на человека вид этой сущности.

— Ничего, ничего… — негромко ответил Франц. — Итак, четверо его последователей скончались безвременно (за исключением, возможно, Бирса), пали жертвами своих необузданных пси-

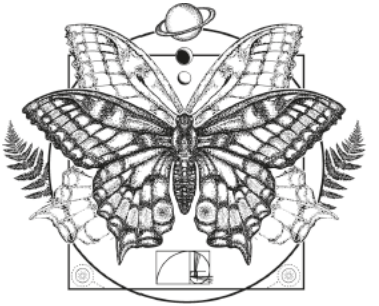
хе…[26] Или чего-то другого.

— И по крайней мере столько же менее известных персон, — снова очень уместно подхватил Байерс. — Знаете, Франц, меня всегда поражало, как в последнем великом романе Лондона «Смирительная рубашка» разум полностью побеждает материю. Благодаря невероятной самодисциплине заключенный, отбывающий пожизненный срок в Сан-Квентине, получает возможность сбежать душой сквозь толстые стены своей тюрьмы, свободно перемещаться по миру и возвращаться к своим прошлым воплощениям, заново переживать свои смерти. Почему-то это вновь наводит меня на мысли о постаревшем де Кастри, который в двадцатых годах одиноко жил в дешевых отелях в центре города и размышлял, размышлял, размышлял о былых надеждах, славе и катастрофах. А также (представляя себе тем временем отвратительные нескончаемые пытки) о причиненных ему обидах, мести (независимо от того, предпринимал он на самом деле какие-то действия или нет) и о… Кто знает, о чем еще? Устремляясь разумом в… Кто знает, какие странствия?

---

[26] Примечания: 26

Психе — теософский термин, обозначающий животную, земную душу.



Глава 21

— А теперь, — продолжил Байерс, понизив голос, — я должен рассказать вам о последнем из сподвижников Тибо де Кастри и его окончательном финале. На этом этапе жизни следует представлять де Кастри согбенным стариком — по большей части молчащим, всегда подавленным и впавшим в паранойю. Например, какое-то время он мог взять в обычай не прикасаться ни к чему металлическому, так как был уверен, что враги пытаются убить его электрическим током. В другие дни он боялся, что они травят водопроводную воду в трубах, идущих в его жилье. Он редко выходил на улицу, опасаясь, что его собьет выскочившая на обочину машина, а он давно уже не настолько проворен, чтобы увернуться, или что враги разобьют ему голову кирпичом или черепицей, сброшенной с высокой крыши. Он часто переезжал из отеля в отель, чтобы сбить их со следа. Теперь его контакты с бывшими соратниками ограничивались упорными попытками вернуть и сжечь все экземпляры своей книги, хотя, возможно, ему случалось и шантажировать их, и попрошайничать. Однажды Рикер и Клаас

присутствовали при таком аутодафе. Совершенная нелепость — он сжег два экземпляра в ванне. Им запомнилось, как они открывали окна, чтобы выпустить дым. Только они тогда, пожалуй, и посещали его (возможно, за одним-двумя исключениями) — одинокие и эксцентричные типы, и уже такие же, как он, неудачники, хотя им было всего лишь немногим за тридцать.

Потом появился Кларк Эштон Смит — сверстник этих двоих, но в отличие от них полный поэзии, воображения и творческой энергии. Кларк тяжело переживал ужасную смерть Джорджа Стерлинга и решил разыскать друзей и знакомых своего наставника в поэзии — всех, кого только удастся найти. Де Кастри почувствовал, что старые уголья разгораются. Рядом с ним появилась еще одна из тех блестящих, жизненно важных личностей, которых он всегда пытался собрать вокруг себя. Его посетило искушение (и в конце концов он полностью уступил ему) в последний раз проявить свое грозное обаяние, поведать о своей жизни, похожей на сказку, убедительно изложить свои жуткие теории и сплести заклинания.

И Кларк Эштон, любитель странного, видящий в этом красоту, высокоинтеллектуальный, но, в

определенной степени, сохранивший наивность юноша из маленького городка, не наученный обуздывать эмоции, оказался более чем благодарным слушателем. Кларк несколько недель откладывал возвращение в Оберн, с гибельным восторгом погружался в зловещий, удивительный, до изумления *реальный* мир, который старый Тиберий, император ужасов и тайн, ежедневно рисовал для него заново, — Сан-Франциско, состоящий из прочных, несмотря на свою призрачность, мегапостроек и невидимых параментальных сущностей, более реальных, чем жизнь. Легко понять, почему Кларку так понравилось отождествлять собеседника с Тиберием. Однажды он написал… Подождите минутку, Франц, я достану ксерокопию…

— Не трудитесь, — остановил его Франц и полез в боковой карман за оригиналом дневника. Когда он доставал тетрадь, из кармана выпал бинокль и грохнулся на толстый ковер, жалобно брякнув болтавшимся внутри разбитым стеклышком.

Байерс проследил бинокль взглядом, исполненным нездорового любопытства.

— Значит, эти стеклышки (внимание, Франц!) несколько раз видели параментальную сущность и в конце концов были ею уничтожены… — Глаза

перескочили к тетради. — Ай да Франц, ай да хитрец! Вы подготовились, по крайней мере, к части этой дискуссии еще до того, как отправились на прогулку в Корона-Хайтс!

Франц поднял бинокль и положил его на низкий столик рядом со своей переполненной пепельницей, одновременно окинув взглядом комнату и ее окна, за которыми золото немного потемнело.

— Мне кажется, Дональдус, вы тоже что-то скрываете, — тихо сказал он. — Сейчас вы считаете бесспорным, что дневник вел не кто иной, как Смит, но во время нашего разговора в Хейте и в письмах, которыми мы с вами потом обменивались, вы говорили, что не уверены в этом.

— Тут вы меня поймали, — признался Байерс с довольно странной легкой полуулыбкой; возможно, ему действительно было немного стыдно. — Но, знаете, Франц, мне показалось, что будет *разумнее* посвящать в эту историю как можно меньше народу. Сейчас, конечно, вы знаете не меньше, чем я, или узнаете через несколько минут, но… Слова «есть такие вещи, которые человеку не следует знать» употребляют довольно часто и по разным поводам, но мне иногда кажется, что они напрямую относятся к Тибо де

Кастри и сфере паранормального. Вы позволите взглянуть на дневник?

Франц, не вставая, бросил тетрадку собеседнику. Байерс поймал ее так бережно, будто она была сделана из яичной скорлупы, и, укоризненно взглянув на гостя, открыл ее и перелистнул пару страниц.

— Да, вот это место. «Родос, шестьсот семь. Сегодня провел там три часа. Разве пристало тут обретаться гению?! „Какая проза!“ — сказал бы Говард. И все же Тиберий есть Тиберий, изредка посвящающий Трасилла в кое-что из своих темных тайн в ущелье среди гор Сан-Франциско, столь похожем на каприйскую пещеру, чтобы тот передал откровения много лет дрожащему за свою жизнь юному наследнику (Боже, нет! Только не я!) Калигуле. И размышляющий при этом, скоро ли я тоже сойду с ума».

Байерс закончил чтение и принялся листать тетрадку дальше, аккуратно, по одной странице, и даже не остановился на пустых листах. Время от времени посматривая на Франца, он тщательно изучал каждую страницу пальцами и глазами, прежде чем перевернуть ее.

— Кларк и впрямь думал о Сан-Франциско как о современном Риме, — непринужденным тоном

сказал он, — и не только потому, что в обоих городах по семь холмов. Из Оберна он наблюдал, что Джордж Стерлинг и прочие жили так, будто вся жизнь была Римскими играми с гладиаторскими боями, оргиями и тому подобным. И Кармель, возможно, выступал аналогом Капри, который, в свою очередь, являлся для Тиберия просто маленьким Римом, где можно было предаваться более экзотическим развлечениям и играм. Рыбаки приносили старому распутнику-императору свежевыловленных омаров; Стерлинг нырял с ножом за гигантскими морскими ушками. Конечно, этот самый Родс-Родос для Кастри представлял собой то же самое, что Капри для Тиберия, когда тот лишь подходил к порогу преклонных лет. (А не Родос, где он был еще молодым и не имевшим власти.) Нет, я понимаю, почему Кларк не хотел стать Калигулой. «Искусство, как бармен, никогда не пьянеет…» Или ударяется в истинную шизофрению. О, здрасте вам! Это еще что такое?

Его ногти нежно теребили край страницы.

— Ну, дорогой Франц, мое предположение, что вы вовсе не библиофил, получило блестящее подтверждение. Надо было не стесняться, а украсть у вас книгу в тот вечер, когда мы с вами познакомились в Хейте. Честно говоря, я

совсем было собрался так поступить, но какая-то галантность в вашем пьяном поведении тронула мою совесть, а следовать ее порывам отнюдь не разумно. Вот!..

Раздался чуть слышный хруст, одна из страниц раскрылась, превратившись в две, и оказалось, что внутри содержался текст.

— Надпись черная, будто совсем свежая, — сообщил Байерс. — Скорее всего, тушь, но писали очень аккуратно и без нажима, чтобы совсем не поцарапать бумагу. Потом несколько крошечных капель гуммиарабика, так мало, что бумага не сморщилась, и вуаля! Получается довольно надежный тайник. Где умный человек прячет лист? В лесу. «На их одеждах есть письмена, кои никто не должен узреть…» О, этого не может быть!

Последнюю реплику он произнес, бегая глазами по обнаруженной записи. Потом решительно поднял взгляд, встал и, держа тетрадку на вытянутой руке, подошел и сел на пятки прямо на ковер рядом с Францем, так близко, что тот ощущал запах бренди в его дыхании, и развернул дневник высвобожденными страницами к себе и гостю. Левая страница оказалась чистой, а на правой имелась надпись, сделанная действительно очень черными чернилами, но буквы были мел-

кими, тонкими, как паутина, очень аккуратно выведенными и даже отдаленно не похожими на почерк Смита.

— Спасибо, — сказал Франц. — Очень странно. Я ведь листал эти страницы не один десяток раз, наверное.

— Но вы не изучали каждую из них досконально с глубоким пристрастием истинного библиофила. Инициалы подписавшего указывают на то, что писал сам старый Тиберий. И я делюсь с вами содержимым записи не столько из вежливости, сколько из страха. Стоило мне взглянуть на начало, я понял, что не стоит читать это в одиночку. Так, мне кажется, будет безопаснее — по крайней мере, опасность будет разделена.

И они вдвоем прочитали, молча:

ПРОКЛЯТИЕ мастеру Кларку Эштону Смиту, фальшивому проныре, агенту моих старых врагов, рассчитывавшему покопаться в моих мозгах и ускользнуть, и всем его наследникам. Он обречен Долгой Смерти, параментальным мучениям! Когда его принесет назад, как это бывает с каждым человеческим существом, точка опоры (0) и шифр (А) пребудут здесь, в его любимом «Родосе», 607. Я буду покоиться в назначенном мне месте (1) под Креслом епископа, самым тяжелым пеплом, который когда-либо ощущал мир. Затем, когда весы горы Сатро (4) и Обезьяньей глины (5) заработают и сойдутся в уравнении [(4) + (1) = (5)], да БУДЕТ его Жизнь Изъята. Предаюсь шифрованию в моем 50-книжии (А). Итак, моя книжечка (Б), иди в мир, и затаись, и прячься на полках, поджидая неосторожного покупателя. Иди, моя книжечка, и сверни несколько шей!

ТДК

Когда Франц закончил чтение, в голове у него крутилось столько названий мест и вещей, как

знакомых, так и незнакомых, что ему пришлось особо собраться с мыслями, чтоб напомнить себе хотя бы визуально проверить окна, двери и углы великолепной гостиной Байерса, которая теперь заполнялась тенями. Упоминание о тяжестях, которым предстояло лечь… Он не мог сообразить, что это значит, но вместе с «самым тяжелым пеплом» эти слова заставили его вспомнить о старике, которого задавили насмерть, навалив тяжелых камней на лежавшую на груди доску за отказ давать показания на суде по делу о колдовстве в Салеме в 1692 году, как будто признание можно было выдавить, как последнее дыхание.

— Обезьянья глина… — растерянно протянул Байерс. — Глиняное изваяние шимпанзе? Несчастный страдающий человек, слепленный из праха?

Франц покачал головой. «И среди всего этого, — подумал он, — опять этот треклятый Родс, шестьсот семь! Он вылезает снова и снова и, в каком-то смысле, связывает все это воедино».

Подумать только, сколько лет он владел тетрадкой и не наткнулся на этот тайник. Такие события заставляют человека впадать в подозрительность и терять доверие к любым самым близким, привычным ему вещам. Ведь чего толь-

ко нельзя спрятать в подкладке твоей одежды, или в правом кармане брюк (если дело касается женщины, то в ее сумочке или лифчике), или в куске мыла, которым моешься. Там, внутри, вполне может оказаться лезвие бритвы.

Кроме того, он наконец-то взглянул на собственноручную запись де Кастри, сделанную таким аккуратным почерком, но совершенно невнятную по содержанию.

Но озадачило его нечто совсем другое.

— Дональдус, — сказал он, — как де Кастри смог добраться до дневника Смита?

Байерс медленно, с усилием выдохнул, распространяя вокруг запах алкоголя, потер лицо руками (Франц подхватил тетрадку, чтобы она не упала на пол) и сказал:

— Ну конечно. И Клаас, и Рикер говорили мне, что де Кастри был очень обеспокоен и обижен, когда Кларк вернулся в Оберн (как оказалось, без предупреждения, после того как каждый день на протяжении месяца или около того навещал старика). Де Кастри, по их словам, был так обеспокоен, что отправился в дешевые меблированные комнаты, где жил Кларк, заявил, что он дядя постояльца, и уговорил управляющего, чтобы тот отдал ему кое-что из оставленного

Кларком при поспешном отъезде. «Я сохраню их для маленького Кларка», — сказал он Клаасу и Рикеру, а позже (после того, как они пообщались с Кларком) добавил: «Я отправил его вещи ему обратно». Они даже не подозревали, что старик питал неприязненные чувства к Кларку.

Франц кивнул.

— Но, в таком случае, каким образом этот дневник (уже со вписанным туда проклятием) попал от де Кастри туда, где на него наткнулся я?

— Кто знает? — устало сказал Байерс. — А вот это проклятие напомнило мне об еще одной стороне характера де Кастри, о которой я пока не упоминал: его пристрастии к довольно жестоким розыгрышам. Несмотря на болезненный страх перед электричеством, он с помощью Рикера соорудил стул с хитроумной подушкой, через которую любого сидящего могло ударить током. Он держал это устройство для коммивояжеров обоего пола, детей и других случайных посетителей и чуть не влип из-за него в очередные неприятности с полицией. Обжег задницу какой-то юной леди, которая искала работу машинистки. Если вдуматься, за этой историей можно разглядеть подлинный садомазохистский фон, вам не кажется? Электричество как носи-

тель острых ощущений и боли. Разве в книгах мы не натыкаемся сплошь и рядом на «электрические поцелуи»? Ах, зло в сердцах людей неизбывно, — неожиданно назидательным тоном закончил Байерс. Он встал, оставив дневник в руках Франца, и вернулся на свое место. Франц вопросительно взглянул на него и приподнял руку с тетрадью, но хозяин сказал, наливая себе еще бренди:

— Нет, оставьте ее себе. Это ваша вещь. В конце концов, вы ее купили и она вам принадлежит. Только, ради всего святого, относитесь к ней более бережно! Это очень редкая вещь.

— И все же, Дональдус, что вы думаете о ней? — спросил Франц.

Дональдус поднес бокал к губам и пожал плечами.

— У меня от этого, так сказать, документа мурашки по коже, — ответил он, улыбнувшись Францу с таким выражением, будто был очень рад, что тетрадь осталась у гостя. — И ведь он действительно многие годы таился, лежа на каких-то полках… Франц, вы помните что-нибудь о том месте, где купили его?

— Пытался вспомнить, и не раз, — страдающим голосом ответил Франц. — Точно уверен, что

это было в Хейте. Но как же оно называлось?.. «Для своих»? «Черное пятно»? «Черная собака»? «Серый какаду»? Нет, ни то, ни другое, ни третье. Я перебрал сотни названий. Кажется, в него входило слово «черный», но лавка вроде бы принадлежала белому мужчине. И ему помогала маленькая девочка, возможно его дочь. Вообще-то, не такая уж и маленькая — насколько я помню, она вступила в период половой зрелости и хорошо это осознавала. Норовила прислониться ко мне… Очень уж расплывчатые воспоминания. И вроде бы припоминается (я, конечно, был пьян), что меня к ней влекло, — признался он, преодолев смущение.

— Мой дорогой Франц, а кого бы не влекло? — заметил Байерс. — Маленькие милашки, испытавшие лишь первый, робкий поцелуй осознания своего пола, но уже ощущающие его! Разве можно тут ничего не почувствовать? Вы помните, сколько заплатили за книги?

— По-моему, очень много. Но я невольно перехожу от воспоминаний к догадкам.

— Но вы могли бы найти эту лавку, пройдясь по Хейту, улица за улицей…

— Пожалуй, мог бы, если она еще существует и не сменила название. Но, Дональдус, вы не

хотите довести свое повествование до конца?

— Да, конечно. Тем более что осталось не так уж много. Знаете, Франц, есть довольно веские основания считать это… э-э… проклятие не особенно действенным. Кларк прожил долгую и плодотворную жизнь — еще тридцать три года. Обнадеживает, вам не кажется?

— Он не возвращался в Сан-Франциско, — коротко ответил Франц. — Если и бывал здесь, то очень редко.

— Да, это верно. Что ж, де Кастри после расставания с Кларком остался просто одиноким угрюмым стариком… Примерно тогда же он изложил Джорджу Рикеру свою биографию в совершенно неромантическом виде. Оказалось, что он потомок канадских французов, а вырос в Северном Вермонте, его отец был то печатником в маленьком городке, то фермером, который проваливался во всех своих начинаниях, а он сам был одиноким и несчастным ребенком. В этом есть доля правды, вам не кажется? И все это заставляет задуматься, какой могла быть сексуальная жизнь такого человека. Я бы сказал, что для любовниц там вообще нет места, а уж для таинственных высокопросвещенных иностранок… Как бы там ни было, с Кларком он предпринял последнюю

попытку сыграть всемогущего ужасного колдуна, и результат оказался столь же горьким, как и в первой попытке, которую он предпринял в Сан-Франциско эпохи *fin de siecle*[27] (если, конечно, он не делал ничего подобного раньше). Угрюмый, одинокий… В то время у него был только один литературный знакомый — или, если уж на то пошло, друг, как ни толкуй это понятие. Тут Клаас и Рикер единодушно сходятся. Это Дэшил Хэммет, который жил тогда в Сан-Франциско в съемной квартире на углу Пост и Гайд-стрит и писал «Мальтийского сокола». Мне это пришло на ум, когда вы пытались вспомнить название книжной лавки — «Черная собака», «Какаду» и прочее. Видите ли, в детективном романе Хэммета покрытого черной эмалью и усыпанного, как в сказке, драгоценными камнями золотого сокола (в конце концов выясняется, что это подделка) иногда называют Черной птицей. Клаас и Рикер рассказали мне, что они с де Кастри много говорили о черных сокровищах. И об исторической подоплеке книги Хэммета: рыцарях-госпитальерах (позже они стали называться мальтийскими рыцарями), которые создали этого сокола, и о том,

[27] Примечания: 27

Букв.: конец века *(фр.).* Так называют эпоху конца XIX — начала XX веков.

что некогда они еще именовались родосскими рыцарями…

— Опять этот Родс-Родос! — перебил Франц. — Родс, шестьсот семь!..

— Да, — согласился Байерс. — Сначала Тиберий, потом госпитальеры. Они владели островом двести лет, но в тысяча пятьсот двадцать втором году султан Мухаммед Второй все же выгнал их оттуда. Но насчет Черной птицы… Помните, я недавно говорил о перстне де Кастри *pietra dura* — мозаике из черных полудрагоценных камешков, изображающей черную птицу? Клаас утверждал, что именно этот перстень вдохновил Хэммета на сюжет «Мальтийского сокола»! Конечно, не стоит заходить в предположениях очень уж далеко, но все это действительно странно, вам не кажется? Де Кастри и Хэммет. Черный маг и автор «крутых» детективов.

— Если подумать, то странного вовсе не так уж много, — возразил Франц, взгляд которого снова отправился в бесцельные скитания по комнате. — Ведь Хэммет был не только одним из немногих великих романистов Америки, но и довольно одиноким и замкнутым человеком и, помимо всего прочего, отличался почти невероятной честностью. Он ведь предпочел отбыть

тюремный срок, но не выдал доверившихся ему людей. Во время Первой мировой войны он добровольно завербовался в армию, служил на холодных Алеутских островах, а в конце жизни долго и упорно сопротивлялся безнадежной болезни. Нет, он должен был заинтересоваться таким неординарным стариканом, как де Кастри, и проявить суровое, без сантиментов, сострадание к его одиночеству, горечи и неудачам. Извините, Дональдус, продолжайте.

— Да, собственно, и продолжать-то нечего, — сказал Дональдус, но его глаза вдруг забегали. — Де Кастри умер от тромбоза коронарной артерии в тысяча девятьсот двадцать девятом году, пролежав две недели в городской больнице. Это случилось летом; помнится, Клаас сказал, что старик немного не дожил до краха фондового рынка и начала Великой депрессии, а ей бы он порадовался, потому что она явилась бы подтверждением его теории о том, что из-за чрезмерного увлечения мегаполисным онанизмом мир стремительно катится в тартарары.

Вот и все. Де Кастри кремировали, согласно его пожеланию, на что ушли его последние деньги. Скудное имущество разделили между собой Рикер и Клаас. Никаких родственников у него,

конечно, не было.

— Я рад, — сказал Франц. — В смысле, рад тому, что его кремировали. О, я знаю, что он умер, не мог он не умереть в таком-то возрасте, но все равно, помимо всего прочего, о чем шла речь сегодня, у меня сложился образ де Кастри. Он был очень стар, но при этом жилист и все еще очень проворен и продолжал рыскать по Сан-Франциско. И, благодаря тому факту, что он не только умер в больнице, но и был кремирован, его смерть представляется более бесповоротной.

— Пожалуй, что так, — согласился Байерс, бросив на него странноватый взгляд. — Они с Рикером никак не могли придумать, что же делать с прахом, и Клаас некоторое время держал прах прямо у себя дома, возле входной двери, в дешевой урне, предоставленной крематорием. В конце концов они решили исполнить желание де Кастри и захоронить урну там, где тот хотел, невзирая даже на то, что это было бы совершенно незаконно и копать пришлось бы тайно, ночью. Рикер взял с собой складной бур, завернутый в газету, а Клаас — маленькую лопатку, спрятанную таким же образом.

На похоронах присутствовали еще два человека. Один из них — Дэшил Хэммет. Так получилось,

что он решил один важный вопрос. Они не могли договориться, нужно ли похоронить черный перстень де Кастри (он хранился у Клааса) вместе с прахом, и спросили Хэммета, как поступить, а тот сказал: «Конечно».

— Логично, — кивнул Франц. — И все-таки очень странно.

— Полностью с вами согласен, — ответил Байерс. — Они привязали его к горловине урны толстой медной проволокой. А четвертым человеком — он как раз и нес эту самую урну — был Кларк. Думаю, это вас удивит. Он находился в Оберне, они связались с ним, и он приехал только на одну ночь. Если подумать, из этого следует, что Кларк не мог знать о проклятии, согласны? Как бы там ни было, маленькая похоронная процессия вышла из дома Клааса сразу после наступления темноты. Ночь была ясная, до полнолуния оставалось всего несколько дней, в небе ярко светила луна, что было им на руку, так как нужно было немного подняться туда, где не доставал свет уличных фонарей.

— Значит, их было четверо? — осведомился Франц, как только Байерс умолк, чтобы перевести дух.

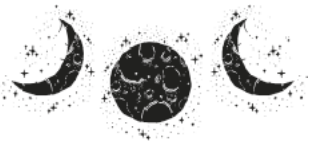
— Удивительно, что вы об этом спросили, —

сказал Байерс. — Когда все закончилось, Хэммет спросил Рикера: «Черт возьми, кто была та женщина, которая шла за нами? Какая-нибудь его старая пассия? Я ожидал, что она либо отстанет, когда мы доберемся до скал, либо, напротив, присоединится к нам, но она все время держалась поодаль». Рикер сильно встревожился, потому что он, как оказалось, никого не заметил. Как и Клаас или Смит. Но Хэммет стоял на своем.

Байерс посмотрел на Франца с каким-то странным удовлетворением и быстро закончил:

— Похороны прошли без всяких осложнений, хотя бур все же понадобился — земля была твердой. Не хватало только телебашни (этого фантастического гибрида портновского манекена и бирманской пагоды в праздничном украшении из красных фонариков), чтобы ночью склониться с высоты и одарить мир сокровенным благословением. Могила находилась прямо под естественным скальным сиденьем, которое де Кастри называл Креслом епископа, по аналогии с Чертовым стулом из Дома епископа, появляющегося в рассказе По «Золотой жук», прямо у подножия того большого скального выступа, который и является вершиной Корона-Хайтс. И кстати, они пошли навстречу еще одной его при-

хоти — его кремировали в заношенном до дыр старом домашнем халате, бледно-коричневом с капюшоном.



Глава 22

Глаза Франца, продолжавшие озабоченно обшаривать комнату, получили команду искать в тенях и полумраке не только бледное, пустое, треугольное лицо с беспокойным хоботком, но еще и худое, ястребиное, призрачное лицо мученика и мучителя, потенциального, а может, и настоящего убийцы, гиперактивного старика, схожего с каким-то из персонажей иллюстраций Доре к «Аду» Данте. Поскольку он никогда не видел фотографии де Кастри, если она вообще существовала, этого должно было хватить.

Его разум пытался усвоить мысль о том, что Корона-Хайтс буквально пропитан аурой и материальными останками Тибо де Кастри. Что и вчера, и сегодня он сам довольно долго восседал на камнях, которые почти наверняка должны быть тем самым Креслом епископа, упоминаемым в проклятии, а всего в нескольких ярдах под ним в твердой земле находились неотъемлемая пыль (соли?) и черное кольцо. Что там было в шифрованной записке в рассказе По? «Хорошее стекло в доме епископа на Чертовом стуле…» Его стекло — бинокль — разбилось, но теперь,

похоже, предстоят только действия на ближнем расстоянии, где ему вряд ли понадобится оптика. Что хуже — призраки или параментальные сущности? Или же стоит предположить, что это одно и то же? Если просто наблюдаешь за приближением того и другого или чего-то одного из этой пары, вопрос остается, в общем-то, чисто академическим, независимо от того, с каким количеством интересных проблем это явление сопряжено на разных уровнях реальности. Где-то в глубине души Франц сознавал, что злится на сложившуюся картину (а возможно, просто восстает против нее).

— Дональдус, включите, пожалуйста, свет, — сухо сказал он.

— Должен отметить, что вы воспринимаете это очень хладнокровно, — сказал хозяин, в тоне которого странным образом смешивались разочарование и благоговение.

— А чего же вы от меня ждали? Что я ударюсь в панику? Выбегу на улицу, где меня застрелят? Или придавит обрушившейся стеной? Или разрежет летящим с высоты стеклом? Я полагаю, Дональдус, что вы тянули с точным указанием местоположения могилы де Кастри, чтобы оно произвело больший драматический эффект и,

следовательно, оказалось более правдивым, в соответствии с вашей теорией идентичности реальности и искусства, верно?

— Вот именно! Вы *это* понимаете, а ведь я *заранее* предупредил, что там будет призрак, и заметил, насколько хорошо граффити из астрологических знаков могут послужить эпитафией Тибо или украшением его гробницы. Ну разве все это не удивительно, Франц? Подумать только, вы впервые посмотрели из своего окна на Корона-Хайтс, еще ничего не зная об останках Тибо де Кастри…

— Включите свет, — повторил Франц. — Знаете, Дональдус, я нахожу удивительным, что вы, уже много лет зная и о параментальных сущностях, и о крайней зловредности устремлений де Кастри, и о весьма интригующих обстоятельствах его похорон, все же не приняли практически никаких мер защиты от них. Вы ведете себя как солдат, самозабвенно пляшущий на ничейной полосе. Конечно же, постоянно помня при этом, что я (или вы сами, или мы оба) могу в этот миг полностью лишиться рассудка. Вполне вероятно, что вы узнали о проклятии только сейчас. Но вы ведь заперли дверь на засов, впустив меня в дом. Да зажгите уже свет!

Байерс наконец-то услышал просьбу. Из большого шаровидного абажура, висящего под потолком, лилось тусклое золотое сияние. Хозяин (как казалось Францу, с несколько недовольным видом) прошел в прихожую и щелкнул там выключателем, затем вернулся в гостиную, включил весь свет там, а затем принялся открывать еще одну бутылку бренди. Окна превратились в темные прямоугольники, обрамленные золотой сеткой. Снаружи наступила настоящая ночь. Но по крайней мере, внутри тени были изгнаны.

Все это время он говорил не переставая, и теперь, когда он завершил свой рассказ, голос его звучал монотонно и уныло.

— Франц, вы, безусловно, можете доверять мне. Я не рассказывал вам о де Кастри, исходя исключительно из соображений вашей безопасности. Ну а сегодня стало ясно, что вы глубоко увязли в этом деле, нравится вам это или нет. И поверьте, то, что я говорил, отнюдь не пустая болтовня. Однако если я что и понял за эти годы, так это то, что милосерднее будет *не* рассказывать никому о темной стороне персоны де Кастри и его теориях. Потому-то я никогда даже не *думал* составить и опубликовать монографию об этом человеке. Другой причины просто не было, ведь подобная

книга наверняка имела бы большой успех. Фа Лосюи знает все — от любовницы, с которой так близок, ничего не скроешь, — но у нее действительно очень глубокий и цепкий ум, о чем я уже упомянул. Честно говоря, после вашего звонка сегодня утром я попросил ее, когда она уходила, выкроить немного времени и еще раз поискать книжную лавку, где вы купили дневник, у нее талант к таким делам. Она улыбнулась и сказала, что (удивительное совпадение!) именно этим и намеревалась заняться.

Кроме того, — продолжал он, — хоть вы и говорите, что я не принимаю никаких мер предосторожности, я их как раз принимаю, и очень даже принимаю! По словам Клааса и Рикера, старик как-то обмолвился, что существуют три средства защиты от «нежелательных влияний»: серебро — самое древнее из известных, если можно так выразиться, противоядий от оборотничества (кстати, это одна из причин, по которым я поощряю увлечение Фа Лосюи ювелирным искусством), абстрактные узоры, издревле служащие ловушками для внимания (надеюсь, они действуют и на параментальные сущности; отсюда и все усложненные, похожие на лабиринты арабески, которые вы видите вокруг), и *звезды*,

первобытный вариант пентаграммы (большую часть этих астрологических граффити на Корона-Хайтс намалевал не кто иной, как я, несколько раз отправляясь туда холодными ночами, в предрассветные часы, когда можно было не сомневаться, что там никто не нарушит моего уединения!).

— Дональдус, — резко сказал Франц, — оказывается, вы все это время были намного глубже и сильнее вовлечены в эту историю, чем говорили мне, и ваша подружка, по-видимому, не в меньшей степени, чем вы сами.

— Мой компаньон, — поправил Байерс. — Или, если угодно, возлюбленная. Вы правы, эта тема на протяжении нескольких лет являлась одной из главных моих, так сказать, второстепенных забот, а сейчас перешла в число первостепенных. Но о чем я говорил? Ах да, о том, что Фа Лосюи знает все. Как и пара ее предшественниц — известный дизайнер интерьеров и звезда тенниса, подвизающаяся также на актерском поприще. Знали еще Кларк, Клаас и Рикер, они поставляли мне информацию, но все они мертвы. Так что, как видите, я все же пытаюсь защитить других (и себя), до определенной степени. Я отношусь к параментальным сущностям как к существующей и вполне реальной опасности, которой, по

ее природе, следует отвести место где-то между атомной бомбой и архетипами коллективного бессознательного, в числе которых, как вам известно, имеется несколько очень опасных персонажей. Или между Чарльзом Мэнсоном или убийцей Зодиаком и каппа-феноменом, определение которому дала Мелита Деннинг в «Гностике». Или между грабителями и элементалями, или вирусами гепатита и инкубами. В общем, всего, от чего любой здравомыслящий человек должен держаться как можно дальше.

Но учтите, Франц, — подчеркнул он, наливая бренди в два бокала, — несмотря на то что я изучаю эту тему уже давно и знаю намного больше, чем вы, мне пока что не доводилось *видеть* параментальную сущность. Здесь у вас передо мной преимущество. И похоже, *немалое* преимущество. — Он взглянул на Франца с очевидной завистью и некоторым страхом.

Франц встал.

— Возможно, — коротко бросил он. — По крайней мере, в том, что я стараюсь соблюдать осторожность. Вы говорите, что пытаетесь защитить себя, но ваше поведение говорит совсем об обратном. Прямо в данный момент — извините меня, Дональдус, — вы уже пьяны настолько, что

оказались бы совершенно беспомощны, если бы параментальная сущность…

Брови Байерса медленно поползли на лоб.

— Неужели вы надеетесь, что сможете защититься от них, противостоять им, сражаться с ними, уничтожить их, если они окажутся рядом? — недоверчиво спросил он; его голос вновь окреп. — Сумеете ли вы остановить атомную ракету, если она прямо сейчас пробивает ионосферу, направляясь в Сан-Франциско? Способны ли вы управлять микробами холеры? Можете ли вы уничтожить свою аниму или хотя бы тень? Послушается ли вас полтергейст, если вы прикажете ему не стучать? Или Царица Ночи, если вы потребуете, чтобы она не вмешивалась? Невозможно круглосуточно месяцами, годами оставаться настороже. Поверьте, я знаю, что говорю. Солдат, скорчившийся в окопе, не в состоянии угадать, попадет следующий снаряд в него или ударит мимо. А попытавшись, свихнулся бы. Нет, Франц, в наших силах только запереть двери и окна, включить все лампы и надеяться, что они пройдут мимо. И постарайтесь выкинуть их из головы. Ешь, пей и веселись! Воссоздай себя заново! Вот, выпейте-ка.

Он шагнул к Францу, протягивая бокал, до по-

ловины наполненный бренди.

— Нет, спасибо, — огрызнулся Франц, засовывая дневник в карман куртки, что, похоже, вызвало у Байерса мимолетное огорчение.

Затем он поднял побрякивающий бинокль и сунул его в другой боковой карман, мельком подумав о волшебном бинокле из рассказа Джеймса о привидениях «Вид с холма», предназначенном для того, чтобы видеть прошлое. Когда он разбился, из него вылилась отвратительная черная жидкость из вываренных человеческих костей. Не могло ли случиться так, что его собственный бинокль каким-то образом подменили или переделали, чтобы он видел с его помощью нечто несуществующее? Дикая, притянутая за уши идея, но, как бы там ни было, его собственный бинокль тоже разбит.

— Простите, Дональдус, но мне нужно идти, — сказал он, направляясь в холл. Он знал, что *обязательно* выпьет, если останется, а первая же рюмка непременно послужит началом запоя. Перспектива утраты здравого рассудка, от которой он *не сможет очнуться*, представлялась ему более чем отталкивающей.

Байерс поспешил за ним. Его торопливость и усилия, которые он прилагал, чтобы не рас-

плескать содержимое бокалов, показались бы смешными, если бы не нынешние обстоятельства и не испуганный, жалобный, умоляющий голос:

— Франц, вам нельзя уходить — уже темно. Вы рискуете наткнуться на шныряющую по городу параментальную тень старого черта, а то и на него самого. Держите — выпейте и оставайтесь на ночь. По крайней мере, на вечеринку. Раз уж вы решили сохранять бдительность, вам необходимо немного отдохнуть и развеяться. Вы наверняка найдете приятную и сговорчивую партнершу — они все тут свингеры, но образованные и утонченные. А если боитесь, что алкоголь затуманит разум, у меня есть немного кокаина, чистейшего кристаллического кокаина. — Он залпом осушил один бокал и поставил его на столик в прихожей. — Послушайте, Франц, мне тоже страшно, а вы как побледнели, когда я рассказал, где покоится прах старого греховодника, так и не пришли в себя. Оставайтесь на вечеринку. И выпейте хотя бы глоток — этого хватит, чтобы немного расслабиться. В конце концов, другого выхода нет, поверьте мне. Вы просто выбьетесь из сил, пытаясь вечно оставаться на карауле. — Он слегка покачивался и чрезвычайно любезно улыбался, сохраняя вкрадчивое выражение лица.

Франц и сам почувствовал, что на него наваливается усталость. Он потянулся к бокалу, но, коснувшись кончиками пальцев стекла, отдернул руку, как будто обжегся.

— Тсс, — прошипел он Байерсу, который собрался что-то сказать, и предостерегающе схватил его за локоть.

В наступившей тишине они услышали тихий, слегка скрежещущий, скользящий металлический звук, закончившийся мягким щелчком, как будто ключ поворачивался в замке. Их взгляды обратились к входной двери. Они видели, как вращается латунная внутренняя ручка.

— Это Фа Лосюи, — сказал Байерс. — Надо открыть засов. — И он шагнул вперед.

— Погодите! — прошептал Франц. — Слышите?!

Они услышали ровный непрерывный скребущий звук, как будто какой-то разумный зверь водил роговым когтем по другой стороне окрашенной дверной панели. Франц, цепенея от ужаса, против воли представил себе большую черную пантеру, прижимающуюся к другой стороне ужасно ненадежной белой с золотым рисунком непрозрачной деревянной пластины, зеленоглазую, с блестящей шерстью, черную,

уже начавшую превращаться во что-то более ужасное.

— Ох уж эти ее шуточки! — буркнул Байерс и отодвинул засов, не дожидаясь одобрения или возражения гостя.

Дверь наполовину приоткрылась, из-за нее выглянули две бледно-серые, с блестящей оторочкой по краям, треугольные плоские кошачьи морды и завизжали что-то вроде «Иииииии!».

Оба мужчины отшатнулись. Франц, невольно зажмурившись, отпрянул в сторону от двух бледно-серых блестящих фигур (одна повыше и крупнее, другая изящнее), которые пронеслись мимо него и угрожающе кинулись к Байерсу. Тот дернулся назад и сжался, пытаясь укрыться от нападения. Одной рукой он прикрывал глаза, другой — пах, а сверкающий бокал и сгусток выплеснувшейся из него янтарной жидкости, который в нем содержался, все еще висели в воздухе — там, где он разжал пальцы.

Как ни странно, разум Франца уловил запахи бренди, жженой конопли и пряных духов.

Серые фигуры метнулись к Байерсу и вцепились в его пах, и, когда он, задыхаясь, совершенно невнятно что-то забормотал, слабо пытаясь отбиться от них, более рослый нападающий с

явным удовольствием проговорил хриплым контральто (вернее, проговорила, поскольку голос был определенно женский):

— Не забывайте, мистер Нейланд Смит, что у нас в Китае имеются способы развязать язык мужчине.

В следующий миг бренди оказался на бледно-зеленых обоях, а бокал, благополучно переживший падение, — на золотисто-коричневом ковре, и явно обкуренная красивая китаянка со столь же невменяемой другой девушкой с мальчишеским лицом, сорвав серые кошачьи маски, продолжали с диким хохотом энергично щупать и щекотать Байерса. До Франца наконец дошло, что высокий, на грани ультразвука, визг, с которым они ворвались в дом, означал имя хозяина — Джейми.

Непреодолимый испуг покинул Франца, оставив, впрочем, оцепенение. Последнее распространилось на голосовые связки, так что с момента странного вторжения двух одетых в серое женщин и до того момента, когда он вышел из дома на Бивер-стрит, он не произнес ни слова, а лишь стоял рядом с темным прямоугольником открытой двери и с довольно холодной отстраненностью наблюдал за оживленной сценой, разыгрывавшейся дальше по коридору.

У Фа Лосюи была худощавая, несколько угловатая фигура, плоское лицо с резкими костистыми чертами и тонкими темно-красными губами, темные глаза, которые, как ни парадоксально, были одновременно яркими и матовыми от марихуаны (или чего-то еще), и прямые тусклые черные волосы. Одета она была в серебристо-серые чулки, перчатки и облегающее платье (из серебристо-серого жатого шелка) в китайском стиле, который всегда выглядит современно. Левой рукой она угрожающе цеплялась за ширинку Байерса, а правой непринужденно обвивала тонкую талию спутницы.

Та была на голову ниже ростом, худенькая, но все же не тощая, с маленькой сексуальной грудью. Лицо у нее действительно было кошачьим: скошенный подбородок, пухлые губы, курносый нос, выпуклые голубые глаза и низкий лоб, с которого на одну сторону падали прямые светлые волосы, открывавшие розовое ухо. На вид лет семнадцати, дерзкая и уже умудренная опытом. И она определенно присутствовала где-то в памяти Франца. На ней было бледно-серое трико, серебристо-серые перчатки и серый же плащ из какого-то легкого материала, который теперь свисал набок, как и ее волосы. Обеими руками

она озорно ощупывала Байерса и злорадно хихикала.

Две кошачьи маски, украшенные серебряными блестками и несколькими жесткими усиками, валялись на столике, но все так же походили на те самые треугольные морды, что до полусмерти напугали двоих немолодых мужчин, внезапно возникнув в двери.

Дональдус (или Джейми) тоже не произнес ни одного действительно членораздельного слова за все то время, пока Франц оставался в прихожей, разве что повторял «Не надо!», пыхтел, визжал и непрерывно что-то бормотал, то и дело сбиваясь на почти беззвучные смешки. Он так и стоял, согнувшись пополам, извиваясь при этом всем телом и безуспешно отмахиваясь от щекотавших его женщин, а бледно-лиловый неподпоясанный халат распахнулся и шуршал при каждом движении.

Говорили только женщины, и поначалу одна Фа Лосюи.

— Ну что, хорошо мы тебя напугали, да? Знаешь, Ширл, Джейми легко напугать, особенно когда он пьян. Достаточно ключиком поскрести по двери. Давай, Ширл, действуй! — И она снова заговорила голосом Фу Манчи: — Так чем вы там занима-

лись с доктором Петри? Знаете, мистер Нейланд Смит, у нас в Хонане известен безошибочный китайский тест на гомофилию. Или, возможно, у вас и передний и задний привод? Мы владеем древней мудростью Востока, теми темными знаниями, которые утратил Мао Цзэдун. В сочетании с западной наукой они дают разрушительный результат. (Вот так, девочка, сделай ему больно!) Вы ведь помните моих головорезов и бандитов, мистер Смит, моих золотых скорпионов и красных шестидюймовых многоножек, моих черных пауков с алмазными глазами, которые караулят в темноте и выпрыгивают оттуда! Может быть, вы хотите, чтобы кто-нибудь из них оказался у вас в штанах? Повторяю — чем вы занимались с доктором Петри? И обязательно подумайте, прежде чем говорить. У моей помощницы, мисс Ширли Сомс (продолжай в том же духе, Ширл!), память как мышеловка — оттуда ничего не ускользнет, и ни одна ложь не останется незамеченной.

Францу, так и стоявшему в оцепенении, казалось, что он наблюдает за жизнью каменного бассейна, где раки и морские анемоны бегают, хватают и щиплют друг друга, теребят водоросли, открывают и закрывают клешни и цветочные рты в бесконечной игре жизни.

— О, кстати, Джейми, я решила загадку с дневником Смита, — бодрым непринужденным тоном объявила Фа Лосюи, между тем как ее руки еще старательнее терзали жертву. — Это Ширл Сомс, Джейми (правильно, девочка, так его!), которая много лет помогала отцу в книжном магазине «Грейс-инн» в Хейте. И она точно помнит, как что было, потому что у нее память как *мышеловка.*

Вывеска книжной лавки как наяву явилась перед Францем: «Грейс» — гостиница Грея. Грей — серый… Ох уж эти пьяные ассоциации! А он-то столько лет перебирал цвета — серый, черный, зеленый…

— Ах, вы не любите мышеловок, Нейланд Смит? — продолжала резвиться Фа Лосюи. — Это жестоко по отношению к животным, да? Западная сентиментальность! Вам полезно будет узнать, что присутствующая здесь Ширл Сомс умеет *кусаться,* а также очень мило щипаться.

Говоря это, она вела правой рукой, обтянутой шелковой перчаткой, вниз по ягодицам девушки, пока кончик ее среднего пальца не уперся в узкую перегородку, разделяющую наружные отверстия репродуктивной и пищеварительной систем. Девушка с видимым удовольствием коротко покачала бедрами из стороны в сторону.

Франц наблюдал за происходившим с холодной отстраненностью клинициста, отмечая про себя в мельчайших подробностях и действия, и тот факт, что при иных обстоятельствах эта игривая интимная ласка взволновала бы его, он захотел бы точно так же потрогать Ширли Сомс и, вероятнее всего, не преминул бы сделать это. Но почему именно она вызывает такое ощущение? Воспоминания слабо шевелились, никак не желая складываться в картинку.

Фа Лосюи наконец-то заметила Франца, повернулась к нему, окинула остекленевшим взглядом, вполне светски улыбнулась и вежливо сказала:

— Ах, вы, должно быть, тот самый Франц Вестен, писатель, который звонил Джейми сегодня утром. В таком случае вам тоже будет интересно то, что расскажет Ширли.

Ширл, хватит терзать Джейми. Он уже достаточно наказан. Не так ли, джентльмены? — И, не отрывая пальца от промежности девушки, она медленно повернула ее лицом к Францу.

Байерс за их спинами все в той же скрюченной позе тяжело отдувался и время от времени сдавленно хихикал, понемногу приходя в себя после женских забав.

Блестящими от амфетамина глазами девушка

оглядела Франца с ног до головы. Он же тем временем осознавал, что ему знакомо это хитренькое кошачье личико (точнее сказать, мордочка кошки, беззастенчиво слизывающей сливки на глазах у всех), только с тех пор она совсем немного набрала в теле и выросла на голову.

— Да, совершенно верно, это он, — сказала она быстрым, резким голосом, в котором все еще было что-то от подросткового «вау!» или «ой!». — Точно, мистер? Четыре года назад ты купил две старые книжки, связанные вместе, из той кучи, которую мой отец приобрел много лет назад из наследства Джорджа Рикера, с тех пор она так и валялась нетронутой. Тебя надули, развели, как лоха! Мы вместе рылись в пачках, я дотронулась до тебя, а ты так странно посмотрел. И заплатил двадцать пять долларов за этот старый хлам. Я думала, ты платишь за возможность полапать меня. А ты хотел? Папики частенько на этом попадались. — Она что-то прочла в выражении лица Франца, ее глаза заблестели еще ярче, и она хрипло рассмеялась. — Нет, теперь дошло! Ты купил эту ерунду от стыда, потому что был в жопу пьяный и решил (вот смехота!), что приставал ко мне, а на самом деле это я по-своему, по-девчачьи, приставала к тебе! Я очень хорошо умела

приставать, это было первое, чему меня научил дорогой папочка. На нем я и училась. Я ведь была главной достопримечательностью папашиной лавчонки; думаешь, он этого не знал? Но я уже тогда разобралась, что девчонки приятнее.

Она тараторила, все время подергивая тощей попкой из стороны в сторону и назад, а договорив, завела руку за спину, вероятно, чтобы покрепче прижать к себе ладонь Фа Лосюи.

Франц посмотрел на Ширли Сомс и на двоих старших. Он знал, что все, сказанное ею, чистая правда, а еще знал, что именно так Джейми Дональдус Байерс скрывается от своих страхов (а возможно, и Фа Лосюи от своих?). Не ответив ни слова, с тем же глуповатым выражением лица он повернулся и вышел в открытую дверь.

Его пронзила острая боль («Я бросаю Дональдуса на произвол судьбы!»), за которой последовали еще две мимолетные мысли: «Именно Ширл Сомс со своими прикосновениями явилась мне в том темном, затхлом, ускользающем воспоминании, которое посетило меня вчера утром на лестнице» и «Не увековечит ли Фа Лосюи этот колоритный момент в изящной серебряной статуэтке, которой можно было бы дать название „Влюбленный гусь“». Но все это не заставило его вернуться или

хотя бы приостановиться. Когда он начал спускаться по ступенькам, вокруг разливался свет из дверного проема, но глаза уже внимательно проверяли темноту впереди на предмет враждебного присутствия — каждый угол, каждое разверзающееся пространство, каждую темную крышу, каждый уголок, где мог бы затаиться наблюдатель. Едва он спустился на тротуар, как мягкий свет, провожавший его, погас и дверь за ним бесшумно закрылась. От этого Францу, как ни странно, сделалось легче: в ониксовых сумерках, снова сомкнувшихся над Сан-Франциско, он представлял собой менее заметную мишень.

Глава 23

Франц настороженно шагал по Бивер-стрит и чутко вглядывался в полумрак между немногочисленными фонарями. На ходу он думал о том, как де Кастри перестал быть простым местным чертом, присвоившим одинокий холм Корона-Хайтс (и неужели еще и комнату Франца в доме 811 по Гири-стрит?), и сделался вездесущим демоном, призраком или параментальной сущностью, обителью которой служил весь город, расползшийся по горбатым холмам. Если уж пытаться устоять на материалистических позициях, то не следует ли предположить, что некоторое количество атомов, выброшенных из тела де Кастри при его жизни и во время кремации сорок лет назад, сейчас, в этот самый момент, находятся рядом с Францем, в составе того самого воздуха, который он осторожно вдыхает? Атомы ведь такие крошечные, и их бесконечно много. Как и атомы Фрэнсиса Дрейка (проплывавшего мимо залива Сан-Франциско на «Золотой лани»), Шекспира, Сократа и Соломона (а также Дэшила Хэммета и Кларка Эштона Смита). Если уж на то пошло, разве атомы, из которых однажды сложился Ти-

бо де Кастри, не циркулировали по всему миру задолго до того, как были построены пирамиды, медленно собираясь в том месте (В Вермонте? Во Франции?), где предстояло родиться старому черту? А разве задолго до всего этого атомы Тибо не перемещались с неимоверной стремительностью из места насильственного рождения всей Вселенной в ту точку пространства-времени, где должна была родиться Земля, а на ней — Пандора, со всеми напастями, порожденными ее своеволием?

Где-то неподалеку, через несколько кварталов, темная кошка метнулась в черную щель между стенами, куда человек ни за что не смог бы протиснуться. И Франц поневоле задумался о том, что громадные здания угрожают раздавить человека с тех пор, как был построен первый мегаполис. На самом деле сумасшедшая (а так ли это?) миссис Уиллис из отделения Сола была не так уж далека от истины, как и Лавкрафт (и Смит?) с его гипнотическим страхом перед огромными комнатами с потолками, которые служили как бы небом внутри дома, и далекими стенами, заменявшими горизонты, в еще более обширных зданиях. В Сан-Франциско уже было полно таких домов, и каждый месяц их прибавлялось.

Рисовал ли кто-нибудь на них символы Вселенной? Чьи блуждающие атомы удержались в их веществе? И являются ли параменталы персонификацией их паразитов или их естественных хищников? В любом случае все это произошло так же логично и неизбежно, как тетрадь из рисовой бумаги перешла от Смита, который писал фиолетовыми чернилами, к де Кастри, добавившему туда смертоносную тайную черную запись, а затем к Рикеру, который был слесарем, а не библиофилом, и к Сомсу, у коего росла дочь, преждевременно воспылавшая сексуальным влечением, а от него к Вестену, восприимчивому к странным и сексуальным вещам.

Темно-синее такси, медленно и бесшумно спускающееся с холма, прокатилось навстречу Францу и остановилось у противоположного тротуара.

Неудивительно, что Дональдус захотел, чтобы Франц оставил у себя дневник с новообретенным проклятием! Байерс был опытным борцом с параментальным, он выстроил многослойную защиту из дверных замков (и ламп, и звезд, и знаков, и лабиринтов, и алкоголя, и наркотиков, а еще — классического и нетрадиционного секса); Фа Лосюи привела Ширли Сомс не только для него,

но и для себя, а нападение с шутливо враждебным ощупыванием должно было поднять его дух. И впрямь очень изобретательно. Человек вынужден спать. Может быть, сказал себе Франц, когда-нибудь он и сам научится пользоваться методом Байерса, за исключением спиртного, но не сегодня, нет, а лишь когда всерьез приспичит.

Фары невидимой машины на Ной-стрит осветили угол последнего дома по спускавшейся туда короткой Бивер-стрит. Франц на ходу вроде бы старательно высматривал фигуры, которые могли скрываться в темноте, но вдруг поймал себя на том, что размышляет о внутреннем защитном периметре Дональдуса, имея в виду его эстетический подход к жизни, его теорию о том, что искусство и реальность, художественная литература и научная литература представляют собою единство, а потому не следует тратить энергию на их разделение.

«Но разве даже эта защита не являлась построением рационалистического обоснования, — спросил себя Франц, — попыткой избежать столкновения с непреодолимым вопросом, к которому вас подводят: *реально ли параментальное*?»

А как ответить на этот вопрос, если ты все время куда-то мчишься и все больше и больше

устаешь?

Тут Франц внезапно понял, как можно было бы сейчас ускользнуть или, по крайней мере, выиграть время, чтобы подумать о безопасности. И для этого не потребуется ни алкоголя, ни наркотиков, ни секса, ни снижения бдительности. Он нашарил в кармане записную книжку и поискал в ней на ощупь — да, билет на месте. Он чиркнул спичкой и взглянул на часы. Еще нет восьми — если поторопиться, можно успеть. Он повернулся. Темно-синее такси, высадив своего пассажира, ехало обратно по Бивер-стрит с включенным сигнальным фонарем. Франц сошел с тротуара и поднял руку. Машина остановилась, он сунулся было туда, заколебался, но, окинув испытующим взглядом салон и удостоверившись, что там нет никого и ничего постороннего, сел и захлопнул дверь, одобрительно отметив про себя, что окна закрыты.

— Муниципальный центр, — сказал он. — Дом ветеранов. Там сегодня концерт.

— А, один из этих… — протянул пожилой водитель. — Я предложил бы, если не возражаете, не выезжать на Маркет-стрит. Там сейчас сплошная пробка. В объезд будет хоть и длиннее, но быстрее.

— Отлично, — ответил Франц и откинулся на спинку сиденья. Такси свернуло к северу, на Ной-стрит, и набрало скорость. Он знал (или был полностью уверен), что обычные физические законы не применимы к параментальному миру, даже если его обитатели реальны, так что пребывание в быстро движущемся автомобиле не делало его положение более безопасным, и все же сейчас ему было спокойнее.

Немного отвлек его и привычный драматизм поездки на такси — темные дома и витрины магазинов, проносящиеся мимо, снижение скорости на ярко освещенных поворотах, мелькание зеленых огней светофоров и красных стоп-сигналов. При этом он исправно продолжал следить за окружающим пространством и регулярно поворачивал голову, чтобы посмотреть то влево, то вправо, то назад.

— Когда я был пацаном, — сказал водитель, — Маркет-стрит не расковыривали то и дело. А теперь, можно сказать, делают это непрерывно. БАРТ этот… И на других улицах почти то же самое. А все эти чертовы высотки. Без них было бы куда лучше!

— Тут я с вами согласен, — ответил Франц.

— Вы да я… — неопределенно протянул води-

тель. — И ездить было бы куда легче. Ну куда лезешь, козел!

Последняя, довольно сдержанная реплика была адресована машине, которая пыталась вырулить на правую полосу на Макалистер-стрит, хотя, конечно, таксист не надеялся, что неосторожный водитель услышит его. В одном из переулков Франц увидел красное пятно, рекламу заправочной станции «Юнион 76» — огромный оранжевый шар, похожий на Юпитер. Они свернули на авеню Ван Несс и сразу же остановились у обочины перед Домом ветеранов. Франц расплатился, добавив щедрые чаевые, пересек широкий тротуар и через широкую стеклянную дверь вошел в высокий вестибюль, уставленный модернистскими скульптурами из восьмидюймовых труб, наводящих на мысль о войне гигантских металлических червей.

Вместе с несколькими другими припозднившимися посетителями он поспешил к лифту в глубине холла, испытав одновременно легкий приступ клаустрофобии и облегчение, когда двери медленно закрылись. На четвертом этаже они присоединились к толпе людей, собравшихся в фойе к последней минуте, чтобы предъявить билеты, взять программки и войти в белый,

как чашка костяного фарфора, не слишком просторный, но с высоким клетчатым потолком концертный зал, уставленный рядами складных кресел, которые, на первый взгляд, были по большей части заняты.

Поначалу толпа в фойе встревожила Франца (кто угодно мог в ней затеряться, что угодно могло в ней скрыться), но довольно быстро на нем начала умиротворяюще сказываться нормальность концертной обстановки: консервативные, в основном, одеяния (что у респектабельных людей, что у хиппи), мелькавшие среди прочих, эльфоподобные особи в претенциозных нарядах, соответствующих самому утонченному искусству, кучки престарелых меломанов, дамы в строгих вечерних платьях с серебряным отливом, джентльмены при старомодных воротничках и манжетах. Одна молодая пара особенно привлекла внимание Франца. Оба были невысокими и изящными, оба выглядели безупречно чистенькими. И одеты были в очень хорошо сшитую, совершенно новую одежду в стиле хиппи: он — в кожаной куртке и вельветовых брюках, она — в красивом синем «вареном» джинсовом костюме с большими бледными пятнами. Они походили на детей, но аккуратно подстриженная бородка

мужчины и выразительный, хоть и не вызывающий, изгиб нежной груди женщины говорили о том, что они взрослые. Они держались за руки, как куклы, будто привыкли очень заботливо обращаться друг с другом. Так могли бы выглядеть принц и принцесса на маскараде, подготовленном и проводимом седобородыми старцами.

Очень осведомленная и холодно расчетливая часть разума Франца подсказывала ему, что здесь для него нисколько не безопаснее, чем в темноте. Тем не менее его страхи постепенно рассеивались, точно так же, как это было, когда он вошел в дом на Бивер-стрит, а потом, немного позже, когда ехал в такси.

И тут, как раз перед тем, как войти в зал, он мельком увидел в дальнем конце фойе две спины — довольно низкорослого седого мужчины в вечернем костюме и высокой стройной женщины в бледно-коричневом струящемся платье и с бежевым тюрбаном на голове. Они как будто оживленно беседовали, и, когда дружно повернулись к нему лицами, его обдало ледяным ознобом, потому что женщина, как ему показалось, прикрывала лицо черной вуалью. Но в следующий миг он разглядел, что женщина была негритянкой, а лицо мужчины оказалось несколько

свиноподобным.

Нервно протиснувшись в зал, Франц услышал, как его окликнули по имени, вздрогнул, но тут же опомнился и поспешил по проходу вперед, в третий ряд, где Гуннар и Сол заняли для него место между ними.

— Самое время, — мрачно буркнул Сол, когда Франц протискивался мимо.

Стоило ему сесть, как Гун повернулся с соседнего кресла, слегка ухмыльнулся и, коротко прикоснувшись к предплечью Франца, сказал:

— Мы уже начали бояться, что ты не придешь. Ты же знаешь, что Кэл очень сильно зависит от тебя, да?

Тут Франц стал поправлять куртку, в кармане звякнуло стекло, и Гун, не скрывая удивления, взглянул на него.

— Разбил бинокль на Корона-Хайтс, — коротко сказал Франц. — Потом расскажу, как это случилось. — Его неожиданно осенило. — Слушай, Гун, ты разбираешься в оптике? На практике — призмы, линзы, отвертки и тому подобное?

— Немного, — ответил Гун и нахмурился в раздумье. — А вот один мой приятель в этих делах настоящий мастер. А что?..

— Возможно ли приделать к наземному теле-

скопу или биноклю какую-нибудь хитрую штуку, чтобы человек, глядя вдаль, видел что-нибудь такое, чего там нет?

Вопрос явно озадачил Гуннара.

— Ну… — начал он, даже растерянно всплеснул руками, и вдруг улыбнулся. — Конечно, если попытаться смотреть в разбитый бинокль, то, полагаю, там будет что-то вроде калейдоскопа.

— Таффи стал хамить? — спросил Сол с другой стороны.

— Не бери в голову, это совсем не срочно, — сказал Франц Гуннару, с извиняющейся улыбкой молча взглянул на Сола (и бросил быстрый взгляд назад и в обе стороны — в переполненном зале можно было без особого труда подкрасться к кому угодно) и перевел взгляд на сцену, где уже сидело около полудюжины оркестрантов; слышно было, как в этой плавной дуге, огибающей дирижерский пульт, кто-то неторопливо, тщательно настраивал струну. Длинный, узкий короб клавесина, перед которым стоял изящный, не занятый пока табурет, был выдвинут вперед, чтобы оркестр не заглушал нежный звук инструмента.

Франц прочитал программку. Пятый Бранденбургский концерт шел в финале, после еще двух произведений. Открывали программу:

Концерт до мажор для клавесина и камерного оркестра Джованни Паизиелло

1. Allegro
2. Larghetto
3. Allegro (Rondo)

Сол толкнул Франца локтем, и тот поднял глаза. Оказывается, читая программу, он не заметил, как на сцену вышла Кэл. На ней было украшенное чуть заметными блестками по подолу белое вечернее платье, оставляющее плечи обнаженными. Она что-то сказала деревянным духовым и, повернувшись к залу, как бы невзначай оглядела публику. Францу показалось, что она заметила его, но ручаться он бы не стал. Кэл села за инструмент. В зале погас свет. Под бурные аплодисменты вошел дирижер, занял свое место, оглядел из-под бровей оркестрантов, постучал палочкой по кафедре и резко поднял ее.

— Ну, Кальпурния, во имя Баха и Зигмунда Фрейда, дай им про…ться! — пробормотал Сол.

— И Пифагора! — добавил Гун, расслышавший его шепот.

Франц с ходу подчинился нежному рокоту струнных и мягкому убаюкивающему зову деревянных духовых. Впервые за все время,

прошедшее после бегства с Корона-Хайтс, он почувствовал себя в полной безопасности, среди своих друзей и в объятиях звуковой гармонии, как будто музыка вдруг простерлась над ними хрустальным сводом, идеальным барьером от паранормальных сил.

Но дерзко вступил клавесин, прогоняя умиротворяющие сны; его высокие звуки, разлетавшиеся сверкающими трепещущими лентами, задавали вопросы и весело, но непреклонно требовали ответов на них. Клавесин подсказал Францу, что концертный зал как убежище был по меньшей мере не хуже, нежели все, что предлагал ему хозяин дома на Бивер-стрит.

Осознав свои чувства, но даже не успев толком понять, что делает, Франц поднялся на ноги и, сгибаясь в три погибели, полез мимо Сола, явственно ощущая волны изумления, протеста и негодования, исходящие от слушателей и сосредоточенные на нем (во всяком случае, он чувствовал — или воображал — их, но успешно абстрагировался от молчаливого массового осуждения).

Он приостановился лишь для того, чтобы наклониться к самому уху Сола и тихо, но отчетливо прошептать:

— Скажи Кэл (но только после того, как она исполнит Бранденбургский концерт), что ее музыка подтолкнула меня отправиться за разгадкой Родоса, — и почти стремительно двинулся дальше, слегка прикасаясь левой рукой к спинам сидящих, чтобы выдерживать курс, держа правую в извиняющемся жесте щитом между собой и теми, перед кем ему приходилось протискиваться.

Дойдя до конца ряда, он на миг оглянулся и увидел хмурое и напряженно-задумчивое, обрамленное длинными каштановыми волосами лицо Сола, провожавшего его взглядом. Затем он торопливо пошел по проходу между враждебными рядами, неотрывно глядя строго перед собой, подгоняемый — словно хлыстом, усыпанным тысячами крошечных бриллиантов, — льющейся непрерывным потоком музыкой клавесина.

На ходу он задумался, почему сказал «разгадка Родоса 607», а не «ответ на вопрос о реальности параментального», но потом понял: причина в том, что Кэл сама не единожды задавала вопрос именно в такой форме и поэтому сможет сразу уловить суть его слов. Было важно дать ей понять, что он занимается делом.

Ему очень хотелось еще раз оглянуться, но он удержался.

Глава 24

Оказавшись на улице перед Домом ветеранов, Франц снова принялся смотреть по сторонам и оглядываться. Правда, теперь он делал это не так старательно и ощущал уже не столько страх, сколько настороженность, какую мог бы ощущать дикарь, проникший на разведку в бетонные джунгли и пробирающийся по дну прямолинейных ущелий, полных непрерывного угрожающего воя. Намеренно бросившись навстречу опасности, он проникся чуть ли не бесшабашным настроением.

Он быстро, но не переходя на бег, прошагал два квартала и свернул на Раркин-стрит. Прохожих было мало. Огромная луна висела почти прямо над головой. В нескольких кварталах от Терк-стрит взвыла сирена. На ходу он продолжал высматривать по сторонам параментальную сущность, забравшуюся в его бинокль, и/или призрак Тибо (возможно, материальный призрак, образовавшийся из плавающих в воздухе микроскопических частиц пепла Тибо, хоть какой-то их части). Возможно, такого не бывает, возможно, всему происходившему можно дать естественное

объяснение (или же он сошел с ума), но, пока не будет уверенности в том или ином варианте, разумнее оставаться начеку.

На Эллис-стрит промежуток между домами, где росло его любимое дерево, оказался не освещен, но похожие на пальцы кончики веток, высовывавшиеся на улицу, зеленели в белом свете уличных фонарей.

Пересекая О'Фаррелл-стрит, он мельком увидел за полдюжины кварталов на западе блекло-серую в лунном свете громаду модернистского собора Святой Марии и с тревогой подумал о другой Матери.

Свернул на Гири-стрит, миновал темные витрины магазинов, два освещенных бара и широкую зияющую пасть гаража Де Сото, где обитали синие такси, и подошел к тусклому белому тенту-маркизе над входом с надписью «811».

В вестибюле, на приступке из маленьких шестиугольных мраморных плиток под двумя рядами латунных почтовых ящиков, сидели двое довольно вульгарных на вид мужчин. Наверное, пьяные. Франц шел к лифту, и они провожали его тусклыми взглядами.

Он вышел на шестом этаже, тихо закрыл обе двери лифта (сдвижную решетчатую и наружную

металлическую створку), почти на цыпочках прокрался мимо черного окна и черной двери каморки для щеток и тряпок с зияющей круглой дыркой на месте ручки и остановился перед своей дверью.

Постояв немного и ничего не услышав, отпер замок двумя поворотами ключа и вошел внутрь, охваченный возбуждением и страхом. На этот раз он не включил яркий потолочный светильник, а немного постоял, прислушиваясь и напряженно ожидая, пока привыкнут глаза.

В комнате было темно. За открытым окном лежала бледная (скорее, темно-серая) ночь, подсвеченная луной и непрямым сиянием городских огней. Ничего не было слышно, за исключением слабого, отдаленного гула, рычания уличного движения да шума его собственной крови. Внезапно в трубах резко басовито взревело, как бывает, когда кто-то через этаж или два включает воду. Но звук прекратился так же внезапно, как и начался, и вновь воцарилась тишина.

Франц решительно, но все так же бесшумно закрыл за собой дверь, на ощупь пробрался вдоль стены, обогнул высокий платяной шкаф и, осторожно обходя заваленный рабочими бумагами журнальный столик, оказался возле изголовья

кровати и лишь тогда включил свет. Окинув взглядом стройную, темноволосую и непостижимо молчаливую Любовницу Ученого, как всегда лежавшую у стены, он повернулся к открытому окну.

На полу в двух ярдах от него лежал прямоугольный кусок картона, покрытого флуоресцентной красной краской. Франц подошел и поднял его. Рисунок был неровно согнут посередине и немного оборван по углам. Он покачал головой, прислонил рисунок к стене и вернулся к окну. На раме до сих пор оставались на кнопках два оторванных уголка картона. Аккуратно висели расправленные занавески. На узком столе и на полу под ногами валялись обрывки и мелкие клочки бледной коричневатой бумаги. Он не мог вспомнить, убирался со вчерашнего дня или нет. Еще он заметил, что на месте нет аккуратной маленькой стопки неразрезанных старых дешевых книжонок. Разве он их куда-то перекладывал? Этого он тоже не мог вспомнить.

Безусловно, сильный порыв ветра мог сорвать прикнопленный к окну красный картон, но ведь он обязательно сдвинул бы шторы и сдул бумажные обрывки со стола, ведь так? Франц посмотрел на красные огни телебашни; те тринадцать, что

поменьше, ровно светились, а шесть более ярких мигали. Под ними, на милю ближе, светились желтоватые городские окна и уличные фонари, а также несколько ярких белых и зеленых извилистых пунктирных линий очерчивали контуры темного горба Корона-Хайтс. Он снова покачал головой.

Он быстро обыскал свое жилище, на сей раз не чувствуя себя глупо. В платяном и стенном шкафах отодвинул висящую одежду в сторону и заглянул за нее. Обнаружил бледно-серый плащ Кэл, который та оставила у него несколько недель назад. Глянул за занавеску в душе и под кровать.

На столе между шкафом и дверью ванной лежала его нераспечатанная почта. На самом верху оказалось рекламное письмо от организации по борьбе с раком, в которую он стал делать взносы после смерти Дейзи. Он нахмурился и на мгновение сжал губы, лицо его исказилось от боли. Рядом с небольшой кучкой писем лежали маленькая грифельная доска, несколько кусочков белого мела и призмы, с помощью которых он иногда играл с солнечным светом, разделяя его на спектры и на спектры спектров. Он повернулся к Любовнице Ученого: «После того как все это закончится, мы снова увидим тебя в веселых

радужных одеждах, моя дорогая».

Он взял карту города и линейку, подошел к своему дивану, выудил из кармана разбитый бинокль и осторожно положил его на свободный край кофейного столика. Мысль о том, что теперь остромордый парамента́л не сможет добраться до него, не натыкаясь на битое стекло, как воришка, пытающийся перелезть через кирпичный забор, потому что обязательно порежет руки об острые осколки, которые строители воткнули в свежий цемент, завершая кладку, внушила чувство безопасности, которым он упивался, пока не понял, насколько это нелогично.

Он достал из другого кармана дневник Смита, уселся на кровать рядом с Любовницей Ученого и развернул карту. Затем открыл дневник на проклятии де Кастри, в очередной раз удивляясь тому, что этот текст так долго ускользал от него, и перечитал важнейшую часть:

> *Точка опоры (0) и шифр (A) пребудут здесь, в его любимом «Родосе», 607. Я буду покоиться в назначенном мне месте (1) под Креслом епископа самым тяжелым пеплом, который когда-либо ощущал мир. Затем, когда весы горы Сатро (4) и*

Обезьяньей глины (5) заработают и сойдутся в уравнении [(4) + (1) = (5)], да БУДЕТ его Жизнь Изъята.

«Теперь, — сказал он себе, — нужно решить эту задачку чернокнижной геометрии. Или это будет чернокнижная физика? Как там выразился Байерс, цитируя Клааса, который якобы цитировал де Кастри? Ах да, „неопифагорейская метагеометрия“».

Как ни крути, самое невнятное место в проклятии — Обезьянья глина. С него и надо начать. Дональдус рассуждал о скульптуре обезьяны и о прахе, из которого сотворен человек, но обе эти версии никуда не ведут. Речь, скорее всего, идет о *месте,* похожем на гору Сатро или на Корона-Хайтс (под Креслом епископа). Глина, глина… В Сан-Франциско есть улица Клей-стрит — Глиняная улица. А как быть с обезьяной?

В мыслях Франца Обезьянья глина вдруг сменилась Обезьяньим двориком. С чего бы вдруг? Он был знаком с парнем, работавшим в магазине одного из главных конкурентов «Сирс и Робак», и тот как-то сказал, что и он и кое-кто из его коллег по низовой работе именно так называли свою компанию.

Еще один скачок образов, от Обезьяньего дворика к Обезьяньему кварталу. Ну конечно! Обезьяний квартал — именно такое горделиво-ироническое название когда-то обитатели присвоили давно снесенному огромному старому многоквартирному дому в Сан-Франциско, где за скромную плату обитали художники и прочая богема в бурные двадцатые и эпоху Депрессии. Обезьяна — Манки — сокращение от названия улицы, на которой стоял дом. Монтгомери-стрит! А эта улица, в свою очередь, пересекается с Клей-стрит (глина!). За всем этим крылось что-то еще, но открытие огнем жгло разум, и он не мог ждать.

Испытывая все то же возбуждение, он положил линейку на карту, чтобы она соединила гору Сатро и перекресток улиц Клей и Монтгомери в северной части финансового района. Оказалось, получившаяся прямая проходит через середину Корона-Хайтс! (А также довольно близко к перекрестку улиц Гири и Хайд, отметил он, скорчив небольшую гримасу.)

Франц взял карандаш с кофейного столика и поставил маленькие цифры: 5 — на перекрестке Монтгомери и Клей-стрит, 4 — у горы Сатро и 1 — в середине Корона-Хайтс. Нельзя было не за-

метить, что теперь прямая стала похожа на весы или коромысло (два рычага) с осью вращения или точкой опоры где-то между Корона-Хайтс и перекрестком Монтгомери — Клей. Полученная схема также уравновешивалась математически (четыре плюс один равно пять) точно так же, как было отмечено в проклятии перед завершающим его приговором. Два огромных рычага должны были бы насмерть раздавить жалкую точку опоры (0), где бы она ни находилась («Дайте мне, куда поставить ногу, и я насмерть затопчу этот мир» — Архимед), точно так же, как написанное строчными несчастное маленькое местоимение «его» ощущалось раздавленным между ужасным «*БУДЕТ*» и двумя словами с заглавной буквы.

Да, этому несчастному (0) наверняка предстояло быть задушенным, сжатым до нуля в буквальном смысле слова, особенно когда «весы» «заработали». И что-то еще?..

Внезапно Францу пришло в голову, что, как бы ни обстояли дела в прошлом, *сейчас* весы, безусловно, работали, поскольку на горе Сатро стояла трехногая телебашня, а на перекрестке Монтгомери и Клей — пирамида Трансамерики, самого высокого здания Сан-Франциско! («Что-то еще» заключалось в том, что Обезьяний квартал

снесли, чтобы расчистить место для парковки, а потом на этой самой площадке построили Трансамерику. Все ближе и ближе!)

Вот *почему* проклятие не коснулось Смита: он умер еще до того, как возникло самое первое из этих сооружений. Ловушка просто *не успела* сработать.

Пирамида Трансамерики и тысячефутовая телебашня — такое раздавит кого угодно.

Но ведь просто смешно думать, будто де Кастри мог предвидеть строительство этих сооружений. В любом случае вполне можно объяснить текст проклятия совпадением, удачным попаданием при выстреле вслепую. Выберите любой перекресток в центре Сан-Франциско, и вероятность того, что там (или поблизости) окажется высотка, составит не менее пятидесяти процентов.

Но почему тогда он затаил дыхание, почему в ушах негромко гудит, пальцы похолодели и ощущается покалывание?

Почему де Кастри сказал Клаасу и Рикеру, что предвидение или предсказание возможно осуществлять лишь относительно определенных мест мегаполисов? Почему он дал своей книге (сейчас эта грязно-серая брошюра лежала рядом с Францем) название «Мегаполисомантия»?

Что ни представляла бы собой правда, стоящая за всем этим, весы определенно находились на месте и работали, в этом не могло быть сомнения.

Поэтому было еще важнее выяснить реальное местоположение этого треклятого Родса, или Родоса, 607, где жил старый черт, все длиннее и длиннее растягивавший хвост своей жизни, и Смит задавал свои вопросы… И где же можно отыскать тайник с гроссбухом, содержащим Великий шифр, координаты которого можно найти по этому самому проклятию и уже после получить возможность узнать, где же оно должно было исполниться. Действительно, очень похоже на детективную повесть. Дэшил Хэммет? «Крестиком отмечено место», где была (будет?) обнаружена жертва, раздавленная насмерть? Медную памятную табличку повесили на углу Буш и Стоктон-стрит, рядом с тем местом, где Бриджид О'Шоннеси застрелила Майлза Арчера в «Мальтийском соколе» Хэммета, а вот Тибо де Кастри, реальному человеку, не устроили никаких мемориалов. Где находился неуловимый X, или мистический (0)? Где этот самый Родс-Родос, 607? Вообще-то, следовало спросить Байерса, пока была такая возможность. Позвонить ему сейчас?

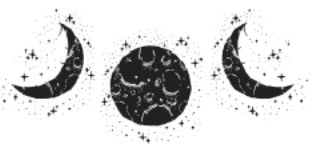
Нет, эту ниточку он оборвал. В район Бивер-стрит ему совершенно не хотелось возвращаться, даже по телефону. По крайней мере, сейчас. Он отвернулся от карты (вряд ли в ней можно было бы найти еще что-нибудь полезное) и рассеянно посмотрел по сторонам.

На глаза ему попалась адресная книга Сан-Франциско за 1927 год, которую он нахально украл сегодня утром в библиотеке, а затем приладил Любовнице Ученого в качестве тазовой области. И что же мешает закончить это небольшое исследование прямо сейчас — найти название здания, если оно когда-либо имелось? Вполне могло иметься, ведь известно, что здание было зарегистрировано как отель сразу же после завершения стройки. Он положил толстый том себе на колени и стал листать тусклые пожелтевшие страницы, пока не добрался до раздела «Отели». В другое время его позабавила бы старая реклама патентованных лекарств и парикмахерских, но сейчас он не обращал на нее внимания.

Начав просматривать книгу, Франц подумал о поисковой эпопее, которую предпринял этим утром в Муниципальном центре. Сейчас казалось, что все это было очень давно, и представлялось уж очень наивным.

Ну-ка, ну-ка… Лучше искать не по названию улицы (на Гири-стрит и в то время, несомненно, было много отелей), а по номеру 811. Такой адрес, если вообще найдется, будет, скорее всего, только один. Франц принялся довольно медленно, но неуклонно водить ногтем по первой колонке.

Число 811 попалось ему аж на предпоследней колонке. Да, улица Гири, так что все совпадает. И как же этот отель назывался?.. Вот это да — отель «Родос»!



Глава 25

Опомнившись, Франц обнаружил, что стоит в коридоре и смотрит снаружи на свою закрытую дверь. Его била мелкая дрожь — все тело, от макушки до пяток.

Затем он сообразил, почему здесь оказался. Для того, чтобы проверить номер на двери — маленькую темную продолговатую табличку с тремя бледно-серыми впрессованными цифрами, складывавшимися в число 607. Он хотел увидеть этот номер своими глазами и увидеть свою комнату снаружи (а заодно отделить себя от проклятия, уйти с линии огня, от мишени, на фоне которой он оказался).

Вдруг возникло ощущение, что, если он сейчас постучит (как, должно быть, много раз стучал в эту самую дверь Кларк Эштон Смит), ему откроет Тибо де Кастри, с лицом с впалыми щеками, покрытыми сетью неглубоких серых морщин, как будто припудренными мелким пеплом.

Если он войдет без стука, все будет точно так же, как он оставил, только что выскочив за дверь. А вот если постучит — старый паук проснется…

У него вдруг закружилась голова; почудилось,

что здание, в котором он находился, начало наклоняться и вращаться — очень медленно и плавно, по крайней мере поначалу. Это чувство походило на панику при землетрясении.

«Нужно немедленно сориентироваться, — сказал себе Франц, — чтобы не рухнуть вместе со всем домом 811». Он прошел по темному коридору (лампочка в шаре-плафоне над дверью лифта все еще не горела) мимо черного шкафа для метел, мимо закрашенного черным окна вентиляционной шахты, мимо самого лифта и, хватаясь за перила, чтобы не потерять равновесия, бесшумно зашагал вверх по лестнице под остроконечным застекленным фонарем верхнего света на потолке; миновал зловещую черную комнату под тем самым фонарем, где размещались двигатель и реле лифта (Зеленый карлик и Паук), и оказался на залитой битумом и посыпанной гравием крыше.

Звезды находились там, где им и положено быть, хотя, естественно, в сиянии луны, висевшей в верхней части неба немного южнее, светились совсем не ярко. На востоке поднималось созвездие Ориона, а чуть выше и правее — Альдебаран. Полярная звезда красовалась на своем неизменном месте. А кругом простирался угловатый горизонт, иззубренный многоэтажными дома-

ми и небоскребами, на которых лишь изредка имелись не только предупреждающие красные фонари, но и желтые огни окон, как будто город каким-то образом осознавал необходимость экономии энергии. С запада дул умеренный ветер.

Хотя бы головокружение прошло. Франц двинулся к задней части крыши, мимо устьев больших вентиляционных шахт, похожих на квадратные колодцы, внимательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться о низкие тонкие вентиляционные трубы (словно специально предназначенные для того, чтобы подворачиваться под ноги), закрытые сеткой из толстой проволоки; он остановился на западном краю крыши, точно над окном своей комнаты и расположенной ниже комнатой Кэл. Одной рукой он опирался на низкую балюстраду. Недалеко за спиной торчал оголовок вентиляционной шахты, спускавшейся прямо к черному окну, мимо которого он прошел в холле, и соответствующим окнам на других этажах, выше и ниже. Франц вспомнил, что в ту же шахту выходили отдушины ванных комнат в другой группе квартир, а также вертикальный ряд совсем маленьких окошечек, которые могли принадлежать только заброшенным кладовкам для метел и были предназначены, скорее всего,

для того, чтобы туда попадало хоть немного света через еще не зачерненные тогда окна стояка. Он посмотрел на запад, на мерцающие красные огни телебашни и на неровную темную тушу Хайтс. Ветер немного усилился.

Наконец он сосредоточился и сказал себе: «Это отель „Родос“. Да, не „Родс“, а именно „Родос“. Я живу по адресу „Родос“, 607 — по тому самому адресу, который повсюду искал. Оказывается, в этом нет никакой тайны. Позади меня торчит пирамида Трансамерики (5). (Он оглянулся через плечо на высоченный зуб, на верхушке которого ярко горел единственный красный огонек, а освещенные окна были мелкими и узкими, как прорези в перфокарте счетного табулятора.) Передо мной (он повернулся обратно) — телебашня (4) и увенчанный короной черный горб (1), где, по недавно полученным данным, захоронен прах старого короля-паука. И я нахожусь в точке опоры (0) проклятия».

Пока Франц произносил этот безмолвный фаталистический монолог, звезды, казалось, стали еще тусклее и обрели болезненную бледность, а сам он ощутил тошноту и тяжесть и внутри себя, и вокруг, как будто освежающий ветер принес на эту темную крышу что-то злокачественное с за-

пада, как будто какая-то вселенская болезнь или космическое загрязнение поднимались с Корона-Хайтс и, раскручиваясь по спирали, заражали весь городской пейзаж, доставая даже до звезд, отравляя Орион и Щит, словно бы он с помощью звезд расставлял все по местам, а теперь что-то не желало оставаться на предназначенном ему месте, отказывалось упокоиться и забыться, как рак, погубивший Дейзи, и стремилось вмешаться в числовую структуру и упорядоченность Вселенной.

Вдруг за спиной что-то зашаркало и затопотало, и Франц резко обернулся. Там ничего не оказалось, ничего такого, что он мог бы увидеть, и все же…

Он подошел к ближайшей вентиляционной шахте и посмотрел вниз. Лунный свет проникал туда вплоть до его этажа (можно было разглядеть открытое окошечко чулана для метел). Еще ниже просматривался тусклый отсвет, просачивавшийся из гостиных двух квартир через отдушины ванных комнат. И слышался звук, похожий на сопение животного (или это было его собственное тяжелое дыхание, усиленное гулким жестяным эхом?). Францу померещилось, будто он видит (впрочем, очень смутно), как нечто невероятно

многоногое быстро движется там вниз и вверх.

Он отдернул голову и запрокинул лицо вверх, как будто просил помощи у звезд, но они казались такими же одинокими и безразличными, как очень далекие окна, какие глубокой ночью видит одинокий человек, которого вот-вот убьют на пустоши или утопят в Большой Гримпенской трясине. Франца охватила паника, и он бросился назад тем же путем, которым пришел. Когда он проходил через черную комнату лифтового механизма, большие медные переключатели громко щелкнули, и рычаги реле со скрежетом перепрыгнули на контакты, заставив его опрометью рвануть вперед, как будто чудовищный Паук, подчиняясь приказу, который простонал Зеленый карлик, пытался ухватить его за пятки.

Он немного овладел собой, пока спускался по лестнице, но на своем этаже, проходя мимо закрашенного черным окна (рядом с темным шаром плафона, висящим под потолком), вдруг почувствовал, что с другой стороны от него притаилось нечто чрезвычайно проворное, цепляющееся за жестяные стенки вентиляционной шахты, нечто среднее между черной пантерой и паукообразной обезьяной, но, возможно, многоногое, как паук, и, возможно, с морщинистым пепельно-серым ли-

цом Тибо де Кастри, и это нечто готово проломить армированное проволокой стекло. Проходя мимо черной двери каморки для метел, он вспомнил, что, хоть окошко, выходящее оттуда в шахту, и маленькое, подобное существо вполне сможет протиснуться через него, а сама эта каморка находится как раз за той стеной, возле которой стоит его кровать. «Многие ли из нас, жителей большого города, — спросил он себя, — знают хоть что-нибудь о том, что находится внутри или просто по другую сторону наружных стен наших квартир? А ведь мы сплошь и рядом спим вплотную к этим стенам! Которые так же неведомы и недоступны для нас, как наши внутренние органы. Нельзя доверять даже стенам, которые нас охраняют».

Когда Франц поравнялся с пресловутой каморкой для метел, ему показалось, что дверь внезапно выгнулась наружу. В голове мелькнула напугавшая его до одури мысль, что он захлопнул дверь и оставил ключи в комнате, но тут же он нашарил их в кармане, отыскал на кольце нужный, открыл дверь своей квартиры, вошел и запер замок на два оборота, отгораживаясь от того, что могло последовать за ним с крыши.

Но мог ли он доверять своей комнате, если

окно в ней было открыто? Несмотря даже на то, что, теоретически, до него невозможно было добраться. Пришлось снова осмотреть помещение, только на сей раз казалось, что нельзя упускать из виду ни одного закоулка. Даже выдвигая ящики с бумагами и заглядывая за папки, он не испытывал неловкости. Последним обыску подвергся платяной шкаф — Франц осмотрел его так тщательно, что обнаружил на полу у стены за ботинками неоткупоренную бутылку киршвассера, которую, должно быть, спрятал там больше года назад, когда еще пил.

Он взглянул на окно, под которым валялись клочки старой бумаги, и поймал себя на том, что мысленно рисует образ де Кастри того времени, когда тот здесь жил. Старый паук, несомненно, долгие часы сидел у окна, рассматривая свою будущую могилу на Корона-Хайтс и лесистую вершину горы Сатро за ней. Предвидел ли он, что там вырастет башня? Старинные спиритуалисты и оккультисты верили, что в комнатах, где жил человек, остаются его астральные останки, остается одическая пыль.

О чем еще мог грезить старый паук, неторопливо покачиваясь в кресле? О днях славы во Фриско, еще не разрушенном землетрясением? О людях

обоего пола, которых он доводил до самоубийства или запихивал под разнообразные опоры, чтобы их раздавили? Об отце (то ли авантюристе, исследователе Африки, то ли полуграмотном печатнике), о своей черной пантере (если у него когда-нибудь была хоть одна, не говоря уже о нескольких), о молодой любовнице-полячке (или стройной девушке, воплощавшей его аниму), его Леди Под Вуалью?

Ах, было б только с кем поговорить и освободиться от этих болезненных мыслей! Ах, если бы Кэл и остальные вернулись с концерта… Но наручные часы показывали всего лишь начало десятого. Трудно поверить, что на посещение крыши и обыск комнаты ушло так мало времени, но секундная стрелка наручных часов двигалась неуклонно, почти незаметными крошечными рывками.

Мысль о том, что ему предстоит еще несколько часов провести в одиночестве, приводила Франца в отчаяние, и бутылка, которую он держал в руке, соблазняла обещанием забвения, но страх перед тем, что может случиться, когда он погрузится в непреодолимое забытье, был еще сильнее.

Он поставил бутылку рядом с призмами, грифельной доской и вчерашней почтой, которая

так и лежала нераспечатанной. Вроде бы на доске ничего не должно было быть, но сейчас ему показалось, что он видит на ней слабые отметины. Взял доску с лежащими на ней мелом и призмами и поднес к лампе в изголовье своего дивана. Можно было бы включить двухсоттаттный потолочный светильник, но ему почему-то не захотелось, чтобы его окно выделялось таким ярким светом и наблюдатель, если он вдруг окажется на Корона-Хайтс, смог вычленить его из общей темноты.

На грифельной доске *обнаружились* паутинные меловые метки — полдюжины едва видных треугольников, которые сужались к нижнему углу, как будто кто-то (или какая-то сила), без нажима очерчивал (возможно, мел двигался сам, как планшетка на доске для спиритических сеансов) носатую морду его параментала. И теперь мел и одна из призм *прыгали,* как те самые планшетки, — так дрожали его руки, держащие грифельную доску.

Его разум был почти парализован (внезапный приступ страха стер почти все мысли), однако в одном сохранившемся уголке все же крутилось воспоминание о том, что у колдунов вроде бы считается, будто белая пятиконечная

звезда, направленная одной вершиной *вверх* (наружу), защищает комнату от проникновения злых духов, потому что вторгающаяся сущность наткнется на это острие, направленное вверх (наружу), и сама себя пронзит, и поэтому он почти не удивился, когда обнаружил, что положил грифельную доску на край загроможденного столика и уже рисует мелом такие звезды на подоконниках как открытого окна, так и запертого (в ванной) и над своей дверью. Он чувствовал себя немного нелепо, но даже не подумал о том, чтобы бросить это дело, не закончив его. Откровенно говоря, воображение Франца уже обнаруживало в доме все новые и новые секретные проходы и тайники, помимо вентиляционных шахт и чуланов для имущества уборщиков (в отеле «Родос» должны были иметься кухонный лифт и желоб для белья, и кто знает, какие еще вспомогательные помещения с дверями), и его беспокоило, что он не может внимательно осмотреть задние стенки платяного и хозяйственного шкафов. В конце концов он закрыл дверцы обоих поплотнее и нарисовал мелом звезду над каждым из них и маленькую над фрамугой.

Он собрался нарисовать еще одну и над своей кроватью, на той стене, за которой находится ка-

морка для метел, но тут в дверь резко *постучали.* Франц накинул цепочку и лишь после этого приоткрыл дверь на два дюйма, которые позволяла ее длина.

Глава 26

Через щель он увидел большой карий глаз и ухмылявшийся белозубый рот.

— Э-шахматы? — произнес знакомый голос.

Франц поспешно сбросил цепочку и открыл дверь. Он испытывал огромное облегчение, оттого что рядом оказался знакомый, хоть и досадовал, что именно с этим человеком почти невозможно общаться (пусть обсуждать не то, что занимало его мысли, но хоть что-нибудь). И все же он немного утешался мыслью, что они говорили по крайней мере на одном общем языке — языке шахмат. Можно было надеяться, что игра поможет немного скоротать время.

Фернандо вошел, широко улыбаясь, но вопросительно нахмурился на мгновение, взглянув на цепочку, а затем снова на Франца, когда тот быстро закрыл дверь и запер замок на два оборота.

Вместо ответа Франц предложил ему выпить. Черные брови Фернандо поползли вверх при виде красивой бутылки из узорчатого стекла, он улыбнулся шире и кивнул, но, когда Франц открыл бутылку и наполнил один маленький стаканчик, заколебался и всеми подвижными чертами лица

и выразительными жестами изобразил вопрос: почему Франц не пьет с ним?

Выбрав самый простой путь решения проблемы, Франц налил себе немного в другой стаканчик, обхватив его пальцами, чтобы не было видно, что он лишь капнул на дно, поднес его ко рту и наклонял до тех пор, пока ароматная жидкость не смочила сжатые губы. Потом он сразу же предложил Фернандо налить еще, но тот указал на шахматные фигуры, ткнул пальцем себя в лоб и с улыбкой покачал головой.

Франц поставил шахматную доску (не очень надежно) поверх стопки папок на кофейном столике и сел на кровать. Фернандо с некоторым сомнением посмотрел на получившийся натюрморт, пожал плечами, улыбнулся, придвинул стул и сел напротив. Они разыграли первый ход; Фернандо достались белые. Они расставили фигуры, и гость уверенно двинул пешку.

Франц первые ходы тоже делал быстро. Он поймал себя на том, что почти автоматически перешел в режим бдительности, в котором находился, пока слушал рассказ Байерса у него в гостях на Бивер-стрит. Его взгляд перемещался от внутреннего угла стены, спиной к которой он сидел, к платяному шкафу, далее — к входной

двери, затем мимо небольшого книжного шкафа к двери стенного шкафа, через стол, заваленный нераспечатанной почтой и всяким хламом, мимо двери в ванную к большому книжному шкафу и столу, задерживался на окне, затем переходил вдоль картотечного шкафа к радиатору центрального отопления, завершал обход у наружного угла той же стены и двигался далее по кругу. Облизав губы, он почувствовал горьковатый привкус киршвассера.

Фернандо выиграл ходов за двадцать. Пару мгновений он задумчиво смотрел на Франца, словно собираясь высказать какое-то замечание по поводу его явного невнимания к игре, но промолчал, улыбнулся, повернул доску и начал расставлять перед собой черные фигуры.

Франц с вызывающей дерзостью начал разыгрывать королевский гамбит. Фернандо отразил атаку через центр ферзевой пешкой. В партии сразу же сложилось обоюдоострое положение, но Франц обнаружил, что не может сосредоточиться на игре. Он продолжал перебирать в уме другие меры предосторожности, которые следовало бы предпринять, помимо визуального контроля помещения. Он напряг слух, прислушиваясь к звукам за дверью и за перегородками. Как же он

жалел, что Фернандо практически не владеет английским языком да к тому же глух как тетерев. По отдельности и то и это можно было терпеть, но вместе — это уже чересчур!

А время никак не желало двигаться. Большая стрелка наручных часов застыла на месте. Примерно так бывало на многолюдных пьянках: ты сам почти вырубаешься, а они, кажется, тянутся бесконечно. Похоже, концерт закончится через вечность, не раньше.

И тут ему пришло в голову, что Кэл и остальные вовсе не обязательно сразу вернутся домой. После концертов артисты и слушатели обычно идут в бары или рестораны, чтобы отметить успех или просто поговорить и отдохнуть.

Он почти не обращал внимания, что Фернандо между ходами пристально его разглядывает.

Конечно, можно бы вернуться на концерт, когда Фернандо уйдет, но это ничего не решит. Франц ушел с концерта, твердо настроившись разобраться с проблемой проклятия де Кастри и всеми странностями, которые с ним связаны. По крайней мере, кое в чем он преуспел, ответил на конкретный вопрос о «Родс», 607 (это 607-й номер отеля «Родос»), но, конечно, шепча тогда на ухо Солу, он имел в виду гораздо больше.

Но как же найти ответ на все поставленные вопросы? Серьезные экстрасенсорные или оккультные исследования требуют тщательной подготовки, проводятся с помощью тонких, тщательно откалиброванных инструментов, и занимаются ими обладающие повышенной чувствительностью, специально обученные люди, для подготовки которых используется многолетний накопленный опыт, — медиумы, экстрасенсы, телепаты, ясновидящие и тому подобные; те, кого выявляли с помощью карт Зенера и всякой другой всячины. Да разве можно было даже надеяться провернуть такую работу в одиночку всего за вечер? О чем он думал, когда ушел с концерта Кэл, попросив передать ей не очень внятную фразу?

И все же почему-то у него было ощущение, что никакие эксперты по психическим исследованиям с их огромным опытом сейчас нисколько бы не помогли. Равно как и эксперты по естественным наукам с их невероятно совершенными электронными и радиоэлектронными детекторами, фотографией и тому подобным. Что происходящее с ним нисколько не укладывается в сферу не только классического оккультизма, но и всех родственных областей, процветающих

в наши дни (колдовства, биоэлектронной обратной связи, биолокации, психокинеза, аурологии, иглоукалывания, исследовательских озарений, достигнутых с помощью ЛСД, петли в потоке времени, астрологии), ведь многие из этих дисциплин, безусловно, чистая лженаука, и лишь некоторые, возможно, настоящая наука.

Он представил, как возвращается на концерт, и эта картина ему не понравилась. До него будто наяву доносилась очень тихая, но отчетливо слышная, быстрая, сверкающая музыка клавесина, продолжавшая манить и властно подталкивать.

Фернандо откашлялся, прочищая горло. Франц понял, что зевнул мат в три хода и проиграл вторую партию так же быстро и бездарно, как и первую. Он автоматически повернул доску и начал вновь расставлять фигуры.

Партнер остановил его, протянув руку ладонью вниз, с растопыренными пальцами. Франц поднял голову.

Фернандо, пристально смотревший на него, нахмурился и погрозил Францу пальцем, показывая, что беспокоится о нем. Затем перуанец указал на шахматную доску и прикоснулся к собственному виску, после чего решительно покачал

головой, нахмурился и снова указал на Франца.

Франц понял смысл этой пантомимы: «Вы думаете о чем угодно, только не о шахматах».

Потом Фернандо встал, отодвинув стул в сторону, и разыграл целый сценический этюд, изобразив человека, который ужасно боится чего-то непонятного. Скорчив испуганную рожу и выпучив глаза, он, слегка пригнувшись, оглядывался по сторонам почти так же, как это делал Франц, но гротескно — то и дело оборачивался, внезапно оглядывался назад и крутил головой из стороны в сторону.

Франц кивнул: понял.

Фернандо прошелся по комнате, бросая быстрые взгляды то на входную дверь, то на окно. Потом, глядя в другую сторону, громко постучал по радиатору сжатым кулаком, содрогнулся всем телом и отступил.

Это должно было изобразить человека, который очень сильно чего-то боится и вздрагивает от внезапного шума. Франц еще раз кивнул.

То же самое Фернандо проделал у двери ванной и подошел к следующей стене. Постучав по ней, он уставился на Франца и произнес: *«Hay hechiceria. Hechiceria ocultado en murallas».*

«Эти слова, — вспомнил Франц, — я слышал

совсем недавно. Как же их перевела Кэл? „Колдовство прячется в стенах“». Франц вспомнил свои собственные размышления о потайных дверях, желобах и проходах. Однако неясно, говорит Фернандо о колдовстве в буквальном или фигуральном смысле. Франц кивнул, но поджал губы и вскинул брови, пытаясь изобразить вопросительный взгляд.

А Фернандо между тем, кажется, впервые заметил нарисованные мелом звезды. Белые на белесых деревянных панелях, они отнюдь не бросались в глаза. Его брови поползли вверх, он понимающе улыбнулся Францу и одобрительно кивнул. Потом указал на звезды и вытянул руки ладонями вверх и в стороны от себя, к окну и дверям, как будто не подпуская что-то к себе, удерживая на расстоянии, и, продолжая при этом одобрительно кивать, сказал:

— Bueno.

Франц кивнул, удивляясь при этом собственному страху, заставившему его ухватиться за такую иррациональную защитную меру, которую пропитанный суевериями (а так ли это?) Фернандо мгновенно понял, ведь звезды предназначены для защиты от ведьм. (А ведь среди граффити на Корона-Хайтс имелись пятиконечные звезды, для

того чтобы мертвые кости пребывали в покое и прах вел себя мирно, как и положено праху. Там их нарисовал Байерс.)

Франц встал, подошел к столу и, откупорив бутылку, предложил Фернандо выпить еще, но тот несколько раз коротко махнул рукой ладонью вниз из стороны в сторону, подошел к тому месту, где только что сидел Франц, постучал по стене над диваном и, повернувшись к собеседнику, повторил: *«Hechiceria ocultado en muralla!»*

Франц вопросительно посмотрел на него, но перуанец лишь склонил голову и приложил три пальца ко лбу, символизируя мысль (и, возможно, сам задумался о происходящем).

Почти сразу же Фернандо поднял глаза с таким видом, будто его осенило; взял мел с грифельной доски, лежавшей рядом с шахматной, и нарисовал на стене пятиконечную звезду — гораздо четче, больше, заметнее и вообще лучше, чем те, что начертил Франц.

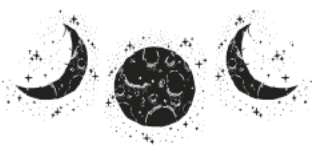
— *Bueno,* — снова сказал Фернандо и еще раз кивнул. Затем он указал на плинтус, уходящий под кровать, повторил свое *«Hay hechiceria en muralla»,* быстро подошел к двери в коридор, изобразил пальцами, как уходит и возвращается, а затем заботливо посмотрел на Франца, подняв

брови, как бы спрашивая: «С тобой за это время не случится чего-нибудь дурного?»

Несколько ошеломленный пантомимой Франц внезапно почувствовал сильную усталость, кивнул с улыбкой и, подумав о нарисованной Фернандо звезде и о том ощущении товарищества, которое дал ему этот поступок, сказал:

— Gracias.

Фернандо тоже кивнул, улыбаясь в ответ, повернул торчавший в замке ключ и вышел, закрыв за собой дверь. Чуть позже Франц услышал, как на этаже остановился лифт. Двери лифта открылись и закрылись, и он, жужжа, пополз вниз — как будто направлялся в подвал вселенной.



Глава 27

Франц «плыл», как боксер после нокдауна. Он продолжал настороженно прислушиваться и осматриваться, улавливая чуть слышные звуки, высматривая мельчайшие знаки, но делал это через силу, превозмогая себя и преодолевая желание упасть. Несмотря на все дневные потрясения и сюрпризы, вечерний сон разума (раба телесной химии) брал верх. Фернандо куда-то ушел, и, похоже, с какой-то целью. Но зачем, что он хочет принести? Он, если Франц правильно понял его пантомиму, рано или поздно вернется, но как скоро и, опять же, зачем? Честно говоря, Францу было все равно. И он принялся бездумно наводить порядок вокруг себя.

Вскоре он с усталым вздохом сел на край кровати и уставился на невероятно захламленный журнальный столик, размышляя, с чего начать. Внизу смиренно лежала его нынешняя рукопись, на которую он почти не смотрел (больше того, о которой даже не вспоминал с позавчерашнего дня). «Странное подполье». До чего иронично все складывается… На рукописи лежал разбитый бинокль, стояли телефон с длинным шнуром,

большая, почерневшая от смолы, переполненная пепельница (но он не курил с тех пор, как пришел домой, и ему до сих пор не хотелось), шахматная доска с наполовину расставленными фигурами; рядом лежала плоская доска с мелом, призмы, несколько побитых в ходе игры шахматных фигур, и наконец, стояли крошечные стаканчики и квадратная бутылка киршвассера, все еще открытая, как он поставил ее, намереваясь во второй раз угостить Фернандо.

Чем дольше Франц созерцал этот несуразный натюрморт, тем смешнее он казался, и Франц совершенно ничего не мог с этим поделать. Хотя его глаза и уши все еще автоматически следили за всем вокруг (и продолжали это делать), он почти хихикнул. Вечернему состоянию его ума была неизменно присуща некая глуповатая веселость, пристрастие к каламбурам, нарочито исковерканным банальными афоризмами и слегка психоделическими эпиграммами — этакое ребячество, порожденное усталостью. Он вспомнил чрезвычайно тонкое и тщательное описание перехода от бодрствования ко сну, сделанное психологом Ф. К. Макнайтом: короткие логические дневные шаги разума постепенно удлиняются, каждый следующий мысленный прыжок дела-

ется все неестественнее и страннее, и в конце концов эти шаги (без видимого перехода) превращаются в совершенно непредсказуемые метания невообразимой дальности, и человек уходит в сновидения.

Он взял карту города, которая так и лежала, расстеленная, на кровати, и, не сворачивая, положил ее, как покрывало, поверх всего беспорядка, образовавшегося на столике.

— Ну, кучка мусора, пора тебе и поспать, — с наигранно-шутливой лаской произнес он.

И положил линейку, которой пользовался для измерений, поверх всего этого, как фокусник, оставляющий свою палочку после представления.

Затем, все так же контролируя обстановку зрением и слухом, он полуобернулся к стене, где Фернандо нарисовал мелом звезду, и принялся раскладывать книги на постели, раз уж на столике не осталось места (так сказать, укладывать Любовницу Ученого на ночь); привычное, даже рутинное, манипулирование знакомыми вещами служило идеальным противоядием даже от самых диких страхов.

Поверх «Мегаполисомантии», страницы которой от возраста сделались уже коричневыми по

краям, открытой на разделе об «электромефитическом городском веществе», он осторожно положил дневник Смита, тоже открытый (на проклятии).

— Ты очень бледна, моя дорогая, — заметил он, глядя на рисовую бумагу, — но притом лицо твое слева просто усыпано странными черными мушками, их там целая страница. Прямо олицетворение (а вот и каламбур) сатанистской вечеринки, в официальнейшем вечернем наряде, как в «Мариенбаде», в бальном зале, роскошном, как белый бисквитно-кремовый торт, где прогуливаются стройные борзые кремового цвета, похожие на благовоспитанных гигантских пауков.

Он коснулся плеча, которое главным образом состояло из большеформатного «Изгоя» Лавкрафта сорокалетней давности; страницы, потемневшие до светло-коричневого цвета, какого бывает скорлупа яиц вейандотских кур, были открыты на рассказе «Тварь на пороге».

— Только не расплывайся, как несчастная Асенат Уэйт, — шепнул он своей вымышленной Любовнице. — Помни, что у тебя, насколько я знаю, нет стоматологической карты, по которой можно было бы установить личность. — Он взгля-

нул на другое ее плечо: выпуски *«Wonder Stories»* и *«Weird Tales»* без обложек, с обтрепанными краями, а сверху номер, содержащий «Эксгумацию Венеры» Смита. — Вот так гораздо лучше, — прокомментировал он. — Под червями и плесенью спрятан розовый мрамор.

Грудную клетку образовывала монументальная книга мисс Леттленд, кстати открытая на таинственной, провокационной и наводящей на размышления своим названием главе «Загадка молочной железы: холодная, как...». Он подумал о том, что писательница-феминистка странным образом исчезла в Сиэтле. Теперь никто и никогда не узнает ее дальнейших ответов на вопросы, которые она, судя по всему, старательно выдумывала от имени читателей.

Его пальцы прошлись по довольно тонкой, черной, в серых пятнах талии, сделанной из рассказов Джеймса о привидениях, — книга некогда насквозь промокла под дождем, а затем была тщательно высушена, одна навсегда сморщенная, обесцвеченная страница за другой; немного поправив украденную из библиотеки адресную книгу, образовывавшую ягодицы, все еще открытую на разделе «Отели», Франц тихо сказал:

— Вот, так тебе будет поудобнее. Знаешь, доро-

гая, ведь теперь ты вдвойне «Родос», 607… — И сам довольно тупо задумался, какой же смысл может нести эта фраза.

Франц услышал, как остановился лифт и открылись его двери, но не слышал, чтобы кабина уехала. Он напряженно ждал, но не расслышал ни стука в дверь, ни шагов в коридоре. Откуда-то из-за стены донесся слабый звук тихо открываемой или закрываемой неподатливой двери, и снова все стихло.

Он прикоснулся к «Символу паука во времени», лежавшему прямо под адресной книгой. Днем Любовница Ученого лежала лицом вниз, но теперь перевернулась на спину. Франц на мгновение задумался (что там говорила Леттленд?) о том, почему наружные женские половые органы сравнивают с пауком. Из-за клочка курчавящихся волос? Из-за того, что эти губы открываются вертикально, как хелицеры паука, а не горизонтально, как губы на человеческом лице или, согласно старинной легенде моряков, половые губы китайских девушек? Старый, измученный лихорадкой Сантос-Лобос предположил, что причина этому — время, требующееся, чтобы сплести паутину. Паучьи часы… И какая очаровательная форсунка для паутины!

Его пальцы, нежно, словно лаская перышки, миновали *«Knochenmädchen in Pelze mit Peitsche»* — участок темного оволосения, сливающийся с мягким мехом (скорее, мехами), окутывающим девушек-скелетушек, — и двинулись на другое бедро, к *«Ames et Fantômes de Douleur»*; де Сад (или его посмертный фальсификатор), утомленный плотью, действительно хотел заставить разум вопить, а ангелов — рыдать (разве «Призраки боли» не должны быть «Муками призраков»?).

Эта книга, наряду с «Костяной девушкой в мехах (с кнутами)» Мазоха, заставила его задуматься о том, какое богатство смерти находится в его ищущих руках. Лавкрафт, умерший довольно рано, в 1937 году, писал до конца, решительно фиксируя свои последние ощущения. Смит (видел ли он тогда параментальные сущности?) намного отстал от него, примерно на четверть века, потому что его мозг рассыпался от микроинсультов. Сантоса-Лобоса лихорадка сожгла до состояния мыслящего пепла. И умерла ли исчезнувшая Леттленд? Монтегю (его «Белая лента» изображала колено, только бумага пожелтела) задыхался от эмфиземы, продолжая между тем составлять примечания о нашей самоудушающейся культуре.

Смерть и страх смерти! Франц вспомнил, насколько угнетающее впечатление произвела на него повесть Лавкрафта «Цвет из иных миров», которую он прочитал еще подростком, о том, как фермер из Новой Англии и его семья гнили заживо, отравленные радиацией, занесенной с края вселенной. И в то же время это было так увлекательно! Да ведь все эти сверхъестественные ужасы в литературных произведениях не что иное, как украшения, призванные изобразить саму смерть захватывающей и сохранить удивление и эксцентричность до самого конца жизни? Но, едва подумав об этом, он понял, насколько сильно измотан. Измотанный, подавленный и нездоровый на голову — таковы наихудшие черты вечернего состояния его разума, темная сторона его медали.

И кстати, о тьме… Куда же пристроилась Эта Самая Матерь? («*Suspiria de Profundis*» образует второе колено, а *«De Profundis»* — голень. «Как ты относишься к лорду Альфреду Дугласу, моя дорогая? Он тебя заводит? Мне кажется, Оскар был слишком хорош для него».) Не является ли телебашня, торчащая в ночи, ее изваянием? А что, она достаточно высока и увенчана башенкой. Служит ли ночь для нее «трехслойной креповой

вуалью»? А девятнадцать красных, мигающих или ровно светящихся фонарей — «пронзительным светом обнаженного горя»? Что ж, он и сам был несчастен за двоих. Пусть она посмеется над этим. Приди, сладкая ночь, и прими меня.

Он закончил укладывать свою Любовницу Ученого — «Подсознательный оккультизм» профессора Ностига («Доктор, вы покончили с фотографированием свечения Кирлиана, но нельзя ли так же поступить и с паранормальными явлениями?»), экземпляр «Гностики» (имеет ли он какое-то отношение к профессору Ностигу?), «Дело Маурициуса» (видел ли Этцель Андергаст в Берлине параментальные явления, а Варраме в Чикаго — дымные существа?), «Геката, или Будущее колдовства» Йейтса («Зачем вы уничтожили эту книгу, Уильям Батлер?») и «Путешествие на край ночи» («И до самых твоих пяточек, моя дорогая») — и устало вытянулся рядом с ней, все еще упрямо прислушиваясь к малейшим подозрительным звукам и отыскивая взглядом возможные движения. Францу пришло в голову, что он приходил к ней ночью, домой, как к реальной жене или просто женщине, чтобы расслабиться и успокоиться после всех напряжений, испытаний и опасностей дня (не забывай,

что они никуда не делись!).

Пришло в голову, что он, наверное, сможет успеть услышать Пятый Бранденбургский концерт, если хорошенько поторопится, но вдруг охватила такая вялость, что он был не в состоянии даже пошевелиться — мог лишь заставить себя настороженно бодрствовать до тех пор, пока не вернутся Кэл, Гун и Сол.

Затененный свет в изголовье его кровати немного колебался, то тускнея, то резко вспыхивая и снова тускнея, как будто лампочка вот-вот перегорит, но у него не хватало сил встать и заменить ее, или даже просто включить другой свет. Кроме того, он не хотел, чтобы его окно было слишком ярко освещено и нечто на Корона-Хайтс (возможно, оно все еще там, а не здесь, кто знает?) смогло выделить его из прочих.

Он заметил на створке окна слабый бледно-серый отблеск и понял, что луна, висевшая на западе, наконец-то вылезла из-за южной высотки и заглянула в узкую щель. Францу захотелось было встать, бросить прощальный взгляд на телебашню, пожелать спокойной ночи своей стройной тысячефутовой богине, окруженной луной и звездами, уложить ее, так сказать, в постель и произнести вечерние молитвы, но

помешала все та же усталость. Кроме того, он не хотел высовываться туда, где его можно было увидеть с Корона-Хайтс, или самому смотреть на это темное пятно.

Свет в изголовье его кровати снова горел ровно, но казался более тусклым, чем до приступа мигания (или Францу это просто мерещилось из-за пресловутого вечернего состояния ума?).

Не думать об этом! Выкинуть из головы хотя бы сейчас. Мир прогнил насквозь. Этот город — не что иное, как бестолковое нагромождение кирпича и бетона, а его дурацкие высотки и бессмысленные небоскребы — поистине *Башни измены.* Однажды, в 1906 году, все это уже рухнуло и сгорело (по крайней мере, в районе, где стоит дом, в котором он сейчас находится), и в вовсе не далеком будущем то же самое произойдет вновь, а все бумаги канут в шредеры, и случится это хоть с помощью, хоть без помощи параменталов. (Разве окрашенный темной умброй, коронованный горб не шевелится прямо сейчас?) И весь мир столь же плох: погибает от загрязнения, тонет и задыхается в химических и атомных ядах, моющих средствах и инсектицидах, промышленных отходах, смоге, зловонии серной кислоты, ломается под бременем гор стали, цемента, алюминия,

не тускнеющего вечного пластика, вездесущей бумаги, газа и электронных излучений (действительно, электромефитический город!). Так что мир доведет себя до смерти без всякой помощи паранормального. Все происходящее непоправимо злокачественно, как участь фермерской семьи у Лавкрафта, убитой странными радиоактивными веществами, прилетевшими с метеоритом из ниоткуда.

Но и это будет не конец. (Он придвинулся немного ближе к Любовнице Ученого.) Электромефитическая болезнь прогрессирует, распространяется (дает метастазы) из этого мира повсюду. Вселенная неизлечимо больна, ей предстоит термодинамическая смерть. Даже звезды заражены. Кому приходило в голову, что эти яркие точки света хоть что-нибудь значат? Что они — большее, чем рой фосфоресцирующих плодовых мух, на мгновение застывших в совершенно случайном порядке вокруг замусоренной планеты?

Он изо всех сил старался «услышать» Пятый Бранденбургский концерт, который играла Кэл: бесконечно богатые филигранным разнообразием и столь же бесконечно упорядоченные алмазные ленты звуков, извлекаемых прикос-

новениями перьевых плектров, сделали это произведение родоначальником всех фортепианных концертов. «Музыка обладает силой высвобождать многое, — сказала Кэл, — заставлять его летать и кружиться». Возможно, музыка переломила бы его настроение. Колокольчики Папагено были волшебными — они защищали от магии. Но кругом царила тишина.

И вообще, какой толк от жизни? Он с трудом оправился от алкоголизма — и все это только для того, чтобы встретиться с Безносой в новой (треугольной) маске. «Усилия потрачены впустую», — сказал он себе. Честно говоря, Франц протянул бы руку и сделал бы горький, жгучий глоток из узорчатой граненой бутылки, если бы не устал настолько, что не мог даже заставить себя пошевелиться. А он-то, глупый старик, думал, что Кэл есть до него дело; он такой же дурак, как Байерс со своей фигляршей-свингером-китаянкой и подростками, со своим раем извращенца, населенным сексуально озабоченными, тонкопалыми, лапающими херувимами.

Взгляд Франца остановился на висевшем на стене обрамленном темной рамкой портрете Дейзи: как будто глаза ее сузились в щелки (из-за перспективы?), губы изогнулись в ухмылке, под-

бородок заострился.

В этот момент он уловил слабый шорох в стене, как будто очень большая крыса изо всех сил старалась не шуметь. Далеко ли она скребется? Невозможно понять. А какими, интересно, бывают первые звуки землетрясения? Те, которые способны слышать только лошади и собаки. Послышался более громкий звук, а потом все стихло.

Франц вспомнил то облегчение, которое почувствовал, узнав, что рак добрался до лобных долей мозга Дейзи, и что она, как уверяли врачи, перешла в бесчувственное состояние, превратилась в «овощ» (на жаргоне неврологов это называлось «плоским эффектом» и означало нечто вроде того, что возвышающийся над всей округой изящный дом разума превратился в почти неосвещенную приземистую трущобную постройку), и что для него необходимость постоянно держать самого себя под наркозом с помощью алкоголя стала чуть менее насущной.

Свет бра, горевшего над его головой, вспыхнул яркой зеленовато-белой дугой, затрепетал и погас. Франц дернулся было, чтоб сесть, но смог лишь едва пошевелить пальцем. Воцарившаяся в комнате темнота начала заполняться формами,

напоминавшими о колдовских «Черных картинах», переполненных страшными чудесами и поистине олимпийскими ужасами фресках, которыми оглохший к старости, оставшийся одиноким Гойя весьма своеобразно украшал свой дом. Поднятый палец наугад ткнул примерно в ту сторону, где должна была находиться скрытая во мраке звезда, нарисованная Фернандо, затем опустился. В горле зародился и тут же смолк тихий всхлип. Франц придвинулся вплотную к Любовнице Ученого, его пальцы коснулись ее лавкрафтовского плеча, думая о том, что, кроме нее, у него не было ни единого реального человека. Над ним беззвучно сомкнулись темнота и сон.

Время шло.

Францу снились кромешная тьма и белый шум: громкий, потрескивающий, хрустящий, как будто сминались бесконечные листы газетной бумаги, рвались одновременно десятки книг, а их жесткие обложки с треском раздирались, — в общем, бумажный пандемониум.

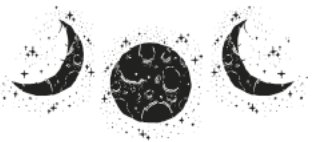
Но возможно, никакого шума вовсе и не было (не считая звука, с которым Время откашливалось, прочищая горло), потому что в следующий раз ему показалось, что он очень спокойно

проснулся, находясь в двух комнатах сразу: в той, где жил наяву, и наложившейся на нее, приснившейся комнатой. Он пытался заставить их собраться воедино. Дейзи мирно лежала рядом. И он, и она были очень, очень счастливы. Минувшей ночью они беседовали, и все было так хорошо. Ее тонкие шелковистые сухие пальцы коснулись его щеки и шеи.

И тут на него холодным приливом чувств нахлынуло подозрение, что она мертва. Легкие прикосновения пальцев успокаивали — вот только казалось, что их многовато. Нет, Дейзи не мертва — она очень больна. Жива, но в «растительном» состоянии, милосердно усыпленная злокачественностью болезни. Это ужасно, но все равно лежать рядом с ней очень приятно. Как и Кэл, она еще молода, даже в этом состоянии полужизни-полусмерти. Ее пальцы — тонкие, шелковистые, сухие, сильные… Их много, и все они начинают крепко сжиматься… Это не пальцы, а жилистые черные виноградные лозы, укоренившиеся внутри ее черепа, в изобилии растущие из пещер глазных орбит, пышно вытекающие из треугольного отверстия между носовой и сошниковой костями, обвивающие усиками ее верхние зубы (какие же они белые!),

коварно и настойчиво, как трава из трещин на тротуаре, вылезающие из бледно-коричневого черепа, разрывая плоские, сагиттальные и *венечные* швы.

Франц судорожно вскинулся и сел. Он был подавлен своими чувствами, его сердце бешено колотилось, на лбу выступил холодный пот.



Глава 28

Лунный свет лился в створчатое окно, образуя на покрытом ковром полу за кофейным столиком длинную лужу размером с гроб, отчего в остальной части комнаты, по контрасту, становилось еще темнее.

Франц был полностью одет, даже обут, и ноги в ботинках ныли от усталости.

С великой благодарностью он осознал, что наконец-то проснулся по-настоящему, что и Дейзи, и растительный ужас, уничтоживший ее, исчезли — исчезли куда быстрее, чем порыв ветра развеял бы облачко дыма.

Он обнаружил, что остро ощущает все пространство вокруг себя: прохладный воздух, касающийся лица и руки, восемь главных углов своей комнаты, щель за окном, отделяющую шесть этажей этого здания от стены соседнего и ныряющую на уровень подвала, седьмой этаж и крышу над ним, холл по другую сторону стены за изголовьем его кровати, каморку для инструментов уборщика за стеной рядом с ним, на которой висела фотография Дейзи и красовалась звезда, нарисованная рукой Фернандо, и вентиляцион-

ную шахту за этой каморкой.

Все остальные его ощущения и мысли казались такими же яркими и чистыми. Он сказал себе, что к нему вернулся утренний разум, тщательно промытый сном, свежий, как морской воздух. Чудесно! Он проспал всю ночь (неужели Кэл и парни тихонько постучали в его дверь и, не получив ответа, ушли, улыбаясь и пожимая плечами?) и проснулся примерно за час до рассвета, как раз в начале продолжительных астрономических сумерек просто потому, что так рано лег спать. Интересно, Байерс спал так же хорошо? Франц сомневался, что эстету-сибариту это удалось, несмотря даже на наличие у него худосочного декадентского игривого снотворного.

Но тут до него дошло, что лунный свет лежит на полу примерно там же, где и был, прежде чем он заснул, а из этого следует, что вряд ли он проспал больше часа.

По коже побежали едва ощутимые мурашки, напряглись мышцы ног, потом все тело, будто в ожидании… Он не знал, чего именно.

И тут что-то прикоснулось к его шее сзади, почти парализовав способность к движению. Затем тонкие, колючие сухие лозы (определенно они, хотя теперь их оказалось меньше) со слабым

шелестом прошлись по его поднявшимся дыбом волосам мимо уха к правой щеке и челюсти. Они росли из стены… Нет… Это были не виноградные лозы, это были пальцы узкой правой руки Любовницы Ученого, которая сидела, обнаженная, рядом с ним. Детали ее высокой, бледной фигуры трудно было рассмотреть в сгустившемся мраке. Видны были аристократически маленькое, узкое лицо и голова (с черными волосами?), длинная шея, величественно широкие плечи, элегантная, приподнятая, в стиле эстетики эпохи ампира, талия, стройные бедра и длинные, слишком длинные ноги, очень похожие формой на опоры стальной телебашни или даже на еще более изящный Орион, где Ригель служил не коленом, а ступней.

Пальцы ее правой руки, обвивавшей его шею, скользнули по щеке Франца к его губам, а сама Любовница повернулась и немного наклонила свое лицо к его лицу. Ее черт все еще было не разобрать в темноте, но Франц невольно подумал о том, что именно так ведьма Асенат (Уэйт) Дерби должна была смотреть на своего мужа Эдварда Дерби, находясь с ним в постели, и вместе с нею из ее гипнотизирующих глаз глядел старый Эфраим Уэйт (Тибо де Кастри?), замышлявший

продолжить свои злодеяния.

Она склонила свое лицо еще ближе, пальцы ее правой руки мягко, но настойчиво поползли вверх к его ноздрям и глазу; одновременно с левой стороны из мрака показалась ее извивающаяся, как змея, другая тонкая рука; Любовница Ученого приблизила ладонь к его лицу. Все движения и позы были элегантны и красивы.

Резко отпрянув, он вскинул левую руку, защищаясь, конвульсивно оттолкнулся правой рукой и ногой от матраса и перекинул тело через кофейный столик, перевернув его. Все, что там было, с грохотом и дребезгом посыпалось на пол, часть предметов разбилась (очки, бутылка и бинокль); сам Франц перекатился через все это и лежал теперь в пятне лунного света, лишь его голова оказалась в тени между освещенным прямоугольником и дверью. Перекатившись еще раз, он обнаружил, что почти упирается лицом в гору окурков, вывалившуюся из пепельницы в лужу киршвассера, и ощутил вонь табачной смолы и едкого крепкого алкоголя. Под собой Франц почувствовал жесткие выступы шахматных фигур. Уставившись в испуге на кровать, которую только что покинул таким экстравагантным способом, он в первое мгновение увидел только

темноту.

Но вдруг оттуда поднялась, хотя и не очень высоко, длинная бледная фигура Любовницы Ученого. Она, похоже, некоторое время оглядывалась по сторонам, как мангуст или ласка, наклоняя то туда то сюда маленькую головку на тонкой шее, а потом с неприятным сухим шелестящим звуком, извиваясь, быстро побежала к нему, переступая через низкий столик и все свалившееся с него барахло, выставив вперед жилистые бледные руки с длинными пальцами. Стоило ему попытаться подняться на ноги, как эти пальцы со страшной силой сомкнулись на его плече и боку, а в голове неожиданно всплыла невесть откуда взявшаяся стихотворная строчка: «Да, призраки мы, но наши скелеты из стали».

С силой, усугубленной ужасом, Франц вырвался из цепких рук, но они все же не позволили ему подняться. Он лишь в очередной раз перекатился через пятно лунного света и теперь лежал на спине, размахивая и молотя руками и ногами с противоположной от себя стороны, голова его опять оказалась в тени.

Бумаги, шахматные фигуры и содержимое пепельницы разлетелись еще дальше. Винный стаканчик попал под каблук и хрустнул. Упавшая

телефонная трубка запищала, как разъяренная педантичная мышь, на какой-то из ближних улиц, словно побитая собака, завизжала сирена, раздался громкий треск чего-то рвущегося, как в его сне, разбросанные бумаги зашевелились и, казалось, поплыли клочьями над полом — и все это сопровождалось горловыми, сдавленными, хриплыми воплями, которые издавал сам Франц.

Любовница Ученого, извиваясь и подпрыгивая, вышла в лунный свет. Ее лицо все еще оставалось в тени, но Франц смог разглядеть, что *ее худое, широкоплечее тело, судя по всему, было сформировано исключительно из мелкой, плотно спрессованной бумаги,* усеянной бледно-коричневыми и желтоватыми старческими пятнами, как будто некий великан тщательно пережевал страницы всех журналов и книг, из которых Франц так долго выкладывал фигуру на кровати, и вылепил ее заново из папье-маше, а затененное лицо обрамляли струящиеся черные волосы (изодранные черные обложки книг?). Жилистые конечности, казалось, были полностью сделаны из очень плотно скрученных и туго сплетенных полос бледно-коричневой бумаги. Она с ужасающей быстротой метнулась к нему и, несмотря на все его конвульсивные попытки отбиваться,

обхватила, прижав его руки к бокам, а ее длинные ноги стиснули его ноги так, что он не мог пошевелиться, и Франц, совершенно обессилев от крика, лишь хрипло стенал и глотал воздух.

Вот тут-то она повернула голову и подняла ее так, что лунный свет упал на лицо. Оно оказалось узким и заостренным, словно мордочка лисы или ласки, и было слеплено, как и все остальное, из спрессованной жестоко измельченной и пережеванной бумаги мертвенно-белого цвета (опять рисовая бумага?), густо покрытой сыпью в виде неровно рассыпанных мелких черных отметин (чернила Тибо?). На этом лице не было глаз, хотя казалось, что взгляд бумажной женщины проникает ему прямо в мозг и сердце. И носа у нее не было. (Неужели *это* Та Самая Безносая?) И рта у нее тоже не было, но через несколько секунд длинный подбородок начал подергиваться и немного приподниматься, как морда зверя, и Франц увидел, что он расщеплен на конце.

Тут до него дошло, что именно *этот* облик и скрывался под свободными одеждами и черными вуалями Таинственной женщины де Кастри, которая неотрывно преследовала его до самой могилы, — воплощения интеллектуальности, бумажного порождения (и впрямь Любовница

Ученого!), Королевы Ночи, обитающей на вершине, существа, которого боялся даже Тибо де Кастри, Матери Тьмы.

Твердые, как натянутые канаты, руки и ноги еще крепче обвились вокруг Франца, и лицо, снова скрывшееся в тени, бесшумно приблизилось к нему; он был в состоянии лишь отвернуть и немного запрокинуть назад собственное лицо.

Тут он почему-то вспомнил, как совсем недавно не мог сообразить, куда же делись остатки распотрошенных старых журналов, и вдруг понял, что бумага, которую он собирался выбросить, вероятно, и послужила сырьем для появлявшейся в окне бледно-коричневой фигуры, которую он дважды видел с Корона-Хайтс.

За склонившейся к нему черноволосой головой с острой мордой Франц увидел на черном потолке небольшое пятно из мягких, гармоничных призрачных цветов — пастельный спектр лунного света, отбрасываемый туда одной из его призм, упавших в лунное озерцо на полу.

Сухое, жесткое, шершавое лицо прижалось к нему, заткнув рот и ноздри; морда впилась ему в шею. Франц почувствовал, что на него навалилась давящая, неизмеримо огромная тяжесть. (Телебашня и Трансамерика! А звезды?) Рот и

нос стали наполняться сухой, горькой пылью — прахом Тибо де Кастри.

Тут комнату вдруг озарил ослепительно-яркий белый свет, и это подействовало на Франца как инъекция мощного стимулятора, имеющего мгновенный эффект. Он нашел в себе силы отвернуть лицо от этого ужаса и даже извернуться корпусом в сторону.

Дверь в коридор была широко открыта, ключ все еще торчал в замке. Кэл стояла на пороге, прислонившись спиной к косяку, палец ее правой руки лежал на выключателе. Она дышала тяжело, как после быстрого бега. На ней до сих пор было белое концертное платье, а поверх — распахнутое черное бархатное пальто. Кэл с ужасом и изумлением смотрела немного выше и мимо Франца. Затем ее палец оторвался от выключателя, колени подогнулись, и она стала медленно опускаться, держа тело совершенно прямо. Спиной она по-прежнему опиралась на косяк, плечи были развернуты, подбородок высоко поднят, а полные ужаса глаза ни разу не моргнули. В конце концов она села на пятки, как обычно садятся знахарки, ее глаза еще шире раскрылись, теперь уже от праведного гнева, она вздернула подбородок еще выше (в общем,

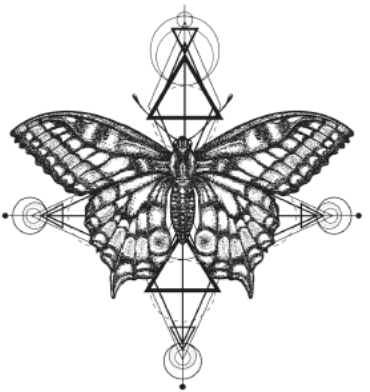
приняла до омерзения профессиональный вид) и резким голосом, которого Франц никогда раньше у нее не слышал, произнесла:

— Во имя Баха, Моцарта и Бетховена, во имя Пифагора, Ньютона и Эйнштейна, Бертрана Рассела, Уильяма Джеймса и Юстаса Хейдена — изыди! Все дисгар-моничные и неупорядоченные образы и силы — вон отсюда!

Не успела она договорить, как бумаги, наваленные вокруг Франца (при свете стало видно, что они *действительно* искрошены), с хрустом поднялись, хватка на его руках и ногах начала слабеть, и он, яростно дергая наполовину освобожденными конечностями, смог рвануть к Кэл. Где-то на середине ее эксцентричного экзорцизма бледные клочки резко затрепыхались, их стало в десять раз больше, и Франца уже ничто более не удерживало, теперь он полз сквозь густую бумажную метель.

Мириады, как казалось Францу, обрывков с шелестом оседали вокруг него на пол. Он положил голову на колени Кэл, все так же сидевшей прямо на пороге — наполовину в комнате, наполовину в коридоре, — и вытянулся, тяжело дыша. Одной рукой он обхватил ее за талию, а другую вытянул, насколько смог, как будто отмечал на ковре точку

самого дальнего своего броска. Он почувствовал успокаивающее прикосновение пальцев Кэл к своей щеке, другой рукой она рассеянно смахнула клочки бумаги с его куртки.



Глава 29

Франц услышал встревоженный голос Гуна:

— Кэл, с тобой все в порядке? Франц!

А потом и Сола:

— Черт возьми, что случилось с его комнатой?

Затем снова Гун:

— Боже мой, такое впечатление, будто всю его библиотеку пропустили через шредер!

Но Франц видел только их ботинки и ноги ниже колен. Очень странно. Появилась и третья пара ног — в коричневых джинсах и довольно маленьких поношенных коричневых ботинках; это, конечно же, Фернандо.

Дальше по коридору открылось несколько дверей, и оттуда высунулись головы. Тотчас подъехал лифт, откуда торопливо выскочили Доротея и Бонита с озабоченными лицами. Но Франц смотрел не на друзей, не на управительницу с дочкой и не на соседей. Он с изумлением уставился на десяток, если не больше, пыльных картонных коробок, три старых чемодана и небольшой сундук, аккуратно стоящие вдоль стены холла напротив чулана уборщиков.

Сол опустился рядом с ним на колени, со зна-

нием дела пощупал пульс на запястье, приложил ладонь к груди, легким прикосновением оттянул веки, чтобы проверить зрачки (и все это молча), и, лишь закончив осмотр, ободряюще кивнул Кэл.

Франц, превозмогая крайнюю усталость, вопросительно посмотрел на него. Сол непринужденно улыбнулся.

— Знаешь, Франц, — сказал он, — Кэл умчалась с этого концерта, как… Как летучая мышь, вырвавшаяся из ада. Вышла на поклон с другими солистами, дождалась, пока поклонится дирижер, тут же схватила свое пальто — представь себе, она принесла его на сцену во время второго антракта и положила на скамейку прямо рядом с собой (я не стал дожидаться завершения концерта и передал ей твое сообщение еще в первом антракте) — и умчалась бегом прямо через зал. Ты думал, что оскорбил слушателей, когда ушел с самого начала. Поверь, это ни в какое сравнение не шло с тем, как с ними обошлась она! В следующий раз мы увидели ее уже на улице, когда она остановила такси, выскочив перед ним на проезжую часть. Если бы мы промешкали хоть минуту, она уехала бы без нас. Но и те секунды, которые ушли у нас на то, чтобы добежать до машины, она посчитала пустой тратой драгоценного времени.

— Потом она снова удрала, когда мы выскочили из такси (я решил, что заплатит Сол, а он — что я), и водитель бросился за нами с ором. Мы оба вернулись, — продолжил, полуобернувшись, Гун. Он вошел в комнату и остановился перед огромным сугробом бумажных обрывков и раскиданного барахла, как будто не решаясь потревожить его. — Когда мы вошли в подъезд, она бежала вверх по лестнице. Оказывается, она на бегу вызвала лифт, он спустился почти сразу, и мы поехали на нем, но она все равно нас опередила. А скажи-ка, Франц, — спросил он, указывая пальцем, — кто нарисовал мелом большую звезду у тебя на стене над кроватью?

Не успел прозвучать этот вопрос, как Франц увидел, что маленькие коричневые обшарпанные ботинки решительно прошагали по бумажному снегу. Фернандо снова громко постучал по стене над кроватью и заявил, повернувшись ко всем собравшимся:

– *Hechiceria ocultado en muralla!*

— Колдовство спрятано в стене, — громко перевел Франц, скорее чтобы, по-ребячьи наивно, показать друзьям, что он здоров, чем для того, чтобы объяснить им суть сказанного.

Фернандо поднял палец, как бы объявляя

«Сейчас я все покажу», и вышел из комнаты, осторожно протиснувшись мимо остававшихся в дверях Кэл и Франца. Он быстро прошел по коридору мимо Доротеи и Бониты, остановился перед дверью чулана и обернулся. Гун, с любопытством следовавший за ним, тоже остановился.

Смуглый перуанец указал на закрытую дверь, потом на аккуратно сложенные коробки, сделал пару шагов на цыпочках, для убедительности согнув колени («Я достал их оттуда и сделал это очень тихо»), вынул из кармана брюк большую отвертку, засунул ее в отверстие для ручки, повернул и, потянув, открыл черную дверь, а затем, выразительно взмахнув отверткой, шагнул внутрь.

Гун сунулся туда следом за ним и, глядя внутрь, стал рассказывать Францу и Кэл:

— Он полностью освободил каморку. Боже мой, как же здесь пыльно! Знаете, там даже маленькое окошко есть. А сейчас он присел на корточки у той самой стены, по которой стучал с другой стороны. В нее, оказывается, встроен внизу маленький неглубокий шкафчик. С дверцей. Интересно, для чего? Для электрических пробок? Чистящих средств? Розеток? Ума не приложу. А теперь он подцепил дверцу отверткой и открыл.

Будь я проклят!..

Он отступил в сторону, пропуская Фернандо. Тот с улыбкой триумфатора нес в вытянутых руках тонкую серую книжку довольно большого формата. Нагнувшись к Францу, Фернандо театральным жестом открыл находку и протянул ему. Взметнулось облако пыли.

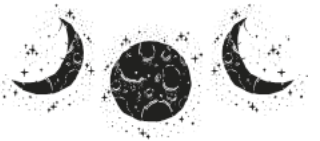
Разворот, на котором случайно открылась книга, был сверху донизу покрыт непрерывными строчками аккуратно, но неровно нанесенных черных астрономических и астрологических знаков и других загадочных символов.

Франц неуверенно потянулся к тетради, но тут же резко отдернул руку, как будто боялся обжечь пальцы.

Он узнал почерк — тот же, каким было написано проклятие.

Это могло быть только то, что упоминалось в «Мегаполисомантии» и дневнике Смита (B) под названиями «Пятидесятикнижие» или «Великий шифр», — тетрадь-гроссбух, которую Смит однажды увидел, являвшаяся важным компонентом (A) проклятия, спрятанная здесь почти сорок лет назад старым Тибо де Кастри, для того чтобы сработать в точке опоры (0) по адресу (Франц взглянул на табличку на своей двери и вздрог-

нул): отель «Родос», номер 607.



Глава 30

На следующий день Гун, по настоятельной единодушной просьбе Франца, Кэл и Сола, сжег «Великий шифр», перед этим тщательно сфотографировав все страницы. Впоследствии он неоднократно загружал содержание в свои компьютеры, позволил нескольким семантикам и лингвистам изучать его разными методами, но никто не смог ни на шаг продвинуться во взломе шифра, если эта писанина являлась таковым. Недавно он сказал друзьям: «Похоже, Тибо де Кастри создал нечто вроде математического блуждающего огонька — многообещающий на вид, на деле же бессмысленный набор совершенно случайных чисел». Для заполнения тетради действительно использовалось ровно пятьдесят символов. Кэл напомнила, что пятьдесят — общее число граней всех пяти пифагорейских (или платоновых) тел. Но когда ее спросили, что же из этого может следовать, она лишь пожала плечами.

Поначалу Гун и Сол размышляли, не мог ли сам Франц изодрать все свои книги и бумаги во время какого-нибудь кратковременного психотического припадка, но позже пришли к выводу, что он

не смог бы этого сделать, во всяком случае не за столь короткое время. «Вся бумага и картон были размельчены буквально на волокна, как пакля».

Гун сохранил несколько образцов странного конфетти — «обрезки неправильной формы, средней ширины (три миллиметра)». Ни одна, даже самая совершенная, машина для уничтожения документов не производила подобных отходов. (А это, в свою очередь, снимало подозрения в причастности к происшествию со шредера Гуна и всяких других якобы изобретенных итальянцами машин.)

Гун также разобрал бинокль Франца (призвав на помощь своего друга-оптика, который, помимо всего прочего, исследовал знаменитый хрустальный череп и тщательно развенчал сложившуюся вокруг него легенду), но они не нашли следов присутствия хоть каких-то дополнительных приспособлений. Заслуживала внимания лишь тщательность, с которой были разбиты линзы и призмы. «Еще одна кучка пакли?»

В подробном описании всего происходившего, составленном пришедшим в себя Францем, Гун обнаружил серьезную неувязку.

— Спектральные цвета в лунном свете просто невозможно разглядеть: у колбочек сетчатки для

этого не хватит чувствительности.

— Подавляющее большинство людей никогда не видело зеленого луча от заходящего солнца, но это явление бесспорно существует, — с излишней резкостью ответил Франц.

— Во всем, что говорят сумасшедшие, найдется толика смысла, можете не сомневаться, — вставил Сол.

— Сумасшедшие?

— Ну да, все мы.

И он, и Гун по-прежнему обитали в доме 811 по Гири-стрит. С параментальными феноменами они больше не встречались (во всяком случае, пока).

Там же обитало и семейство Луке. Доротея держала существование чуланов в секрете, особенно от владельцев дома.

— Если они узнать о них, то заставить меня как угодно сдавать их, — говорила она.

На пару с Кэл она в конце концов восстановила историю действий Фернандо. Все оказалось до смешного просто: однажды, переставляя в каморке коробки, чтобы втиснуть туда что-нибудь еще, он заметил у самого пола маленький, низкий, встроенный в стену очень неглубокий шкафчик, и факт существования этого шкафчика застрял у

него в памяти *(«Misterioso!»).* И когда на «Миста Хестон» (так Фернандо называл Вестена) напали призраки, он об этом вспомнил, а дальше следовал подсказкам интуиции. В шкафу, судя по пятнам на дне, когда-то хранились полироли для мебели, латуни и обуви, но потом почти сорок лет там лежало одно лишь Пятидесятикнижие.

Трое Луке и прочая компания (всего девять с дамами Гуна и Сола — как раз подходящее число для классической римской вечеринки, заметил Франц) однажды все-таки устроили пикник на Корона-Хайтс. Ингрид, которую привел Гуннар, была такой же высокой и светловолосой, как он, работала в Агентстве по охране окружающей среды и делала вид, будто «Музей для юношества» произвел на нее большое впечатление. А рыжеволосая, маленькая Джоуи, подруга Сола, диетолог, была глубоко увлечена местным самодеятельным театром. Теперь, когда зимние дожди окрасили Хайтс в зеленый цвет, холм сделался совсем другим, и тем удивительнее оказалось напоминание о мрачных чудесах недавних времен: по пути они встретили двух маленьких девочек с сенбернаром. Франц слегка побледнел, увидев их, но быстро взял себя в руки. Бонита немного поиграла с девочками, мило притворяясь, будто ей это

нравится. В целом они приятно провели время, но никто не полез на Кресло епископа и не стал рыться под ним в поисках следов старого погребения. Позже Франц заметил: «Иногда я думаю, что в основе всего пара… сверхъестественного лежит древний завет не тревожить старые кости».

Он попытался снова связаться с Джейми Байерсом, но телефонные звонки и даже письма остались без ответа. Позже он узнал, что богатый поэт и эссеист в сопровождении Фа Лосюи (и, по-видимому, Ширли Сомс) уехал в длительное кругосветное путешествие.

— В конце любой повести о сверхъестественных ужасах кто-нибудь обязательно отправляется проветриться в кругосветном круизе, — несколько натянуто, с кислым видом пошутил он. — Взять хотя бы «Собаку Баскервилей» и тому подобное. Все же очень хотелось бы узнать, от кого, кроме Клааса и Рикера, он получал сведения. Но, возможно, и к лучшему, что я больше туда не лезу.

Теперь они с Кэл снимают квартиру чуть дальше по Ноб-Хилл. Хоть они и не поженились, Франц клянется, что больше никогда не будет жить в одиночестве. С того дня он ни разу не ночевал в комнате 607.

О том, что Кэл услышала и увидела (и сделала)

в тот день, она рассказывала сама:

— Поднявшись до третьего этажа, я услышала крики Франца. У меня был с собой его ключ. Вокруг него, как водоворот, кружились клочки бумаги. Франц лежал посередине, а на нем стояло нечто вроде жесткой, тощей колонны с отвратительной верхушкой. И тут я закричала (почему-то вспомнив отца) первое, что пришло в голову. Столб разлетелся на куски, как мексиканская пиньята, куски, в свою очередь, рассыпались в мелкие хлопья, включившиеся в бумажную бурю, которая очень быстро улеглась, как… Как снежинки на луне. Представляете, на полу оказался слой бумаги в несколько дюймов. Как только Сол передал мне послание, я поняла, что должна попасть к Францу как можно скорее, но только после того, как мы сыграем Бранденбургский концерт.

Франц думает, что именно Пятый Бранденбургский концерт и последующие быстрые действия Кэл каким-то образом спасли его, но не строит никаких теорий насчет того, как именно это произошло. Кэл по этому поводу ограничивается странной фразой: «Я думаю, нам повезло, что у Баха был математический склад ума, а у Пифагора — музыкальный».

Однажды, пребывая в зловредном настроении, она предположила:

— Знаешь, таланты, приписываемые «молодой полячке, любовнице отца де Кастри» (и его таинственной даме?), в точности соответствовали бы характеристикам существа, полностью состоящего из разорванных оккультных книг на многих языках: удивительное владение языками, несравненное, просто до жути, мастерство в секретарском деле, обычай разлетаться на части, как взрывающаяся кукла, черная креповая вуаль в горошек и тому подобное; добавим еще безжалостность ночного хищника, обладание мудростью, которая восходит аж к Древнему Египту, виртуозность по части эротики (вот тут я немного завидую) и в довершение всего — глубочайшее понимание культуры и искусства…

— Самая настоящая мертвая хватка, — перебил ее Франц и поежился.

— А ведь ты ласкал ее с головы до пяток, перед тем как уснуть, — с оттенком злорадства продолжала Кэл, — говорил ей нежные речи. Вот и неудивительно, что она возбудилась.

— Я всегда знал, что рано или поздно нас с нею застукают. — Франц попытался отделаться шуткой, но, когда закуривал сигарету, было видно,

что его рука слегка дрожит.

Некоторое время Франц внимательно следил, чтобы на кровати не оставались книги или журналы. Но буквально на днях Кэл обнаружила, что у стены выстроились в неровную линию сразу три книжки. Она не стала прикасаться к ним, но рассказала об этом Францу.

— Я не знаю, удастся ли мне еще раз одолеть эту штуку, — сказала она, — так что будь осторожнее.

И еще Кэл изредка напоминает, что ничего нельзя знать заранее.

